ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В XVII–НАЧАЛЕ XX вв.

Ч.Г. АНДРЕЕВ

О ТОВАРНОМ НАПРАВЛЕНИИ СКОТОВОДСТВА КОРЕННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

Во второй половине XIX в. скотоводство аборигенов Восточной Сибири в значительной степени было втянуто в рыночные отношения. Основными рынками сбыта мяса и продуктов скотоводства у забайкальских бурят были: местные заводы, золотые прииски, расквартированные здесь войска. Мясо в замороженном виде вывозилось в соседнюю Иркутскую губернию и на Амур, а скот сбывался также в Китай. Забайкальские буряты Хоринского ведомства ежегодно продавали быков и яловых коров гуртами в 10–30 голов за наличные деньги без посредников.

Буряты Иркутской губернии сбывали мясо и продукты животноводства содержателям многочисленных постоялых дворов, расположенных по Московскому тракту, почтовых и обывательских станций, а также на всех базарах, существовавших в русских крупных селах. Мясо и сало также поставлялось на Олекминские и Витимские золотые прииски, находившиеся в Якутской области. Из бурятских улусов поступали на рынок «сырые скотские кожи, которые обрабатывались в изделия на местных кожевенных предприятиях (от 35 до 50 тыс. кож в год) и отчасти вывозились на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарку» (Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963. С. 370).

Товарное производство развивалось и в скотоводческом хозяйстве якутов. Последние в начале XX в. ежегодно сбывали в Бодайбо и другие золотые прииски около 60 тыс. голов рогатого скота. По трем южным уездам Якутии в 1917 г. забивалось в среднем 100 тыс. голов скота для продажи на рынке. Продукты животноводства вывозились не только на прииски, но и в города и обменивались в самих якутских улусах. Ежегодная продажа населению продуктов животноводства в среднем (данные 1911 г.) характеризовалась следующими цифрами: 60 тыс. голов скота, что составляло 360 тыс. пудов мяса; 15 тыс. пу-

дов масла, 32 433 шт. кож (Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1291, оп. 84, д. 94, л. 8).

У хакасов связь с рынком осуществлялось, в значительной степени, за счет продажи рогатого скота. В 1909–1910 гг. было продано 25 022 голов КРС, а овец — 24 135 голов. Хакасы являлись поставщиками рабочих лошадей для всего Минусинского округа и ближайших золотых приисков, при этом средняя лошадь стоила 20–30 р. В начале XX в. хакасское скотоводство выбрасывало ежегодно на рынок мяса и других продуктов на сумму более 2 миллионов р. До середины XIX в. хакасы стригли овец 1 раз в год (апрель–май). В конце XIX в. овец стали стричь еще и в начале сентября. Весенняя шерсть стоила по 3–6 рублей за пуд, осенняя шла до 10 р. (Государственный архив Республики Хакасия (ГАРХ), ф. И.-2, оп. 1, д. 344, л. 6). В начале XX в. козье молоко почти не употребляли и держали в основном из-за мягкого пуха, идущего на собственные нужды и на продажу.

Товарное направление приняло и сенокошение. Как отмечали современники, заготовлять большие запасы сена хакасов заставляет обилие скота, опасение снежной зимы и выгодные условия сбыта сена в Минусинск, Абаканский солеваренный завод, ближайшие прииски. Очень много сена продавали буряты. Основными сенными рынками для них являлись г.г. Иркутск, Верхнеудинск, Кяхта, отчасти Чита и Нерчинск, а также многочисленные постоялые дворы, расположенные на всем протяжении Московского, Якутского и Ундургинского торговых трактов. В конце XIX в. иркутские буряты Кудинского и Капсальского ведомств ежегодно продавали 916,7 тыс. пудов сена, или 63,2% валового сбора. Причем буряты сбывали в большинстве случаев утужное сено, которое отличалось высоким кормовым качеством и в некоторой степени заменяло овес.

Развитие товарно-денежных отношений, связь с рынком вынуждало полуфеодальную верхушку коренного населения приступить к интенсификации своего хозяйства, вводить новшества в традиционных отраслях. В конце XIX в. некоторые хакасские баи стали заводить небольшие конные заводы, выписывать для улучшения местного коневодства производителей английской, русской рысистой и кузнецкой пород. Для породистых заграничных рысаков строили специальные конюшни. Такие лошади покупались хакасскими баями в Красноярске, Кузнецке и Томске по 70–80 р. Из 100 лошадей в хозяйстве продавались обычно 10–20 голов. В начале XX в. в хозяйстве богатых хакасов В. Алексеева и Н. Четверикова развели мериносовую породу овец. Здесь стадо мериносов, ввезенное в 1910–1911 гг. в количестве около 9 тыс. штук, возросло до 42 тыс. в 1916 г. (Бутанаев В.Я. Со-

циально-экономическая история хакасского аала (конец XIX–начало XX вв.). Абакан, 1987. С. 32).

В 1895 г. забайкальские буряты С. Добданов и Н. Дамдинов совершили поездку в Европейскую Россию для ознакомления с правильным ведением молочного хозяйства и приготовлением сыров. Они осмотрели «фермы в Тверской, Ярославской и Вологодской губерниях, где в качестве рабочих на практике познакомились с приемами правильного ухода, выкармливания и содержания молочного скота, а потом тщательно изучили способ приготовления различных сортов масла и сыров» (Рук. Фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, инв. № 709. Л. 20). После возвращения домой они немедленно приступили к организации молочных ферм «Торгового дома П.А. Бадмаева». В мае 1896 г. впервые в Забайкалье были открыты две фермы: одна вблизи Хоринской Степной думы, другая — около Читы. В 1908 г. забайкальский бурят Б.Д. Очиров открывает в Агинской степи первое в области кредитное товарищество. Последнее вскоре было преобразовано в потребительский кооператив, который по инициативе Очирова выписывает породистых производителей (коров и лошадей) для улучшения местных пород, устраивает показательную ферму.

Чтобы увеличить товарность животноводства, богатые якутские хозяйства С.Г. Барашкова (Восточно-Кангаласский улус), П.А. Афанасьева (Дюпсинский улус), В.П. Слепцова (Таттинский улус), М. Суздалова (Намский улус) и других стремились улучшить содержание и особенно породность скота, ввозя из центра жеребцов и быков — производителей для метисации. В 1914 г. в Олекминском и Якутском округах насчитывалось около 400 комолых животных, в 1915 г. в Олекминском округе уже было «трудно отыскать в больших хозяйствах местной породы животных без помеси комолого скота» (Государственный архив Читинской области, ф. 56, оп. 3, д. 419, л. 86). В Якутском округе в хозяйстве В.В. Кардашевского (Восточно-Кангаласский улус) из 300 лошадей около 200 было улучшенной породы.

Порой, представители коренного населения обращались с просьбами к местным властям оказать содействие в их хозяйственных инициативах. Характерна в этом отношении докладная записка начала XX в. богатого иркутского бурята Н.А. Ханхасаева из Верхоленского уезда. Последний просил власти организовать среди бурят курсы по молочному хозяйству. Ходатайствовал, чтобы в улусе Шохтой открыли случный пункт от конного завода, отпускали по более низкой цене племенных поросят из Жердовской сельскохозяйственной школы. В записке указаны все товарные направления бурятского скотоводческого хозяйства.

Полуфеодальная верхушка коренного населения проявляла хозяйственную инициативу и в орошении земель, которые использовались для скотоводства. Например, в 1891 г. на средства хакасских баев Асочакова и Чудогашева был построен водный канал от р. Есь до села Аппахов. За пользование каналом население платило деньги баям. В 1912 г. бай Доможаков провел канал из р. Уйбат, и 1 дек. орошаемой земли продавал за 10 р. (ГАРХ, ф. И-5, оп. 1, д. 37, л. 11).

В.В. АНДРИЯНОВ

ОЛЕНЕВОДСТВО У МАЛЫХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

В середине XIX в. основная часть забайкальских эвенков проживала в Баргузинском округе, охватывающем Северобайкалье и Баунтовскую тайгу. По разработанному губернатором Сибири М.М. Сперанским «Уставу об управлении инородцев Сибири» с 1822 г. всех «инородцев» Сибири разделили в зависимости от условий жизни и хозяйства на три главных «разряда»: оседлых, кочевых и бродячих. Различие в правовом положении кочевых и бродячих эвенков состояло лишь в том, что кочевые получили в пользование определенные земли, где они обитали, с установленными границами и разделением по участку. Бродячим разрешалось «на занимаемой ими полосе переходить для промыслов из уезда в уезд и из губернии в губернию без всякого стеснения» (Карлов В.В. Эвенки в XVII–нач. XX вв. М., 1982. С. 96).

В XIX в. с введением новой формы управления и развитием товарных отношений началось расслоение эвенкийского общества, хотя патриархально-родовые традиции сдерживают процесс социального неравенства. Наблюдается резкая имущественная дифференциация: в руках меньшинства сосредотачивается масса наличного скота, развивается интенсивная торговля скотом.

К середине XIX в. товарные отношения развивались и упрочнялись, окончательно поставив эвенкийское хозяйство в прямую зависимость от российского капиталистического рынка. В этот период разбогатевшие на пушной торговле скупщики, поставившие торговлю мехами на широкую ногу, создали постоянно действующие круглый год торговые пункты, к которым тяготело экономически зависящее от них эвенкийское население.

Все это подрывало маломощное хозяйство эвенков. Охотники попадали в кабалу, получая от купца в кредит товары и боеприпасы. Долги передавались по наследству к следующим поколениям эвенков. Если раньше пушная охота не имела такого существенного значения в хозяйстве, то теперь она превратилась в ту отрасль, которой уделялось основное внимание. Жизнь эвенков осенью и весной в основном подчинялось нуждам пушной охоты.

Охота на крупного мясного зверя, продолжая сохранять свое значение для эвенков как источник мясной пищи, отступило на второй план, стало по отношению к пушной охоте подчиненным, хотя и излюбленным занятием.

Только рыболовство, приходившееся на время, когда пушной промысел невозможен (весна, лето и наиболее холодное время зимы), и эвенки оседло жили на зимних стойбищах, сохранило свое место и удельный вес в комплексном хозяйстве эвенков. Однако А.С. Шубин пишет, что «к началу XX в. пушной промысел перестал быть ведущей отраслью всего комплексного хозяйства эвенков, но его роль в их хозяйстве все же осталось значительной. Доход от пушного промысла по отношению к общему доходу от хозяйства у забайкальских эвенков составлял до тридцати процентов…» (Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). Улан-Удэ, 1973. С. 25).

Оленеводство до XIX в. имело важное значение в хозяйственной деятельности эвенков. На охоте олень применялся как средство передвижения, а также для транспортировки к стойбищу промысловой добычи, при перекочевке стойбища с одного места на другое. Передвигались эвенки на охоте верхом на олене. А необходимый груз перевозили вьючным методом, для чего применялось седло. Большим подспорьем служил олень в быту эвенков. Использовалась в пищу мясо оленя, из шкуры и меха изготавливались одежда, обувь, головные уборы, рукавицы. Жирное оленье молоко служило хорошим напитком. Вся кочевая жизнь эвенка проходила с оленем. Олень воспевался в эвенкийских песнях, легендах, преданиях. Он имел множество названий (до 25) в зависимости от возраста, окраса, характера поведения, назначения в работе. За многие века использования оленя в производственной деятельности и повседневной жизни эвенки выработали необходимые умения и навыки в обращении с этим животным, его сохранении и размножении.

Одним из распространенных несчастий для семьи эвенка был падеж оленьего стада от какой-либо болезни животных, чаще — эпизотии, против которой оленеводы были практически беспомощны. Потеря оленьего стада или его части была равна бедствию. Без не-

обходимого числа оленей эвенк не мог осваивать на промысле обширные территории, перевозить своевременно добычу, транспортировать при перекочевках домашний скарб с одного места на другое. С потерей оленей он лишался и других важных преимуществ. В таких случаях эвенк становился бедным охотником, сочетая не всегда удачный пеший промысел с рыболовством.

К XIX в. оленеводство в хозяйственной жизни эвенков стало занимать второстепенное место и служить исключительно целям передвижения. Пользуются оленем не как упряжным, а как верховым и вьючным животным.

Эпидемия сибирской язвы в конце девяностых XIX в. унесло в Северобайкалье и Баунтовской тайге огромное стадо лошадей и оленей. О последствиях этой эпидемии П. Малых писал: «Многие эвенкийские семьи надолго утратили основной элемент хозяйства — оленеводство, а без оленей они не могли в достаточной мере охотиться. Несколько стал меняться уклад орочона — ему приходилось жить тем, что даст пушной промысел и работы на стороне. Орочон появился на прииске — стал готовить дрова, косить сено, а нередко и мыть золото. Вольный сын тайги сказался прикрепленным к месту работы тяжелой и непривычной для него» (Малых П. Орочоны Баргузинской тайги // Жизнь Бурятии. 1924. № 6. С. 4). Размеры оленьего стада у эвенкийских семей Северобайкалья и Баунта были незначительны, в среднем 15–20 голов на хозяйство. Были и богатые семьи, это шуленги, родовые начальники, в стадах которых было до 300 оленей.

В начале XX в. существование небольшой прослойки крупных оленеводов при очень низкой обеспеченности оленями основной массы эвенков означало, что у них произошел процесс имущественного расслоения, связанный с проникновением товарных отношений в их промыслово комплексное хозяйство. Экономической основой господства родовой знати и богатых эвенков являлась собственность на крупные стада оленей. Если бедные семьи имели до 10 оленей, а 20% всего населения не имели вообще оленей, то у богатых их численность доходила до триста голов. Собирая пушнину с окружающего эвенкийского населения — они отвозили ее на ярмарки, где обменивали ее на большое количество товаров и съестных припасов, которые затем меняли на меха в стойбищах своих менее обеспеченных родственников и соседей. Хорошая обеспеченность оленным транспортом позволяла им завозить в тайгу товары в достаточном для обмена количестве.

Широко практиковался наем «половинщиков» и пастухов из числа обедневших сородичей. Располагая большим стадом оленей, богатые эвенки весьма охотно отдавали их безоленным на сезон про-

мысла за оплату пушнины. Теперь вся добытая пушнина, а также шкуры крупных зверей и домашних оленей идут на продажу.

С середины XIX в. в Баргузинской тайге развивается золотодобывающая промышленность, которая значительно повлияла на жизнь тунгусов. Освоение золотодобытчиками места обитания тунгусов привело к сокращению приплода и ухода эвенков в более отдаленные места.

В начале XIX в. хозяйство забайкальских эвенков было в упадочном состоянии, традиционное хозяйство эвенков претерпело значительные изменения.

А.И. БОЛЬШАКОВ
М.Д. КУШНАРЕВА

ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

Северо-восточная Сибирь традиционно являлась регионом пушного промысла, который развивался на базе естественных пушных ресурсов края. К пушно-промысловым районам Иркутской губернии относились ее северо-западная часть по верхнему течению р. Нижней Тунгуски и северо-восточная часть, расположенная по среднему течению р. Витим. Наличие в промысловых районах Иркутской губернии полноводных рек с гористыми берегами создавало благоприятные условия для обитания соболя. Для низменных пространств с относительно мягким климатом характерны были крупные особи со светлой шерстью. Северные, гористые районы определяли распространение темных соболей с блестящей шерстью, высоко ценимых в пушной торговле. Отсутствие тундровой зоны в промысловых районах Иркутской губернии исключало возможность обитания песца.

Температурный режим Якутии, смена зональной растительности с юга на север и наличие полноводных рек, определяли существование на территории промысловых районах края уникальных видов пушных животных. Песец в пушной торговле в зависимости от распространения на территории северо-восточной Сибири, подразделялся на два подвида: якутский и новоземельский. При этом в пушной торговле наибольшим спросом пользовался якутский белый песец. Основной промысловый район добычи песца в северо-восточной Сибири был расположен в тундровой зоне Якутской области по берегам р. Колымы и ее притокам. На Командорских островах Берингова моря

обитал особый вид песца, который отличался большими размерами и преобладанием голубой окраски. Лисицу можно условно разделить на 4 вида по окраске меха: красную, сиводушку, крестовку и черно-бурую. Лисица обитала на всей территории северо-восточной Сибири за исключением тундры.

Белка населяла всю лесную зону северо-восточной Сибири и подразделялась на ряд видов в зависимости от качества меха и окраски: якутская, ленская, телеутка.

Анализ разных источников позволяет сделать вывод, что в лесных промысловых районах доход коренного населения от «белкования» составлял 75-90% всего дохода от охоты. (РГИА, ф. 1265, д. 109, л. 15–17).

В размещении пушных ресурсов в северо-восточной Сибири наблюдается закономерность повышения качества меха внутри одного промыслового вида по мере удаления ареала его распространения с запада на восток и с юга на север. Подобное размещение пушно-промысловых ресурсов на территории северо-восточной Сибири определяло характер промысла, соотношение различных направлений и специализации внутри него, расположение промысловых районов.

Организация пушного промысла представляет собой сочетание способов добычи животных и приемов объединения труда лиц, участвующих в промысле. Она выражается в выборе целесообразных методов и орудий охоты, соответствующего времени и места промысла. Проникновение товарно-денежных отношений в отдаленные промысловые районы обусловило преобладание артельной формы организации пушного промысла. Классическая артельная форма, основанная на принципах равенства, не обремененная долговыми обязательствами перед кредиторами, давала участникам большие преимущества, которые прямо вытекали из особенностей пушного промысла. Между участниками артели заключалось соглашение на определенный период для достижения конкретных целей. Основным предметом соглашения были сроки охоты, правильное исчисление которых влияло на решение вопросов о количестве необходимого провианта и иных припасов. Каждый член артели имел комплекс прав, касавшихся раздела добычи после окончания промысла. (РГИА, ф. 1265, оп. 3, д. 68, л. 53–58).

Проникновение капитала в пушной промысел коренного населения северо-восточной Сибири обусловило появление во второй половине XIX в. новой формой организации промысла — найм промысловиков агентами крупных пушных фирм. Фирмы или ее агенты кредитовали охотников необходимыми товарами под залог будущей продукции.

Во второй половине XIX–начале XX вв. в северо-восточной Сибири широко распространяется индивидуальный выход на промысел и организация небольших артелей. Интенсивное развитие индивидуального промысла коренным населением стало возможным благодаря открытию в населенных пунктах казенных магазинов, лавок купцов, где каждый охотник мог самостоятельно купить необходимое ему снаряжение. Процесс индивидуализации промысла расширял экономическую свободу охотников. Одновременно происходило обременение индивидуального промысла кредиторской задолженностью.

Приоритетным направлением промысловой деятельности коренного населения северо-восточной Сибири являлся беличий промысел. Охота на белку осуществлялась как отдельными охотниками, так и небольшими артелями. Основными самоловными орудиями беличьего промысла были плашки и петли (силки). В конце XIX–начале XX вв. промысел белки и соболя осуществлялся главным образом с помощью ружья и собаки. Огнестрельное оружие в пушном промысле во второй половине XIX в. использовало коренное население тех районов, где наиболее был развит товарообмен. В начале XX в. ружье для охотников стало более доступным. Для снабжения населения боеприпасами были построены пороховые погреба, склады, магазины в Якутске, Олекминске, Нижнекалымске, Верхоянске, Абые, Булуне, Усть-Янске. (Высочайше утвержденное мнение Комитета Министров «О снабжении бродящих тунгусов и якутов хлебом, порохом и свинцом от Правительства». ПСЗ РИ. Т. 26, № 25528).

Чрезвычайно сложно определить количество пушнины, добытой коренным населением северо-восточной Сибири. Исследование пушной торговли на летней Якутской ярмарке в совокупности с данными частной официальной статистики позволяет проанализировать главные тенденции развития пушного промысла коренного населения северо-восточной Сибири, определить объемы добытой им пушнины. Высокие темпы развития пушного промысла в северо-восточной Сибири имели место в 1881–1895 гг. Данный процесс был детерминирован факторами экономического, социального и экологического характера. Укрепление рыночных связей северо-восточной Сибири, проникновение товарно-денежных отношений в отдаленные промысловые районы обусловили повышение интенсивности промысла коренным населением. Истощение естественных пушных ресурсов на фоне быстрого развития промысла наблюдается в начале XX в., когда на ярмарки поступает все больше пушнины, добытой вне промысловых сроков с мехом низкого качества. В 1902–1903 гг. наблюдается некоторый рост добычи промысловых животных. В 1910–1917 гг. от-

мечаются кризисное явление в развитие данной сферы экономической деятельности коренного населения северо-восточной Сибири.

Н.Н. БЫКОВА

«СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ» КАТОРЖАН АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЦЕНТРАЛА В НАЧАЛЕ XX в.

Александровская центральная была каторжной тюрьмой, и физический труд был обязателен для ее заключенных. Однако полно занятости каторжан не было в силу местных условий: вблизи тюрьмы не было заводов и промыслов, а тюремные мастерские не были рассчитаны на большое количество арестантов. Поэтому после утренней поверки, уборки камер, чая с ржаным хлебом многие каторжане оставались в камерах и были предоставлены сами себе: читали, писали, обсуждали разные вопросы, спорили, чинили одежду, уголовники же, в основном, играли в карты на деньги.

Политические каторжане Александровского централа были убеждены в своей значимости и необходимости для дальнейшего продолжения революционной деятельности. Это давало им силы и надежды, с одной стороны, чтобы выжить, с другой — чтобы использовать «свободное время» с целью обогащения новыми знаниями, которые могли служить теоретической базой для революционной борьбы. Уверенность же в грядущей революции вселяла настоятельную необходимость в учебе. Кроме того, потребность в учебе можно объяснить тем, что число неграмотных каторжан, особенно среди уголовных, было немалым.

Организация и проведение учебной, культурно-воспитательной и идеологической работы выполнялась членами Коллектива политических каторжан. Эту работу условно можно подразделить на ряд направлений: занятия в школе; самообразование; подготовка и чтение публичных лекций; проведение дискуссий; работа кружков; библиотечное дело; журналистика и издательская деятельность; культурные мероприятия.

Освоение знаний каторжанами проходило в разных формах: групповых и индивидуальных. Известно, что в Александровской тюрьме работала школа, открытая в начале 1908 г. по настоятельному требованию политических каторжан. Она была организована для неграмот-

ных и малограмотных арестантов. Официально образованием и нравственно-религиозным воспитанием каторжников занимался тюремный священник отец Иннокентий Писарев. Однако, учителями здесь работали сами заключенные. Были разработаны специальные программы, по которым строились циклы обучения. В школе изучались такие предметы как письмо, чтение, арифметика, т.е. обучение проводилось в объеме начальной школы. Занятия проводились в две смены: с 8 ч утра до 11 ч дня и с 13 ч до 16 ч дня. Такой режим был обусловлен тем, что школа вмещала лишь небольшую группу, т.к. школа размещалась в тюремной камере. Тем не менее, тюремная школа давала возможность обучиться грамоте — каторжане учились читать и писать. Из данных, приведенных бывшим политкаторжанином Александровского централа, можно сделать вывод, что около 50% всех каторжан обучавшихся в тюрьме, занимались именно по программе начальной школы (Ульянинский В. Учеба на каторге: 1907–1917 гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 5. С. 113–114). Большинство участников восстаний в армии и на флоте, участников так называемых аграрных выступлений были неграмотными либо малограмотными, поэтому большая их часть и была учениками начальной школы. Что же касается уголовных каторжников, то в тюрьме их обучалась около четверти.

В период ужесточения тюремного режима, когда тюремная школа была закрыта, большое значение имели «групповые» занятия, проводившиеся в разных камерах. Одни из них давали «азы» начальной школы — русский язык, арифметику и т.д., другие были уровнем выше, здесь преподавались этнография, география, история, политэкономия. Кроме того, создавались группы каторжан для изучения и более сложной, углубленной программы, разделы которой предполагали изучение различных иностранных языков, сложных математических, физико-химических циклов, освоение философских, социальных, биологических наук.

Одним из условий успешной учебы в тюрьме была организация «политических» камер. Там, где уголовные и политические каторжане находились в одной камере, занятия были очень затруднены из-за шума, частых столкновений и пр., возникавших в результате разных интересов этих двух категорий заключенных Александровского централа. Поэтому политические каторжане боролись за выделение их в особые камеры. Здесь действовал строгий распорядок дня, где часть суток отводилась для занятий и на это время устанавливалась тишина. Однако полной тишины достичь было практически невозможно, т.к. при каждом движении арестанта раздавался кандальный звон, да и разговор нескольких человек, даже вполголоса, превращался

в постоянный шум. Необходимо отметить большую заинтересованность многих заключенных в получении разнообразных знаний от сокамерников. И вместе с тем каторжане уделяли много времени самостоятельному изучению проблем.

Многие занятия проводились в виде лекций, бесед, диспутов. Разнообразие форм изложения учебного материала давало возможность усвоения не только познавательного процесса, но и воспитания революционного мировоззрения каторжан. На этом участке работы шла упорная классовая борьба. С одной стороны, большевики преподносили своим слушателям материал с точки зрения марксизма-ленинизма, разоблачали оппортунизм меньшевиков, реакционность теорий народников и анархистов. С другой стороны, представители мелкобуржуазных партий делали свое дело — обрабатывали слушателей в духе своих партийных программ. На этой почве между представителями различных политических партий возникали горячие и острые дискуссии. Такая форма занятий предполагала защиту своей точки зрения, которая должна была быть аргументирована, а это требовало от дискутирующих значительного теоретического багажа. Следовательно, дискуссии выполняли как познавательную, так и агитационно-пропагандистскую функции и последняя нередко приводила к политической переориентации каторжан.

Кроме перечисленных форм обучения необходимо назвать такие как подготовка и выступление перед аудиторией с лекциями, рефератами. Известно, что И.А. Теодорович прочитал цикл лекций по теории и истории научного социализма. Он был интереснейшим человеком, являлся членом ЦК РСДРП(б), участвовал в работе Стокгольмского и Лондонского съездах, поэтому рассказывал очень много интересных фактов, акцентируя внимание на вопросах борьбы между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и троцкистами, с другой. И.А. Теодорович был человеком всесторонне развитым и это подтверждает тот факт, что им были прочитаны лекции по истории русской литературы. Кроме И.А. Теодоровича большую роль в учебном процессе играли лекторы: А.И. Беленец, А.Л. Борчанинов (Чайкин), В.А. Жданов, А.П. Станчинский (Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1984. С. 144).

Каторжане, имевшие среднее или высшее образование, уделяли большое внимание углубленной самостоятельной работе с научной литературой, изучению иностранных языков. Примером такой формы обучения могут служить тюремные записки политического каторжанина В.И. Бушуева, позволяющие судить о том, насколько был широк

диапазон изучаемых предметов. В трех томах были выполнены конспекты по различным отраслям знаний в объеме более чем 1,5 тыс. страниц. Основное место отведено конспектам по русской истории (с первых упоминаний до 1910 г.), по истории древних веков (Греция, Египет, Финикия), по новой истории (Литва, Польша). Составлены многочисленные списки литературы по истории, праву, обществоведческим вопросам. Кроме того, Василий Ионович занимался экономической теорией, разными разделами физики (движение, свет, звук, теплота, спектральный анализ и др.), математикой (ГАИО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 286. Т. 1. 192 л.; Т. 2. 288 л.; Т. 3. 284 л.).

Кроме перечисленных выше форм обучения в Александровском централе была распространена и кружковая работа. Небольшие группы, по 8–10 человек, образовывали кружки, где обсуждались, как правило, вопросы политического и идеологического характера. Из фамилий руководителей кружков известны такие, как П.М. Никифоров, А.Г. Рогов, Д.Д. Тахчогло, Е.А. Трифонов (Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1984. С. 150).

Среди политических каторжан многие были бывшие военные, осужденные за участие «в явном восстании». И здесь, в тюрьме, они думали о победе революции и были убеждены, что организованные военные части сыграют в этом решающую роль. Поэтому считали необходимым проводить подготовительную работу в тюрьме среди рядового и командного состава. И такая работа, в виде военных курсов, была организована в Александровском централе летом 1913 г. Эти курсы получили название «школы прапорщиков». Известно, что на курсах обучалось 12–15 человек, среди них Ю. Грюнберг, Дьяконов, И. Иванов, И. Кашин, А. Маевский, И. Мазуркевич, П. Михайловский, Ф. Облогин, Е. Тимофеев, В. Ульянинский, П. Фабричный, М. Шилов (Краковецкий А. Военное дело на каторге: Из воспоминаний об Александровском централе // Каторга и ссылка. 1922. № 4. С. 110). Преподавателями в этой группе были политические каторжане А. Краковецкий и Г.В. Пирогов. Занятия «прапорщиков» проходили в общей камере № 7, располагавшейся во втором корпусе главного тюремного здания на нижнем этаже. Программа курсов была очень разнообразной, занятия проводились по следующим дисциплинам — военная география, стрелковое дело, стратегия, тактика, топография, фортификация. Вместе с тем, эта школа помогала политическим каторжанам лучше ориентироваться в вопросах внутренней и внешней политики России. Занятия имели успех, и для подготовки к ним в библиотеку было выписано значительное количество книг и журналов военного профиля.

Большое значение в деле обучения и просвещения каторжан имела тюремная библиотека, которая была открыта 1906 г. по многочисленным просьбам политических каторжан. Заведовал ею священник, библиотекарями работали политические каторжане. Первоначально планировалось организовать при библиотеке читальню с тем, чтобы книги арестантам в камеры не выдавать. А это было бы гарантией сохранности книг. В дальнейшем от этих планов отказались. Сам же книжный фонд был составлен из литературы оставленной госпиталем, который располагался в Александровском централе в течение всего 1905 г. Кроме того, часть книг была получена от смотрителя тюрьмы и священника. В 1906 г. книгохранилище тюремной библиотеки насчитывало немногим более 1,5 тыс. книг. Большая часть этих книг была религиозного характера, хотя имелись в небольшом количестве журналы, беллетристика, труды научного плана и иностранная литература. В дальнейшем фонды библиотеки значительно увеличились и насчитывали почти 9 тыс. книг.

Воспоминания бывших политических каторжан, долгое время работавших в тюрьме в библиотеке, помогают дать обзор работы библиотеки и показать численность ее читателей. Прибывая в тюрьму, политические заключенные приносили с собой книги, как правило, политического содержания. И в первое время существования библиотеки все книги, и казенные и собственные, заносились в общий каталог с пометкой «кому» книга принадлежала. В более позднее время фонды библиотеки были поделены на две части — два каталога, — книги собственные и книги казенные. Среди собственных были книги запрещенных авторов, в том числе В. Ленина, К. Маркса, Ф. Меринга, Г. Плеханова, В. Чернова (ГАИО. Ф.Р. 1406. Оп. 3. Д. 214. Л. 246). Такие книги, неразрешенные для чтения в тюрьме, записывались в каталог собственных книг под измененным названием, а чаще всего вклеивался титульный лист любой разрешенной книги. Таким образом, она становилось легальной, но выдавалась, конечно же, не любому читателю. Ведь абонентами библиотеки были не только политические каторжане. Но иногда администрация тюрьмы обнаруживала и уничтожалась нелегальную литературу. Так, 1 августа 1912 г. Комитет Александровской центральной каторжной тюрьмы, просмотрев каталог тюремной библиотеки, постановил изъять и подвергнуть уничтожению 52 экземпляра книг, как нежелательных по своему содержанию для чтения заключенных, в этом числе: К. Маркс «Капитал» тт. 1, 2, В. Зомбарт «Современный капитализм», М.И. Туган-Барановский «Основы политической экономии», К. Каутский «Экономическое учение К. Маркса», К. Каутский «Из истории общественных тече-

ний», Ф. Энгельс «Философские статьи» (ГАИО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 129. Л. 3–4). И, несмотря на такие «книжные облавы», нелегальная литература в тюрьме была и ее изучали многие политические.

Однако читателями библиотеки были не только политические каторжане, но и уголовные, и служащие тюрьмы. Интересы этих категорий людей были различны. Так, политических каторжан, в большей степени, интересовала литература политического характера, научная и иностранная. Уголовники, в большинстве своем, читали «занятную книжонку» с целью «скоротать время», поэтому наибольшим спросом этой категории читателей пользовались авторы легкого приключенческого жанра. Классика и научная книга занимала их очень редко. Третья категория читателей, по своим интересам и потребностям, недалеко уходила от второй, и даже как отмечает П. Фабричный «надзиратели, в общем, менее разбирались в книге, чем средний читатель из уголовных» (Фабричный П. Грамота и книга на каторге // Каторга и ссылка. 1922. № 3. С. 195).

Кроме того, библиотека выполняла и роль центра как организационной, так и политической жизни Александровской каторги. Особенно в первые годы своей работы библиотека была в полном смысле трибуной, клубом, школой политических каторжан. В ее стенах собирались, делали доклады, читали лекции, рефераты, выступали оппоненты. В 1909–1910 гг., в то время, когда в библиотеке работали В.А. Жданов и Н.А. Снегульский, здесь было сосредоточено все делопроизводство Коллектива политических каторжан Александровского централа. В периоды ужесточения тюремного режима связь с камерами (общими и одиночками), вольной командой, больницей осуществлялась через библиотеку.

Несмотря на организацию и проведение занятий в тюрьме, богатую библиотеку, политические каторжане стали создавать свою специфическую тюремную литературу в виде рукописных журналов. Среди политических Александровского централа было немало людей образованных, культурных, талантливых. Они не могли молчать и мириться со своим тяжелым и унизительным положением в тюрьме. Вместе с этим, им были не безразличны и вопросы общественно-политического характера. Поэтому их литературная и художественная деятельность, в большинстве своем, находила выражение в форме рукописных изданий. Известно, что политический каторжанин Н.А. Снегульский был человеком творческим и одним из первых стал писать стихи на те или иные тюремные явления и общественные темы. Кроме того, он рисовал карикатуры, в которых высмеивал тюремную администрацию, а также самого себя и своих товарищей.

В 1908–1909 гг. в Александровском централе выходил рукописный журнал, его редактором был Н.А. Снегульский (Зильберштейн Я., Плесков В. Тюремные журналы // Учеба и культработа в тюрьме и на каторге. М., 1932. С. 188). Для журнала Саур (псевдоним Н.А. Снегульского) писал стихи на тюремные злобы дня. Как правило, свои стихи он сам же и иллюстрировал. Известный побег-прорыв 10 апреля 1908 г. послужил поводом для ужесточения режима в тюрьме. После этого побега повсюду в тюремных коридорах были установлены железные решетки. Этот факт не мог не остаться незамеченным Сауром. Им было написано в сатирической форме стихотворение «Решетка». Но сатира была горькой, так как в центре внимания находился кузнец-каторжник. Ведь именно он сооружал эти решетки. И по сути своей кузнец сооружал их для самого себя и своих товарищей по несчастью.

В 1911–1912 гг. в Александровском централе издавался общетюремный рукописный журнал «Тюремная мысль» с участием значительного числа политических и даже уголовника, редактором которого был М. Константинов. В номерах этого журнала был помещен рассказ Н.А. Снегульского юмористического характера — «Коля и Колька», статья В.А. Жданова «Воспоминания о Каляеве», статья о кризисе II Интернационала, статья по этике и ряд тюремных воспоминаний (ГАИО. Ф.Р. 1406. Оп. 3. Д. 214. Л. 256).

В 1916 г., в Александровской тюрьме выходил рукописный альманах «Звенья» (Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1984. С. 207). Журнал передавал общие настроения политических заключенных. На его страницах были помещены стихотворения Е.А. Трифонова, которые проникнуты ненавистью к царским палачам и верой в торжество революции. Эти чувства разделяло все многочисленное политическое население Александровского централа. Кроме рукописных изданий, так называемого «самиздата», политические каторжане изыскивали возможности печататься в официальной периодике.

С началом войны администрацией тюрьмы было разрешено каторжанам получать газеты и общаться с Иркутском по телеграфу с целью получения информации о военных действиях. Выбирая, обобщая и анализируя эту информацию, политические каторжане стали издавать ежедневный бюллетень с обзором военных действий. Эти бюллетени обходили все тюремные камеры, в том числе и уголовные, пользовались большим интересом у всего населения Александровского централа.

Таким образом, находясь в изоляции от внешнего мира, вдали от своих родных и близких, арестанты Александровского централа

не падали духом. Они постоянно думали о воле и любую свободную минуту использовали для своего образовательного роста, необходимого для дальнейшей политической борьбы.

В.Н. ГОЛЯТО

ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В ГОДЫ ВОЕННЫХ РЕФОРМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Крымская война показала, что старая русская армия изжила себя. Она не могла уже выполнять те задачи, которые перед ней ставило правительство. Страна нуждалась в многочисленных вооруженных силах и подготовленном ополчении, пусть с забытыми, но первоначально закрепленными военными навыками, которое можно было призвать на службу в случае войны. Старый принцип комплектования вооруженных сил не позволял создать такую армию. Поэтому необходим был закон, который позволил бы решить эту проблему. Этим законом стал закон «О воинской повинности».

Дальнейшие преобразования в Забайкальском казачьем войске связаны с введением этого закона. Еще в 1870 г. император указал Военному министру, что отнесение воинской повинности по существу 1870 г. узаконением возлагалось на сословия мещан и крестьян. Значит, часть русских подданных была освобождена от воинской повинности. Поэтому для преобразования устройства военных сил Империи приказываю немедленно приступить к составлению предложений о более совершенном способе пополнения войск, с привлечением к воинской повинности всех сословий. Все предложения были представлены и сведены в документ, который назывался «Устав о воинской повинности», подписанный и утвержденный 1 января 1874 г. Согласно данному уставу призыв новобранцев в армию осуществлялся по новым правилам. В уставе сказано: «Воинской службою обязано все население Империи, денежный выкуп или замена охотником не разрешается. Воинская служба признана почетной, потому что к ней не допускаются лица лишенные всех прав состояния». Начиная с 1875 по 1881 гг., общеобязательная и личная воинская повинность была применена ко всем казачьим войскам, и выработаны новые положения об их службе.

Положение о воинской повинности казаков было утверждено в 1875 г. для Донского войска (Устав о воинской повинности Донского

казачьего войска), а потом было применено и к другим казачьим войскам. В Забайкальском войске новый порядок отбывания воинской повинности был введен с 1 июля 1878 г. Кардинальным образом был изменен весь процесс несения службы казаками. В статье первой устава говорилось: «Мужское население..., как издавна призванное всецело к священной обязанности защищать Престол и Отечество, подлежит без различия состояния, воинской повинности». Статьей второй был отменен денежный выкуп от службы и замена охотниками, а в статье третьей было определено, что казаки «отбывают воинскую повинность с собственным снаряжением и на собственных лошадях...». По новому положению в военно-административном отношении войско разделялось, по прежнему, на три отдела: первый и второй конные и 3 пеший, по численности в четыре раза превосходивший каждый из конных. Конные отделы выставляли в мирное и военное время все конные и конно-артиллерийские части, а пеший отдел — пешие батальоны.

Управление Забайкальской конно-артиллерийской бригады, учебный конный дивизион и пеший батальон были упразднены и вместо них с 1 июля 1878 г. Забайкальское войско выставляло в мирное время, сформированные вновь. Первый конный полк шестисотенного состава, два батальона пятисотенного состава и две конно-артиллерийских батареи четырехорудийного состава; в военное время: три конных полка шестисотенного состава, шесть батальонов пятисотенного состава, три конно-артиллерийских батареи шестиорудийного состава. Строевые части и команды получали провиантское, приварочное и фуражное довольствие от казны. Казаки служили на собственных лошадях, имея свое снаряжение и обмундирование. Беднейшим казакам выдавалось пособие из станичных сумм, образованных денежным сбором с казаков, освобожденных по неспособности от службы. Размер сбора определялся приговором станичных обществ, но не более 15 р. в год. Для поддержания в исправном состоянии обмундирования, казаки, состоявшие в частях первой очереди, получали ремонтные деньги: конные 21 р. 45 к., пешие 11 р. в год.

Комплект служащих офицеров в войске был уменьшен. Офицеры всех первоочередных частей войска находились на службе постоянно. Офицеры, не получившие назначение по нарядам, ежегодно утверждаемых приказами по округу, командировались в распоряжение войскового начальства, числясь в своих частях. В мирное время офицеры в строевых частях содержались по штату. Порядок отбывания казаками воинской повинности был установлен следующий: все войско делилось на 2 категории: служилый состав и войсковое ополчение. Служилый состав мог быть призван как в мирное, так и в

военное время. Войсковое ополчение только в случае «чрезвычайных обстоятельств военного времени» оно созывалось высочайшим манифестом и включало в себя «всех способных носить оружие лиц войскового сословия, кроме числящихся в служилом составе».

Служилый состав войска был разделен на три разряда: приготовительный, строевой и запасный. В приготовительном разряде казаки заводили обмундирование. Казаки строевого разряда комплектовали строевые части в мирное и военное время. Казаки запасного разряда пополняли убыль в строевых частях и формировали особые части и команды только в военное время.

В 18 лет казаки присягали и начинали общий двадцатилетний срок службы, поступая в приготовительный разряд, где подготовляли в течение трех лет снаряжение, обмундирование и лошадь, при чем в первый год они освобождались от всех повинностей. В двадцать лет, находясь на последнем году в приготовительном разряде, каждый казак заносился на станичном сборе доверенным от общества в первый очередной список своей станицы. Интересен механизм формирования данных списков. Кандидаты на действительную службу заносились в них под порядковым номером /1, 2, 3.../. Под последними номерами записывались фамилии тех, чье имущественное положение было бедственным, либо призывник являлся единственным кормильцем в семье. Это распространялось и на те семьи, в которых более двух членов семьи уже находились на действительной службе нижними чинами. Ежегодно атаман отдела отправлял в станицы наряд на действительную службу, где было определено число призывников. Все находящиеся в первоочередных списках ниже этого числа (нижепредельные) освобождались от службы и зачислялись в льготные полки. К примеру, станичный атаман составил список из 35 человек, а наряд пришел на 25, т.е. те, кто был записан под номерами с 26 по 35 включительно от действительной службы освобождались. В случае если выходец из бедняцкой семьи попадал на службу, но не мог приобрести все необходимое, ему выдавалось пособие, образованное денежным сбором с неспособных к службе казаков.

Подготовка к военной службе становилась более основательной. Ежегодно казаки, которым на 1 января года призыва исполнялось 20 лет, проходили с апреля по сентябрь военные сборы при строевых частях. Их медицинское освидетельствование было обязательным. В возрасте 21 года казаки зачислялись в служилый разряд. Служба в нем делилась на действительную и льготную. Действительная служба проходила в строевых частях, где казаки, прошедшие на нее по спискам служили четыре года. Строевые части содержались за счет

казны и получали от нее довольствие и фураж. На льготной службе казаки находились дома. Ее смысл заключался в том, что, находясь дома, казак имел все необходимое, чтобы в случае мобилизации прибыть в сборный пункт. Льготная служба была двух категорий: второй и третьей очереди. Разница между ними заключалась в том, что при мобилизации сначала призывались казаки второй очереди, а затем третьей. Казаки, не попавшие на действительную службу (нижепредельные) зачислялись в льготные части 3 очереди сверх штата. В 25 лет, отслужив 4 года в первоочередных полках, вышепредельные отпускались на льготу и вместе со сверстниками нижепредельными зачислялись на 4 года в льготные части 2 очереди. При этом они были обязаны иметь в исправности: обмундирование, снаряжение и лошадь. В 29 лет все казаки (вышепредельные и нижепредельные) перечислялись на 4 года в льготные полки третьей очереди с обязательством содержать в исправности только обмундирование и снаряжение, а лошадь лишь при объявлении мобилизации.

Следовательно, из 12 лет нахождения в строевом разряде «вышепредельные» казаки обязаны были пробыть 4 года на действительной службе в строевых частях и остальные 8 лет на льготе, числясь только на бумаге в составе льготных частей. Артиллеристы — в льготных батареях, конные — в льготных полках, пешие — в льготных батальонах. «Нижепредельные» все время числились в льготных частях и только один раз призывались на лагерный сбор.

В 33 года казаки перечислялись на 5 лет в запасной разряд с обязательством содержать только седло, а снаряжение, обмундирование и лошадь заводить при мобилизации. Казаки запасного разряда предназначались для пополнения убыли в рядах в военное время, а в мирное время назначались сторожами на Карийские промыслы, в Читинскую пожарную команду, к дому наказного атамана, к магазинам различных войсковых учреждений, взамен прежних внутренне-служащих. Наконец, в 38 лет казаки выходили в отставку и могли быть призваны только в ополчение. Учет казаков, числившихся в льготных частях 2 и 3 очереди, казаков запасного разряда и отставных вели в станичных правлениях, в управлениях

Таким образом, к началу 1880-х гг. в Забайкальском казачьем войске сложился соответствующий требованиям времени порядок прохождения воинской службы. Отмена милиционного принципа комплектования войска, формирование первоочередных частей по общеармейскому принципу поднимало его боеготовность, открывало возможность более широкого применения казачьих соединений в изменившихся условиях ведения боевых действий. Новая военная

реформа наиболее органично сочетала, казалось бы, несовместимое. Казак оставался почти всю жизнь воином и мог успешно вести хозяйство, внося вклад в рост экономического потенциала страны. Выход на службу со своим снаряжением, за исключением огнестрельного оружия, уменьшал государственные расходы на военные нужды. Хочется отметить и подготовку казаков к службе. Освобождение от налогов давало возможность обзавестись всем необходимым, а 5-месячные сборы делали из юноши почти готового воина. Начало службы с 21 года было более приемлемым, так как организм человека сформирован как с физической, так и с психологической стороны. Молодой человек имел уже определенные взгляды, устойчивую психику, что позволяло ему быстро адаптироваться в новых условиях и успешно нести службу. Такая система имела и недостатки, которые отражались на боевой подготовке. Те казаки, которые служили в строевых частях, в военном отношении были подготовлены значительно лучше, чем те, которые все время находились на льготе, и призывались только в военное время, а их, надо отметить, было не мало. Отрицательным моментом также было разъединение управления на гражданское и военное. Это привело к тому, что часто они не могли согласовать своих действий и даже враждовали: Военная требовала от казачества только исправного несения военной службы, гражданская — взноса податей и повинностей. И та и другая не обращали внимание на интересы другой стороны, а в итоге страдали казаки.

Но в целом преобразования в ЗКВ были необходимы и имели положительное значения для формирования боеспособного войска.

С.В. ГУЗЕНКОВ

К ВОПРОСУ О ПРОЕКТАХ СТРОИТЕЛЬСТВА АНГАРО-ЛЕНСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПУТИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

Постановка вопроса о необходимости строительства Ангаро-Ленского пути восходит к началу XIX в. Еще в 1811 г. только, что учрежденному в Сибири XI Округу Путей сообщения была поставлена задача «озаботиться» решением вопроса о соединение рек Оби и Енисея, Ангары и Лены.

Вновь об этой транспортной проблеме заговорили в конце XIX в. Строительство и ввод в эксплуатацию Транссибирской железнодорож-

ной магистрали побудило правительственные круги, промышленников, предпринимателей обратить серьезное внимание на развитие подъездных путей к крупнейшей транспортной артерии России и предлагающих строительство узкоколенейных железных дорог. Проекты строительства, рельсовых путей, разрабатывались не только для центральных районов, но и ее отдаленных территорий. В поле зрения оказалась и Иркутская губерния, где обсуждался вопрос о возможности сооружения на ее территории Ангаро-Ленского железнодорожного пути.

Сторонники проекта считали, что проведение узкоколейки оживит «экономические силы края». Инженер А. Субботин, специально изучавший этот вопрос и представивший развернутую экономическую записку, опубликованную в 1897 г. полагал, что «рельсовое соединение» Ангары и Лены решит не только важную для данной территории транспортную проблему, тем самым, облегчая «административные сношения» с центром губернии, но и позволит говорить о более полном использовании «наличных производительных сил». Источником для их развития послужит заселение края.

Высказывались предположения о том, что устройство дороги, возможно, стимулирует разработку лесных богатств, источников минерального сырья, развития сельскохозяйственного производства. Существовало понимание того, что местных грузов для транспортировки крайне мало. Поэтому основной грузопоток — транзитный. Движение «тяжестей» с Ангары на Лену, как полагали, будет более интенсивным. Из округов Енисейской губернии к Усть-Куту возможно ожидать хлеб, из Иркутской губернии оборудование для золотопромышленных предприятий, «железные и чугунные», изделия мануфактурные и «европейские» товары. Поток же грузов обратном направлении — с Лены к Ангаре (скот, масло, кожа, пушнина) ожидался слабым и не мог принести существенного заработка.

Учитывалось еще одно обстоятельство. В условиях долгой северной зимы, взаимодействие водного и рельсового пути — невозможно, поскольку Лена и Ангара покрываются льдом. Путей к преодолению этого препятствия сторонники строительства не находили и считали его непреодолимым.

Вместе с тем подчеркивалось, что перевозка грузов железной дорогой должна дать не мало экономической выгоды. Перевозка гужевым транспортом, осуществляемая в настоящее время очень неудобна. Провозная плата высока даже для Сибири, что справедливо связывалось с не заселенностью территории и крайней «не устроенностью» грунтовых путей. В связи с возможным строительством узкоколейной железной дороги соединяющей Ангару и Лену

велось обсуждение вопроса, в каком направлении следует прокладывать путь.

Рассматривалось направление от Иркутска до Качуга, протяженностью 220–230 верст (проходит рядом с Качугским трактом). Несмотря на то, что колея может быть проложена рядом с Сибирской железной дорогой, что будет удобно для транспортировки грузов шедших в Приленкий край, поскольку трасса Иркутск-Качуг считалась «главным товарным путем», через который поступали грузы в Лено-Витимский район. Приводились серьезные доводы против этой линии.

Грузы и пассажиры, следовавшие с Енисея в Якутскую область, как полагал А. Субботин, будут по-прежнему пользоваться водным путем до Илимского волока, затем идти по неудобному перевалу до «первых вод» Лены. Если же часть этих грузов и повернет через Красноярск на железную дорогу к Иркутску и Качугу, то это для них будет кружной путь, притом грузам придется «спешить», чтобы застать весенний сплав на Лене. Считалось, что эта линия будет мало способствовать судоходству на Ангаре, поскольку подвозить грузы водным путем к Иркутску возможно только на участке выше порогов. Ключом к развитию судоходства явилась бы расчистка ангарских порогов, но это требовало громадных затрат (по расчетам 3 миллиона рублей). Направление Иркутск-Качуг приведет к тому, что движение грузов будет неравномерным. Основной их поток возможно транспортировать только весенним сплавом, летние тяжести будут «застревать».

Сбалансирование грузопотока возможно только при условии проведения руслоочистительных и дноуглубительных работ, а выполнения этих работ, будет стоить дороже, чем строительство железнодорожного пути.

Линия с Янды-Усть-Илга (120–130 верст) была также неудобна, хотя и самая короткая по протяжению. Если товарам из Иркутска предстояло две перегрузки, то грузы с Енисея и вовсе не попадали на эту дорогу из-за ангарских порогов, а со стороны железной дороги — дальнее расстояние и лишние перегрузки. Якутским товаром также предстоял «лишний» водный путь до Иркутска, что влекло за собой дополнительные затраты. Кроме того, и эта линия, как и направление Иркутск-Качуг, примыкала к Лене той частью, сплав грузов на которой был возможен только весной.

Изучались направления Ершово-Усть-Кут (60 верст) и Усть-Илим-Усть-Кут (290 верст). В пользу этих маршрутов свидетельствовало то, что они могли быть проложены по местности с удобным песчаным грунтом и являлись средоточением движения рабочих и грузов с Енисея на Ленские прииски и с Илима на Енисей. Однако невозможно

было не учитывать и существенных недостатков этих направлений. Они должны были быть проложены не только по мало населенной местности со сложными климатическими условиями, но, что еще более важно, обеспечивали проход лишь для меньшей части грузов идущих с Енисея, а также рабочих. Тяжести поступающие в Ленский край из Иркутской губернии (их как полагали, будет значительно больше), могли перевозить через гужевой волок на пристани в верховья Лены. Только расчистка ангарских порогов привлекало грузы на соединительный путь. Товары из Европейской России и Западной Сибири могли воспользоваться рельсовым путем от Ершова или Усть-Илима (от Красноярска на Ангару), но в этом случае они «терялись» для участка Иркутск-Красноярск Транссиба.

В 1894–1896 гг. Киренское городское общество внесло предложения построить узкоколенейную железную дорогу для соединения бассейнов рек Ангары и Лены. Трасса должна была проходить от с. Каймонова на Ангаре до Усть-Кута на Лене. И этот проект поддержки не получил.

Как наиболее перспективное направление рассматривалась трасса Намырь (Момырь) — Илимск-Усть-Кут протяженностью 270 верст. Обосновывая необходимость именно этого направления, А. Субботин доказывал, что линия примкнет к Лене в «очень удобном пункте», где начинается беспрепятственное плавание в течение всей навигации. Лена «притянет» к себе судоходную часть Илима, что создаст коридор для прохождения грузов с Енисея и Ангары, минуя порожистую часть реки.

Начало линии от Намыри (Мамыри) весьма удобно для транспортировки продукции с восточносибирских заводов и балаганского хлеба ввозимых в Ленский край.

Если же, «состоится» в будущем соединение посредством рельсового пути восточносибирских заводов с сибирской линией, то это будет не только продолжением существующей трассы, но и линией надежно связанной с «Главной Сибирской магистралью».

Иркутские грузы идущие в Приленский край будут двигаться по Лене равномерно, в течении всего «рабочего периода» и благополучно минуют неудобную часть фарватера, что существенно сократит затраты. Балаганский хлеб получит возможность «сэкономить» 528 верст пути по верхней Лене, а пойдет прямо через Намырь (Мамырь).

А. Субботин обращал внимание еще на одно обстоятельство. Основное движение грузов будет проходить весной и летом. В осенне-зимний период грузопотоки ожидаются незначительные, что покро-

ет лишь малую часть эксплуатационных расходов. В этих условиях предлагался единственный выход — прекращение работы железной дороги на зимний период (от 3 до 5-ти месяцев).

Были рассчитаны затраты на строительство узкоколейной железной дороги Намырь-Илим-Усть-Кут. Требовалась очень большая сумма строительного капитала 8100 тыс. р. (30 тыс. р. на версту пути).

Доходы от транзитных грузов от Ангары к Лене должны были по самым приблизительным расчетам составить 271 тыс. р. Объем же грузоперевозок определялся в 2000 тыс. пудов. Основная часть прибыли складывалась от транспортировки хлебов (зерна и муки) — 1300 тыс. пудов (65%). Она составляла 148 тыс. р. или (54,6%) заработка. На долю «европейских товаров» приходилось 300 тыс. пудов или 15% грузопотока. Доходы же устанавливались в 67 тыс. р. (24,7%). Считалось возможным транспортировать 100 тыс. пудов «железных изделий», что составляло 5% грузов и заработать 15 тыс. р. (5,5% от общих доходов). Не была исключена возможность перевозить «разные товары» и спирт, что также могло стать дополнительной статьей доходов (Субботин А. Экономическая записка по вопросу о соединении рельсовым путем рек Ангары и Лены. СПб., 1897. С. 49).

Транспортируя грузы от Лены к Ангаре (200 тыс. пудов) можно было надеется «заработать» 33 тыс. р. Прибыль могла принести перевозка меха (50 тыс. пудов) разных товаров, в том числе и золото (50 тыс. пудов), что составляла 50% грузопотока и принесло бы в бюджет предприятия 57,5% заработка (19 тыс. р.). Остальные 50% потока грузов приходились на масло, кожу, мамонтовую кость и другие товары (42,5% «выручки») или 14 тыс. р. Рассчитывали также заниматься перевозкой скота (1000 голов) и получить при этом 5 тыс. р. (Там же).

Предусматривалась и перевозка пассажиров. Предполагалось, что общая сумма доходов составит 505 тыс. р., тогда как расходы 655 тыс. р. Покрыть убытки в 150 тыс. р. можно с одной стороны увеличением количества перевозимых грузов, а с другой находить пути к снижению эксплуатационных расходов и прежде всего затрат на версту пути.

На состоявшемся в 1906 г. совещании о путях сообщения Сибири проходившем в Иркутске обсуждался и вопрос о проведении железной дороги соединяющей Ангару и Лену. Свои суждения по этому вопросу предоставил и известный сибирский пароходовладелец Н.Е. Глотов. Владея пароходно-транспортным предприятием, работающим в Лено-Витимском бассейне. Н.Е. Глотов, несомненно, разбирался в проблемах отрасли, прекрасно понимая, что без

развития транспорта не возможно серьезно говорить об экономическом развитии края.

Н.Е. Глотов считал крайне важным улучшить существующий грунтовый путь (Качугский тракт) и водное сообщение, чтобы установить более тесную связь и с приисками, и с Якутской областью, что позволит резко сократить провозные расходы. Выход из этой ситуации виделся промышленнику в устройстве узкоколейной или конной железной дороги. Причем последней он отдавал предпочтение, поскольку конная железная дорога не потребует значительных денежных затрат, т.е. строительство ее будет дешевле и не лишит местных крестьян заработка от перевозки грузов. Н.Е. Глотов предлагал провести дорогу от с. Больше Мамырского до Усть-Кута (250 верст). Аргументируя свой выбор он в частности писал о том, что река Лена от Усть-Кута вполне судоходна, удобен и фарватер Ангары от Иркутска до Большой Мамыри. Были рассчитаны затраты на проведение трассы сумма общего строительного капитала определялась в 4325 тыс. р.

В расходы включались работы по устройству железнодорожного полотна, закупку подвижного состава, обустройство и оборудование станций, учитывались и непредвиденные расходы. Если правительство найдет возможным использовать рельсы от Транссиба, Н.Е. Глотов такой возможности, очевидно, не исключал, то это удешевит, по его верному замечанию строительные работы.

1. Не безынтересно привести и некоторые статистические данные. Например, как полагал автор идеи потребуется найти 525 тыс. пудов рельс, из расчета 10 фун на 1 фут. Перевозки должны были выполнять 640 единиц вагонов и платформ курсирующим по 10 обустроенным станциям. Глотов Н.Е. — владелец срочного почтово-пассажирского пароходства по р. Лене и Витиму. (Докладная записка // Труды совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Иркутск, 1908. Т. 2. С. 95/310). Однако предложения Н.Е. Глотов поддержки не получили и проект не был реализован.

Проекты строительства Ангаро-Ленского железнодорожного пути существование в конце XIX–начале XX вв. — попытка решения важной транспортной проблемы для Иркутской губернии. Соединение Ангары и Лены рельсовым путем могло стать важным побудительным моментом для экономического развития отдаленных территорий губернии. Представленные проекты не были реализованы, (хотя понимание самой проблемы, бесспорно, существовало и у «деловых людей» и у чиновников), главным образом, из-за их высокой затратности и призрачной надежды на самоокупаемость, хотя бы частичной.

И.Л. ДАМЕШЕК
О.А. ЛЕВАНДОВСКАЯ

СИБИРЬ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ РОССИИ: УРОКИ ПРОШЛОГО

В 1908 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин, выступая в Государственной Думе с докладом по поводу строительства Амурской железной дороги, акцентировал внимание присутствующих на вопросе о положение восточной окраины. Он отмечал, что сибирский край, обладающий огромным запасом земельного пространства и природных ресурсов, представляет дикую, отдаленную суровую территорию, к которой применяется неблагозвучное название окраина, и сохраняется окраинная политика. Но рядом находится густонаселенное соседнее государство, которое не оставит эту страну пустынной. Он указывал, что при существующей в правительственных кругах «политической апатии к потребностям и нуждам края» вызывает беспокойство то обстоятельство, что в последнее время наблюдается проникновение иностранцев на наши восточные территории. Министр, предостерегая противников активной политики в регионе о нежелательных последствиях, призывает последних отказаться от традиционного взгляда на восточную окраину и приступить к немедленному освоению сибирского региона.

Спустя век, вопрос о роли и месте Сибири в составе российского государства не потерял своей актуальности. Как и сто лет назад, Сибирь не утратила значение «кладовой» российского государства, где хранится огромное состояние: лес, пушнина, золото, земельное пространство… Обладание же этими богатствами оказывается под угрозой, так как российское государство не располагает в полной мере экономическими, военно-политическими, демографическими средствами для укрепления своих позиций на восточных рубежах.

События 90-х гг. XX в., затронувшие, в том числе и экономическую сферу общества, привели к хозяйственному запустению этих территорий. Отсутствие рабочих мест заставляет жителей покидать родные места в поисках лучшей жизни. Но рядом не дремлет восточный сосед, для которого достаточно остро стоит земельный вопрос. Военно-политическая слабость российского государства, а также обширное свободное пространство, не может не раздражать Китай. Свой определенный интерес к Сибири проявляют и США. В отличие от Китая, США не нуждается в расширении своих владений в целях

избавления от «земельного голода». Гегемония США в экономическом, политическом отношении над другими странами проявляется в возрастании амбиций на лидирующее положение в мировом сообществе. Стратегический плацдарм на востоке отвечает задачам правительства США на пути расширения своего влияния на востоке. Интерес подогревается и мечтой о владении природными ресурсами этих территорий, с постепенным превращением их в колонию США.

Благодатной почвой для взращивания американской идеи о создании колонии на территории российской государства стали кризисные явления, которые проникли во все сферы жизни в регионах Российской Федерации. В условиях, когда центр не проявлял заботу о своих территориях, на окраинах зарождается опасная тенденция, как и вначале XX в., к проявлению идей об автономии. Первоначально, высказывания о возможном обособлении Сибири от России были единичными. Как правило, подобного рода заявления о переносе столицы на восток страны не встречали поддержки. Со временем, концепция автономного управления завладела умами прогрессивно настроенной части сибирского общества. Тогда и последовало предложение американского правительства о возможной продаже Сибири США. По мнению американского правительства, выгода этой сделки для российского государства была очевидной. Европейский центр получал необходимые средства для обустройства, а Сибирь обретала права, гарантированные американской конституцией. Однако реализация этого соглашения нарушал принцип незыблемости границ, территориальной целостности пределов российского государства. На повестку дня был поставлен вопрос об укреплении позиций России на восточных рубежах. Гарантией целостности и самого существования России в современных условиях становится могущественные и процветающие Сибирь и Дальний Восток.

В этом ключе изучение исторического опыта организации взаимоотношений центра и окраины в области управления, административного устройства приобретает несомненную общественно-политическую актуальную и практическую значимость.

Отдаленность Сибири от культурных центров европейской России, ее малонаселенность, местные особенности ставили ее в какое-то исключительное положение относительно остальной России. Администраторами посылались «отпетые люди», законы оставлялись архаические, в качестве почтенных реликвий (Вейсман Р.Я. Правовые запросы Сибири. СПб., 1912. С. 12). Правительство словно забыло о существовании своей окраины. В течение нескольких столетий не проводилось топографического исследования региона, вопросы экономического и политического развития Сибири оставались в забвении.

Сибирь в сознании жителя европейской России ассоциировалась со страной ссылки, где царствует зло, насилие, жестокость. В условиях отсутствия достоверных знаний о восточной окраине, на протяжении нескольких столетий российский обыватель делал самостоятельные попытки реконструировать собственный взгляд на место и роль Сибири в составе российского государства. В течение XIX в. география Сибири сохраняла свои прежние характеристики: необъятность пространства, определение границ по естественным преградам при отсутствии четких территориальных пределов, неточная интерпретация определения Сибирь. К концу XIX в. в связи с изменившимися экономическими и политическими условиями на окраине география Сибири расширяется. Вскоре определение Сибирь заменяется термином Азиатская окраина. Вводится в употребление термин «коренная Сибирь и ее окраины». Одновременно наблюдается тенденция к дальнейшему дроблению Сибири. После создания в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства от Сибири отделяется Дальний Восток.

Начавшееся освоение сибирского региона поставило царизм перед необходимостью упорядочения административных границ. Проведение границ было вызвано различными обстоятельствами. Однако методы, которыми руководствовалось самодержавие, не всегда были адекватными соответствующей геополитической ситуации.

На конец XIX–начало XX вв. приходится и пересмотр административно-территориального устройства восточной окраины. Основной характеристикой административно-территориальной организации оставалась произвольность территориального деления сибирского пространства, с присущей ему разнокалиберностью территориальных масштабов внутренних административных единиц, неравномерном размещении населения, этнической и хозяйственно-культурной чересполосицей. Пересмотр административно-территориального деления восточных территорий возник в связи с необходимостью расширения пределов империи на востоке. Схемы принятия решений в российской внутренней и внешней политике, как правило, учитывали роль и влияние пространства на ход прогнозируемых политических процессов. Так дробление крупных административно-территориальных единиц (выделение из Восточно-Сибирского генерал-губернаторства Приамурского генерал-губернаторства) являлось закономерным явлением, поскольку соответствовало задачам самодержавия в региональной политике. Проведение подобных мер, с одной стороны, гарантировало царизму успех в нелегкой борьбе с проявлением сепаратистских тенденций на окраинных территориях, а — с другой стороны, имея в распоряжении свободные пространства, власть избавлялась от «проблемы зе-

мельного голода в центральной России», обеспечивая стабильность и порядок в этой части империи. При реорганизации крупных административных единиц самодержавие учитывало степень влияния географических факторов на местоположение будущей административно-территориальной единицы, в то время как при преобразовании мелких административных единиц местная администрация, стремившаяся добиться более или менее сбалансированного соотношения территории, которую составляла административная единица и проживающего на ней населения, принимала во внимание демографический фактор. К отличительной особенности административно-территориальной организации Восточной Сибири можно отнести не соответствие в название области и административного центра.

Административное устройство Восточной Сибири отличалось неоднородностью, характеризуясь рядом особенностей. Административная система управления окраинами и в конце XIX в. включала черты централизации. Реформы в области управления проводились с запозданием. Отказываясь от коренного пересмотра системы управления восточными окраинами, царизм прибегал к методу постепенного совершенствования существующих учреждений.

В конце XIX–начале XX вв. для Восточной Сибири неразрешенной оставалась кадровая проблема. Качественный состав чиновников низшего и среднего звеньев управления не соответствовал необходимым требованиям, характеризуясь низким профессиональным и культурным уровнем последних. Подбор кандидатур на должность губернаторов и генерал-губернаторов осуществлялся не согласно действующим положениям закона, а зависел от различных объективно действующих обстоятельств, как политических, так и экономических.

Концепция самодержавия о создании единого административно-правового и культурного пространства потерпела крах, в условиях сохранения господствующего в течение нескольких столетий в европейской России взгляда на Сибирь как ссыльную территорию, с правами колонии, стремления самодержавия непременно сохранить генерал-губернаторское управления, как системы служившей гарантом спокойствия и порядка на этих территориях, а также игнорирования властью решение кадрового вопроса. В немалой степени реализация поставленных задач не представлялась возможной, поскольку требовалось активное участие чиновников всех уровней, что в ситуации незнания нужд и потребностей края и отсутствие заинтересованности в решении проблем окраины становилось невыполнимым мероприятиям. Неслучайно, принцип «для удобства управления» оставался в административной политике царизма господствующим.

А.В. ДРУЖИНИНА
Л.В. ШАПОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРКУТСКОЙ ТАМОЖНИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

В конце XIX–начале XX вв. Иркутск являлся крупнейшим торговым центром Восточной Сибири, товарно-распределительным и транзитным пунктом.

Иностранные товары, привезенные в Сибирь, как правило, через Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Благовещенск и Аян (Якутия), не могли попасть в Западную Сибирь или Европейскую Россию, минуя Иркутск и его таможню, которая была открыта в 1861 г. Иркутская таможня являлась внутренней, то есть товар, проходивший через нее, уже побывал на приграничных таможнях. Кроме того, таможня выполняла все функции «обрядности впускного пограничного учреждения». Необходимо отметить, что таможни восточнее Иркутска в годы Китайской и Японской кампаний бездействовали, поэтому Иркутская таможня работала в чрезвычайно напряженных и, часто, крайне неблагоприятных условиях.

Иркутская таможня располагалась на железнодорожном пути (Забайкальская железная дорога) и речном (река Ангара) из Забайкальской области в Иркутскую губернию и была подведомственна Контрольной и Казенной Иркутским палатам. Через таможню разрешался транзит русских товаров заграничным путем в другие таможни и из других таможен, транзитная отправка иностранных товаров в таможни внутренние и транзитная отправка через Россию товаров иностранных для дальнейшего вывоза за границу (ГАИО, ф. 153, оп. 1, д. 455, л. 9).

При Иркутской таможне существовала торгово-промышленная артель (1908–1910 гг.), которая осуществляла работу на городских казенных складах, подведомственных таможне, все работы над товарами по приему «на складку», предъявлению к досмотру и выпуску из ведения таможни. На рубеже веков через Иркутск проходило товаров на сумму 11,5 млн р., в том числе галантерейных и мануфактурных товаров на 8 млн р. В Якутию и Забайкальскую область из Иркутска было привезено товаров на сумму до 4,5 млн р., так что в Иркутске осталось и распределилось по губернии товаров стоимостью до 7 млн р. Это позволило взыскать пошлин с товаров, прошедших через Иркутск, на сумму 9,5 млн р. (Долгоруков В.А. Пу-

теводитель по всей Сибири и Азиатским владениям России. Томск, 1903–1904. Отд. I. С. 72).

Иркутск снабжал себя в большей степени товарами с запада. Товары шли из Европейской России (Москвы, Санкт-Петербурга, Ирбита), из Томска, а также из европейских стран. Номенклатура поступаемых товаров с Запада была совершенно отлична от ввозимых с Востока. Так, из Европейской России в Сибирь поставлялись мануфактурные товары, табак, спирт, сахар, керосин, кожевенные и железные изделия, галантерейные товары. Из Европы доставляли швейные машины, мебель, сахар, мануфактура, вино, пиво, модные товары, бархат, виноград, вино, ликер, коньяк, бумажные и шерстяные пряжи и ткани, железо, шерсть. Из Америки ввозили машины, земледельческие орудия, железные изделия, муку и другие продовольственные припасы.

Из соседних азиатских государств в Россию через Иркутск поступало большое разнообразие товаров. Из Китая ввозились чай, пошлина от которого в разные годы составляла 60–96% от общего размера (ГАИО, ф. 153, оп. 1, д. 794, л. 11), шелк, фарфоровая посуда, уксус, пастила, крупчатка, предметы одежды, белья и многое другое. Из Японии поступали рис, пшеница, соль, фрукты, галантерейные вещи, фарфоровая посуда с живописью, веера, платки, зонтики, шерстяные ткани, кожаная обувь, драгоценные камни, серебряные изделия. Корея, в основном, поставляла скот и продукты сельского хозяйства. Все эти товары приходили в Иркутск по железной дороге.

Размеры товарного потока, проходившего через Иркутск, постоянно менялись, о чем свидетельствуют данные таможни. Так, на рубеже веков наблюдалось его уменьшение на 5 млн р. Это происходило за счет сокращения торговых отношений между Россией и Китаем в связи с событиями внутри Китая (1899–1901 гг. — подавление Ихэтуаньского восстания и 1900 г. — оккупация Россией северо-восточных провинций Китая).

Накануне русско-японской войны внутренняя торговля в Сибири, в том числе и в Иркутске, развивалась повышенными темпами. Этому способствовали обильные урожаи, высокие цены на хлеб, необходимость обеспечивать продовольствием расквартированные в городах войска. Внешняя же торговля столкнулась со сложностями по перевозке товаров железнодорожным путем, так как дорога была занята перевозкой войск и военных грузов, регулярная торговля была нарушена. Во время войны 1904–1905 гг. через Иркутскую таможню значительно уменьшились и транзитные перевозки. В последующие годы на торговлю оказали влияние плохие урожаи, а также неблагоприятное воздействие политических событий в Китае, сопровождав-

шихся военной мобилизацией населения — масса производителей и потребителей была привлечена в ряды войск.

В последующие годы деятельность таможни не только не расширяется, а некоторых случаях даже сокращается. Так, в 1907 г. таможенного дохода поступило более 1 млн р., а в 1909 г. — только около 700 тыс. р. Только после того, как 1 июля 1910 г. при таможне был открыт завозной склад чаев для чайных грузов, идущих из таможен восточнее Иркутска, Иркутская таможня начала увеличивать свои операции. За первые четыре месяца 1911 г. поступлений разных сборов стало уже на 459 тыс. р. больше, чем за весь 1910 г. (ГАИО, ф. 153, оп. 1, д. 794, л. 40).

Первая мировая война так же оказала влияние на деятельность Иркутской таможни, на объемы проходимого через нее товара: в 1916 г. по сравнению с 1915 г. было привезено товаров по ценности меньше на 2151 тыс. р. Это объяснялось (как и в 1904–1905 гг.) ограничительными, по случаю военного времени, правилами приема частных грузов железной дорогой, обремененной перевозкой с Востока воинского снаряжения и предметов первой необходимости для целей государственной обороны. Такое сокращение привоза сказалось, главным образом, на чайных грузах. В конце 1916–1917 гг. передвижение этого товара с Востока сократилось так, что стал признаваться угрожающим «чайный голод».

Наряду с уменьшением привоза чайных грузов и совершенным закрытием западной сухопутной границы значительно увеличился привоз различных других, кроме чая, товаров с Востока. Если сравнивать статистические данные 1913 г. с данными 1916 г., то видно, что привоз с Востока разного товара, опять же кроме чая, выразился по ценности: в 1913 г. — 14 тыс. р., а в 1916 г. — 2469 тыс. р., то есть увеличился в 176 раз. Ввоз товаров с Запада, несмотря на непрекращающееся поступление в Иркутск, сократился в 1916 г. по сравнению с 1913 г. в 14 раз, соответственно 321 тыс. и 23 тыс. р. (Там же, л. 40).

Транзитная торговля не ограничивалась легальными возможностями. Часть товара провозилась контрабандой, главными статьями которой в конце XIX–начале XX вв. были: во-первых, в связи с введением в России винной монополии — маньчжурский спирт, который везли в Европейскую Россию, где он сбывался по очень высоким ценам, и, во-вторых, персидский опиум, провозившийся с такой же целью в Китай.

Некоторые торговцы на Дальнем Востоке, сразу после прекращения войны с Японией, закупив на большие суммы разных то-

варов, в короткое время распродали их преимущественно среди чинов действующей армии и причастных к ней лиц, которыми затем эти товары, несомненно, перевозились при возвращении их в Россию с их имуществом. Таким образом, возникло стремление к легкой наживе путем тайного провоза по железной дороге иностранных товаров значительными партиями. Несмотря на энергичное преследование контрабанды, незаконный провоз спирта и опиума с каждым годом принимал все больший размах. В течение года в среднем возникало до 200 дел по расследованию нелегального провоза товаров (Там же, д. 555, л. 36 об.). В 1916 г. в конфискационном производстве Иркутской таможни было зарегистрировано 270 случаев задержания контрабандных товаров на 55,2 тыс. р., из них в 188 случаях — спирт и опиум на общую сумму 54,6 тыс. р. (Там же, д. 794, л. 25 об.).

Больным местом для Иркутской таможни было ежегодное обслуживание временного таможенного надзора по приему, доставке и выпуску заграничных товаров, прибывающих на иностранных судах в устье Енисея Северным морским путем и по отпуску тем же путем вывозимых за границу русских товаров. В годы войны этот маршрут приобрел особое значение, которое не утратил и после войны. Многие европейские, западносибирские, забайкальские купцы, имеющие дела, связанные с Иркутском и его таможней держали здесь своих доверенных лиц: купцов, доверенных торговых фирм, представителей государственных учреждений, имеющих право сношения с таможней по таможенным делам. Так, нерчинский купец I гильдии Я.С. Андоверов доверял иркутскому мещанину С. Е. Шишкину «подавать объявления, платить пошлину лично и переводом под разные залоги, вносить залоги и получать обратно, обрезать купоны, получать товары, покупать чай и т.д.» (Там же, д. 260, л. 1). Доверенных лиц при таможне имели Товарищество «А.Ф. Второв и сыновья», коммерции советник М.Д. Бутин, «Товарищество чайной торговли Петра Боткина с сыновьями», Торговый дом «Вогау и К°» и другие. Крупными потребителями большинства товаров, привозимых через Иркутск был и Ленский край и Забайкалье, где было сосредоточено около 40% покупателей, остальные же потребители находились в непосредственной близости от Иркутска и очень малая часть — на западе от него.

Таким образом, в конце XIX–начале XX вв. Иркутская таможня выполняла важную роль в регулировании товарных потоков в западном и восточном направлениях. Образованная в середине XIX в., она значительно ужесточила контроль над привозимыми товарами.

А.В. ДЫХТА

ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРИ В 1850–1860 гг.

На всех этапах формирования территории России и организации последующего хозяйственного освоения, перед российским правительством в качестве одной из важнейших стояла задача поиска эффективного регулирования экономических отношений на присоединенных территориях. Взгляд на Сибирь как на стратегический важный в экономическом отношении регион, требовал от царского правительства юридического закрепления тех основных принципов, на которых оно основывало здесь свою экономическую политику. В связи с этим, одним из главных механизмов регулирования и упорядочивания экономических процессов в Сибири являлось законодательное оформление норм и постановлений в области социально-экономических отношений. Законодательные акты как отражение и собственно продукт юридической политики в азиатском регионе, играют особую роль в изучении этой проблемы. Их содержательное значение показывает реализацию в законодательной деятельности политико-управленческих подходов к регулированию экономики Сибири. Законодательство не только легализовало политические решения верховной власти, но и служило целям легитимации политики власти в столь отдаленном регионе.

Законодательные акты, содержащиеся в Полном Собрании Законов Российской империи, позволяют определить основные приоритетные направления экономической политики, характерные для Сибири в середине XIX в. Полное Собрание законов объединяет чрезвычайно разнообразный нормативно-правовой материал, относящийся к сибирскому региону, значительная часть которого относится к области экономического регулирования.

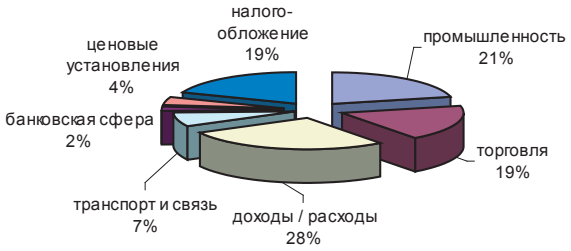
Изучение экономической политики в Сибири мы остановили на периоде с 1850 г. по 1860 г. Выбор именно этого этапа не случаен. Как известно, в 1855 г. власть в России переходит к новому императору — Александру II. Смена власти, как правило, предусматривает изменения во внутриполитическом курсе страны. В связи с этим, используя элементы компаративистского анализа, представляется возможным сравнить последний этап царской политики Николая I с первым пятилетием правления Александра II с тем, чтобы выявить

характерные закономерности и тенденции правовой регламентации экономических отношений в Сибири.

Общее число законодательных актов, изданных за исследуемый нами период по отношению к Сибири, составило 987 статей. Из этого числа 39% (253 статьи) относятся к управлению экономикой. Данные цифры свидетельствуют о том, что экономический аспект царской политики в Сибири имел большое значение, и являлся одним из приоритетных направлений в определении внутриполитического курса правительства по отношению к азиатскому региону.

Анализ законодательных актов позволяет сделать вывод, что рассматриваемый нами период не был отмечен серьезными экономическими преобразованиями в Сибири. По большей части изданные законодательные акты являлись мерами или полумерами в решении текущих вопросов по отдельным сферам экономики, которые издавались в форме постановлений и узаконений. При этом не было предпринято попыток коренного реформирования экономической системы Сибири.

Рассматривая статьи, посвященные экономической политике в Сибири, можно выделить основные сферы регулирования: налогообложение (система прямых и косвенных налогов), торговля, ценовая политика, доходы / расходы казны, промышленность, транспорт и связь, банковская сфера.Число узаконений, изданных для каждой из перечисленных сфер, не было одинаковым. Приведенная ниже диаграмма наглядно демонстрирует распределение законодательных актов по каждой из областей экономики в процентном соотношении.



На основании этих данных можно сделать вывод, что из 8 сфер экономики наиболее приоритетными являлись: доходы и расходы казны, промышленность, налогообложение и торговля. Однако, это вовсе не свидетельствует о том, что подобное распределение сохранялось на протяжении всего десятилетия, и что принципы управления сибирской экономикой оставались неизменными. Прежде всего, нужно отметить, что количество статей последнего пятилетия правления Николая I и первого пятилетия царствования Александра II

неодинаково. Если за 1850–1855 гг. в свет вышло 74 законодательных постановлений, регулирующих хозяйственно-экономическую деятельность, то за 1855–1860 гг. — уже 189. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, что с началом правления Александра II существенно активизируется деятельность правительства в области упорядочивания экономических отношений в Сибири.

Приход новой власти ознаменовал собой не только активизацию политики в сибирском крае, но и повлек за собой смену приоритетных направлений по отношению к различным отраслям экономики. За 1850–1855 гг. ведущим направлением в области законодательного регулирования сибирской экономики являлась сфера налогообложения (33% от общего числа статей, относящихся к области экономики). Принимая во внимание данный факт, становится очевидным, что упорядочивание системы налогов и сборов являлось одной из главных задач периода царствования Николая I. Из 74 законов, изданных с целью регулирования экономики и финансов Сибири за первое пятилетие 50-х гг. XIX в., налогообложению посвящено 24 статьи. Назовем некоторые из них: «Проект условий о порядке управления питейными сборами в Восточной Сибири с 1851 г. по 1855 г.» (24 ноября 1850 г.), «О возвышении ясачного сбора с сибирских киргизов» (29 октября 1851 г.), «Об изменении некоторых статей в Уставе о казенных оброчных статьях для Западной Сибири» (19 мая 1854 г.), «Об обложении бухарцев подымною податью» (19 мая 1854 г.), «Об изменении некоторых статей Горного Устава касательно добычи золота и платежа за сие установленных податей» (4 августа 1854 г.).

Однако в первые годы правления Александра II происходит смена ориентиров из сферы налогообложения в другую область — сферу доходов и расходов казны. Если в 1850–1855 гг. эта сфера составляла лишь 9%, то в 1855–1860 гг. — уже 33%. Объясняя рост числа статей, регламентирующих область доходов и расходов сибирской казны за период 1855–1860 гг., необходимо обратиться к общероссийским событиям того времени. А именно к итогам Крымской войны 1853–1856 гг. Именно эта война обнаружила финансовую несостоятельность России.

На первых порах в деле приведения в порядок государственных финансов, императору Александру пришлось столкнуться со многими трудностями. Продолжавшаяся три года война с четырьмя европейскими державами, к тому же война неудачная для России, опустошила казну, истощила производительные силы России. Для того чтобы оздоровить ситуацию, сложившуюся в государственном казначействе, правительство принимало меры по сокращению расходной части бюджета. Эта политика коснулась и Сибири. На законодатель-

ном уровне закреплялось снижение статей расходов на содержание местных ведомств: сибирских канцелярий, штата государственных служащих Сибири, городов и городовых станций, заводов и т.д.

Таким образом, даже на примере изучения лишь одного аспекта регулирования сибирской экономики становится очевидным, что, рассматривая Сибирь как стратегически важный в экономическом отношении регион, российская верховная власть стремилась поставить экономику Сибири в законные рамки, что в свою очередь требовало поиска эффективных механизмов ее управления. Одним из таких механизмов явилась унификация основных норм, указов и постановлений, которыми регулировались экономические отношения в этом регионе. Таким образом, на законодательном уровне закреплялись основные принципы центрального правительства в области экономики по отношению к Сибири. Обзор законодательных актов за 1850–1860 гг. позволяет сделать вывод о том, что экономический аспект правительственной политики в Сибири играл важную роль. В связи с этим, изучение законодательства в области экономики приобретает особую значимость и актуальность.

А.К. ИВАНОВ

ИСТОРИЯ АКЦИОНЕРНЫХ СТРАХОВЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Первые акционерные страховые общества (Первое и Второе российские страховые от огня общества) появились в России в 40-х гг. XIX в. при Николае I. В 1841 г. император издал Указ об учреждении сберегательных касс и утвердил их уставом. Так было положено начало сберегательному делу в России. В 1842 г. открылись первые сберегательные кассы — в Санкт-Петербург и Москве при сохраненных Казнах, а также в Одессе при приказе общественного призрения. Позднее, в 1846–1860 гг. было учреждено еще 45 таких касс — почти во всех губернских городах страны.

Вслед за сберегательными кассами было разрешено создавать акционерные общества. Акционерные предприятия по российскому законодательству могли быть двух типов: торгового дома (командатное товарищество или товарищество закрытого типа — ТЗТ) и открытой акционерной компании (паевое товарищество).

Участие в торговом доме предполагало полную имущественную ответственность каждого из компаньонов по делам своей фирмы. Напротив, участие в открытой акционерной компании предусматри-

вало лишь ограниченную ответственность акционеров в пределах их вклада в основной (уставной) капитал предприятия. Акции ходили по рукам и выпускались на биржу.

Открытие товарищества происходило явочным порядком, датой основания считалось время регистрации в купеческой или городской управе документа, удостоверяющего факт его создания, — как правило, нотариально заверенного «товарищеского договора». Договоры могли быть бессрочными или заключенными на определенный срок от одного года и более. Копия договора должна лечь в городскую управу. Организация акционерной компании осуществлялась в соответствии с сепаратным законодательством, ибо требовалось законодательное закрепление размера основного капитала акционерного общества как гарантии его кредитоспособности. Поэтому акционерные компании могли учреждаться в строго разрешительном (концессионном), а не явочном характере. Открытие акционерных торговых обществ разрешалось правительством с обязательной публикацией устава новой организации в «Сенатских ведомостях».

Отмена крепостного права и реформы 60-х–70-х гг. XIX в. вызвали бурное акционерное учредительство, в том числе в сфере страхования. Тогда появилась основная группа российских страховых компаний, успешно проработавших на российском рынке до 1917 г.

За относительно небольшой период времени в Российской империи открыли свои операции новые акционерные страховые общества: в 1858 г. — Московское и Санкт-Петербургское страховые от огня, в 1867 г. — Русское, в 1870 г. — Коммерческое, Русский Лойд, в 1871 г. — «Волга», в 1872 г. — Северное и «Якорь», в 1881 г. — «Россия».

Все акционерные страховые общества конкурировали между собой, имели чисто коммерческий характер и ставили задачу получения максимально возможной прибыли на инвестированный в страховое дело капитал.

Высшим органом управления акционерной страховой компании являлось общее собрание акционеров, которое определяло стратегические направления работы общества и утверждало его годовые отчеты. Повседневной работой страховой компании руководило Правление и отделения, подотчетные правлению. Ежегодно собиралось общее собрание акционеров, которое назначало контрольную комиссию, проверявшую работу Правления. В случае необходимости члены Правления переизбирались.

Почти все акционерные страховые общества имели разветвленную сеть территориальных органов на местах в виде региональных отделений и страховых агентств.

Периферийная сеть аппарата Правления акционерного страхового общества была представлена так называемыми округами, где производилось непосредственное заключение договоров страхования и их обслуживание. Как правило, территория округа акционерного страхового общества включала одну или несколько губерний. Руководил всей страховой работой в округе окружной территориальный инспектор, назначаемый Правлением. В состав округа входили операционные подразделения, которые, в свою очередь, дробились на участки.

Каждый участок для обслуживания закреплялся за страховым агентом, который нес полную материальную ответственность за сохранность денег и расчеты со страхователями.

Каждая российская страховая компания оформляла полисы своем фирменном стиле. На них часто изображались достопримечательности городов, связанных с местом основания компании: «Московское страховое общество» — вид Красной площади, «Волга» — вид на Волгу у Нижнего Новгорода, «Северное общество» — памятник Петру I в Санкт-Петербурге, «Астраханское общество взаимного страхования» — городской собор, и т.д.

Во второй половине XIX в. пришла эпоха монополистических союзов. В 1875 г. был образован страховой синдикат (тарифное соглашение) крупнейших российских акционерных коммерческих страховых обществ, явившийся одним из первых монополистических объединений в России. В число его участников вошли Первое и Второе Российские страховые от огня общества, Московское, Русское, Северное страховые общества и товарищество «Саламандра». Позднее были созданы Пензенское и Смоленское страховые сообщества, которые объединяли общества взаимного страхования.

На конец 1915 г. суммарная величина резервных фондов российских и иностранных страховых обществ (Английский Ллойд, Германское национальное страховое общество), действующих в России составляла около 340 млн р. Из них резервы премий по личному страхованию оценивались в 260 млн р., по имущественному страхованию — около 80 млн р.

На протяжении конца XIX–начала XX вв. страховые компании формировали оборотные средства как за счет поступивших за отчетный период страховых премий, так и от части доходов, полученных в текущем периоде от выгодного размещения резерва премий. Вследствие этого акционерные страховые общества, как правило, не только не испытывали потребности в кредитах, а напротив, иногда страдали от избытка оборотных средств и нуждались в выгодном и верном помещении их в приносящие доход ценности.

Для размещения финансовых резервов 11 мая 1898 г. была введена в действие так называемая система диспозитивного характера, когда закон, указывал те объекты, в которые могут быть помещены средства общества. Одним из основных направлений инвестиций была недвижимость. Акционерные компании строили или покупали «доходные» дома и гостиницы, которые затем сдавались в наем квартиросъемщикам. Подобное использование временно свободных средств акционерных страховых обществ облегчало жилищное строительство в городах, способствовало развитию городской инфраструктуры.

Кроме того, резервы премий, запасной капитал помещались и в быстро реализуемые активы — облигации государственных займов, гарантированные правительством облигации государственных и частных железных дорог, акции устойчивых коммерческих банков и другие надежные фондовые ценности. В 1913 г. вложения капиталов русских акционерных страховых обществ в процентные бумаги составили 117,4 млн р., в 1915 г. — 147,3 млн р.

Таким образом, акционерные страховые общества оказывали существенное влияние на экономическое развитие России в дореволюционный период.

С.И. КАЛАШНИКОВА

ГЕНЕЗИС УГОЛОВНО-РОЗЫСКНОЙ ФУНКЦИИ ПОЛИЦИИ В РОССИИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ В ЕЕ СОСТАВЕ СЫСКНЫХ ЧАСТЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В первой половине XIX в. происходит небольшой рост особо тяжких преступлений и существенные изменения по их составу. В 1837 г. в России было зафиксировано 1199 убийств и 228 разбоев и грабежей; в 1842 г. их число возросло до 1308 убийств и 420 разбоев и грабежей (История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. 3. Кн. 2. С. 686). При этом возрастает профессионализация преступности, при которой используются скрытые методы совершения преступлений. Тем самым вся история государства Российского подвела к необходимости коренной перестройки в работе полиции. 8 сентября 1802 г. на основании Манифеста Александра I «Об учреждении министерств» было создано Министерство внутренних дел, которое становится важнейшим ведомством империи. Ему были подчинены местные административно-

полицейские учреждения, органы дворянства и городских сословий, благотворительности, управление иностранными поселениями, продовольственное дело, Медицинская коллегия, Главное почтовое управление, управление соляными конторами и мануфактур-коллегиями. Но главное заключалось в том, что МВД становится координатором деятельности полиции в масштабе всей империи. В период с 1810 по 1819 гг. из МВД выделяется Министерство полиции и впервые сделана попытка отделения от полиции судебных функций и возложения на нее задач расследования уголовных преступлений.

По высочайше утвержденному 1 июля 1837 г. «Положению о земской полиции» уезды были разделены на станы, где полицейскую власть осуществлял становой пристав, в обязанности которого входило «преследование и поимка… бродяг, нищих и укрывающихся преступников… первоначальное исследование о случившихся в стане грабежах, разбоях и убийствах, умышленных поджогов» (ПСЗ. Собр. 2. Т. 12. № 10305). Наметились нововведения в методике проведения расследований. Так, в «Наказе чинам и служителям земской полиции» от 3 июня 1837 г. впервые придается особое значение оперативному раскрытию преступлений и всестороннему исследованию места преступления.

В 1842–1844 гг. царское правительство предпринимает попытку создания специального аппарата для борьбы с уголовной преступностью. 25 февраля 1843 г. во главе с начальником первого округа корпуса жандармов генерал-лейтенантом Полозовым была высочайше учреждена комиссия для расследования предложений о мерах к предупреждению воровства и мошенничества в Санкт-Петербурге. Для комиссии была высочайше учреждена Инструкция, которая предписывала: «представить соображения свои: какие принять меры для предупреждения на будущее время накопления в столице воров и мошенников и для постоянного их преследования; определить: достаточно ли для сего средств у нынешней полиции, не требуется ли каких особенных учреждений или усилений нынешних, например не должно ли усилить число городских частей; отделить от прочей полиции команду сыщиков, коих обязанность состояла бы собственно в преследовании и поимке воров и мошенников» (Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е. История полиции России. Вып. 2. М., 1992. С. 23). Результат работы комиссии был представлен Министру Переверзеву 15 апреля 1844 г. как проект учреждения Санкт-Петербургской сыскной команды, который должен был состоять из 1 полицмейстера, 2 приставов, 4 надзирателей, 1 письмоводителя, 50 сыщиков. Основой деятельности сыщиков являлся надзор, производящийся «секретно, в партикулярном

платье», в общественных местах с целью «открытия всех тех злоупотреблений, которые полиция должна предупреждать и искоренять». Проект был представлен 28 апреля 1844 г. на рассмотрение императора. Однако претворения документа в жизнь не произошло.

В 1853 г. для лучшего обеспечения общественного благочиния в крупных городах были учреждены полицейские команды, одной из задач которых являлась охрана правопорядка.

Очередным шагом на пути создания специализированных структур по борьбе с уголовной преступностью стало создание в 1859 г. в Санкт-Петербургской городской полиции специальной следственной части. Хотя новое подразделение не получило обстоятельного организационно-правового воплощения, оно может рассматриваться как своего рода предтеча будущей сыскной части столичной полиции.

К середине XIX в. в ходе осуществления уголовно-розыскных мероприятий полиция руководствовалась следующими нормативными актами: «О домовых обысках и выемке поличного» (1836 г.); «Обязанности чиновников земской полиции относительно допроса подсудимых» (1837 г.); «Соблюдение в точности установленных законами правил относительно следствий по доносам, изветам и оговорам» (1845 г.); «Неделание обвиняемых при исследовании преступлений пристрастных допросов, истязаний и жестокостей» (1854 г.); «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступок» (1860 г.); «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний»; «Инструкция околоточным надзирателям»; «Временное положение о полицейских урядниках»; «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»; «Учреждение Министерства внутренних дел» и др. До начала 60-х гг. XIX в. местные органы Министерства внутренних дел России империи были привязаны к административно-территориальному делению империи: наместничества, генерал-губернаторства, губернаторства, губернии, области, градоначальства. Основными административными единицами империи были губернии и области. Эти административные единицы управлялись специальными нормативными актами: «Общее учреждение», «Особое учреждение», «Особые правила». В частности, Иркутское генерал-губернаторство, куда входила Забайкальская область, управлялось по «Особому учреждению». Забайкальскую область возглавлял военный губернатор, который являлся представителем высшей власти и одновременно с этим был официальным представителем Министерства внутренних дел. Ему были неподконтрольны лишь суд и жандармское управление. 8 июня 1860 г. был издан Императорский указ «Об отделении следс-

твенной части от полиции». Одновременно с указом вступили в силу такие документы как «Учреждение судебных следователей», «Наказ судебным следователям», «Наказ полиции о производстве первоначальных исследований по преступлениям и проступкам».

Таким образом, генезис специализированных органов уголовного сыска в структуре полиции являлся свидетельством необходимости реформирования органов власти, особенно полиции. Император Александр II отмечал: «Обозревая разные предметы государственного управления, требующего нового, более соответственного их цели образования, мы убедились, что одно из первых мест в ряду их должна занимать полиция…» (Там же. Т. 31. № 30063). При этом среди множества причин необходимости преобразования исполнительной полиции в России следует выделить следующие:

– на полицию возлагались многие обязанности, не имеющие к ней прямого отношения. Например, полиция являлась не только органом административного управления, имея исполнительные и распорядительные функции, но и органом судебной власти низшей инстанции;

– существовавшая система кадрового комплектования полиции не удовлетворяла по причине того, что полицейские команды комплектовались из не пригодных к строевой службе солдат, отставных унтер-офицеров, а также за счет армейских офицеров, получивших ранение и вышедших в отставку;

– недостаточная профессиональная квалификация чинов полиции и многочисленные нарушения ими своих служебных обязанностей.

К этому следует добавить существенный рост общеуголовной преступности, ее профессионализации, формирование и распространение уголовно-воровских обычаев и традиций, отдельные из которых превращались в форму «криминального закона» (Гуров А.И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М., 1990. С. 88).

Н.В. КАЙГОРОДОВА

КАДРОВЫЙ СОСТАВ САНАТОРНО-КУРОРТНОЙ СИСТЕМЫ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА В 1830–1980-х гг.

Кадровый состав курортной системы Байкальского региона в течение 1830–1980-х гг. претерпел значительную эволюцию. Кадры состояли из управленческого, медицинского, инженерно-технического, хозяйственного и обслуживающего персонала.

До революции в управленческий персонал курортов входили представители тех ведомств, в ведении которых находились курорты. Например, в 1830-х гг. пользование первой лечебной ванной зарождавшегося курорта «Усолье» находилось в правах Управляющего Иркутского солеваренного завода горного инженера Злобина. А завод находился в ведении Казенной палаты Иркутской губернии (Азлецкий В.А. Курорт Усолье и его лечебное значение. Иркутск: Изд-во курорт. отд. упр. Уполномоченного НКЗ по Сиб., 1924. С. 23). Периодически ведомства, в ведении которых находились курорты, направляли своих чиновников для ревизии. Ревизии проводились с целью уличить смотрителей курортов в возможных злоупотреблениях. Так, в 1881 г. смотритель курорта «Горячинск» Попов был уволен со своей должности в связи с казнокрадством (ГАИО, ф. 32, оп. 9, д. 44, л. 2).

Важной особенностью управленческого персонала курортов в советский период явился тот факт, что главные врачи курортов объединяли в своем лице функции как управляющих, так и собственно врачей. С образованием Главного курортного управления Наркомздрава СССР в 1923 г. административные и лечебные функции были разделены, и на курортах появились должности главного врача и директора. Позднее, в условиях войны, положительные моменты централизации власти были очевидны, и эти административная и лечебная функции главы курорта были вновь объединены в одной должности (Михайлов М.П. Опыт организации курортов Иркутской губернии в условиях современной действительности // Сб. трудов профессоров и преподавателей ИГУ, мед. фак-т. Иркутск, 1922. Вып. 1. С. 7; ГАЧО, ф.р. 493, оп. 2, д. 6, л. 3).

В 1920–1950-х гг. общее руководство всеми курортами отдельной губернии было обязанностью заведующего санаторно-курортной секцией здравотдела. В его подчинении находились главные врачи и директора курортов. В 1960-х гг. с централизацией управления курортной системой в руках ВЦСПС, важную роль приобрели председатели территориальных курортных управлений. Ценных вклад в развитие курортов внесли: П.К. Межин, С.Ф. Петровский, Н.В. Черняев, С.П. Троицкий, Р.И. Жерновникова. Все председатели советов имели медицинское образование (ГАННИО, ф.р. 2752, оп. 1, д. 442, л. 7, 43; ГАННИО, ф.р. 3305, оп. 1, д. 1, л. 71; ГАЧО, ф.р. 493, оп. 2, д. 139, л. 6).

Медицинский персонал курортов до революции 1917 г. состоял из 1–2 приезжих консультирующих врачей. Так, на курорте «Горячинск» в 1978 г. фельдшером был назначен Мededников, а на курорте «Усолье» с 1986 г. работал врач Ф.И. Аринкин (ГАИО, ф. 24, оп. 1, д. 62,

к. 1939, л. 12, 101; Карпинский В. Слово о курорте «Усолье» // Ленин. путь. 1971. 8 сент. С. 2–3). В 1915 г. лишь на курорте «Горячинск» консультации проводил врач врачебного отделения Забайкальского областного правления. Другие курорты Забайкалья либо приглашали на лечебный сезон врача, либо сами вольнопрактикующие врачи приезжали на курорты такие как «Дарасун», «Маккавеево», «Шиванда», «Шивия», «Ямаровка», «Колтомойкон».

В советский период медицинский персонал курортов постоянно увеличивался. В его состав стали входить врачи, средний медперсонал и младшие медсестры. Медицинское обслуживание курортов стал производить Народный комиссариат здравоохранения (НАРБ, ф.р. 89, оп. 1, д. 9, л. 2). В рамках Байкальского региона для научной разработки курортного лечения, а также для консультативной работы в начале 1920-х гг. была принята практика приглашения на курорты в летнее время ранее работавших там врачей. Среди них были преподаватели, профессора и научные сотрудники медицинских факультетов Томского и Иркутского университетов. В качестве среднего и младшего медперсонала приглашались студенты-медики, осуществлявшие функции физиотерапевтов и лаборантов (Мультановский М.П. Три года работы курортов Сибири. Краткий обзор 1920–1922 гг. Омск: Наркомздрав, отдел лечебных местностей, Управление курортами Сибири, 1923. С. 9). Тем не менее, начальник курортного управления Бурят-Монгольской АССР А.Т. Трубачев в 1926 г. утверждал, что врачи на курортах менялись ежегодно. Причина текучести врачебного персонала заключалась в недостатке специалистов-бальнеологов. Назначение врачей на курорты носило случайный характер, потому при первой же возможности они старались сменить место работы (Трубачев А.Т., Коровин М.К. Отчет о деятельности и состоянии курортов БМАССР за 1926 г. // Курортное дело. 1927. № 6. С. 64).

В середине 1930-х гг. курорты Байкальского региона по-прежнему обслуживались врачами-специалистами из близ лежащих городов — Иркутск и Верхнеудинск (Улан-Уде). На курортах региона работали: профессора М.С. Малиновский («Горячинск»), М.П. Михайлов («Усть-Кут», «Питателевский»), Я.В. Плавинский («Дарасун»), Н.П. Шавров («Аршан»), Н.З. Мочалин («Усолье»), Х.Г. Ходос, М.М. Орлов (Иркутский ФТИ), Н.С. Спаский, В.П. Иванов, Н.А. Синакевич, Н.Н. Топорков, ассистенты В.А. Азлецкий, Н.М. Архангельский («Усолье»), В.Н. Жинкин («Аршан», «Горячинск», «Питателевский»), В.П. Степанов, В.Д. Скородумова, Е.П. Донская (Михайлов М.П. Иркутский Медицинский институт в деле курортного строительства Восточной Сибири (1919–1944) // Мед. бюллетень. Вып. 8. Иркутск: Ирк. мед.

ин-т, 1947. С. 161–163; Сосновская С. Целебное озеро // Забайкал. рабочий. 1969. 13 авг. С. 4).

В послевоенные годы непосредственное участие в работе курортов принимали сотрудники Читинского медицинского института: заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней, профессор М.Я. Нишневич, заведующий курсом нервных болезней, кандидат медицинских наук В.Р. Овечкин, заведующий курсом акушерства и гинекологии, доктор медицинских наук С.Г. Юрьевский, заведующий курсом уха, горла и носа, доктор медицинских наук С.С. Гробштейн, заведующая кафедрой общей хирургии, доктор медицинских наук В.В. Попова. Важный вклад в курортное дело внесли главный врач курорта «Кука» Л.Г. Литвинов, курорта «Олентуй» — Д.Л. Гершевич, курорта «Ямаровка» — Е.А. Шелохина, курорта «Угдан» — В.С. Лобанова, детского костно-туберкулезного санатория (КТС) «Кука» — И.Ф. Стасышин, курорта «Дарасун» — Р.И. Герасимова, начальником медицинской части военного санатория «Дарасун» — С.М. Брикман (ГАЧО, ф.р. 493, оп. 2, д. 47, л. 4, 25, 40, 45).

В 1970-х гг. активное внимание в консультативной помощи стала оказывать кафедра терапии Иркутской областной клинической больницы. Непосредственное участие в консультировании вели: заведующий кафедрой профессор К.Р. Седов, кандидат медицинских наук, ассистент Н.Н. Королева, врач Л.А. Малахова, невропатолог И.Д. Сапир (ГАИО, ф.р. 2495, оп. 2, д. 104, л. 6). Значительную роль в курортном деле сыграли главный врач курорта «Ангара» О.Е. Ульянов, главный врач санатория «Братское взморье» Н.А. Ломакина (Даниленко Д. Здравница в Братске // Ударн. вахта. 1976. 12 мая. С. 4).

В 1980-х гг. проблема текучести кадров затронула и врачебный персонал. Одной их основных причиной текучести стало то, что многие молодые специалисты прибывали из других городов, например, из Москвы, Одессы. Наиболее обширную категорию курортных кадров составил инженерно-технический, хозяйственный и обслуживающий персонал. В первые годы функционирования санаторно-курортной системы в советские годы Санаторно-курортный отдел сталкивался с нехваткой рабочей силы, в результате чего он был вынужден обращаться к различным трудовым повинностям среди местного населения, а также использовать военные и трудоармейские части (Мультановский М.П. Три года работы курортов Сибири. Краткий обзор 1920–1922 гг. Омск: Наркомздрав, отдел лечебных местностей, Управление курортами Сибири, 1923. С. 8).

Проблема текучести кадров хозяйственно-технического персонала сохранялась на протяжении всего исследуемого периода.

Связано это было не только с низким уровнем заработной платы, но и с контингентом лиц, набираемых на работу. Потому и исполнение своих обязанностей техническим персоналом происходило некачественно. К примеру, в 1931 г. на курорте «Угдан» «рабочие грязевки и водокачки работали, как им вздумается, часто отлучались с работы» (Кто отвечает за здоровье трудящихся? // Забайкал. рабочий. 1931. 16 июля. С. 4). Хозяйственно-технический персонал, средний медицинский и младший персонал на постоянную службу не принимались и вербовались накануне сезона, что вызывало большую текучесть обслуживающего персонала. По мнению М.П. Кончаловского, радикальным решением проблемы курортных кадров мог бы стать перевод курортов на круглогодичную работу с целью заинтересованности кадров в постоянной работе (Основы курортологии / Под ред. М.П. Кончаловского. Т. 1. М.: Гос. мед. изд., 1932. С. 54–55). В послевоенные годы причинами текучести кадров являлись отсутствие жилья, низкая заработная плата, нехватка жилья, мест в детских дошкольных учреждениях, отдаленность от крупных населенных пунктов (ГАННИО, ф.р. 3305, оп. 1, д. 1, л. 13; НАРБ, ф.р. 1768, оп. 1, д. 322, л. 3).

Проблема подготовки специалистов-бальнеологов для работы на курортах приобрела значение в конце XIX в. Связано это было не только с популяризацией курортного лечения, но и с введением в практику методов лечения, основанных на научном подходе. В 1898 г. на Первом бальнеологическом съезде врачом Подвысоцким была выдвинута идея об учреждениях в университетах самостоятельной кафедры бальнеологии. После революции вплоть до середины 1930-х гг. бальнеология не занимала подобающего места, и лишь в некоторых мединститутах она читалась по кафедре физиотерапии или излагалась в специальных курсах (Москва, Тифлис, Томск). Первая самостоятельная кафедра курортологии была учреждена в Центральном институте усовершенствования врачей в Москве (Основы курортологии / Под ред. М.П. Кончаловского. Т. 1. М.: Гос. мед. изд., 1932. С. 55–57).

В 1917–1918 гг. по предложению профессоров Томского университета во главе с М.Г. Курловым были введены докторантуры по бальнеологии и физиотерапии. В 1921–1922 гг. при содействии санаторно-курортного подотдела отдела здравоохранения Сибревкома (Сибкурупра) в Томском, Иркутском университетах и Омском медицинском институте были организованы специальные бальнеологические курсы, слушатели которых работали на курортах в качестве ординаторов, помощников врачей, сестер и санитаров. В Томском университе-

те лекции читались М.Г. Курловым, И.А. Валединским, К.Н. Завадовским (Мультановский М.П. Три года работы курортов Сибири. Краткий обзор 1920–1922 гг. Омск: Наркомздрав, отдел лечебных местностей, Управление курортами Сибири, 1923.С. 15; Егай В.С. Развитие терапии в Сибири (М.Г. Курлов и его школа). Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд., 1981. С. 88).

В 1932 г. был открыт Иркутский физиотерапевтический институт, в задачи которого входили подготовка молодых специалистов и усовершенствование врачей и среднего медицинского персонала Байкальского региона по физиотерапии, бальнеологии и курортологии (Курорт «Ангара»: 50 лет со дня основания // Приангарье: годы, события, люди. Иркутск, 1982. С. 41). Тем не менее, по мнению профессора М.П. Михайлова, к началу 1950-х гг. Иркутский ФТИ не стал методическим центром, возглавившим физиотерапевтическое дело (Михайлов М.П. состояние курортной и физиотерапевтической помощи в области и задачи по ее изучению // Вторая Сибирская конференция по курортному делу и физиотерапии. Тезисы авторефератов и докладов по вопросам курортного дела и физиотерапии в Сибири. Иркутск, 1951. С. 35).

Повышение квалификации врачей s одна из основ современного лечения. Поэтому с 1960-х гг. территориальные советы постоянно проводили повышение квалификации курортных врачей как на местных курсах, так и республиканских. Курортные врачи территориальных советов по управлению курортами профсоюзов Байкальского региона проходили повышение квалификации в Кисловодске, Москве, Новокузнецке, Томске, Ташкенте, Киеве, в Ленинграде, Одессе, Казани, Свердловске, Томске, Чите, в Пятигорском НИИКиФ, Томском НИИКиФ, в Иркутской областной клинической больнице, а также на кафедре терапии Иркутского ГИДУВа и в Томском институте усовершенствования врачей.

Необходимо указать, что в 1970-х гг. начали проводить подготовку и других специалистов: культмассовиков, поваров, бухгалтеров. Повышение квалификации этих работников проходило в Высшей школе профсоюзного движения, которая была расположена в г. Ленинграде, на курсах при Центральном совете по управлению курортами профсоюзов в г. Москве.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что в послевоенный период начала действовать система подготовки кадров, заложенная еще в начале XX в. Тем не менее, в связи с общим коллапсом советской системы к концу 1980-х гг., проблема текучести кадров вновь усилилась и на курортах.

В.А. КУДАШКИН

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

Проблемы, связанные с судьбой малочисленных народов, которые оказались не просто в бедственном положении, а на грани вымирания, стоят в регионах особенно остро. У каждой народности — своя история, культура, быт. Оленеводство, рыбный, зверобойный и пушной промыслы — традиционные отрасли хозяйства, которые предопределяют кочевые формы его ведения и соответствующий уклад жизни, очаговый характер расселения. Культура малочисленных народов Восточной Сибири оказалась на грани исчезновения из-за утраты родного языка, национальных профессиональных навыков, бытовых традиций, художественных промыслов, фольклора. Свою роль в этом сыграло и уменьшение материальных и финансовых вложений на сохранения уникальных цивилизаций на протяжении всей истории Российского государства.

Анализ положения коренных народов уместно опередить хотя бы кратким обзором в истории того, как решалась эта проблема в Российской империи. До двадцатых годов XIX в. Россия, по сути дела, проводила в отношении своих «инородцев» политику косвенного управления. В соответствии с Положением 1763 г., разработанным Ясачной комиссией секунд-майора Щербачева, коренные народы Сибири были обязаны вносить в казну государственную подать — ясак. В обыденную же их жизнь власти, как правило, не вмешивались. Однако естественные трудности сбора ясака вкупе со злоупотреблениями собиравшего его сибирского чиновничества послужили причиной пересмотра этой политики в царствование императора Александра I. В 1822 г. сибирским генерал-губернатором графом М.М. Сперанским и его подчиненным Г.С. Батеньковым специально для аборигенов края был разработан «Устав об управлении инородцев», действовавший до начала нынешнего столетия. Согласно этому документу, «инородцы» Сибири делились по хозяйственно-культурному типу на три группы: бродячих, кочевых и оседлых. Для каждой из них вводилась особая форма управления. Для «бродячих инородцев» — некоторых охотничьих народов Сибири — сохранилась старая (через «князцов») система связи администрации с населением через ро-

доплеменную верхушку. Для «кочевых инородцев» (буряты, эвенки, ханты, манси) сохранялось родовое управление улуса или стойбища (группа родственных семей), состоявшее из старосты и одного-двух помощников. Несколько улусов подчинялись «инородной управе» или (для некоторых народов) — «степной думе». Таким образом, родовая и феодальная верхушка была основным исполнителем воли царской администрации. За кочевыми народами сохранялись их земли, утверждались ставки ясака и регламентировались повинности. «Оседлые инородцы» были приравнены к русским тяглым сословиям (мещанам или государственным крестьянам), но без отбывания рекрутской повинности» (Рывкина Р.Ф., Косалс Л.Я., Ковалкина К.А. Малочисленные народы Севера: Итоги жизни в империи и перспективы // Социол. исслед. 1992. № 4. С. 37–45). Конечной целью «Устава» был перевод кочевых и бродячих народов в оседлые, то есть приравнивание их по правам и статусу к русскому населению края. Этому-то и служила система, предусматривающая перевод конкретного этноса из разряда в разряд по мере изменений и сдвигов в его социально-хозяйственном уровне. Таким образом, по замыслам графа Сперанского, на сибирских аборигенов не просто распространялась волостная система, но учреждалось управление этими народами с учетом их этнокультурных особенностей. Так, «Устав» фактически провозглашал свободу вероисповедания, включая традиционные «языческие» религии и принцип добровольного принятия христианства. В вопросах образования провозглашалось учреждение особых «инородческих» школ с возможностью обучения на родных языках и т.д. В сфере экономики, не нарушая резко традиционного права в сфере природо- и землепользования, «Устав» поощрял развитие товарно-денежных отношений, объявив принцип свободной торговли «инородцев» и право беспрепятственного их перемещения до 500 верст от места проживания. Также объявлялось всяческое содействие, развитию института частного землевладения, гарантируя коренным жителям возможность выделить из родовых территорий участок для своего пользования. Подробнее стоит рассмотреть внутреннее самоуправление «инородцев». Все степные думы, инородные управы и пр. обладали достаточными полномочиями, как в административной, так и в юридической сфере. На них возлагалась, в частности, деятельность по раскладке повинностей и сбору податей; забота о развитии хозяйства, составление «ревизских сказок» (т.е. — учет населения). Органы туземного самоуправления были также правомочны, пресечь незаконный ввоз русскими купцами запрещенных товаров, в особенности «горячих напитков, которые можно было отобрать, а виновных

представить начальству для поступления по законам». Полномочия органов самоуправления в вопросах права были более ограниченными. Тем не менее, им были подсудны гражданские дела, решение которых осуществлялось на основе традиционного права коренных народов, которое, к слову сказать, было кодифицировано тем же Сперанским. Наконец, важно было подчеркнуть, что властные инородческие структуры имели известную независимость от общесибирских институтов управления. За чиновниками генерал-губернатора сохранялись только функции надзора за деятельностью степных дум и инородных управ. При этом их высшие должностные лица — старосты и головы — приравнивались по статусу к чинам русского сельского управления. Эти лица выбирались самим коренным населением, правда, по критериям «честного поведения, хорошего достатка и знания грамоты». Таким образом, реформа Сперанского, упразднив практику косвенного управления коренными народами Сибири, фактически вводила систему государственной опеки с ощутимыми элементами их самоуправления. «Устав» действовал до 1902 г., когда в регионе было введено обыкновенное волостное управление. Конечно же, на практике рациональные идеи М.М. Сперанского, положенные им в основу первого настоящего законодательства, регламентировавшего положение и права «инородцев» в России, отнюдь не всегда получали правильное изложение. Поэтому реальное положение малочисленными народами Севера и Сибири в XIX в., естественно, не стоит идеализировать. Недостатки управления коренным населением Сибири были подмечены многими младшими современниками великого реформатора. Такие знатоки жизни и проблем сибирских аборигенов, как Г. Потанин, Н. Ядринцев, С. Патканов, указывали, в частности, что упорядоченное налогообложение оседлых «инородцев» обернулось для них почти семикратным увеличением суммы выплат в казну. Наличие у коренных народов самоуправления не ограждало их от произвола чиновников, не могло полностью пресечь ввоз спиртного и т.п. Наконец, серьезные нарекания вызывала и опека со стороны государства над аборигенным населением. Так, российские власти практически устранились от содействия образованию не только «бродячих», но и даже «кочевых» народов. Явно недостаточной была и помощь в здравоохранении, в особенности, в области вакцинации и прививок. «Если в центральных российских губерниях показатель вакцинации к началу нашего века составлял примерно 75%, то у аборигенов Сибири — 43–58% в среднем» (Бородкин Ф.М. Социальная политика в регионе: проблемы и пути их решения // Изв. Сиб. отд. АН СССР: Регион, экономика и социология.

1991. № 2. С. 65–74). Список негативных явлений вероятно, можно было бы продолжить. Однако следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, все они вытекали не только и не столько из недостатков законодательства 1822 г., сколько из пороков российской государственности и общества того времени. Во-вторых, и это более существенный момент, в основу «Устава» был заложен очень важный принцип ограниченного, осторожного вмешательства цивилизации, то есть российского общества и государственных институтов в систему традиционных социальных связей, культуру и экономику коренных народов. Формирование у них новых общественных порядков и ценностных ориентиров только поощрялось, но не форсировалось. Еще более эффективным систему Сперанского делало то, что правящие сословия «инородческих» этнических групп обычно включались в состав российских правящих слоев. Иными словами, она фактически предоставляла аборигенам определенную возможность самостоятельного выбора темпа интеграции в доминирующее российское общество.

Таким образом, Устав 1822 г., несмотря на многие недостатки его применения на практике, можно рассматривать как перспективный способ решения проблемы вхождения коренных народов в систему социально-экономических отношений цивилизованной страны, в целом созвучный с естественным ходом их развития. Практическим результатом его применения явилось то, что к октябрю 1917 г. аборигенам сибирского Севера удалось сберечь и этнокультурную специфику, и традиционный хозяйственный уклад, и социальную организацию, что, в конечном счете, обеспечило этим народам, несмотря на их малочисленность, сохранение этнической самобытности. Дополнительным подтверждением эффективности этой политики было и то, что в «последние десятилетия перед революцией численность коренных народов на территории Сибири и Дальнего Востока увеличилась: во время реформ Сперанского она составляла около 247 тыс. человек, а к началу XX в. — уже 396 тыс. После установления советской власти политика в отношении малочисленных народов Севера решительно изменилась» (Рывкина Р.Ф., Косалс Л.Я., Ковалкина К.А. Малочисленные народы Севера: Итоги жизни в империи и перспективы // Социол. исслед. 1992. № 4. С. 42). Особый статус малочисленных народов проявился в создании для них автономных (национальных) округов. Однако последние были созданы лишь для долганов, коряков, чукчей, ненцев, карагасов, эвенков. Большинство малых народов Сибири, таким образом, не получили своей национально-территориальной организации. Специалистам, однако, известно, что автономные окру-

га, даже если они включают основную часть коренного населения, не могут обеспечить сохранение и развитие традиционного хозяйства и культуры малых народов. Достаточно упомянуть, что к настоящему времени 50% представителей малочисленных народов Сибири стали русскоязычными. Это связано в первую очередь с тем, что автономные округа не имеют статуса зон, охраняемых государством от колонизации и хозяйственного освоения со стороны окружающего некоренного, по преимуществу русского населения. В настоящее время последнее составляет основную часть жителей автономных округов. Вот почему за годы советской власти народы, ведущие традиционный образ жизни, заметно деградировали. Это объясняется не столько злым умыслом властей, сколько хрупкостью традиционной культуры, деформирующейся даже при незначительном соприкосновении с индустриальной цивилизацией. Характер культур подобного типа таков, что вмешательство даже в одну из сфер жизнедеятельности — в хозяйственные или социальные отношения, религию или другие элементы культуры — разрушит всю общественную систему. Вмешательство же имело не эпизодический, а массированный характер. Хозяйственная жизнь народов Сибири была нарушена в ходе интенсивного промышленного освоения их территорий вне всякой зависимости от наличия или отсутствия территориальной автономии. Оказались невозможными или затрудненными традиционные формы хозяйства, более того, разрушена или сильно деформирована природная среда, с которой оно теснейшим образом связано. Но и в новых отраслях производства народы Сибири не смогли найти себе места. Негативно отразилось на жизни этих народов и механическое внедрение начального и среднего образования. Обучение детей коренных национальностей в интернатах отрезало новое поколение от традиционных знаний и навыков ведения традиционного промыслового хозяйства. В результате молодежь оказалась неприспособленной к жизни — ни к традиционной, ни к современной.

В.В. КУДРЯШОВ

ИЗ ИСТОРИИ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Первая русская революция 1905–1907 гг. дала мощный импульс для развития общественно-политической жизни России в самых разных ее проявлениях. Одной из таких форм самоорганизации обще-

ства стало кооперативное движение, в организации которого в Восточной Сибири определенную роль сыграли политические ссыльные. Они выступали организаторами потребительских обществ и фактическими их руководителями, хотя формально занимали скромные должности конторщиков, бухгалтеров, статистиков.

Ссыльные меньшевики и эсеры преобладали в руководстве кооперативов. Они рассматривали их как одну из форм воспитательной работы в массах, подготовки основы для переустройства общества на социалистических началах. Большевики видели в кооперативах только легальное прикрытие революционной работы.

Интенсивное вхождение ссыльных в кооперативное дело началось с 1911 г. В связи с развитием кооперации в стране царское правительство опубликовало новый устав, который регламентировал открытие кооперативов. Политические ссыльные получили право принимать участие в их организации в местах причисления. Но возможности вести агитационно-массовую работу были стеснены полицейским надзором.

Активность политических ссыльных в деле организации кооперативов была обусловлена рядом причин. Во-первых, кооператив позволял выживать материально, т.к. условия пребывания в ссылке были чрезвычайно тяжелыми. Во-вторых, кооперативы удовлетворяли духовные потребности политссыльных. На вырученные от основной деятельности средства создавались библиотеки, осуществлялась подписка на периодические издания. Некоторые кооперативы открывали свои типографии, издавали свои газеты и журналы. Редакционный коллектив таких изданий, как правило, составляли сами политические ссыльные. Содержание материалов, опубликованных на страницах кооперативных газет и журналов, отличалась демократичностью и оппозиционностью к власти. В кооперативах ссыльные революционеры могли применить свои силы и теоретические знания, обрести опыт хозяйственной деятельности.

В Забайкальской области сложились два центра кооперативного движения — в Верхнеудинске и Чите. Городское всесословное общество «Экономия» в Верхнеудинске возникло в 1913 г. Его сразу возглавили местные меньшевики И.М. Пятидесятников и З.С. Кошиков. В состав правления был избран ссыльный меньшевик А.К. Скрынников. Счетоводом в потребительском обществе работал бывший втородумец И.К. Юдин.

В январе 1914 г. по инициативе правления «Экономии» было организовано Прибайкальское торгово-промышленное товарищество кооперативов. В него вошли 5 потребительских обществ и 3 кредит-

ных товарищества. Активная работа правления по развитию кооперации дала результаты. К февралю 1916 г. товарищество объединяло уже 44 потребительских общества и 3 кредитных товарищества (Забайкальское обозрение, 1916. 8 февр.).

В Чите кооперативы «Трудовой союз» и «Эконом» сложились в 1913 году. Во главе их стояли социал-демократы Д.Т. Корепин и Д.И. Роттерштейн. В декабре 1913 г. на съезде представителей кооперативных обществ было создано Забайкальское товарищество кооперативов, которое объединяло 35 потребительских обществ, 44 кредитных товарищества и 6 маслодельческих артелей (Забайкальское обозрение, 1916. 8 февр.). Председателем правления был избран депутат III Государственной думы меньшевик А.А. Войлошников. Он считал кооперативы демократическими учреждениями, которые не имеют правительственной поддержки, и поэтому призывал к объединению сил (ГАЧО, ф. 1п, оп. 1, д. 1151, л. 15). Войлошников развернул широкую агитацию. С этой целью он начал издавать журнал товарищества «Наше дело». В редакцию был специально приглашен из Иркутска видный социал-демократ, в ссылке окончательно перешедший на меньшевистские позиции, талантливый журналист Н.А. Рожков. Рожков внимательно следил за развитием кооперативного движения в Сибири, рассматривал кооперацию как форму «культурного капитализма» и всячески содействовал ее распространению. На страницах «Нашего дела» он поместил, как отмечала полиция, «ряд тенденциозных статей, предназначенных для крестьян Забайкальской области, возбуждающих недовольство государственным и общественным строем» (ГАЧО, ф. 1п, оп. 1, д. 1151, л. 29 об.).

После закрытия журнала по распоряжению Иркутского генерал-губернатора А.А. Войлошников и Н.А. Рожков нашли возможность для издания еженедельной газеты товарищества «Забайкальское обозрение».

В Забайкальском товариществе кооперативов на ответственных должностях находились ссыльные меньшевики. Б.О. Хеладзе служил бухгалтером, его помощником был К.М. Шульман. Инструкторами в товариществе были И.Н. Воронцов и С.Ф. Завадский, которые имели право разъезжать по всей области, что использовали в партийных целях. Как отмечалось в циркуляре военного губернатора Забайкальской области в мае 1915 г., «подпольная деятельность руководителей Забайкальского товарищества не осталась без результатов» (ГАЧО, ф. 26, оп. 1, д. 472, л. 32). Циркуляр предписывал усилить наблюдение за членами правления и, особенно, за инструкторами и ревизорами.

А.А. Войлошников и Н.А. Рожков считали, что в условиях войны основное внимание необходимо уделять борьбе с дороговизной и спекуляцией. Каждое собрание кооперативов социал-демократы использовали для разоблачения политики царизма. Выступая на общем собрании 6 декабря 1915 г., Войлошников назвал одной из главных причин сложившейся ситуации на продовольственном рынке господство крупного капитала в правительстве и Государственной думе. Он видел выход в изменении существующего государственного строя. (ГАЧО, ф. 1п, оп. 1, д. 1151, л. 2–3). Находившийся на собрании пристав вынужден был приостановить обсуждение, и не дал возможности принять резолюцию.

Важным событием в жизни кооперативов Забайкалья стал первый съезд, который состоялся 15–22 марта 1916 г. в Чите. На нем присутствовали делегаты от Прибайкальского и Забайкальского товариществ. На открытии съезда выступил А.А. Войлошников. Он отметил, что съезд имеет не только общественное значение для Забайкалья, но и государственное, представляет собой «достояние всего общества». С приветствием от прибайкальских кооператоров выступил И.М. Пятидесятников. Он связал дальнейшее развитие кооперативного движения с необходимостью расширения демократических прав и свобод в стране. А.К. Скрынников заявил, что «кооперативы совместно с другими общественными демократическими организациями поднимут высоко знамя общей культурной работы и выведут страну на широкий и свободный путь народной самодеятельности» (Забайкальское обозрение. 1916. 21 марта).

С основным докладом «О кооперативном объединении, его задачах, формах и видах» выступил ссыльный меньшевик В.А. Богоявленский. Он призывал создать многоотраслевой союз, который бы руководил деятельностью кооперативов, рассредоточив сферы влияния. При обсуждении доклада А.А. Войлошников призвал использовать зарубежную практику явочного открытия кооперативов. Пятидесятников предлагал вести совместную с профсоюзами борьбу против спекулянтов и фабрикантов. Скрынников считал необходимым подчинить кооперацию только общественному самоуправлению и контролю. Все эти предложения были направлены против ограничения возможностей кооперации со стороны царских властей.

Съезд принял решение о создании Союза с двумя центрами — в Чите и Верхнеудинске и рекомендовал кооперативам развивать торгово-хозяйственную деятельность для борьбы с дороговизной и спекуляцией. Делегаты высказались за развитие культурно-просветительской работы среди членов кооперативов. Обсудив доклад

Е.Д. Соколовой, съезд рекомендовал шире вовлекать в кооперативную деятельность женщин. В последний день работы по инициативе А.А. Войлошникова была принята политическая резолюция. Полиция арестовала лиц, причастных к ее составлению — Войлошникова, Скрынникова, Пятидесятникова, Кошикова, Соколова, Богданова. Была закрыта газета «Забайкальское обозрение» (ГАЧО, ф. 1п, оп. 1, д. 1149, л. 10–13). Несмотря на репрессии властей, съезд содействовал дальнейшему развитию кооперации в Забайкалье.

Таким образом, меньшевики вместе с другими ссыльными революционерами участвовали в организации кооперативов, дали мощный толчок для развития кооперативного движения в Восточной Сибири. Созданные при участии ссыльных кооперативы оказывали практическую помощь рабочему классу и трудовому крестьянству. Особенно заметна была помощь кооперативов в годы первой мировой войны, когда резко поднялись цены на продукты и товары первой необходимости. Кооперативы содействовали повышению культурного уровня трудящихся масс. Политссыльные использовали легальные возможности кооперации для активной агитационно-пропагандистской работы в массах. Вместе с представителями непролетарских слоев они искали совместные пути улучшения и переустройства общества.

С.Л. КУРАС

ЕВРЕЙСКАЯ ССЫЛКА В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ (КОНЕЦ XIX в.): ФЕНОМЕН ПРЕСТУПНОСТИ

Важнейшим показателем состояния общества как в дореволюционный период, так в современной России является уровень преступности. Уже в дореволюционный период становления пенитенциарной науки ученые констатировали тот факт, что евреями совершаются своеобразные преступления, т.е. преступления их отличаются от преступлений других народов. Этому феномену в конце XIX столетия существовали различные объяснения: одни утверждали, что еврейские преступления являются следствием врожденных особенностей еврейской расы; а другие объясняли особые виды преступности у евреев тем, что они были заняты в специфических социальных функциях.

Несколько иной взгляд на проблему возрастающей преступности высказывали ученые по уголовной биологии и политике, — изучая условия, способствующие развитию преступлений, они пришли к выводу, что, например, уровень бедности способен влиять на пре-

ступные наклонности людей, так как, по их мнению, очень немногие преступники являются людьми нравственно испорченными.

В отечественной историографии имели место и исследования, целью которых было определить степень влияния уровня грамотности населения на повышение преступности. Так ученые пришли к выводу, что:

– преступность в России находится в причинной связи не с грамотностью, а с характером занятий населения.

– грамотность есть лишь явление, показывающее наличие других факторов, следствием которых является высота уровня преступности (Заменгоф М.Ф. Грамотность и преступность (Опыт уголовно-статистического исследования) // Журнал Министерства Юстиции. 1912. № 5. С. 97).

Эти выводы подтверждаются данными статейных списков сосланных в Иркутскую губернию преступников иудейского вероисповедания, чей уровень грамотности был крайне низким.

На наш взгляд преступность среди евреев действительно имела свои специфические черты и особенности.

Анализируя статейные списки сосланных в Иркутскую губернию евреев, мы пришли к выводу, что большинство осужденных были родом из мест черты оседлости. Сами преступные деяния также были совершены в этой местности, поэтому причины возрастания количества преступлений, совершенными евреями в конце XIX столетия лежали в бытовых условиях их жизни.

В стабильном, традиционном обществе, в котором сильно развиты общинные связи и общественные цели преобладают над личными, обычно наблюдается низкая преступность. Наоборот, для индустриальных обществ, в которых население социально и географически подвижно, доминируют общественные связи, сильно развит индивидуализм, личный успех является важнейшим в системе ценностей, население располагает большей инициативой, характерна более значительная преступность. Эти положения подтверждаются фактическими данными экономической деятельности еврейского населения «черты».

Рассматривая экономическое положение еврейского населения черты оседлости в последней трети XIX столетия, исследователи констатируют, что с изданием в 1880-е гг. новых ограничительных мер царского правительства в отношении евреев круг их деятельности сузился, для них были закрыты многие пути легальной деятельности, даже в тех отраслях, где их участие раньше признавалось полезным. Бесправие евреев, фактически провоцировали повышенную их

склонность к нарушению ограничительных законов и правил, нередко устанавливаемых исключительно для них. Специфическому характеру преступлений особенно способствовало то, что в течение многих столетий почти повсеместно единственными дозволенными занятиями евреев были ремесла, торговля и ростовщичество.

Совершенно справедливо мнение российского ученого Б.Н. Миронова о том, что особенно высокого уровня преступность достигает в обществах, испытывающих серьезные изменения в социальных и политических ориентациях, так как данные министерства юстиции за время 1883–1892 гг. подтверждают выводы историка: «число осужденных окружными судами в 15-ти губерниях «черты» возросло на 180%, при этом число осужденных евреев увеличилось на 102%, а не евреев — на 85%» (Субботин А.П. Настоящее положение еврейского вопроса. М., 1909. С. 10–11).

Данные о преступности в масштабе всей России стали собираться с 1803 г., после образования Министерства юстиции в 1802 г. Поступившие из губерний сведения систематизировались в министерстве и прилагались к ежегодному «Всеподданнейшему отчету министра юстиции». По завершении судебной реформы 1864 г. данные о преступности ежегодно публиковались в «Сводах статистических сведений по делам уголовным», а также в ежегоднике «Сборник статистических сведений Министерства юстиции». Эти и другие данные были обобщены в многочисленных статистических трудах Е.Н. Тарновского, где последний распределил уровень преступности по религии и национальности. Эти данные подтверждают вывод о том, что в последней трети XIX в. уровень преступности среди еврейского населения возрастает.

Определенные обстоятельства, сохранявшиеся столетиями и общие для еврейских общин всех стран рассеяния (при любых экономических, политических, религиозных, культурных и прочих различиях), объясняют крайне малую распространенность среди евреев наиболее тяжких видов преступлений (убийство, грабеж, изнасилование и т.д.).

Данные Тарновского также подтверждают представленные положения. Автор констатирует, что евреи отличались весьма слабым развитием всех преступлений, соединенных с насилием: преступления против жизни, нанесение побоев и другие преступления против личности, истребление и насильственное похищение имущества давали среди осужденных иудейского вероисповедания наименьший процент. Зато бродяжество и нарушения правил о паспортах, и мошенничество у лиц иудейского вероисповедания представляют высокий процент.

В исследовательской работе Н.Б. Галашовой совершенно справедливо указывается на то, что во второй половине XIX в. основной причиной ссылки были уголовные преступления, а к концу XIX–началу XX столетий увеличивается доля политических ссыльных (Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во 2-ой пол.–начале вв.: 1860–1917 гг.: Дис. к.и.н. Томск, 2004, С. 55). Конечно, связано это было с развитием революционной обстановки в стране и увеличением числа партий, но на наш взгляд увеличение числа осужденных за государственные преступления связано и с развитием самих законодательных норм, с изменением составов преступлений, касавшихся государственно-общественных и частных интересов, а, следовательно, и с изменением категории наказаний.

Во второй половине XIX в. учащаются единоличные преступления, затем начинает возрастать количество случаев соучастия нескольких лиц, которые затем образуют преступные шайки.

Практика уголовных дел конца XIX–начала XX столетий показывает, что зачастую лица, состоящие в преступных сообществах осуждались по нескольким статьям. Например, когда доказывается вина преступной группы не только в словесном или письменном изъявлении своих антигосударственных мыслей, но и в действии «посредством учинения взрывов». В таком случае если доказывалось, что сообщество обладает складом оружия или бомбами, преступление квалифицировалось по 126 ст. — «принадлежность к преступному сообществу, имевшему целью ниспровержение существующего в России строя и хранения у себя взрывчатых веществ» (ГАИО, ф. 34, оп. 1, д. 289, л. 47–48).

Таким образом, состав преступлений евреев отличался от преступлений других народностей. Сложное экономическое положение «черты оседлости», бесправие евреев, фактически провоцировали повышенную их склонность к нарушению ограничительных законов и правил, нередко устанавливаемых исключительно для них. В дальнейшем, изучение этнической преступности будет являться для нас основой в рассмотрении вопросов ссылки евреев в сибирский регион.

Т.Л. КУРАС

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ И ПЕРЕМЕЩЕНИИ СУДЕЙ ИРКУТСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА (1897–1917 гг.)

«Судебные уставы» 20 ноября 1864 г. ввели стройную систему судебных органов с четкой компетенцией — были созданы две груп-

пы судов: мировые судьи и система общих судебных установлений, к которым относились окружные суды, Судебные палаты и Кассационные департаменты Правительствующего Сената. Окружные суды рассматривали по первой инстанции гражданские и уголовные дела, неподсудные мировым судьям и не отнесенные законом к ведению Судебных палат. В Сибири в силу объективных сложностей проведение реформы было начато только в 1897 г. На основании утвержденных 13 мая 1896 г. «Временных правил о применении Судебных Уставов к губерниям и областям Сибири…» 2 июля 1897 г. в г. Иркутске состоялось открытие Иркутского окружного суда.

В составе Иркутского окружного суда действовали председатель и члены суда. В «Учреждении Судебных установлений» (далее — «Учреждение») закреплялись высокие требования, предъявляемые законом к лицам, назначаемым на должности судей окружного суда. Для них обязательным было наличие высшего юридического образования. Членами Иркутского окружного суда могли назначаться лица, отслужившие в судебном ведомстве не менее трех лет в званиях, не ниже секретаря окружного суда, а также присяжные поверенные, состоявшие в этом звании не менее десяти лет и получившие аттестаты советов присяжных поверенных и свидетельства судебных мест о безукоризненном исполнении своих обязанностей. Высокие требования, предъявляемые законодателем к лицам, назначавшимся на должности в окружные суды, соблюдались при назначении судей Иркутского окружного суда. Все лица, назначенные на должности председателя и членов Иркутского окружного суда ко времени его открытия имели высшее юридическое образование, в основном являлись выпускниками ведущих высших учебных заведений страны, таких как Санкт-Петербургский, Московский, Казанский университеты. При этом лица, назначенные в 1897 г. на судейские должности в Иркутский окружной суд, имели большой опыт работы по судебной должности. В дальнейшем на должности членов Иркутского окружного суда также назначались лица с большим стажем работы в судебном ведомстве, что соответствовало высокому положению окружного суда в судебной системе. К примеру, в 1901 г. на должность члена Иркутского окружного суда был назначен Х.Ф. Колоколов, который прослужил к этому времени в судебном ведомстве двадцать лет (Курас Т.Л. К вопросу о чинах членов Иркутского окружного суда и лиц прокурорского надзора, состоящих при нем (1897–1917 гг.) // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4. С. 79–80).

После формирования состава Иркутского окружного суда нередко возникала необходимость перемещения его членов на иные

судебные должности. Согласно статье 213 «Учреждения» в случае открытия вакансии члена суда, немедленно созывалось общее собрание суда для решения вопроса о кандидатах на открывшиеся судебные должности. То есть кандидатов избирал и рекомендовал, согласно закону, сам окружной суд путем проведения общего собрания. В соответствии со статьями 214–215 «Учреждения», представления Иркутского окружного суда о соответствующих кандидатах поступали к Министру Юстиции через Старшего Председателя Иркутской Судебной палаты. Министр, в свою очередь, представлял Императорскому Величеству кандидатов, рекомендованных окружным судом, а также других кандидатов, удовлетворяющих требованиям закона. Таким образом, в соответствии с законом, Министр Юстиции имел право представлять кандидатов для назначения на должности членов Иркутского окружного суда как из числа лиц, рекомендованных данным судом, так и не из их числа. Такое правило было установлено с целью недопущения длительного незамещения вакансий на должности членов окружного суда. Однако не всем такое положение казалось приемлемым. Так, в «Судебной газете» высказывалось мнение, что не следовало бы назначать на должности членов судебных мест лиц, не рекомендованных соответствующим судом, поскольку Министр Юстиции не в состоянии знать досконально всех судебных деятелей. Данное мнение представляется нам обоснованным. Проблемы назначения судей на должности обсуждались и Высочайше Учрежденной Комиссией по пересмотру законоположений по судебной части. Однако материалы Комиссии так и не вылились в какой-либо законодательный акт. Законодатель оставил прежним порядок замещения должностей членов окружных судов. Это было обусловлено, в частности, необходимостью для властей самостоятельно определять лиц, назначаемых на должности в окружные суды, влиять на деятельность которых было весьма важно для самодержавия.

Как было отмечено выше, в Иркутском окружном суде зачастую возникала необходимость перемещения судей либо замены их другими лицами. Объяснялось это тем, что в сибирских судах условия работы были весьма непростыми: при большой нагрузке и высокой ответственности материальное обеспечение судей находилось на низком уровне, естественные условия жизни в Сибири были тяжелыми. В связи с этим некоторые судьи подавали заявления об увольнении от должности, другие ходатайствовали о переводе их в суды европейской России. Помимо этого, зачастую власть сама зачастую перемещала членов суда из одного суда в другой, руководствуясь мотивами целесообразности или необходимостью укрепить штат

какого-либо суда. Таким образом, члены Иркутского окружного суда нередко переводились на другие должности по судебному ведомству. В ряде случаев, исходя из соображений целесообразности, власть перемещала судей Иркутского окружного суда для занятия должностей в иных окружных судах, чем укрепляла их состав, либо, наоборот, переводила в Иркутский окружной суд членов суда из других окружных судов. К примеру, в 1906 г. на должность председателя Иркутского окружного суда был назначен Татаровский Н.А., который до этого времени являлся председателем Читинского окружного суда (ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 2069а, л. 1, 5 об.–16 об., 25 об. 31 об., 39; Памятная книжка Иркутской губернии на 1906 г. Иркутск, 1906. С. 94, 95). Ряд судей успевали проработать очень короткий период времени в Иркутском окружном суде, после чего их переводили на судебные или прокурорские должности в другие суды.

В результате перемещений членов Иркутского окружного суда значительно затруднялась его работа, поскольку он лишался опытных судей. Судьям, приходившим на смену переведенным, требовалось время, чтобы освоиться с новыми условиями работы. В период с 1897 по 1917 гг. 32 человека работало в качестве судей Иркутского окружного суда менее четырех лет (из них 19 человек — менее одного года). Тем самым эффективность работы Иркутского окружного суда значительно снижалась. К счастью, в рассматриваемый период в Иркутском окружном суде были и судьи, занимавшие указанные должности длительный период времени — 14 человек являлись членами данного суда от пяти до двадцати лет. Наличие судей, работавших в Иркутском окружном суде весьма длительный период времени, обеспечивало надлежащую преемственность кадров, давало им возможность быстро и правильно рассматривать дела, хорошо ориентируясь в местных особенностях.

Л.В. КУРАС

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-РОЗЫСКНОЙ ФУНКЦИИ ПОЛИЦИИ В РОССИИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ В ЕЕ СОСТАВЕ СЫСКНЫХ ЧАСТЕЙ В XVI–XVIII вв. (по материалам Полного собрания законов Российской империи)

В 1539 г. был учрежден Разбойный приказ, в котором отсутствовали специальные подразделения, занимавшиеся исключительно борьбой с уголовными преступлениями. Деятельность приказа не распро-

странялась на столицу, где существовал особый «Земский приказ», который вел дела «разбойные», следил за безопасностью и порядком в городе и уезде, вел борьбу с корчемством и пожарами, следил за чистотой улиц. В конце XVI в. Земский приказ был объединен со Стрелецким и полицейские функции в Москве были возложены на стрельцов, которые стали использоваться при «поимке татей, разбойников и грабителей». В 1565–1572 гг. во времена правления Ивана Грозного исполнение охранительных, дознавательных и нерегламентированных карательно-репрессивных мероприятий взяло на себя опричное войско. Наряду с Разбойным приказом за сыск воров и преступников отвечали и воеводы, функции которых в этой сфере были определены царским указом 1664 г. В 1695 г. указом царя было предписано воеводам «про воров и разбойников проведать тайно всякими мерами» (Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX–начало XX вв.). Нижний Новгород, 1993. С. 9). С 1654 по 1676 гг. действовал Приказ Тайных дел, который выступал как орган надзора не только за политическими, но и за «разбойными» делами в случае исключительного положения лиц, в отношении которых совершались общеуголовные преступления.

В 1649 г. был издан «Наказ о гражданском благочестии», который впервые в истории России регламентирует охрану общественного порядка в городе. Появляются так называемые «объезжие головы», которым вменялись в обязанность профилактика и пресечение преступлений. В этот период уголовно-розыскные мероприятия осуществляли и другие учреждения, в частности Поместный и Холопий приказы. Дознание велось путем опроса свидетелей («повальный обыск»), использования слухов («язычные молки»), поиска вещественных доказательств («воровские рухляди»). Однако главным инструментом в процессе розыска была пытка («пытошные речи»). Признание подследственного под воздействием пытки считалось доказательством его вины и служило основанием для наказания.

В XVII в. происходит окончательное оформление института сыщиков, которые специализировались на борьбе с уголовной преступностью. В 1683 г. был принят специальный «Наказ сыщикам», в котором были определены их обязанности. Сыщикам предоставлялись широкие полномочия по сыску беглых крестьян и холопов, а также по расследованию дел «татебных, разбойных и убийственных». В 1691 г. царь издает именной указ «О допросе сыщиком обыскных людей», регулировавший процессуальные нормы для сыщиков. В 1710 г. издается новая редакция акта, регламентировавшего деятельность сыщиков: «Наказ сыщику. О поимке воров и разбойников и об исследовании их преступлений», а 12 октября 1711 г. Сенат принимает Указ

«О беспрепятственном розыске и преследовании сыщиками воров, разбойников и их сообщников по всем губерниям», согласно которому при сыщиках создавался штат, состоящий из помощников и военных командиров, а губернаторы обязывались оказывать сыщикам всяческое содействие.

В последующем были приняты два именных указа 1744 г. — «Об определении сыщиков для искоренения воров и разбойников в низовых городах» и «Инструкция посланным Штаб-офицерам для следствия о прежних сыщиках воров и разбойников» и сенатский указ от 1752 г. «О подтверждении сыщикам, чтоб они поступали во всем по данной инструкции, а в посторонние дела не мешались и отсылали б колодников и подлежащих их ведомству с делами в губернские канцелярии». Эти нормативные акты регулировали деятельность сыщиков.

В 1756 г. для главных сыщиков (один на несколько губерний) была принята особая инструкция, в которой были определены их обязанности: принимать меры к поимке разбойников и требовать содействия не только воинских команд, но и всех местных жителей; разыскивать всех пристанодержателей («кто им пристать чинит»); производить розыск с целью выяснения места нахождения преступников, мест сбыта ворованного имущества и их связей; возвращать по принадлежности изъятые у воров и разбойников вещи. Таким образом, основными функциями сыщиков были оперативно-розыскная деятельность и дознание по уголовным преступлениям. Кроме того, они имели право отправлять суд над пойманными преступниками.

Институт сыщиков просуществовал до 1762 г., вплоть до упразднения его двумя сенатскими указами: «О возвращении сыщиков, состоящих в губерниях для искоренения воров и разбойников, к своим командам, и о возложении сей обязанности на помещиков деревень, на управителей Дворцовых волостей и на сотских и десятских вотчин Синодального ведомства» и «О поручении сыска воров и разбойников вместо сыщиков губернаторам и воеводам».

В первой четверти XVIII в. борьба с уголовной преступностью входит также и в компетенцию полиции. По именному Указу от 20 мая 1718 г. в Петербурге учреждается полицейская канцелярия, а через пять дней вводится должность Генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга, которому была подчинена полицейская канцелярия. Зачастую в помощь полиции направлялись воинские команды, что закреплялось специальной «Инструкцией полевых и гарнизонных команд офицерам, отправленных для сыску беглых драгун, солдат, матросов и рекрут и для искоренения воров, разбойников и пристанодержателей их» от 24 декабря 1719 г. Воинские подразделения не приме-

няли специальных оперативно-розыскных методов и использовались как вспомогательная сила для силового захвата вооруженных шаек и преследовании преступников. В этот период полиция оставалась столичным учреждением. В том же 1719 г. учреждаются провинции во главе с воеводами, подчиненными губернаторам. Среди прочих обязанностей они обязаны были заниматься поимкой беглых крепостных и солдат, бороться с разбоями, посылать служилых людей для сыска воров и разбойников.

16 января 1721 г. был принят «Регламент или Устав Главного магистрата», одной из задач которого стала охрана общественного порядка и борьба с преступностью: «… способствовать в правах и правосудии, рождать добрые порядки и правоучения, всем подавать безопасность от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных» (ПСЗ. Собр. Т. 6. № 3708). В 1722 г. в Москве введена должность обер-полицмейстера, а в крупных городах — должности полицмейстеров. Специальным актом от 23 апреля 1733 г. «Об учреждении полиции в городах» в империи вводится регулярная полиция. Причем, с самого начала полиция был отделена от органов политического сыска. В 1730 г. был восстановлен Сыскной приказ, ликвидированный императором Петром I. Именным Указом предписывалось, чтобы в «Сыскном ведать татинные, разбойные и убийственные дела, и которые воры и разбойники пойманы будут в Москве и приведены в Полицмейстерскую Канцелярию, тех, записав, в то же время отсылать в Сыскной приказ» (Там же. Т. 8. № 5597). Таким образом, сам факт существования Сыскного приказа и института сыщиков говорит о том, что полиция в первой половине XVIII в. практически не занималась сыском.

Положение меняется 1 мая 1746 г. с учреждением в Санкт-Петербурге «Особой экспедиции для розысков по делам воров и разбойников» (позднее «Розыскная экспедиция»), а в 1763 г. — в Москве. К экспедиции перешли предметы ведомства ликвидированного Сыскного приказа, а также организация пересылки осужденных в Сибирь и Оренбург.

Розыскная экспедиция просуществовала до 1782 г., когда ее функции перешли к созданной 7 ноября 1775 г. Палате уголовных дел и Управам благочиния (учреждены в 1782 г.), в которых общеуголовный сыск и дознание возлагались на приставов уголовных дел. 7 ноября 1775 г., согласно «Учреждению для управления губерний Всероссийской империи», полиция разделилась на городскую и уездную, а 8 апреля 1782 г., согласно «Уставу благочиния или полицейского», происходит реорганизация городской полиции. В городах создавались новые полицейско-судебные органы — Управы благочиния,

возглавлявшиеся в губернских городах полицмейстерами, а в уездных — городничими. Главной задачей Управы благочиния было осуществление уголовно-розыскной функции: «Открытие преступлений и поступков, предупреждение оных, имение под стражу преступников, исследовании на месте, обнаружении и утверждении доказательства преступлений или проступков, и да воспрепятствует злому учинить злое и да воздержится от неистовства и преступления» (Там же. № 15379. С. 61). По Уставу благочиния город делился на части (200–700 дворов), во главе которых находился частный пристав со своей канцелярией. На него возлагались многие обязанности, в том числе и обязанность по раскрытию уголовных преступлений и дознание по ним: «Частный пристав в случае уголовного преступления лично имеет исследовать: 1) о особе над кем учинено; 2) о действии, что учинено; 3) о способе и орудии, чем учинено; 4) о времени, когда учинено; 5) о месте, где учинено; 6) о околичностях, объясняющих с намерением или без намерения, и утверждающих или обличающих, как учинено; 7) преступника кем учинено» (Там же).

Таким образом, в XVIII в. в России был создан разветвленный полицейский аппарат, охвативший всю страну и пронизавший ее сверху донизу. При этом уголовно-розыскная функция специально не выделялась и полицейские занимались розыском и дознанием наряду с другими организациями. Попытки создания специальных органов, которые бы конкретно занимались сыском по уголовным преступлениям (Сыскной приказ, сыщики, Особые экспедиции), успехом не увенчались. Правительство пошло по линии количественного увеличения полиции и возложения на полицейского в масштабах квартала, части, уезда всех полицейских функций.

А.М. КУРЫШОВ

РЕФОРМА ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИБАЙКАЛЬЯ В НАЧАЛЕ XX В. В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ

К началу XX в. оптимизация хозяйственной деятельности бурятского населения Прибайкалья, до этого ориентированная на приспособление к географическим условиям, исчерпала себя, вступив в противоречие с новыми условиями социально-экономического плана. Эти новые условия имели различную природу. Часть их имела внутреннее происхождение. В первую очередь, это неравномерное распределение

земель при формально сохранявшемся общинном пользовании. Во-вторых, это кризис родовой организации, явившийся следствием углубления имущественного неравенства. Проявлениями борьбы общинного и индивидуального начал в бурятском обществе стали многочисленные земельные споры и фактически начавшийся передел общественных земель в пользу частных лиц. Вторая часть новых социально-экономических условий имела внешнее по отношению к бурятам происхождение. К ним относится «земельный голод» среди русских крестьян, вызванный ростом численности населения, в том числе, за счет переселенцев. Царское правительство, стремясь разрешить проблему аграрного перенаселения Европейской России за счет Сибири, окончательно и бесповоротно нарушило шаткое равновесие сибирского землепользования. Мощным фактором, повлиявшим на развитие событий в регионе, стало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, необходимое для вовлечения материальных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в экономику страны, ускорившей урбанизацию Восточной Сибири, а, соответственно, и развитие товарного сельского хозяйства. Обе группы названных факторов делали земельный передел в Сибири, в частности, в Иркутской губернии, насущной необходимостью. Реформа землеустройства, санкционированная нормативными актами 1896 г. (Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев) и 1898 г. (Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ), была призвана осуществить этот передел. При этом значительная часть земель, считавшаяся в бурятском пользовании, должна была перейти колонистам и русским крестьянам-старожилам (по условиям реформы земельный надел всех сельских жителей, независимо от национальной принадлежности, ограничивался 15 десятинами на душу мужского пола, тогда как у бурят, как правило, эта норма намного превышалась).

Как фактор переселенческой политики правительства, реформа землеустройства стала методом решения проблемы малоземелья в Европейской России, что должно было оградить помещичье землевладение. Но она также способствовала рационализации сельского хозяйства коренного населения Сибири. Две точки зрения на аграрные реформы, — как на способ решения проблемы малоземелья и как на сельскохозяйственную рационализацию, — существуют с конца 1910-х гг. (Куренышев А.А. На пути к частной собственности на землю. Союз земельных собственников России // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 40). Представляется, однако, что данная проблема несколько шире, и она включает в себя, помимо прочего, и вопросы, связанные с геополитическими приоритетами Российской империи.

Реформа номинально началась в 1898 г., ее направления были выработаны еще в 1896 г. Именно в этом году был подписан секретный русско-китайский договор о строительстве железной дороги до Владивостока через территорию Китая. Помимо этого в договоре содержались пункты о взаимной защите и союзной помощи, направленные против Японии. Договор лишал и Великобританию господствующих позиций в Китае. Фактически бурят землеустроительная реформа стала касаться лишь с 1907–1908 гг., когда начался отвод земельных участков по новым правилам в бурятских ведомствах. С чем связана активизация деятельности землеустроительных партий именно в этот период? Помимо начавшейся в Европейской России столыпинской реформы, призванной сгладить революционный настрой крестьянства, следует помнить об изменении внешнеполитической обстановки. В августе 1905 г. Россия заключила Портсмутский мир с Японией, что знаменовало собой потерю влияния империи в Северном Китае и появление японской угрозы непосредственно на континенте, в Манчжурии. В этих условиях сохранение российского влияния в Монголии и укрепление восточных границ империи стало насущной необходимостью. Колонизация Восточной Сибири и Дальнего Востока в этой связи становилась одним из инструментов закрепления Россией за собой обширных, богатых ресурсами, но слабозаселенных территорий Северной Азии.

С целью обоснования колонизации края в конце XIX в. было проведено масштабное исследование сельских районов Восточной Сибири. Исследователи пришли к выводу, что бурятское население обладает «лишними» землями, перспективными в плане аграрной колонизации. Отмечалось при этом, что буряты Прибайкалья практически ничем не отличаются по уровню развития земледелия от русских крестьян. Эти же мысли последовательно отстаивались и чинами землеустроительных партий уже после начала землеустроительных работ, что явилось ответом на недовольство бурятского населения (к слову сказать, инициированного родовой знатью и нарождавшейся национальной буржуазией) и препятствия, чинимые местной администрацией. В силу последних обстоятельств бурятские земли фактически не были затронуты реформой до второй половины первого десятилетия XX в. Прорыв в отношении местных властей к реформе землеустройства коренного населения края происходит именно после поражения в русско-японской войне. Причем геополитическая обусловленность переселения и землеустроительной реформы в данном случае не вызывает сомнений. Так, во Всеподданнейшем отчете Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. прямо указывается: «Возможность в будущем

новых столкновений на восточном фронте уже на нашей территории ставит Генерал-Губернаторство в особые условия и вызывает 1) настоятельность интенсивного заселения края коренным русским населением, чтобы, сильное любовью к родине, оно создало противовес инородческому стремлению к политическому обособлению Сибири и 2) необходимость в культурном поднятии страны, как-то: земледелия, скотоводства и пр. отраслей сельско-хозяйственной, а также добывающей заводской и фабричной промышленности, могущих облегчить операции армии в случае войны на восток» (Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. С. 5). Предвидя реакцию бурятской верхушки на реформу и колонизацию бурятских земель, генерал-губернатор отмечает: «Такой взгляд на нашу политику по отношению к бурятам будет встречен богатым классом и бурятскою интеллигенцией, а равно и ламайским духовенством недоброжелательно, но полагаю, что легче и целесообразнее начать политику слияния бурятского населения с коренным российским теперь же, чем допустить развитие сепаратистических наклонностей у бурят на восточном фронте» (Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. С. 10).

Вслед за этим более жесткой становится позиция Главного управления землеустройства и земледелия переселенческого управления. «Совершенно недостаточно для приостановки поземельного устройства заявления бурят о нежелании или несогласии на это… Нет никакой надобности спрашивать мнение инородцев относительно введения у них землеустройства», — говорится в обращении Главноуправляющего землеустройством и земледелием к Иркутскому генерал-губернатору от 18 января 1908 г. (ГАИО, ф. 171, оп. 1, ед.хр. 7, л. 162). И вот уже землеустроительные партии в 1910 г. одной из целей землеустройства называют «необходимость уничтожить тот барьер для расширения культурной площади страны, который представляют из себя малолюдные территории бурятских ведомств» (ГАИО, ф. 171, оп. 1, ед.хр. 218, л. 25).

Ослабление позиций России на Дальнем Востоке требовало принятия серьезных мер по обеспечению государственной безопасности в регионе. В этой связи, в частности, интерес представляют два закона, изданные в 1910 г.: Одобренный Государственным Советом и Государственною Думою и Высочайше утвержденный, 21 июня 1910 г., закон «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал- губернаторства, некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» и Одобренный Государственным Советом и Государс-

твенною Думою и Высочайше утвержденный, 21 июня 1910 г., закон «О предоставлении Приамурскому генерал-губернатору особых полномочий по изданию обязательных постановлений, ограждающих вверенный ему край от иноземных шпионов» (Свод законов Российской империи (в четырех книгах). Дополнения. М., 1911. С. 242).

Таким образом, есть все основания предполагать под реформой землеустройства коренного населения Восточной Сибири не только инструмент колониальной политики (в традиционно негативном значении этого словосочетания) Российской империи, подчиненной классовым интересам помещиков, но и один из способов закрепления Россией за собой Сибирского региона в условиях обострения международной обстановки. В этой связи нельзя не обращать внимания на то обстоятельство, что реформа землеустройства закрепляла государственную собственность на землю в Сибири. Все это также способствовало закреплению прав Российской Империи на огромные сибирские пространства. Попытки помещичьего лобби в правительстве распространить на Сибирь частное землевладение (после 1910 г.) сталкивались как с сопротивлением населения, так и с негативной реакцией государственных чинов. Так, например, Иркутский генерал-губернатор отрицательно высказался в адрес проекта закона о внутринадельном размежевании в Сибири, внесенного в Государственную Думу Главноуправляющим землеустройством и земледелием в ноябре 1910 г. (Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1910–1911 гг. Иркутск, 1912. С. 15).

И еще одно обстоятельство, связанное с реформой землеустройства. Требования времени сделали главной целью реформы формирование переселенческого колонизационного земельного фонда. После 1906 г. приоритет этого направления не подвергался сомнению. Наличие в пользовании бурят Иркутской губернии огромных площадей земли предопределили то, что объектом реформы стало в первую очередь бурятское землепользование. Однако меньше всего власти желали ликвидировать или кардинально перестроить традиционный хозяйственный уклад бурят. Об этом говорят и проводившиеся в конце XIX века исследования бурятского быта, и позиция иркутского генерал-губернатора в первый период реформы, и положения реформы, и методы ее проведения. Конечно, причиной такого поведения властей было отнюдь не забота о сохранении культурного наследия бурятского народа, — она состояла в другом. Власть предержащие были обеспокоены развитием как раз той отрасли хозяйства, разрушение которой им ставилось, и ставится в вину до сих пор некоторыми исследователями, — скотоводства (см., например:

Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во II-й половине XIX в.–начале XX в. (60-е гг. XIX–октябрь 1917 г.): модернизация и традиционный образ жизни. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА, 2001. С. 102; История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. Т. I. С. 479). Не случайно еще в начале XIX в. Иркутский гражданский губернатор считал нужным «обратить сельских жителей к скотоводству, как к такой части сельской экономии, которая после земледелия всего более обеспечивает народное продовольствие» (Н.И.С. К истории бурятского хозяйства // Сибирский архив. 1912. № 3. С. 171). Не случайно на рубеже веков ежегодно местной администрацией в бурятских ведомствах собирались данные о поголовье скота, причинах его убоя или падежа, наряду со сведениями о положении дел в земледелии. Не случайна и формулировка мотива приостановления землеустроительной реформы в 1917 г., — «Во избежание расстройства скотоводческого хозяйства…» (ГАРФ, ф. 1797, оп. 1. ед.хр. 154. л. 2–3). В Забайкалье в бурятских улусах по распоряжению властей содержались жеребцы-производители для улучшения породы (Восточное обозрение. 1906. № 9. С. 3). В Прибайкалье землеустройство не распространялось на чисто скотоводческие районы. Причину трепетного отношения властей к скотоводческим традициям коренного населения называет сам Иркутский генерал-губернатор: «Необходимо улучшать табунное коневодство для нужд армии» (Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. С. 30). Таким образом, с позиций геополитики, территория Прибайкалья, занятая бурятами, была важна не только в плане колонизации, но и как стратегически важный животноводческий район.

Итак, реформа землеустройства бурятского населения Прибайкалья, проходившая в конце XIX–начале XX вв. имела не только внутриполитическое и экономическое значение, но и являлась одним из мероприятий, призванных закрепить суверенитет Российской империи над Восточной Сибирью. В этом смысле реформу необходимо рассматривать в комплексе с такими мерами, как строительство Транссибирской железнодорожной магистрали (1891–1904 гг.), русско-японский договор 1896 г. Туркестано-Сибирской железной дороги (строительство начато в 1912 г.), установление протектората России над Урянхайским краем (1914 г.), развитие промышленности Сибири и переселенческая политика, и такое рассмотрение может являться целью специального исследования. Весь комплекс названных мер можно рассматривать по-разному — либо как стремление России закрепить за собой Сибирь как сырьевую базу, либо как «бросок» империи к Тихому океану, либо как освоение Россией, выражаясь словами

Г.В. Вернадского, своего «месторазвития» — Евразии. Но в любом случае такой «натиск на восток» был предопределен и обусловлен всем историческим процессом развития Российского государства.

И.В. КУРЫШОВА

ОБРАЗОВАНИЕ ЛЕСНИЧЕСТВ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв. И ПРОБЛЕМЫ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Активное аграрное, промышленное, транспортное освоение Байкальского региона в конце XIX–начале XX вв., распространение рыночных отношений и связанная с этим трансформация экологических традиций местного населения породили проблему сокращения лесных ресурсов края. В этих условиях перед государством встал вопрос рационализации лесопользования в регионе.

Первоначально лесопользование в регионе находилось в ведении местной исполнительной власти. Исследованиями лесов Иркутской губернии по штату 1894 г. при Иркутском генерал-губернаторе занимались вице-инспекторы корпуса лесничих, четыре ревизора лесоустройства и двенадцать кондукторов (Всеподданейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 г. Иркутск, 1908. С. 21). В 1896 г., для более эффективной эксплуатации земельных и лесных ресурсов, по решению Государственного Совета создается Управление Государственных имуществ Енисейской и Иркутской губерний. С 1 апреля 1897 г. фактическое управление делами взяла на себя Иркутская Казенная палата. Согласно Лесному Уставу 1893 г., с 1895 г. начинается процесс образования лесничеств в Иркутской губернии. С образованием лесничеств казенные леса Иркутской губернии и Забайкальской области были переданы в ведение Лесного Департамента, что означало распространение общероссийского лесного законодательства на территорию Байкальского региона и создание организационных структур по образцу Европейской России. В Иркутской губернии в 1898 г. было образовано семь лесничеств, в 1906 г. их насчитывалось уже 13, в 1914 г. на территории губернии функционировало 16 лесничеств: Ангарское, Байкальское, Бирюсинское, Знаменское, Зиминское, Иркутское, Китойское, Култукское, Ленское,

Нижнеудинское, Прибайкальское, Тулуновское, Черемховское, Балаганское, Николаевское, Уковское.

В функции лесничеств входило: составление статистических отчетов, сведений о количестве леса, сенокосных угодий, учет и контроль за отпуском лесных материалов, регламентация пользования лесом (выписывание лесорубочных билетов), охрана лесов от пожаров и самовольных порубок, проведение лесоустроительных работ (исследование территорий, выделение заказников, контроль за их состоянием).

Лесничество управлялось лесничим и помощником лесничего, обязанности которых были достаточно широки. Это и управление лесным хозяйством, и ведение переписки с разными учреждениями и лицами по всем вопросам лесного хозяйства, и делопроизводство по нарушениям Лесного устава. В подчинении у лесничего находилась лесная стража. Согласно Лесному уставу в стражу определялись лица мужского пола не моложе 21 года и, по возможности, грамотные. Исключение делалось лишь для лиц, окончивших курс в низших лесных школах — они могли быть определены в лесную стражу и до достижения 21 года. Лесная стража состояла из объездчиков и лесников. В обязанности лесников входило знание границ своего участка и его охрана от всевозможных нарушений: самовольных порубок, пастьбы скота, сенокошения и пользование лесными полянами, защита леса от пожаров. Объездчики должны были знать и охранять границы своего объезда, проверять отчеты лесников по лесным заготовкам, не допускать нарушений действующих правил. Лесные ревизоры назначались для осмотра лесов, инспекции лесной стражи, организации отпуска леса, а также контролировали землеустроительные работы.

В «Сведениях о положении лесного дела в губерниях Поволжья и Сибири в 1907–1909 гг.» приводятся следующие данные по Иркутской губернии: в личном составе лесных чинов числилось 34 человека, в том числе 2 лесных ревизора, 11 лесничих, 21 помощник лесничих и кондукторов. В состав лесной стражи входило 205 объездчиков (РГИА, ф. 387, оп. 28, ед.хр. 1800, л. 17). В Забайкальской области в лесном хозяйстве было занято 11 лесничих, 16 помощников лесничих, 71 объездчик (Боржонов К.Т., Пунцукова С.Д., Тугутов В.Е. Указ. соч. С. 29). Состав лесной стражи не был однороден и постоянно изменялся. Казенная лесная стража формировалась в соответствии с законом 1869 г. и была постоянной. В общее количество лесной стражи входила и временная стража (полесовщики, пожарные старосты, выбранные для охраны крестьянских лесов и др.). В Иркутской губер-

нии с 1902 г. по 1908 г. состав постоянной лесной стражи увеличился на 45 человек (27,7%), а общее количество лесной стражи за это же время уменьшилось на 220 человек (33%). В Забайкальской области с 1909 г. по 1914 г. состав лесной стражи увеличился на 53 человека, что составило 42,74%. Неодинаков был состав лесной стражи и по отдельным лесничествам, но в любом случае он был недостаточен.

Недостаток чинов лесной стражи в Байкальском регионе значительно снижал эффективность лесоохранных мер. По расчетам лесного ревизора А.А. Строгого средняя величина одного лесничества в Иркутской губернии в 1902 г. составляла 523 530 десятин, а в 1908 г. — 676 537 десятин (Строгий А.А. О лесах Сибири. СПб., 1911. С. 90). Что касается лесничеств Забайкальской области, то их площади были значительно обширнее. Так, в ведении Верхнеудинского лесничества состояло 5 000 000 десятин лесов (217 391,3 дес. на одного стражника), в Троицкосавском лесничестве — 6 100 000 дес. (290 476 дес. на стражника), в Прибайкальском — 6 950 000 дес. (496 428,57 дес. на стражника). В Баргузинском лесничестве на 2 стражников приходилось 11 100 000 десятин лесных пространств (НАРБ, ф. 229, оп. 1, ед.хр. 3, л. 65–66). Огромные лесные массивы лесничеств были почти не исследованы. По мнению А.А. Строгого, лесничие начинали управлять «ощупью, наугад», под руками не имея ни удовлетворительного описания лесничеств, ни хозяйственных данных. Даже очень активный лесничий только через два-три года смог бы познакомиться с лесничеством на деле, а не по бумагам (Строгий А.А. Указ. соч. С. 65). Лесничие во время ревизий лесничеств не раз ставили вопрос о необходимости увеличения числа чинов лесной стражи. Однако претендентов на должности чинов лесной стражи найти было не просто.

Статистические отчеты лесничеств свидетельствуют о высокой степени текучести кадров лесной стражи. Например, в Иркутском лесничестве в 1907 г. из 17 членов казенной лесной стражи пять человек (29,4%) имели стаж службы менее одного года, 9 человек (52,9%) — от одного до пяти. В 1903 г. в Ленском лесничестве 28% чинов лесной стражи служили менее одного года, а в Ангарском лесничестве этот показатель составлял 83,6% лет (Рассчитано по: ГАИО. ф. 176, оп. 1, ед.хр. 1463, л. 5; оп. 6, ед.хр. 54, л. 81, 139). Причины частой сменяемости чинов лесной стражи не отличаются разнообразием. Первой из них является увольнение за невыполнение служебных обязанностей. Потворство нарушениям лесопользования, а зачастую и прямое пособничество лесным «хищникам» во многом являлось следствием крайне низкого жалованья, не соответствовавшего усилиям по лесоохране.

Обеспечение казенной лесной стражи денежным вознаграждением осуществлялось в соответствии с законом от 3 июня 1869 г., и оставалось до конца XIX в. без изменений. В Иркутской губернии в начале XX столетия в среднем в месяц объездчик получал 22 р. 33 к., лесник — 9 р. 83 к., за год соответственно 268 и 118 р. (ГАИО. ф. 176, оп. 6, ед.хр. 30, л. 14, 16). Жалованье позволяло лишь «влачить страже незавидное существование» (ГАИО. ф. 176, оп. 6, ед.хр. 33, л. 243).

В 1897 г. Иркутский генерал-губернатор Горемыкин предложил наделять чинов казенной лесной стражи хорошими участками земли, причем не только из свободных делян, но и из лучших оброчных статей. Это предложение получило одобрение в Государственном Совете, и к 1901 г. почти все члены лесной стражи Иркутского генерал-губернаторства пользовались землями, расположенными в заказниках. Однако, даруя льготы одной рукой, государство второй тут же компенсировало потери. Так, принимая во внимание обширность казенных земель в Сибири, что позволяло отводить лесной страже земельные владения, Государственный Совет исключил из сметы 1897 г. 1200 р., предназначенных для вознаграждения лесничих (ГАИО, ф. 176, оп. 6, ед.хр. 33, л. 243–244).

Государство уделяло внимание и подготовке квалифицированных кадров лесного хозяйства, открывая специальные учебные заведения на территории Российской империи, такие как низшие лесные школы, Лесные институты. Байкальский регион долгое время оставался без специализированного учебного заведения, которое бы осуществляло подготовку кадров для работы в лесничествах, однако обстоятельства заставляли власти решать этот вопрос. Чиновники Лесного департамента осознавали, что текучесть кадров во многом обусловлена попаданием в лесничества случайных людей. С целью укомплектования Лесного ведомства Иркутской губернии и Забайкальской области квалифицированными кадрами, департамент принял решение об организации в Прибайкалье низших лесных школ. В частности, такая школа функционировала в 1900–1906 гг. в Тулуне. Первоначально в ней состояло 14 учащихся, позднее их число увеличилось до 20 человек. В сентябре 1911 г. Лесной департамент издал распоряжение, с ассигнованием соответствующих средств, об открытии низшей лесной школы при Илькинском лесничестве, в селе Ново-Брянском, в 12-ти верстах от станции Заиграево, Забайкальской железной дороги. Школа открылась в 1912 г. и готовила специалистов — лесных техников. В школу принимались молодые люди в возрасте старше 16 лет, имеющие свидетельство об окончании курса не ниже двухклассного сельского училища, а также физически здоровые, способные переносить трудности

лесной службы. Здания своего школа не имела и первоначально размещалась в частном доме. В первый год было принято 10 воспитанников, 8 из которых находились на государственном содержании (была определена сумма по 155 р. на человека в год), их называли «казенно-коштные». А «своекоштные» воспитанники обучались платно, внося в казну полную сумму (155 р.) или же половину (77 р. 50 к.), но при этом могли пользоваться только столом и помещением (Забайкальская Новь. 1911. № 1197. 9 июля. С.3). Школа просуществовала до 1918 г. и сделала три выпуска по 10 специалистов. Была предпринята попытка открыть Лесной институт в Иркутске. В 1913 г. с такой инициативой выступило Иркутское городское самоуправление. Ответ на ходатайство был отрицательным, — вопрос об открытии Лесного института в Иркутске правительством не разрабатывался (Сибирь. 1913. № 201. 11 сентября. С. 2.; № 222. 5 октября. С. 3).

Помимо нехватки кадров работа лесничеств осложнялась рядом других обстоятельств. Одним из них являлся непрофессионализм в делопроизводстве. Лесничие часто невнимательно относились к оформлению отчетной документации (ответы не соответствовали вопросам, совокупность слагаемых не равнялась сумме, заголовки граф изменялись, приводились ненужные сведения), либо отписывались, что сведений нет. Это значительно затрудняло работу Лесного Департамента со статистическими данными, не позволяло представить общую картину развития лесного хозяйства по России в целом. Существенным образом отразились на эффективности работы лесного ведомства внешнеполитические события начала XX в. (русско-японская война, первая мировая война): многие работники-специалисты были призваны в армию. Циркуляром Лесного Департамента от 24 сентября 1904 г. лесничим предписывалось, не увеличивая расходов на содержание лесной стражи, организовать охрану лесов. Необходимо было перераспределить оставшиеся без охраны территории между остальными чинами лесной стражи. Это привело к увеличению обходов и объездов, а также к передаче некоторых казенных земель в пользование различным категориям населения. Лесные чины отвлекались и на отвод переселенческих участков. Переселенческие участки должны были охраняться лесной стражей, которая находилась под контролем чиновников Переселенческого Управления.

В условиях активного хозяйственного освоения региона лесничества превращались в организации, которые, с одной стороны, должны были следить за сохранением лесных богатств, с другой — подчинять свою деятельность общему делу развития края. В последнем случае лесничества становились еще и структурами, за счет которых

казна увеличивала свои доходы. Доходность лесничеств являлась одним из важнейших показателей, интересующих власти. Доходы лесничеств складывались из штрафов за нарушение Лесного устава, лесных пошлин с крестьян. Практиковалось взимание определенных сумм за пользование казенными лесами (выпас скота, сенокошение и т.д.). Но главной статьей доходов была продажа леса. Например, в 1903 г. прибыль лесничеств Иркутской губернии распределялась следующим образом: 95,8% — от продажи леса, 1,4% — плата за пользование казенными лесами, 2,3% — штрафы за нарушения Лесного устава, 0,5% — рента за оброчные статьи (ГАИО, ф. 176, оп. 6, ед.хр. 54, л. 20, 41, 57, 113, 131, 149). Доходность лесничеств с начала XX в. неуклонно снижается.

Причины снижения доходности лесничеств разнообразны. С завершением основного строительства Транссиба сократились заказы на поставку леса от железной дороги. Одной из главных причин стало повышение цен на отпускаемый из лесничеств лес. Снижению доходов лесничеств способствовало также запрещение выборочной рубки в лесных дачах, обязательное отграничение лесосек и участков при продаже крупных партий леса, введение сплошной рубки выделяемых лесосек.

Активизация природоохранной деятельности в конце XIX — начале XX вв. в целом, и охраны лесов — в частности, являлась составной частью процесса рационализации природопользования. Несмотря на далеко не всегда эффективную работу лесничеств, следует признать, что деятельность лесничеств в целом явилась важным шагом вперед в процессе формирования природоохранных традиций власти и системы рационального лесопользования Байкальского региона в условиях модернизации экономики и общества.

О.А. ЛЕВАНДОВСКАЯ

ТРАНССИБИРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ: ПЕРСПЕКТИВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРСКОГО РЕГИОНА ИЛИ «ОСКУДЕНИЕ ЦЕНТРА»

В конце XIX–начале XX вв. жизнь восточной окраины напоминала забытую усадьбу. Барин думает, что там живут люди, есть у него староста, который изредка посылает какие-то отчеты, посылает подуш-

ные и только. Барин, не зная условий, не ведает, как привести в порядок хозяйство этой усадьбы, а отчеты старосты — мертвая бумага…

Царизм вспоминал о далекой окраине по мере необходимости. Административные, культурные преобразования Сибирь, как правило, получала с большим опозданием, да и не в полной мере. Практикуемая самодержавием в отношении Сибири «окраинная политика» характеризовала не только политические, но и финансовые связи между центром и сибирским регионом в конце XIX–начале XX вв.

Начало строительства сибирской железной дороги ознаменовало качественно новый этап в развитии отношений между европейской Россией и ее Азиатской окраиной. Сибирская железная дорога, по мнению самодержавия, должна была разрешить ряд важных политических и экономических задач на востоке России. Во-первых, транссибирская магистраль открывала путь для успешной дальнейшей колонизации. Последняя, в свою очередь, была не только оптимальным выходом из тяжелого экономического положения для крестьянских хозяйств, стесненных малоземельем, но и создавала условия, как для использования природных богатств Сибири, так и для обороны российских окраин от иноземного захвата. Колонизация должна была содействовать реализации одной из первостепенных задач правительства: объединения азиатских владений с европейской Россией. Кроме того, с возрастанием миграции населения для сибиряков открывалась перспектива общения с населением более развитых регионов страны, что вело к углублению не только экономических связей Сибири со всероссийским рынком, но и культурных. Проведение железной дороги должно было способствовать как дальнейшему развитию русской промышленности, создав новый обширный рынок, так и увеличению производительных сил страны.

Однако большинство жителей европейской России пугала подобная перспектива, поскольку транссибирская магистраль, вызвав переворот в экономической, политической и культурной жизни огромного края, не могла не затронуть жизненные интересы как промышленной, так и земледельческой России. Опасения их были не беспочвенными.

С начала открытия восточносибирской железной дороги Сибирь становится главным поставщиком сельскохозяйственной продукции: хлеба, масла и мяса. Основными центрами поставки зерна являлись Урал, Восточная Сибирь, российский рынок и какая-то часть продовольствия отправлялась за границу. Сибирский хлеб становится конкурентоспособным европейскому. При существовании такой экономической политики помещик из центральной России находился в

невыгодном положении. В европейской России нарастало недовольство. Незначительные изменения произошли и в промышленности Сибири, которые вместе с тем, в различной степени повлияли на экономическое состояние как Сибири, так и регионов Европейской России. Благодаря стремительному развитию пищевой промышленности Сибирь могла обеспечивать регион собственной продукцией. Последнее обстоятельство пагубно сказывалось на промышленности центральных регионов империи, которые на протяжении всей истории Сибири являлись главными поставщиками промышленной продукции в этот регион, несмотря на то, что в других отраслях промышленности Сибирь еще пока не могла составлять конкуренцию промышленным предприятиям центральных губерний Российской империи.

Все чаще раздаются голоса противников активной экономической политики правительства на отдаленной окраине. Центральные издания переполнены негативными высказываниями, в которых выражается обеспокоенность политикой правительства. Недовольные авторы статей указывают, что на окраину расходуется слишком много средств, что неминуемо ведет к оскудению центра. Возникает конфликт между центром и окраиной.

Центр и регион имели совершенно противоположные взгляды и на решение проблем Сибири. Представители первого, в большей степени, были озабочены вопросами получения экономической выгоды в крае с наименьшими затратами для европейской России. Вторые вели решительную борьбу против приверженцев проведения «окраинной политики» в отношении Сибири, указывая на необходимость гарантирования Сибири прав, которыми пользуется вся остальная Россия. И первые, и вторые приводили немало доводов в подтверждение правомерности своих убеждений. Много разногласий существовало и по вопросу финансирования сибирской окраины. В этом ключе нам представляется интересным рассмотреть мнения не только сторонников активной финансовой политики в Сибири, но и ее противников.

Решающая роль в обсуждении вопросов, связанных с финансовыми взаимоотношениями центра и окраины, принадлежала сибирской администрации и сибирской прессе.

Среди восточносибирских исследователей, занимавшихся вопросами финансовых отношений центра и Сибири, бытовало мнение «о пожирании» Сибирью средств, выделяемых центром». При этом они подчеркивали, что взамен Россия ничего не получает. Но вместе с тем они приводили объяснения и веские доказательства такому порядку дел. Прежде всего, ими поднимался вопрос о необходимости отмены ссылки.

Упразднение ссылки открывало для Европейской России путь к получению новых экономических перспектив в сибирском регионе. Взоры как российских, так и иностранных предпринимателей всегда были обращены к Сибири. Природные богатства сибирского края и желание получить огромную прибыль манили с неудержимой силой. Но вместе с тем, существующая многовековая практика ссылки из центральной России уголовных и политических преступников, создавая Сибири славу «страны злодеев», сдерживала приток капиталов. Потеря средств и возможная гибель в дикой стране, останавливали охотников за удачей. Вливание же капиталов в Сибирь содействовало бы экономическому развитию восточной окраины, которая в свою очередь отплатила бы благодарностью метрополии, поставляя ей свои дешевые товары и одновременно увеличивая доходность центральной России. В этой ситуации в выигрыше оставались обе заинтересованные стороны: Европейская Россия и ее восточная далекая окраина.

Другой, не менее распространенной в среде сибирской администрации и общественности была точка зрения о том, что «оскудение центра» является следствием отсутствия в Сибири необходимых преобразований. В существующих условиях, писали сибирские корреспонденты, — «такие территории, как Сибирь, в настоящее время тяжкая обуза для государства. Администраторов, техников, ремесленников она требует от России. Случись война — защита Сибири всей своей тяжестью ляжет на плечи костромского и вологодского мужика, так как население и средства Сибири очень ограничены. Неужели такой порядок вещей нормален? Если Сибирь будет исключена из сферы действия реформ, то эта «страна никогда не даст ровно ничего и вечно будет лишена своего голоса в судьбе России и вы сами ужаснетесь такого будущего» (Сибирь отвечает Каткову // Сибирь. 1886. № 13. С. 4).

Противников энергичной финансовой политики правительства на азиатской окраине в центральной России было достаточно. Как правило, большинство из них выражали интересы реакционных кругов общества европейской России. Они продолжали видеть в Сибири, в первую очередь колонию, приносящую прибыль метрополии, европейской России. Сибирь никогда не сможет стать частью России, ее полноправной территорией. Сибирь, переполненная ссыльными, страна, где половина населения лишена гражданских прав, не нуждается в каких-либо преобразованиях, тем более экономических затратах. Отмена же ссылки пагубно скажется на обстановке в центральной России. Уголовные преступники заполнят Россию, а для них здесь места нет.

К сожалению, общество европейской России к переменам в экономической жизни отдаленной окраины оказалось не готовым. В конце XIX–начале XX вв. у самодержавия четко выработанных принципов экономической политики в сибирском регионе не существовало. Сибирь сохраняла статус «несовершеннолетней дочери — колонии, к которой мать — метрополия практиковала опекунские права». (Боголепов М. Финансовые отношения Сибири и европейской России // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 3).

И.В. ЛЕВЧЕНКО

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО В СТАНОВЛЕНИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Крещение Руси выразилось не только в проповеди и богослужении, но и в целом ряде новых установлений и учреждений. Существует точка зрения, согласно которой, решающее влияние на эволюцию русского общества оказал синтез военной организации норманнов, общественных институтов славян и византийского права, ставшего известным на Руси благодаря утверждению в Киеве византийской церковной иерархии. (Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 27).

В соответствии с заключенным в 987 г. договором с Константинополем князь Владимир получил руку греческой царевны Анны и обязался принять христианство. Византия имела большой опыт просветительской деятельности в разных славянских государствах. На далекие глухие окраины обычно она посылала не самых лучших и образованных иерархов, но с Анной были отправлены знающие и опытные люди, которым предстояло управлять Русью вместе с наследниками греческой царевны.

Ко времени крещения Руси в Византии уже существовал полный свод церковного законоположения. Ключевский В.О. отмечал внутреннюю особенность византийского законодательства в том, что «оно состояло под двойным влиянием римской юриспруденции и христианской проповеди: первая — внесла в нее прием юридического трактата; вторая — прием религиозно-нравственного назидания, которые слились у византийского законодателя в наклонность оправдывать, мотивировать закон» (Ключевский В.О. Православие в России. М.: Мысль, 2000. С. 330). Мотивами могли быть как психологические и

нравственные побуждения, так и практические цели, житейские расчеты, а иногда на основе прямых ссылок на Св. Писание.

Принятие христианства произвело настоящий переворот во всех сферах правовой жизни: обычное русское право во многом противоречило учению христианской морали и церковного права (многоженство, способы и условия совершения брака, отпущение жены, наложничество и т.п.) Русская церковь, изначально становясь частью православно-восточной церкви, неизбежно перенимала от нее все действующие узаконения. В Древней Руси источники церковного права можно было разделить на собственно церковные источники и источники государственного происхождения (Уставы князей Владимира и Ярослава Мудрого, уставы удельных князей). Наибольшее хождение среди церковных законов получили два. Во-первых, «Свод законов» антиохийского адвоката VI в. Иоанна Схоластика. Это был систематический сборник правил церковных, разделявшийся на 50 титулов и часто соединявшийся с принадлежащими тому же автору извлечениями из Юстиниановых новелл, в виде сборника светских законов из 87 глав. Во-вторых, «Номоканон» в XIV титулах, в окончательной редакции приписываемый патриарху Фотию и содержащий в первой своей части предметный указатель к церковным и гражданским, касающимся церкви законам, а во второй — хронологическое собрание канонов в их полном тексте. Оба сборника появились на Руси в готовом славянском переводе. «Номоканон» Иоанна Схоластика, получивший на Руси название Кормчей книги, перешел из Болгарии в переводе, как полагают, еще самого первоучителя Мефодия. К «Номоканону» были присоединены выборки из законов Юстиниана и некоторые другие компиляции, сделанные в Болгарии, из различных источников византийского права (Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М.: Терра, 1997. С. 192).

Получили известность также еще несколько церковно-юридических документов: 1) Эклога, т.е. выборка законов, изданная 741 г. Византийским императором Львом Иосоврянином (Исаврянином) и его сыном Константином, посвященная гражданскому праву (16 титулов из 18) и регулировавшая в основном феодальное землевладение; 2) Прохирон (от греч. Procheiros — находящийся под рукой) — законодательный свод императора Василия Македонянина IX в. Он представлял собой практическое руководство для судей (нормы гражданского, уголовного и отчасти судебного и церковного права), изданное в Византии в 879 г. на основе кодификации Юстиниана. На Руси Прохирон назывался Градским Законом или Ручной Книгой законов; 3) Закон Судный Людем, созданный болгарским царем Симе-

оном — это славянская переделка той же Эклоги, преимущественно ее статей о наказаниях.

Со временем все эти церковно-юридические документы начинают называться Кормчими Книгами и принимают силу полноправных законодательных актов. Они включали в себя титулы о брачном сговоре, о заключении и расторжении брака, о многообразных имущественных сделках, входящих в состав гражданского оборота, о дарении, о купле и продаже, о займе, найме, наследовании и пр. До тех пор на Руси понимали закон как стародавний обычай и едва начинали его понимать как распоряжение власти. Кормчая Книга принесла на Русь первые образцы связного изложения юридических норм, построенного не на пережившем себя обычае или случайном усмотрении власти, а на последовательном развитии юридических начал, отвечающих насущным потребностям общества. Русские духовные пастыри, призванные содействовать устроению гражданского порядка вероятно с трудом усваивали чуждые греко-римские установления. Но форма и дух византийской кодификации были восприняты и оказали огромное воздействие на развитие русского права. Ключевский В.О. пишет: «Разные редакции Русской правды и церковных уставов св. Владимира и Ярослава, церковные уставы их потомков, князей XII века, — все это были ранние подражания синоптической византийской кодификации, или прямо вышедшие их среды духовенства, или предпринятые под влиянием и при содействии церковных законоведов» (Ключевский В.О. Православие в России. М.: Мысль, 2000. С. 330).

Княжеские церковные уставы являлись важным источником древнерусского права вообще и церковного права в частности. Первым церковным уставом, изданным на основе византийского законодательства, учитывающим и приспосабливающим его к условиям русской действительности, являющимся опытом местного, самобытного церковного законодательства стал церковный устав св. Владимира. Он дошел до нас в многочисленных списках. Митрополит Макарий (Булгаков) разделяет их на три редакции: краткую, среднюю и обширную. По всем трем редакциям устав состоит из трех существенных частей. Первая часть определяет княжеское жалованье для церкви. Владимир говорит, что он создал церковь святой Богородицы в Киеве и дал этой церкви десятину по всей земле Русской («от всего княжа суда десятую векшу, из торгу десятую неделю, из домов на всяко лето от всякаго стада и от всякаго жита»). (Макарий (Булгаков) митрополит московский и коломенский. История русской церкви. Кн. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1995. С. 85).

Во второй части называются суды Церкви и те преступления, в которых суду Церкви должны подлежать все христиане земли Русской. Таким образом, в отличие от Византии, где участие епископов в гражданском суде пользовалось большой свободой, в русском государстве был определен особый круг дел и преступлений навсегда становившийся предметом рассмотрения собственным судебным ведомством епископа. Греческие порядки в этом случае не могли быть перенесены на русскую почву. Судебная деятельность составляла доходную статью князя, давала содержание для самих судей, поскольку большинство преступлений искупалось денежными пенями.

Третья часть церковного устава св. Владимира определяла круг лиц входящих в церковное ведомство. Тут были перечислены: 1)лица, служащие церкви и принадлежащие к духовному сословию: игумен, поп, диакон, попадья, дьячок и пономарь, а также попович, чернец, черница (монастыри) и просвирница; 2) лица, предоставленные только покровительству Церкви или получающие от нее содержание: слепец, хромец (больницы), задушный человек, т.е. раб, отпущенный господином на волю по духовному завещанию, и сторонник (гостиницы, странноприимницы). Об этих церковных людях было сказано, что все они подлежат только суду митрополита или епископа.

Анализируя особенности различных списков церковного устава св. Владимира, Макарий (Булгаков) высказывает убеждение, что следует отдать предпочтение обширной редакции устава, как вероятно древнейшей и ближайшей к подлиннику. Он отмечает, что многие положения устава св. Владимира согласуются с греческим Номоканоном, особенно в части перечисления дел, в которых суду Церкви подчиняются не только церковные люди, но и все миряне (христиане). В тоже время устав имеет свои особенности. Например, устав указывает на некоторые частные случаи, на некоторые виды преступлений, вовсе не упоминаемые в византийском законодательстве: между делами против веры и Церкви — повреждение храмов и могил; между делами семейными — неблагопристойная защита мужа женою и нанесение побоев снохою свекрови. (Макарий (Булгаков) митрополит московский и коломенский. История русской церкви. Кн. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1995. С. 95).

Приспособленный к потребностям русской жизни устав св. Владимира должен был иметь благотворное влияние на укрепление и развитие русского государства. Положения устава, направленные против волхований, чародейства, молений под овином, или в роще, или у колодца были направлены к искоренению на Руси всех остатков язычества и к утверждению православной веры в церкви. Поло-

жения, определяющие семейные отношения, утверждающие новые представления о морали и нравственности, способствовали возвышению общества, утверждению государственного быта на новых, христианских началах. Положения, поручавшие покровительству и попечению Церкви больных, нищих, странников, паломников, послужили первым началом к учреждению в русском государстве богоугодных заведений, общественной благотворительности, которые прежде были неизвестны.

Практическое развитие начал церковной юрисдикции, имеющихся в уставе Владимира, находится в церковном уставе его сына Ярослава. Это уже довольно пространный и стройный церковный судебник. Устав Ярослава сохранился и дошел до нас в гораздо меньшем количестве списков, чем устав Владимира. Самый ранний из них относится к XV в.

Данный судебник был составлен при участии митрополита Иллариона в 1051–1054 гг. Он повторяет почти те же подсудные церкви дела и лица, какие перечислены в уставе Владимира, но здесь они разработаны уже казуально в расчлененные и отчетливо сформулированные статьи со сложной системой наказаний и с обозначением самого порядка судопроизводства. Эта система и этот порядок построены на различении и соотношении понятий греха и преступления. Грех ведает церковь, преступление государство. Всякое преступление церковь считает грехом, но не всякий грех государство считает преступлением. Грех — нравственная несправедливость или неправда, нарушение божественного закона; преступление — неправда противообщественная, нарушение закона человеческого. Преступление есть деяние, которым одно лицо причиняет материальный вред или наносит нравственную обиду другому. Грех — не только деяние, но и мысль о деянии, которым грешник причиняет или может причинить материальный или нравственный вред не только своему ближнему, но и самому себе.

Устав Ярослава — это нравственный катехизис, переложенный в дисциплинарно-юридические предписания. Церкви подсудны грехи всех христиан и противозаконные деяния людей особого церковного ведомства. На этот двойной состав церковной юрисдикции и указывает устав в ст. 1, говоря от лица князя законодателя: «…помыслих греховные вещи и духовные отдати церкви», «аже не подабаеть сих тяжь судити князю и боярам, дал есмь митрополиту епископъм те суды, что писаны в правилех, в номакануне, по всем городам и по всей области, где християнстваное» (Устав Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 169).

Устав Ярослава посвящался главным образом семейно-брачным отношениям, преступлениям против семьи и нравственности. Встречались наказания за эти деяния как бы двойственные: и от князя, и от епископа. Почти все наказания имущественного характера. Только в одном случае, в ст. 13, предусматривалась смертная казнь. В этой статье устанавливалась ответственность мужа за двоеженство.

Все дела по уставу Ярослава можно поделить на три категории: 1) дела только греховные, без элемента преступности, судились исключительно церковной властью, разбирались святительским, т.е. епископским судом без участия судьи княжеского, по церковным законам. Сюда относятся дела, нарушающие церковную заповедь, но не входившие в состав компетенции княжеского суда: волхование, чародеяние, браки в близких степенях родства, общение в пище с язычниками, употребление недозволенной пищи, развод по взаимному соглашению супругов и т.п.; 2) дела греховно-преступные, в которых греховный элемент, нарушение церковного правила, соединяется с насилием, с физическим или нравственным вредом для другого, либо с нарушением общественного порядка — такие дела, как нарушающие и государственный закон разбирались княжеским судьей с участием судьи церковного. К этому разряду относятся дела об умычке девиц, об оскорблении женской чести словом или делом, о самовольном разводе мужа с женой по воле первого без вины последней, о нарушении супружеской верности и т.д.; 3) дела духовные, сословные, касающиеся лиц духовного ведомства, обыкновенные противозаконные деяния, совершенные церковными людьми, как духовными, так и мирянами. По уставу св. Владимира таких людей во всех судных делах ведала церковная власть, разумеется, по законам и обычаям, действовавшим в княжеских судах; но и князь как исполнитель судебного приговора, как верховный блюститель общественного порядка, оставлял за собою некоторое участие в суде над людьми церковного ведомства. Таким образом, наиболее тяжкие преступления, совершенные церковными людьми, судил церковный судья с участием княжеского, с которым и делился денежными пенями.

Из этой классификации дел, нормируемых церковным уставом Ярослава, можно видеть, что главная его цель — разграничение двух подсудностей, княжеской и святительской, выделение в составе церковного суда дел, решаемых совместно представителями обоих.

В 30-х гг. XII в. внук Мономаха, Всеволод Мстиславович, княживший в Новгороде, дал ему церковный устав, представляющий собой повторение и некоторое развитие старого церковного устава св. Владимира (Святославовича). Устав представляет собой документ, фик-

сирующий соотношение власти основных государственных органов Новгородской республики — епископа, князя, выборных представителей городской верхушки. По этому уставу контроль над торговыми мерами и связанный с ними суд, а также взимание торговых пошлин принадлежит городу.

В приписке к церковному уставу Всеволод рассказывает, что ему приходилось разбирать тяжбы о наследстве между детьми от одного отца и разных матерей, и он решал такие тяжбы по указаниям, содержащимся в Номоканоне. Князь, однако, думал, что не его дело решать такие тяжбы. Совесть князя тяготилась сомнением, вправе ли он решать такие дела, требующие канонического разумения и авторитета, и он обращается к церковной власти с призывом снять с его души нравственную ответственность за такие дела.

В уставе говорится о разграничении княжеской и церковной компетенции: «А по сем не въступатися детем моим, ни внучатам моим, ни всему роду моему до века в люди церковный, ни в век суды их» (Новгородский устав Всеволода Мстиславовича о церковных судах, людях и мерилах торговых // Российское законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 250).

Уставная и жалованная грамота князя Ростислава Мстиславовича церкви Богородицы и епископу, написанная им 1150 г., связана с учреждением в Смоленске епископии, обеспечением ее материальными средствами («И ее даю святей Богородицы (и) епископу: десятину от всех даней смоленских, что ся в них сходить истых (к)ун, кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья») и передачей церковной власти ряда публичных прав (Уставная и жалованная грамота Ростислава Мстиславовича церкви Богородицы и епископу от 1150 г. // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 213). Документ отражает положение государственной церковной организации одного из крупнейших русских княжеств в период феодальной раздробленности.

Устав новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 г. представляет собой законодательный акт, регулирующий отчисления в пользу новгородской епископии от судебных доходов князя: «А аде в Новегороде что есть десятина от дашш, обретох уряжено преже мене бывъшими князя, толико от вир и продажь десятины зърел, олико днии в рупе княжи и в клеть его. Нужа же бяше пискупу, нужа же князю в томъ, в десятой части божий» (Устав новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 г. // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 224–225).

Существовали также законы православного церковного происхождения. В качестве митрополии Константинопольского Патриарха Русская Православная Церковь осуществляла суверенную законодательную деятельность. Акты, издаваемые ею, носили форму соборных постановлений и канонических посланий. Следует отметить, что характер официальных законодательных документов имеют только два памятника: «Правило церковное вкратце» митрополита Иоанна II (1089 г.) и краткое постановление Новгородского архиепископа Илии (1165–1186 гг.).

Первый памятник написан митрополитом Иоанном в ответ на вопросы черноризца Иакова на греческом языке. Наставления митрополита Иоанна касаются вопросов веры и богослужения, жизни духовенства, дел семейных и отношений к иноверцам. Тон постановлений в Правиле повелительный и за проступки указываются наказания не только духовные, но иногда и телесные. Ответы митрополита Иоанна можно разделить на четыре группы: правила касательно дел веры, священнодействий и церковной святыни, равно как преступлений против них; правила касательно иерархии и вообще духовенства, белого и монашествующего, их прав, обязанностей и образа жизни; правила касательно дел брачных, семейных, домашних; правила касательно отношения православных к латинянам, евреям и язычникам.

Все другие канонические памятники Киевского периода принадлежат к разряду произведений частных лиц, хотя некоторые из них имели, вероятно, на практике значение действующих законов. Таково знаменитое «Вопрошание Кириково», составленное в XII в. «Вопрашение» имеет вопросно-ответную форму и распадается на три отдела: вопрошание Кириково, Савино и Ильино, т.е. принадлежит трем лицам, обращавшимся с каноническими вопросами к современному им новгородскому епископу Нифонту (1130–1156 гг.) и к некоторым другим авторитетам. Практическое употребление имел и «Устав белеческий» (т.е. для мирян) — объемистый памятник по преимуществу морально-обрядового содержания и в своей основе южно-славянского происхождения.

К частным каноническим памятникам Киевского периода относят также небольшое послание преподобного Феодосия Печерского к великому князю Изяславу Ярославичу о заклании животных для пищи в воскресный день и о посте в среду и пятницу.

Слабое развитие на Руси государственных понятий приводило к тому, что светская власть не сознавала ясно границ своей компетенции и поступалась в пользу церкви некоторыми своими правами. Особенно это касалось сферы законодательства. Начиная с князя св. Влади-

мира при возникновении государственных проблем в практику вошли совещания с епископами, чтобы принятые решения были согласны с духом новой религии и ее законами. Карташев А.В. справедливо считает, что «русские князья, найдя в принесенном на Русь Номоканоне богатый источник юридических идей, пригодных не только для церковных установлений, но и для гражданского правопорядка, или молчаливо, или открыто поручали церкви задачу переработки и применения к условиям русской жизни византийских узаконений», считая в этом деле церковную власть более компетентной (Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М.: Терра, 1997. С. 221).

Е.Г. МАНУШКИНА

ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОМОЩИ У ЗАПАДНЫХ БУРЯТ В XIX–НАЧАЛЕ XX вв.

Общественное начало было достаточно развито в жизни бурят. Община и артель — преобладающие формы союзов при многих промысловых, домашних и земледельческих работах. Обратим внимание на те стороны экономической и социальной жизни бурят, где наиболее часто применялись принципы общинной взаимопомощи.

Такая форма организации работ как помочи, берущая свое начало в родовой общине, очень широко применялась в хозяйственной жизни бурят. К помочам прибегали при работах, которые требовали больших физических затрат. Например, при устройстве оросительных сооружений на утугах (удобряемых и поливаемых покосах), при постройке домов, юрт, при уборке хлебов, сена, при пахоте, а также при устройстве печей. Как отмечает известный исследователь материальной и духовной культуры бурят И.М. Манжигеев: «Кладка глиняной печи производилась исключительно с использованием родовой взаимопомощи. Возка глины и кладка печи бедняку во время летних полевых работ, безусловно, были непосильны. Этим занимались в октябре после окончания возки хлеба, перед замерзанием глины. Благодаря родовой помощи возка глина и кладка печи выполнялась в течение одного дня» (Манжигеев И.М. Янгутский бурятский род. Улан-Удэ, 1960. С. 34). Взаимопомощь была распространена также среди женщин при катании войлока, при выделке кожи, при стрижке овец. Участники в помочах получали от хозяина только угощение, но хозяин считал себя в долгу у помогающих до тех пор, пока сам не примет участие в помочи у помогавшего ему бурята или у его родственников. П.Е. Кулаков дает опи-

сание организации общественных работ по устройству оросительных систем. На реках и ручьях устраивались запруды, от них отводились канавы, там, где нет рек, ручьев делали снежные канавы, в которых задерживался снег, весной им поливали утуги. Работы по сооружению запруд, снежных канав проводились «обществом по наряду с могущих душ, относящих подати и повинности» (Кулаков П.Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств (бывшего Ольхонского ведомства) Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб., 1898. С. 100). Все жители улуса, расположенного на реке, где есть запруда, могли пользоваться водой для полива, согласно жребию, который устраивали на родовом суглане (сходе) перед началом оросительных работ. Право домохозяина на воду давала его принадлежность к общине или группе общин, к роду, но на это право часто оказывал влияние труд, затраченный на устройство ирригационных сооружений какой-нибудь общиной или даже отдельным домохозяином. Там, где ирригационные системы стоили дорого, доля участия в пользовании водой определялась долей участия в работах по сооружению плотин и канав. Право на эту долю передавалось по наследству. Другим примером общественных работ, имевших место в названных ведомствах и также описанных П.Е. Кулаковым, являются работы по очищению территории от камня. Например, каждый год на суглане Хенхедоровского рода староста, его помощник и почетные родовичи выбирали участок около поскотины величиною в ¾ — 1 десятину и этот участок расчищали весной человек 25 от всего рода.

У бурят была широко распространена артельная организация промысловой деятельности. Артели организовывали в рыболовном, нерпичьем, охотничьем промысле, при сборе кедрового ореха. Появление этой формы организации труда связано с промысловой направленностью названных видов деятельности и повышения их товарной роли. Кроме того, наверняка существует генетическая связь артельного промысла с архаичными традициями коллективной организации труда, что подтверждают сохранившееся традиции равного распределения добычи в артелях.

Так, артельная охота практиковалась на всей территории расселения бурят, особенно широко распространяясь в районах, прилегающих к охотничьим угодьям в отрогах Восточных Саян, хребтах Хамар-Дабана, Улан-Бургасы, Баргузинском, Байкальском и др. Артели состояли из 3–5–10 человек. Вся добыча принадлежала артели и делилась обычно поровну между всеми участниками артели. Шкурки (белки, хорька) разделяли между участниками артели согласно их качеству, а более крупную добычу продавали и делили вырученные

деньги. Если в артели присутствовали наемные рабочие, они получали посрочную плату, но случаи специального найма были редки, обычно члены артели брали с собой на промысел своих сроковых работников, которые выполняли во время промысла второстепенные работы. Состав артели менялся редко. Артель имела общие снаряды для ловли, но винтовку, порох и свинец для пуль каждый промышленник имел свои (Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. М., 1890. Т. II. Вып. 4.3. С. 380–381).

Охотничьи дачи были закреплены за отдельной деревней или улусом, в котором жители в основном являлись между собой близкими родственниками.

Артели в рыболовстве были широко распространены у ольхонских бурят. Неводные артели состояли из 8–15 человек, а артели для ловли рыбы сетями соединялись из меньшего числа пайщиков. Артельщики обычно объединялись на год, но состав артели почти не менялся, он состоял из представителей одного улуса или близлежащих улусов. Артельщики имели 1 большую лодку, малую лодку, карбас, общий невод, веревку, 2 якоря для карбаса, парус, 2 ворота для вытаскивания невода из воды. На берегу Байкала у каждой артели имелись еще и рыбоделы, где хранилась провизия, бочки, где артельщики ночевали и засаливали рыбу. Все члены артели при разделе рыбы получали одинаковые паи, в том числе и старосты артелей — «башлыки», и подростки.

Для производства нерпичьего промысла буряты также организовывали артели 5–7–10 человек, состав артелей также практически не менялся, и в него входили жители одного или нескольких соседних улусов. Чаще всего перед началом промысла артель занимала деньги для закупки всего необходимого для производства промысла, нерповщики для ведения дел и учета расходов выбирали старосту. Иногда артель нанимала старика повара за определенную плату, или повар работал на правах пайщика. Орудиями промысла служили ружья, сети, санки, остроги они были собственностью отдельных членов артели. Карбас и подъездная лодка принадлежали всей артели. Добытое сетями животное не поступало в общий раздел, а принадлежало владельцу сети. Встречались артели, в которых некоторые члены имели паи, не промышляя лично, а участвовали лишь в постройке карбаса или давали деньги на предварительные расходы. Добыча обыкновенно продавалась, и доход делился между пайщиками.

У бурят скупщики добытой рыбы, нерпы, пушнины, которых называли «наймашины» также объединялись в артели. «Наймашины»

объединялись в артели по 2–3–7 человек, артели эти иногда устраивали на одну лишь поездку, иногда на целый год. Такие артели организовывались обычно летом, когда для закупки рыбы приходилось ездить по берегу озера на лодках. Артельные лодки покупались или изготовлялись нанятыми мастерами, компанией в 2–3 человека, которые потом принимали к себе еще несколько человек одиночек-торговцев или целую артель. Вошедшие в артель платили хозяевам лодки 3 рубля в месяц (Кулаков П.Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств (бывшего Ольхонского ведомства) Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб., 1898. С. 154). Все расходы делились по числу паев в артели. Рыба покупалась артелью, ее засаливали и продавали, а вырученные деньги делили поровну между участниками артели.

Отдельные семьи и даже роды имели свои общие кедровники, которые с давних пор были закреплены за ними. На промысел отправлялись представители 2–3 семей, которые ставили в кедровниках один общий балаган, на массиве кедровника таких балаганов могло быть 5 или 6.

Таким образом, приведенные примеры о помочах, об общественных работах и артельной организации промысловой деятельности бурят служат дополнительным материалом для изучения уровня их социально-экономического развития в период XIX–начала XX вв. Принципы взаимопомощи, взаимоподдержки, характерные для родовой общины, сохраняются в бурятском обществе в указанный период и проявляются в новой организации работ — артелях, которые возникают с развитием капиталистических отношений и существует как объединения мелких товаропроизводителей с целью приспособления своего хозяйства к условиям новой экономики.

В.А. МУНХАНОВ

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БУРЯТСКИХ СТЕПНЫХ ДУМ В XIX в.

В 90-е годы XX в. остро встал вопрос о роли и месте национально-государственных образований в составе Российской Федерации. Потребовала пересмотра и национальная политика государства. В связи с этим особенно актуальными становятся вопросы, связанные с взаимоотношениями государства и традиционных общественных

институтов самоуправления. Особенную остроту эта проблема приобретает в связи с проводимыми в Российской Федерации административными реформами.

В соответствии с «Уставом об управлении инородцев» 1822 г. коренное население Сибири делилось на три разряда: «оседлых», «кочевых», и «бродячих». Подавляющая часть бурятского населения была отнесена к разряду кочевых. Органы самоуправления кочевых народов были разделены на три ступени: родовое управление (в рамках одного селения, жители которого, как правило, относились к одному роду), инородная управа (для нескольких селений) и Степная дума — высшее звено в этой управленческой цепи, объединявшая несколько инородных управ. Все отношения с местной царской администрацией возлагались на Степные думы.

Согласно «Уставу» Степные думы «представляют общественное собрание и имеют одни хозяйственные обязанности, подобно как городские думы». Степные думы должны были заниматься: народоисчислением, раскладкой сборов, учетом всех сумм и общественного имущества, распространением земледелия, исполнением предписаний начальства, «ходатайствовали у высшего начальства о пользе родовичей». Разумеется, что вся эта деятельность производилась в подведомственных Инородных управах и родовых управлениях, главы которых и являлись заседателями Степных дум.

Обязанности Инородных управ по «Уставу» регламентировались подробнее. Так обязанности делились на три категории: 1. По полиции: обнародование и исполнение всех предписаний высшего начальства, меры против повальных болезней, скотских падежей, пожаров, сбор сведений о происшествиях. 2. По хозяйству: раскладка ясака и повинностей, их взнос в казначейство, размножение хлебопашества, хлебные магазины, продовольствие хлебом и солью, составление ведомостей по данным формам (особенно интересен этот пункт, так как Инородные управы по «Уставу» не обязаны были вести дела письменно). 3. По суду: исполнение предписаний и решений высшего начальства по гражданским и уголовным делам, судебное рассмотрение мелких уголовных и гражданских дел и наложение наказания за них.

В хозяйственной деятельности Степных дум на первом месте стояли вопросы, связанные со сбором налогов и податей. «Устав» регламентировал все сборы и подати, так сборы делились на три категории: казенные продажи, земские повинности, повинности внутренние на содержание степного управления. Специально оговаривалось, что ни один новый налог не может быть распространен на «инород-

цев» без особого предписания. Объем земских повинностей определялся губернскими властями, внутренние повинности — Степными думами. Еще в 1819 г. бурятское население Иркутской губернии было разделено на четыре податных разряда. К первому разряду причислялись «самые богатые, которые имеют превосходное изобилие в скотоводстве и хлебопашестве». Во второй разряд входили «умеренные», имеющие «умеренное скотоводство и хлебопашество». К третьему разряду относились те, которые «имеют небольшое количество пашни, сенокосов, скота». И к четвертому разряду относились «совершенно неимущие».

Гражданский губернатор производил раскладку сборов раз в год, основываясь на данных о населении и хозяйстве, представленных Степными думами. Эта раскладка направлялась в Степные думы, которые в свою очередь раскладывали сборы по родовым управлениям. Непосредственный сбор производился родовыми управлениями, которые подавали их в Инородные управы, а те — в Степные думы. После этого главный родоначальник Степной думы отсылал денежные суммы в земские суды и отчитывался по ним. Все это фиксировалось в специальных книгах.

Основным сбором был 44-копеечный подушный сбор (часть ясачных платежей). В соответствии со специальными указами на бурят налагались и другие платежи, например, с 1845 г. — 9-копеечного сбора на содержание земской полиции. К земским повинностям относилось устройство дорог, содержание подвод для земских сообщений и т.д. Непосредственно к работам население привлекалось редко, преобладали денежные платежи.

Внутренние сборы были направлены на содержание органов управления, канцелярии Степных дум, также производились сборы на постройку зданий, училищ, больниц, на обучение детей. Отдельно выделяется ясак (как статья кабинетских доходов), в 1827 г. оседлые инородцы были освобождены от ясака. Буряты, отнесенные к разряду кочевых, продолжали выплачивать ясак. Размеры ясака определялись по ясачным книгам, составленным ясачной комиссией. Ясачные выплаты, по подсчетам исследователей составляли более трети всех доходов бурят. Несоответствие податного обложения уровню платежеспособности приводило к недоимкам. Преобладал денежный сбор, к середине XIX в. сбор ясака натурой оставлял десятую часть ясачных платежей.

Кроме того, царская администрация была заинтересована в развитии бурятского хозяйства. Скотоводческое хозяйство бурят Предбайкалья было полукочевым, по схеме летник — зимник, но с начала

XIX в. некоторые бурятские семьи переходят к оседлости. На первом месте стоял вопрос о распространении земледелия среди бурятского населения региона.

С переходом к земледелию, наряду с принятием православия, связывалась задача русификации бурят. Также при переходе к оседлости (то есть при переходе от полукочевого хозяйства к земледельческому) буряты переводились в более высокий податной оклад государственных крестьян, что соответствовало фискальным интересам администрации. Исследователями отмечается, что развитие зернового хозяйства бурят Предбайкалья начинается в XVIII в. У западных бурят земледелие развивалось более успешно чем у восточных, в силу географического положения и более тесного общения с русским населением. В начале XIX в. был издан ряд правительственных предписаний о развитии земледелия у бурят. Не удивительно, что и в «Уставе об управлении инородцев» акцентируется внимание на развитии земледелия. Так среди обязанностей Степной думы есть такой пункт как «распространение земледелия и народной промышленности».

К середине XIX в. площадь запашки значительно увеличилась почти во всех бурятских ведомствах Иркутской губернии. Фиксируются случаи посадки картофеля. Распространение земледелия оценивалось как «важнейший предмет, привлекающий к себе внимание и попечение начальства». В 1858 г. С.С. Шашков (Иркутские губернские ведомости) писал, что буряты Иркутской губернии сделались уже почти оседлыми, только некоторые из них перекочевывают с места на место два раза в год.

Таким образом, в середине XIX в. почти во всех ведомствах Иркутской губернии наряду с традиционным скотоводством большое значение имело и земледелие. Одной из главных задач Степных дум было распространение земледелия. При Степных думах создавались экономические хлебозапасные магазины, которые должны были способствовать развитию земледельческого хозяйства и застраховать население в неурожайные годы. Из этих запасов выдавались хлебные ссуды в случае нехватки семян или в случае голода.

Что касается скотоводства, то здесь «Устав» предусматривал среди обязанностей Инородных управ борьбу со «скотскими падежами», то есть предотвращение эпидемий и падежей от бескормицы в зимнее время, которые наносили огромный ущерб бурятскому хозяйству. Кроме того, Инородные управы и Степные думы представляли администрации подробные отчеты о поголовье скота и состоянии хозяйства. Самой главной проблемой здесь было обеспечение кормовой базы хозяйства. На протяжении XIX в. площади покосов

увеличиваются и в конце XIX в. буряты обеспечивали свои хозяйства сеном и даже заготавливали сено для продажи на иркутском рынке.

Не был обойден в «Уставе» и вопрос о развитии народных промыслов. Наряду с прочими обязанностями Степные думы были обязаны заботиться о распространении народной промышленности.

Особое место в деятельности Степных дум занимали ярмарки, проведение которых предусматривалось «Уставом». Порядок и организация проведения их контролировалась не только Степными думами, но и царской администрацией: проведение ярмарок связывалось ею со сбором податей. На ярмарках была предоставлена возможность «обратить сбор вещами в денежную сумму» путем свободной распродажи на ярмарке. Проведение ярмарок позволяло обеспечить хозяйства необходимыми продовольственными и промышленными товарами. В ярмарках могли участвовать представители других бурятских ведомств и русские купцы и крестьяне. Торговые операции производились как в денежных расчетах, так и в виде натурального обмена. Проведение ярмарок способствовало развитию товарно-денежных отношений в бурятских ведомствах. Существование этого института позволило бурятам перейти к новым формам хозяйствования, занять свое место на региональном рынке, безболезненно влиться в капиталистические отношения, интегрироваться в Российскую государственность.

Д.А. МЯСНИКОВ

РЕОРГАНИЗАЦИЯ РЕЖИМА СОДЕРЖАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ НЕРЧИНСКОЙ КАТОРГИ В 1890 г.

Начиная с 1881 г. и до осени 1890 г. все государственные преступники, сосланные на Нерчинскую каторгу, отбывали срок наказания на Карийских золотых приисках и находились в ведении департамента полиции. Непосредственный надзор за арестантами был возложен на жандармского офицера, при котором состоял для несения внутренней тюремной службы штат жандармов (Фомин А. Нерчинская каторга последних десятилетий // Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. М., 1927. С. 16).

Правовой статус, который имели государственные преступники в этот период, был довольно неопределенным. Основным законом, регламентирующим ссылку в Сибирь, был Устав о ссыльных. Он

представлял собой сборник действовавших в стране нормативных актов, которые определяли устройство органов управления, правила и порядок содержания в местах поселения и заключения, порядок делопроизводства и правовое положение ссыльных. Законы о ссылке не разграничивали ссыльнокаторжных по характеру преступлений, то есть не делили на политических и уголовных. Существовал единый общеуголовный кодекс о ссылке. Однако на практике, в процессе осуществления надзора власти, отвечающие за организацию надзора, отделили политических от уголовных (Мошкина З.В. Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX в. Чита: Изд-во ЗабГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 1998. С. 13).

Режим содержания в Карийской тюрьме определялся различными инструкциями и подзаконными актами правительства, изданными в разные годы. Зачастую эти распоряжения противоречили Уставу о ссыльных и друг другу. Все это приводило к неразберихе и путанице в управлении политическими заключенными. Положение арестантов в Карийской тюрьме было двояким. С одной стороны, они были полностью освобождены от каторжных работ. Даже внутритюремные работы выполнялись уголовными арестантами. Начальство обращалось к ним уважительно — на «вы». Питались и одевались государственные преступники намного лучше, чем их уголовные собратья. Телесным наказаниям они также не подвергались. К тому же, к месту отбывания наказания их привозили, а не гнали пешком по этапу.

С другой стороны, у того особого положения, в котором находились карийские заключенные, были и существенные недостатки, в том числе, и для них самих. Политическим арестантам не сокращали сроки наказания, поэтому надежды попасть из Карийской тюрьмы на поселение они не имели. В большинстве своем, они были приговорены к смертной казни, замененной тюремным сроком. Но лишь некоторые из них после двадцатилетнего заключения могли жить за пределами тюрьмы, в домах, которые строили себе сами. Количество мест в вольной команде было строго ограничено. Рассчитывать на побег политические, по сути, также не могли — охрана была весьма надежная.

Постоянным фактором напряженности были жандармы, охранявшие Карийскую тюрьму. Для них Кара была бесперспективным местом службы и они старались хоть как-то выслужиться. С этой целью они придирались к заключенным по пустякам, постоянно что-то искали, пытаясь найти сведения для политических процессов, происходивших в России (Кейзерлинг А. Воспоминания о русской службе / Пер. с нем. М.: Академкнига, 2001. С. 38–39).

Нервное состояние арестантов оставляло желать лучшего. Длительная изоляция от внешнего мира, нахождение в ограниченном пространстве, многолетнее вынужденное общение с одними и теми же людьми, недостаток умственного и физического труда порождало в их среде повышенную нервозность и болезненное восприятие жандармских придирок. Вдобавок к этому, единственным выражением революционности для карийских арестантов было противостояние и неподчинение режиму тюрьмы. Все это создавало почву для столкновений между коллективом арестантов и администрацией.

В 1889 г. эта ситуация вылилась в кровавую драму. За нанесение оскорбления начальнику тюрьмы была подвергнута телесному наказанию заключенная Н. Сигида. В знак протеста против этого наказания покончили с собой 4 женщины и 2 мужчин. Этот случай подтолкнул правительство к закрытию Карийской тюрьмы и переводу арестантов в Акатуй.

Для правительства было накладно содержать отдельную структуру для окарауливания всего лишь нескольких десятков преступников. К тому же заключенные Карийской тюрьмы не использовались на каторжных работах и не приносили никакого дохода. Таким образом, наказание каторгой оказывалось фикцией и, фактически, режим содержания государственных преступников на Каре был тюремным. Такое полупривилегированное положение государственных преступников не могло уже устраивать администрацию. В конце 1880-х годов, по предложению Приамурского генерал-губернатора барона Корфа было принято решение о реорганизации содержания политических преступников на Нерчинской каторге (Кейзерлинг А. Указ. соч. С. 40).

Это предложение вполне отвечало духу времени. Во второй половине 1880-х гг. в стране началась тюремная реформа. В эти годы вышел ряд постановлений, отменивших деление каторжных работ на виды. Начался процесс унификации каторги и всей тюремной системы страны в целом. В ходе разработки новых положений о каторге, правительство принимает решение уничтожить систему обособления политических заключенных и слить ее с уголовной, что позволяло упростить надзор. «Цель установления нового порядка, — как писал военный губернатор Забайкальской области начальнику Нерчинской каторги, — одна: она заключается в уничтожении той обособленности, которая практиковалась по отношению к государственным преступникам до сего времени» (Мошкина З.В. Указ. соч. С. 28)

В рамках этого реформирования предполагалось фактически уравнять в правах государственных и политических преступников,

содержащихся в тюрьмах Нерчинской каторги и, в связи с ветхостью зданий Карийской тюрьмы, перевести последних в другую тюрьму.

Окончательно принять решение о слиянии политической и уголовной каторги администрация отважилась только после предварительного опробования нового порядка содержания на о. Сахалин. С этой целью, в мае 1887 г. по распоряжению МВД туда направили первую партию государственных преступников, поместив их вместе с уголовными в общих камерах. В МВД остались довольны результатами этого эксперимента и приступили к переустройству Нерчинской каторги. Местом содержания избрали Акатуйскую тюрьму, куда планировалось собрать около 120 человек уголовных и государственных преступников.

При организации каторжных работ в Акатуйской тюрьме рассматривалось несколько вариантов. Например, предлагалось устроить мельницу для размола зерна, которая приводилась бы в движение силой людей; разведение огородов для потребностей тюрьмы; различные мастерские; расчистка окружающей местности от леса; проведение дорог и канав (ГАЧО, ф. 1п., оп. 2, ед.хр. 243а, л. 3–3об.). В конечном счете, было решено возобновить разработку Акатуйского серебросвинцового рудника.

После перевода в Акатуй положение политзаключенных на Нерчинской каторге существенно изменилось. Теперь им, как и уголовным, регулярно брили головы, постоянно обыскивали, сняли с них вольную одежду и надели арестантскую. Теперь политические должны были вместе с уголовными не только жить в одних камерах, но и вместе работать и питаться из одного котла. Последнее условие очень сильно подрывало материальное положение политических — уголовных было значительно больше и, в результате, сами политические получали из общего котла меньше, чем вкладывали. Деньги, которыми располагали политические, пришлось делить с уголовными.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что, переводя политических арестантов из Карийской тюрьмы в Акатуйскую, правительство пыталось добиться фактического уравнения в порядке отбывания наказания уголовными и политическими преступниками. Предполагалось подчинить политических заключенных действию общих законов о ссыльных. Это делалось с целью унификации управления. Эта мера позволила ликвидировать разногласие и путаницу, которые порождались ситуацией, когда арестанты разных категорий содержались на разных условиях.

И.А. РЕШЕТНЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Чиновники Восточной Сибири славились своим взяточничеством и кознакрадством еще с XVII в. Первые землепроходцы были не только покорителями новых земель, но и, являясь первыми представителями царской администрации в крае, не брезговали утаивать от Москвы пушной ясак. За это их неоднократно снимали с должностей, секли кнутом при Алексее Михайловиче Тишайшем (1645–1682). Сын Алексея Михайловича, будущий император Петр I оказался более суровым правителем и первый губернатор обширной Сибирской губернии князь Гагарин закончил свою жизнь на плахе.

Однако столь печальная кончина далеко не последнего вельможи не смутила как уже осевших в крае, так и приезжавших («как говорили в те времена «навозных») чиновников. Достаточно назвать фамилию только одного губернатора — Пестеля (отца декабриста), который 2/3 собранных налогов оставлял в регионе. Однако пускал их не на социально-экономическое развитие края, а опускал в свой карман. Остальные чиновники смотрели на начальника и действовали, как пишет современник декабрист Д.А. Завалишин по принципу: «Кто мог грабил, кто не умел воровал».

Безусловно, подобная алчность российских чиновников в крае определялась не столько особенностями национального характера, сколько недостаточным финансированием российским правительством структур власти и органов правопорядка в крае. Достаточно вспомнить хотя бы то, что в XVIII в. правительство при Екатерине I и Елизавете не однократно не платило чиновникам жалование несколько лет подряд. Чтобы те не вымерли, как сословие им разрешалось «жить подаянием просителей». В отдаленном же крае, до которого на лошадях, в коляске нужно было ехать более года, где редко появлялись ревизионные комиссии, мздоимство и казнокрадство приобретало более чем угрожающие размеры.

Региональная реформа 1822 г. имела своей целью упорядочить систему управления в крае и поставить регион под контроль менее коррупционных военных лиц. В 1822 г. появилось Восточно-Сибирское генерал-губернаторство во главе которого назначался как правило генерал с боевой репутацией.

Однако новые лица как, например известный Н.Н. Муравьев будущий граф Амурский, разогнав на первых шагах местных взяточников по 5 пункту служебного циркуляра, вскоре убеждались, что количество взяточников и казнокрадов не уменьшалось.

Будучи людьми не глупыми они пытались выяснить причины. Еще в 1856 г. Н.Н. Муравьев просил об увеличении материального обеспечения чинов администрации. Чиновники в Восточной Сибири получали то же жалование, что и в европейской части страны, в то время как цены на многие продукты первой необходимости были выше в два раза.

Однако правительство редко шло на встречу просьбам об увеличении расходов на содержание чиновников. В результате такого обстоятельства чиновничество стало поправлять свои дела, помимо прочего, вступая в незаконные операции с иностранными предпринимателями.

Так, на продаже китайского продовольствия войскам и жителям Восточно-Сибирского генерал-губернаторства чиновники приобретали хлеб в Маньчжурии по цене в 2 р. 80 к. в то время как его максимальная стоимость в приграничных районах Китая была 2 р. 20 к. вместе с перевозом в Россию, причем стоимость транспортировки составляла 50 к.

Суммы, которые возникали из-за разницы в официальных отчетах и реальных перечислениях, региональные чиновники (обеспечивающие монополию) скорее всего клали себе в карман.

Как установила инспекции генерала Н.П. Синельникова в 1871 г. сибирские чиновники брали под контроль или через подставных лиц, или на откуп винные склады и питейные дома в крае. Закупка хлеба, для его переработки в водку, представителями спиртных заводов поднимала цену на хлеб на восточно-сибирском рынке до 3-х р. за пуд. (1871 г.).

Ревизия установила, что общий объем взяток взимаемых местным чиновничеством и упущенной выгоды государства составил только за 1871 г. — 667 тыс. р. Наиболее отличились чиновники Иркутской губернии (около 246 тыс. р.) и Забайкальской области (221 тыс. р.). (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 61. К. 2102. Л. 1–6). Еще одним из способов пополнения бюджета российских чиновников был контроль над китайскими притонами в крае. После заключения Пекинского дополнительного договора в 1860 г. тысячи китайцев устремились на золотодобывающие работы в российское приграничье.

Интенсивно заселяя в конце XIX–начале XX вв. русский Дальний Восток и Забайкалье, китайцы принесли туда элементы своего быта и, в частности, игорные дома и курильни опиума. Вот как описывает

современник Арсеньев В.К. китайскую страсть к азартным играм: «В самом деле, китайцы страстные игроки. Во время игры самый тихий, скромный и выдержаный китаец горячиться до последней крайности и теряет самообладание. Ставки у них доходят до нескольких тысяч рублей и нередки случаи, когда они проигрывают не только все свое имущество, но и собственную свободу и тогда переходят в разряд рабов (та-пула-цзы) (Арсеньев В.К. Китайцы Уссурийского края. 1900–1908. Петроград: М.М. Стасюлевич, 1915. С. 16).

Содержание игорных домов — банковок было крайне выгодно, поскольку как выяснила специальная комиссия Приамурского генерал-губернатора в 1907 г. хозяева курилен и банковок ежемесячно платили полицейским чинам только во Владивостоке начала XX в. около 1000 р.

Специальное расследование, проведенное в Приморской области в марте 1908 г. выявило также, что не только низшие чины полиции занимались поборами среди многочисленных тайных опиекурилен, но и ближайшие помощники Владивостокского полицмейстера с помощью помощников-китайских переводчиков, занимались взяточничеством, собирая денег с наркоманов (Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 120–123).

С.А. СЕМИНА

РАЗВИТИЕ КОЖЕВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX в.

В конце XIX в. в Иркутской губернии существовало большое разнообразие кустарных промыслов и производств. Их количество доходило до 160 видов. Кустарные промыслы включали в себя добычу и обработку местного природного сырья и материалов, а также производство изделий ручным способом для продажи на рынок. Данная деятельность являлась подсобной при земледелии и гарантировала крестьянскому населению удовлетворение хозяйственных потребностей, обеспечивала устойчивый доход. Бюджет иркутского крестьянина более чем наполовину складывался из заработков на стороне и кустарных промыслов. В Иркутской губернии 40% крестьянских хозяйств получали доход на стороне, в Западной Сибири — 27% (Государственный архив Иркутской области, ф.р-836, оп. 1, д. 201, л. 150 об.).

Всего на территории Иркутской губернии в конце XIX в. было зарегистрировано более 11 тыс. лиц, занятых в обрабатывающей группе производств (Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. II. Вып. 4. С. 293). В нее входили следующие виды кустарных производств: выделка и обработка продуктов животного (выделка кожи, мехов, обработка шерсти и волоса) и растительного происхождения (вязание сетей и неводов, веревочное производство); добывание и обработка минералов (гончарное и кирпичное производство); деревообрабатывающие промыслы (бондарный, экипажный, столярный и мебельный, заготовка лесных строительных материалов, смолокуренный, плотничий, судовой и корзиночный кустарные промыслы).

В социально-экономической жизни губернии важное место занимала группа производств по выделке и обработке продуктов животного происхождения. В ней было задействовано около 10% всех кустарей губернии (Материалы… С. 293; Приложения. С. 80–92; Т. II. Вып. 6. С. 219, 472–474). Так, наличие в Балаганском округе огромных пашенных угодий и пастбищ создавало благоприятные условия для развития животноводства и, следовательно, производств, связанных с его обработкой. В Нижнеудинском и Верхоленском округах острую потребность в товарах кожевенного, овчинного и пимокатного производств ощущали ямщики и извозчики.

Наиболее распространенным являлось кожевенное производство. Основными его сырьевыми базами в Иркутском округе были г. Иркутск, Черемхово и Усолье. В Иркутск как административный центр стекалось все кожевенное сырье, в Черемхово кожа поступала из Боханского аймака — центра скотоводства, и из западных районов Иркутского округа. Крупный центр кожевенного производства с хорошо налаженным сбытом находился в Усолье. Здесь жили и работали масса кустарей, не утративших связи с крестьянством.

Кожевенные предприятия Усолья подразделялись на несколько типов. Например, в сс. Мальте и Тельме они обслуживали окрестные местности и работали исключительно на заказ, причем чаще всего кожевенные работы сливались с овчинными и скорняжными. В данном случае приходится говорить о ремесленном характере деятельности, которая характеризовалась изготовлением изделий мастером-профессионалом, работающим на заказ, из сырья заказчика. В сс. Тайтурке и Александровском действовали предприятия кустарного типа, с производством товара одновременно и на заказ, и для продажи. Наконец, существовали предприятии мелко-капиталистического

типа, по технике и организации производства близкие к кустарным, но отличавшиеся от последних размерами производства и более значительным применением наемной силы.

Всего в Усолье на рубеже XIX–XX вв. работал один крупный кожевенный завод с годовой выработкой 12 тыс. кож; нескольких сотен кустарей-кожевников, чирочников и около 30 мелких кожевенных предприятий с выработкой от 30 тыс. до 40 тыс. кож в год на сумму 200 тыс. р. (Иркутские губернские ведомости. 1900. 1 нояб.).

Однако кожевенное производство требовало относительно крупных первоначальных вложений капитала. Открывать даже самые мелкие кожевенные заведения было под силу только зажиточному крестьянству, так как это производство отличалось от типичных кустарных промыслов большой сырьевой базой и широкими рынками сбыта. Владельцы крупных кожевенных мастерских, пользовавшихся исключительно наемным трудом, большими партиями закупали сырые кожи в г. Иркутске на целый год. Мелкие же производители пополняли свои запасы в течение года на месте производства через «специальных скупщиков сырых кож», которые разъезжали по окрестным селениям, продавая кожи за наличные деньги или обменивая их. Так называемый «купец-скупщик» покупал кожи за 2,5 р., а продавал за 4 р. (Ирк. губ. ведомости. 1900. 1 нояб.).

Кожевенные заводы, производство которых было основано на наемной рабочей силе, имелись в Усть-Балейской и Мальтинской волостях Иркутского округа и в Бельской волости Балаганского округа. Доход наемного работника был не высок. Его месячный заработок в кожевенном производстве равнялся 12–15 р., в то время как мастер получал 20–30 р. Для сравнения: заработок пимоката равнялся 55 р. в месяц (Серебренников И.И. Промыслы Иркутской губернии. Иркутск, 1914. С. 29, 34).

В Иркутской губернии кожевенный промысел не только давал средства существования владельцам предприятий и их наемным рабочим, но и поддерживал развитие целого ряда других промыслов как в Усолье, так и в селениях, удаленных от него. К таким промыслам относились клееваренный (в нем использовались отбросы местного кожевенного промысла), валяльный, чирочный, сапожный, рукавичный, шорный, производство дегтя, извести (используемых при обработке кож) и др. Дешевое кожсырье поступало на изготовление обуви — чирок и ичигов (с высоким голенищем).

В Иркутской губернии широкое развитие получило чирочное производство. Большой спрос на него имело местное охотничье и рабочее население, занятое на приисках. Сапожный промысел был

распространен в основном среди поселенцев. В Иркутском округе им было занято 54% поселенцев, в Балаганском — 69% и в Нижнеудинском — 67% (Материалы по исследованию … — М., 1892. Т. II. Вып. 6. С. 373). В большинстве случаев многие чирочники работали по заказу кожевников, получая от последних необходимый для расшива обуви материал. Некоторые чирочники (обычно одиночки) работали непосредственно в мастерской кожевника, другие же (чаще всего) — в собственных домах. Большинство чирочников находилось в прямой зависимости от кожевников, дававших им товар и заказы.

В группу производств по выделке и обработке продуктов животного происхождения также входило овчинное. Оно напрямую было связано с кожевенным и являлось одним из старых в Иркутской губернии. Занимались им в основном переселенцы и пришлые люди. Технология выделки овчины во многом переходила от бурят, которые в этом деле были превосходными мастерами. Встречался овчинный промысел в Иркутском, Балаганском, Верхоленском и Нижнеудинском уездах.

Параллельно с кожевенным и овчинным развивалось пимокатное производство (шерстобитно-валяльное), получившее наибольшее распространение в районе Сибирской железной дороги и в верховьях Ангары. Занимались им в основном переселенцы и отхожие кустари. В Усольской волости в этом производстве было занято свыше 50% кустарно-промыслового населения (Серебренников И.И. Указ. соч. С. 30). Основным сырьем для пимоката являлась коровья и овечья шерсть, получаемая от заказчика или покупаемая кустарем. Изготавливало пимокатное производство продукцию двух видов: пимокаты (валенки, катанки) и войлок. Своеобразие этого производства заключалось в том, что оно являлось сезонным, и его изделия сбывались с наступлением холодов.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в развитии кожевенного производства можно выделить ряд тенденций. Происходит расслоение кустарно-промыслового населения на предпринимателей, ведущих хозяйство с помощью наемного труда и собственного капитала; мелких торговцев, которые использовали труд своей семьи и частично наемный; и слой наемных работников, не имеющих средств для организации собственного производства, продающих свои умения и навыки. В среде малообеспеченных кустарей отмечалась тенденция к их экономической зависимости от поставщиков сырья и скупщиков готовой продукции. Такие кустари окончательно отрывались от рыночных отношений и напрямую зависели от поставщика сырья или от скупщиков. В губернии на заказ «личных потребителей» работали кожевенный, чирочный, шорный, пимокатный, столярный, токарный и другие кустарные промыслы.

Единственным выходом в такой ситуации могла стать целенаправленная поддержка развития кустарного производства, налаживание сбытоснабженческих операций. Однако реальное решение этих проблем относится к первому десятилетию XX в. Свое проявление оно нашло в правительственной программе поддержки развития кустарного производства — сперва как одного из средств решения аграрной проблемы, а затем, накануне Первой Мировой войны, производственного потенциала и поставщика предметов боевого и материального снабжения армии. Военно-необходимыми кустарными производствами являлись скорняжное, шерстобитно-валяльное, пимокатное и др. Так на выполнение военных заказов начала работать кустарная промышленность.

О.Ю. СЕЧЕЙКО

РОЛЬ ЗЕМСТВА В ПОПЫТКЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИДЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Закон о введении земских учреждений на территории Сибири был издан лишь летом 1917 г., выборы происходили в крайне сложной обстановке осени 1917 г., когда полным ходом шло установление советской власти. Таким образом, деятельность сибирских земств с самого начала во многом определялась политической обстановкой. И самим новым органам самоуправления, не в пример европейским, приходилось активно вмешиваться в политическую жизнь.

Политическую платформу земства определяли два основных фактора. Во-первых, изначально сельские органы самоуправления должны были действовать в интересах крестьянства. Во-вторых, большинство в земских органах получили представители популярной среди того же крестьянства партии — эсеры. Например, в Ачинском уездном земском собрании среди 40 гласных было 12 эсеров, в Красноярском — 11 из 43 (большинство были беспартийными крестьянами). (Бабикова Е.Н. Сибирское крестьянство и выборы в земство в 1917 г. С. 112). Все председатели Иркутского губернского земства — П.Д. Яковлев, И.Х. Петелин, Я.Н. Ходукин, — тоже были эсерами.

На позицию сибирских земств большое влияние оказывал еще один фактор. Еще при составлении проектов сибирского земства ставилась задача создания центрального высшего органа — областного земства. Настаивая на создании объединительного органа, исходили

из опыта работы европейских земств, а также из специфики развития и удаленности Сибири (эта позиция активно проводилась областниками и ранее). В результате в сентябре 1918 г. было принято решение о создании Всесибирского союза земств и городов, по примеру Всероссийского земского союза времен первой мировой войны. И хотя основными задачами Сибземгора было решение хозяйственных вопросов, обеспечение армии, помощь раненым, тем не менее, правительство (Колчак) отнеслись к его созданию крайне настороженно. Впрочем, повод давали сами земцы, заявив, что «Союз земств и городов будет играть значительную общественно-политическую роль в смысле выразителя общественного мнения… А в настоящий момент, когда нет правильно построенных органов… власти, земства и города, организованные в мощный союз, смело могут и должны претендовать на преобладающую, если не исключительную роль в деле верховного устройства страны» (ГАИО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 34. Л. 54).

С лета 1919 г. земства начали принимать все более активное участие в политической жизни. Причиной послужило все возрастающее крестьянское движение против колчаковщины. В такой ситуации земства сочли для себя невозможным оставаться на позиции нейтралитета. Возникла необходимость объединения земских сил и выработки их политической платформы.

По инициативе главы иркутского губернского земства Я.Н. Ходукина в конце лета — начала осени 1919 г. неоднократно предпринимались попытки созвать Всесибирский съезд земств и городов. В октябре в Иркутск на совещание приехали делегаты сибирских и дальневосточных губернских земств, а также представители меньшевиков и эсеров. Совещание, работавшее нелегально, вынесло решение встать в резкую оппозицию по отношению к колчаковскому правительству (впрочем, то же говорилось и о советской власти). Для политического руководства земским движением было избрано Земское политическое бюро.

Планы были такими, что Земское политбюро, опираясь на ячейки «Военно-социалистического союза защиты народовластия», совершит антиколчаковский переворот и примет меры к защите Сибири от Красной армии. Затем будет созван Сибирский земский собор, который сформирует Временное правительство Сибири и соберет областное Учредительное собрание. Таким образом, в октябре–ноябре 1919 г. земское политическое движение стало политическим центром, вокруг которого группировались представители антиколчаковских организаций и течений. Вскоре последовавшие победы Красной армии вдохновили членов социалистических партий, от-

теснивших земства на второй план. Однако принимаемые на их съездах решения совпадали с позицией земства. Итогом совместных усилий стало создание Политцентра, среди главных действующих лиц которого были и земские деятели, например, председатель Иркутской губземуправы Я.Н. Ходукин.

После известных боев за Иркутск, 5 января 1920 г. власть в городе перешла к Политцентру. В системе власти, предложенной им, главное место отводилось земским органам самоуправления: «…вся полнота местной власти… передается губернским земским собраниям… немедленно начинается подготовка к выборам городских и земских самоуправлений» (Гинс Г.К. Крушение колчаковщины. С. 212). Однако надежды социалистов рухнули очень скоро. Уже 21 января власть в городе перешла к Военно-революционному комитету.

Но если в Иркутске земцы на этом этапе играли второстепенную роль, предоставив главенство лидерам социалистических партий, то в Красноярске представители земского движения во главе с Г.П. Сибирцевым выступили с самостоятельной программой. Ими был образован Временный губернский комитет общественных организаций, который 24 декабря 1919 г., по приказу Управляющего губернией, получил всю полноту власти на переходный период. Главной целью ставилось ведение переговоров с Красной армии по вопросу сохранения в Енисейской губернии прежних органов самоуправления и созыва Учредительного собрания. Однако и здесь власть продержалась всего две недели, не выдержав напора абсолютно преобладающей силы большевиков.

Следует упомянуть и о создании в марте 1920 г. «Временной земской власти Прибайкалья», сформированной в Верхнеудинске на основе земской управы. Несмотря на то, что заранее было ясно намерение советской власти создать некое временное буферное образование, местные земские работники отнеслись к своим обязанностям с большой серьезностью. «Мы выражаем уверенность, что трудовое население города и деревни, сознавая всю сложность создавшегося положения… сплотит свои силы вокруг временной власти, способствуя ей как в борьбе за независимость края... так и в ее работе по восстановлению хозяйственно-экономической жизни» (ГАИО. Ф.р-42. Оп. 1. Д. 25. Л. 79).

На этом небольшом отрезке времени конца 1919–начала 1920 гг. земства совместно с социалистическими партиями повторили судьбу демократических правительств 1918 г. Причины их неудачи были теми же, но отличались спецификой ситуации. Несогласованность действий объясняется в данном случае, прежде всего отсутствием време-

ни на принятие решений. Все происходило спонтанно. Но это была не просто слепая попытка воплотить во что бы то ни стало свои идеалы в жизнь. Земские деятели чувствовали, что обязаны защитить интересы тех крестьян (немалая часть), которые уже поверили в возможность нового самоуправления. Как писали газеты того времени, «крестьянство из низовьев Лены идет в дружины или остается дома, признавая борьбу за власть Советов. В верховьях Лены крестьянство более зажиточное, более самостоятельное, шло в борьбу не за Советы, а за свержение колчаковщины ради власти земства» (Агалаков В.Т. Киренский уезд Иркутской губернии 1917–1920 годах. С. 36). Это была последняя отчаянная попытка установить действительно народную власть.

А.В. СИВКОВА

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ В XVIII–ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Присоединив новые территории на востоке и юге, правительству важно было закрепить свое влияние на них, интегрировать в систему административно-политических и хозяйственных связей. Осуществлялось это посредством колониального освоения вновь приобретенных территорий и регулировалось большим количеством законодательных актов, что свидетельствует о бесспорной значимости данного направления правительственной политики в отношении окраин. XVII в. характеризуется военно-служилой и промысловой колонизацией, причем начиналась она с севера региона, в малопригодных для земледелия, но зато богатых пушниной местностях. В Сибирь шли «по прибору» или «по указу» служилые и прочий «охочий люд», оружием отстаивавшие интересы Московского государства, шли и вольные поморы, увеличивавшие его бюджет пушным промыслом, но истинно прочное освоение региона возможно только тогда, когда население начинает заниматься земледелием. В историографии принято разделять колонизацию Сибири на вольнонародную и правительственную. Под последней понимается переселение при непосредственном контроле властей; народная же колонизация шла в обход и нередко вопреки колонизации правительственной. Однако определить четкие различия между этими двумя видами весьма не просто, так как развивались они параллельно, зачастую обуславливая одна другую. Миграции населения (или вольнонародная колонизация) во все времена являлась от-

ветом на усиление государства, была единственным средством ухода от правительственного или помещичьего давления. Подрывая тем самым стабильность государства, народная миграция с одной стороны, стимулировала выработку более жестких форм контроля над населением (например, закрепощение крестьян), с другой — вынуждала государство использовать принудительные формы колонизации, стремясь обуздать народное переселенческое движение и подчинить его своим целям. Законами правительство определяло векторы колонизации, анализ этого законодательства позволяет проследить изменение правительственного взгляда на задачи, цели и формы колонизации, а так же на ее ожидаемые результаты.

В XVIII в. самым мощным механизмом хозяйственного освоения Сибири стала ссылка. Первым законодательным актом, почти на сотню лет определившим направление правительственной колонизации, стал указ Елизаветы I о возможности всем лицам и учреждениям удалять в Сибирь своих крестьян, почему либо неугодных, с зачетом их за рекрут и с получением платы из казны за их жен и детей (ПСЗ-I. № 11166) Этим указом Елизавета положила начало весьма мощному народному потоку земледельческой колонизации региона. Всего за 20 лет (с 1760 по 1780 гг.) в Сибирь переселилось от 40 до 60 тыс. человек обоего пола, причем в законе оговаривалось, что ссыльный должен быть не старше 45 лет и физически здоров, ссылали вместе с семьями. Это свидетельствует о том, что законодателя все же интересует возможность использования этого крестьянина на пашне, но в законе нет никаких пояснений, что ждет этого крестьянина по прибытии на место, а без достаточной экономической помощи такие переселенцы с трудом обживались и закреплялись на новом месте. В XIX в. к ссылке на каторгу и на поселение по приговорам судов, распоряжением администрации и владельцев присоединяется ссылка по приговорам мещанских и крестьянских обществ. По данным М.К. Любавского таковых за 1830-1850-е гг. было сослано в Сибирь более 6 тысяч человек с семьями, помещиками — 8 тыс., по приговорам судов — более 350 тыс. человек. Девятая ревизия (1850 г.) показала, что за Уралом находилось 104,3 тыс. ссыльнопоселенцев.

Переселение требовало от правительства множества затрат, но в формах внеэкономического принуждения оставалось малоэффективным. Более того, у большей части ссыльных, привыкших к грабежу и лихим наживам, просто отсутствовала мотивация заниматься сельскохозяйственным трудом. Потому, уже очень скоро правительство обратилось к экономическим формам стимуляции переселенческого движения. Указом 1806 г. (ПСЗ-I. № 22128) Александр I предоставил

казенным крестьянам возможность переселятся на пустопорожние земли в Сибирь. На местные власти была возложена обязанность наблюдать за водворением поселенцев, крестьяне получали денежные пособия и льготы на 5 лет от всех податей и повинностей. Действие этого указа было приостановлено в 1812 г., но уже в 1822 г. было восстановлено без принципиальных изменений (ПСЗ-I. № 28997). Тянувшаяся годами бюрократическая процедура получения разрешения на выезд, и главное, необходимость самостоятельного поиска пригодных земель и отсутствие действительной помощи при переезде — так же не способствовали успешному переселению, а подчас приводили к полному разорению. Такая политика приводила лишь к тому, что государство теряло своего налогоплательщика. Стремясь решить эту проблему, в рамках реформы П.Д. Киселева был принят ряд законов, регламентирующих переселение земледельческого населения в Сибирь. В 1839 г. было снято ограничение на переселение из некоторых губерний, теперь достаточным основанием для переезда была нехватка пахотных земель; так же ссылаемые за «продерзости» крестьяне сразу записывались в сословие государственных крестьян, а не ссыльных. (ПСЗ-II. № 12116, 12786). Непосредственный контроль за переселением возлагался на Министерство государственных имуществ, в местах водворения были заблаговременно размежеваны земельные наделы по 15 дес. на ревизскую душу, предоставлялось безвозвратное денежное пособие по 20 р. (в безлесной местности по 35 р.), полное освобождение от уплаты податей на 4 года, в последующие 4 года взималась только половина положенной суммы, а так же освобождение от рекрутской повинности на 3 года. Этим законом воспользовалось более 90 тыс. человек, всего же с момента прихода Ермака и до отмены крепостного права в Сибирь переселилось более 1,5 млн человек, из них свыше 90% — крестьяне.

В.В. СИНИЧЕНКО

ЧУКОТСКО-АНАДЫРСКИЙ И ОХОТСКО-КАМЧАТСКИЙ КРАЯ В РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

До продажи США в 1867 г. Аляски весь Чукотско-Анадырский край экономически тяготел к Якутску и Колыме, где издавна развилась русская торговля. С 1775 г. Ангарская крепость превратилась в

региональную ярмарку. С 1848 г. ярмарка действовала в Анюйской крепости. Русские товары попадали туда сухопутным путем через Якутск и исчислялись сотнями тысяч рублей. Чукчи в обмен на них отдавали мамонтовую кость, моржовые клыки, пушнину и оленей. Но продажа Аляски в 1867 г. и ликвидация дел Российско-Американской компании (РАК) явилась катализатором для проникновения в край американских коммерсантов. С 60-х гг. XIX в. стали приходить в упадок колымско-анадырские ярмарки, а весь чукотский рынок был захвачен американцами.

Причина безраздельного господства американского торгового капитала состояла в том, что, во-первых, до конца XIX в. Россия практически не имела сил по охране своей государственной границы в регионе; во-вторых, администрация Вашингтона поддерживала своих предпринимателей, давно установивших контакты с местными бизнесменами; в-третьих, на протяжении 60–90-х гг. XIX в. на северо-востоке России установился тесный блок американских хищников и местных компрадоров. Так, в бухте Провидения в конце 1870-х гг. были построены склады американских факторий, запасы для которых доставлялись из США. Чукотский купец Ковар являлся ставленником американского торгового дома «Маккена» и имел два больших склада. Американцы ежегодно снабжали Ковара спиртом и оружием, которые он развозил по чукотским селениям. Американцев компрадор снабжал оленьими рогами и китовым усом. Разумеется, вывоз не учитывался, поскольку в крае не было таможенных учреждений. Периодически российские военные суда посещали Чукотку, конфисковали спирт. Но прибыли были настолько огромны, а посещения так редки, что американцы безбоязненно продолжали свою деятельность. В 1865–1870 гг. из северных уездов Приморской области по приблизительным подчетам вывозилось пушнины на сумму в 35–40 тыс. р. в год (Суворов Е.К. Командорские острова и пушной промысел на них. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. С. 21).

В 1889 г. из Гижигинского округа выделена самостоятельная административная единица — Анадырский округ, администрация которого должна была контролировать деятельность американцев в крае. Но союз чукотских предпринимателей и американских торговцев делал деятельность российских чиновников во многом формальной. Те, не имея капитала и вооруженных сил, становились заложниками американско-чукотских торговых отношений. Более того, некоторые из них, как начальник Командорских островов Н.А. Гриневицкий, превращались из пассивных наблюдателей в активных агентов американского капитала.

Несколько лучше обстояли дела с охраной российских экономических интересов в Камчатско-Охотском регионе и на острове Сахалин. Хотя здесь также господствовал до 1907 г. американский капитал, он, по крайней мере, был вынужден действовать через подставных лиц.

Так, официально торговлю с местным населением вела не компания из Сан-Франциско, а их подставное лицо — финляндец Линдгольм. В 60–70-х гг. XIX в. этот «русский» монополизировал торговлю водкой и бытовыми предметами с населением побережья Охотского моря. Линдгольм вовлек в орбиту своего дела и Шантарские острова. На них его фирма рубила лес, а также промышляла соболей и горностаев. Принявший российское подданство американец Чарльз Гутчисон в конце 1880-х гг. поселился в Удске и деятельно помогал Линдгольму. Он собирал партии американских товаров и направлялся с ними в глубь материка, там они и обменивались на продукты русского востока.

Другим подставным лицом американских компаний был русский чиновник, а потом купец Александр Филиппеус. Он действовал в крае на капиталы фирмы «Гутчисон, Коль и К». Эта русско-американская компания являлась дочерней организацией холдинга «Холл, Уолш и К», основной капитал которого составлял 1 млн дол. На эти деньги были открыты не только несколько предприятий в крае (китобойный, рыбный промыслы и пр.), но и взяты на содержание ряд российских чиновников. (Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в.–1917 г.). Хабаровск, 2001. С. 134).

По сути дела, Анадырско-Чукотский и Камчатско-Охотский регионы были втянуты в торговлю с американскими предпринимателями. Торговые связи с США здесь были гораздо более тесные, чем с континентальной Россией. Как ни странно, это «нарушение баланса» прежде всего, обеспокоило не российское, а британское правительство.

Еще 23 ноября 1884 г. Англия направила России специальный меморандум по этому поводу. Англичане требовали не предоставлять подданным США торговых привилегий и предлагали выработать международное соглашение о запрете на продажу в крае алкогольной продукции. Отказ США вести переговоры по этому вопросу оборвал британскую инициативу. Российским властям пришлось запретить торговлю спиртом в регионе, опираясь на нормы внутреннего законодательства.

19 февраля 1887 г. в Санкт-Петербурге состоялось особое совещание по делам Дальнего Востока. На нем заслушали подготов-

ленную представителями министерства внутренних дел секретную докладную записку об «иностранцах на Дальнем Востоке России». Оценивая масштабы и перспективы американской экспансии, совещание рекомендовало препятствовать крупным американским компаниям, подчинившим себе на русском северо-востоке местных промысловиков «и, платя по своему бесконтрольному произволу ничтожные цены за плоды их промысла», не увеличивавшим ни средств казны, ни материального благосостояния торгующих с ними инородцев (АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1066. Л. 33).

В июле 1892 г. вновь завязалась дипломатическая переписка по возбужденному английским правительством вопросу «об ограждении туземцев тихоокеанских» от алкоголя. Но США отклоняли любой проект международного соглашения о своей торговле с чукчами, камчадалами и каряками. Тогда российское правительство издало территориальный закон от 27-го июня 1900 г. «О мерах к предупреждению хищнической деятельности американцев на северо-восточном побережье Сибири» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1/5. Д. 7002. Л. 62). Согласно ему, без разрешения генерал-губернатора края запрещалась торговля иностранцев на северо-восточном побережье Сибири в 50-ти верстах от побережья. К северо-востоку относились все земли севернее реки Уды, протекающей недалеко от Николаевска.

Надо отметить, что не только американская экспансия вызывала опасения Петербурга. Начиная с 1907 г., японская торговля стала вытеснять американскую в Охотско-Камчатском регионе. В связи с этим Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер в письме от 17 декабря 1908 г. за № 10760 писал в МИД, что японцы не только послали канонерскую лодку «Конго» для охраны своих промысловых судов у берегов Камчатки, но и незаконно торгуют с аборигенами края, оказывают им медицинскую помощь, результатом их дальнейшей деятельности могла бы быть «японофильстующая Камчатка». Учитывая эти тенденции П.Ф. Унтербергер предлагал выслать военные суда в регион, усилить промысловый надзор и отклонить домогательство японской фирмы «Митцубишен Кайша», стремившейся купить или получить в аренду золотые прииски в крае (АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1075. Л. 1–5).

Опасность японской экспансии определялась тем, что японские рабочие с 1907 г. преобладали на сезонных работах в Охотско-Камчатском районах Приморской области. Так, на Камчатке в 1914 г. трудилось 10 600 промысловых рабочих, из которых японцев было 9 тыс. (Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. С. 63–64).

26 апреля 1912 г. в стенах Государственной думы был заслушан доклад представителя МТиП В.В. Жуковского. Он выступал за отмену беспошлинной торговли на Сахалине и северо-востоке России. После обсуждения проблемы депутаты Государственной думы выступили за закрытие для торговли русского северо-востока и приняли законопроект. (Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. III-й созыв. Сессия 5-я. 1911–12. СПб.: Государственная типография, 1912. № 710).

Однако практического влияния этих решений на иностранную торгово-промышленную деятельность в крае не было заметно. Американские и японские предприниматели хозяйничали в Чукотско-Анадырском и Охотско-Камчатском крае до революции 1917 г.

В.В. ЧЕРНЫХ

ФИНАНСИРОВАНИЕ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ РОССИИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ ИМПЕРИИ К СОВЕТАМ

Объем расходов на содержание пожарной части складывается главным образом из следующих факторов: степень пожарной опасности, угрожающей конкретному городу; финансовые ресурсы города; боеспособность пожарной охраны и населения противостоять пожарным бедствиям.

Первый фактор мог бы найти свое цифровое выражение в общей сумме пожарных убытков. Однако таких данных, которые хоть сколько-нибудь полно характеризовали наносимый огнем имущественный урон, по этому периоду не имеется. Но существует иной путь подсчета пожарного ущерба, а именно по числу жителей городов. Пусть с определенными оговорками, но все-таки можно считать, что наносимый пожарами ущерб приблизительно пропорционален числу жителей данного города. Данные же о численности жителей городов имеются довольно полные — их можно найти в статистическом описании городов России (труд бывшего центрального Статистического Комитета МВД).

Обращение к данным о численности жителей, на наш взгляд, позволяет хотя бы и косвенно представить уровень финансового благополучия городов. Чем богаче город, тем больше численность его жителей. Таким образом, сравнение финансовых расходов на содержание пожарной охраны с количеством проживающих в городе жителей позволяет весьма приблизительно учесть влияние двух фак-

торов, а именно степень пожарной опасности и финансовую обеспеченность города.

Остается учесть влияние третьего фактора — готовность к финансовым вложениям на борьбу с огнем. Объективная количественная оценка этого фактора всегда чрезвычайно непроста. Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что уровень затрат часто зависит не от готовности населения к активной борьбе с огнем, а от предприимчивости руководителей пожарного дела и от последствий грандиозных пожаров, после которых финансирование на постановку пожарного дела всегда резко увеличивалось.

В соответствии с изложенной точкой зрения расходы городов на содержание пожарной части в 1917 г. можно исчислять из численности жителей, проживающих в конкретном городе: до 10 тыс., до 20 тыс. и т.д. В пределах каждой такой группы возможно определить отношение расходов на пожарную часть к численности жителей. При этом обнаруживается отсутствие зависимости среднего расхода, приходящегося на одного жителя, с величиной города. Так, например, в Европейской России в группе городов с населением до 10 тыс. средний размер ассигнований на 1917 г. составил 1 р. 31 к., в группе 10–20 тыс. — 1 р. 25 к., в группе 20–30 тыс. — 1 р. 30 к., в группе с населением свыше 30 тыс. (без Петрограда и Москвы) — 1 р. 50 к. В то же время на Украине средний размер ассигнований по той же схеме выглядел иначе: в группе до 10 тыс. — 46 к., от 10 до 20 тыс. — 51 к., 20–60 тыс. — 48 к., свыше 60 тыс. — 44 к. (РГАЭ. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 93. Л. 2).

Приведенные данные указывают не только на отсутствие влияния величины городов в деле ассигнований на пожарные нужды, но и выявляют не вполне ясную зависимость среднего расхода от комплекса причин, которые объединяются в понятие местных условий. Анализ данных отдаленных провинций России также заставляет обратить внимание на специфику ассигнований в этих регионах.

В общем виде данные о среднем на душу населения расходе за 1915 и 1917 гг. и приблизительный расход городов можно представить в следующем виде:

Регион	Расходы 1915 г.		Ассигнования 1917 г.	
	Средний расход на человека, к.	Общий расход, млн р.	Средний расход на человека, к.	Общий расход, млн р.
Европейская Россия	63	5⅔	126	16¼
Украина	28	2⅓	41	3⅓
Сибирь	71	0,8	1,51	1,2
Кавказ	32	0,7	49	1,5
Средняя Азия	32	0,4	45	0,6

Составлено по: РГЭА. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 93. Л. 3–7.

Данные таблицы наглядно демонстрируют увеличение финансирования на содержание пожарной части по сравнению с 1915 г., причем повсеместно. В таблице не приведены данные по столицам в силу того, что здесь расходы были еще выше, а ассигнование в них шли по особым графам. Достаточно отметить, что на содержание личного состава в столицах была выделена сумма, в 7 раз превосходящая соответствующий расход 1915 г., на покупку и содержание обоза — в 3,6 раза, содержание помещений — в 4,8 раза (Там же. Л. 5).

Итак, увеличение ассигнований на пожарную охрану, ставшее вполне осязаемым в 1917 г., связано, как нам думается, со следующими обстоятельствами: во-первых, осознанием пожарной опасности как национальной проблемы, во-вторых, революционный 1917 г., всколыхнувший многие темные силы, привел к бесчисленным пожарам как одному из действенных способов разрешения социальных конфликтов, и правительство в этой ситуации просто было вынуждено для ослабления пожарных бедствий пойти на улучшение организации и постановки пожарного дела.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

Е.А. АНДРИАНОВА

ИСТОЧНИКИ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ БРАТСКО-УСТЬ-ИЛИМСКОГО ТПК

В начавшемся новом веке обращение внимания на результаты хозяйственного освоения Восточной Сибири все больше возрастает. Удачи и просчеты формирования и развития 43 территориально-производственных комплексов, помогают проследить отдельные моменты истории хозяйственного освоения новых районов Иркутской области. Возникшие вопросы рождают широкий спектр анализа факторов, влиявших на условия жизни и работы сибиряков.

Несомненно, особую роль в реализации долгосрочных программ освоения богатств Сибири сыграло формирование и развитие трудовых коллективов, несущих с собой высокую культуру труда и быта, новый, современный ритм жизни. Важность исследования проблем формирования трудовых коллективов обуславливается той ролью, которую они играют во всех сферах жизни нашего общества. Трудовой коллектив выступает как первичное звено хозяйственного механизма, как социальная ячейка общества, как важнейший элемент его социальной структуры и политической системы. Привлекательность и актуальность этого объекта изучения в рамках нашего исследования возрастает в связи с тем, что в центре внимания здесь выступают трудовые ресурсы региона, история развития которого занимала одно из первых мест как в СМИ, так и в научных кругах.

На наш взгляд бесспорным является то, что трудовые коллективы Братско-Усть-Илимского ТПК образовывались с учетом специфики хозяйственного освоения Среднего Приангарья. Рациональное использование трудовых ресурсов из разных источников формирования имело особое значение для трудодефицитных, и прежде всего только осваиваемых районов, где повышение эффективности производства в значительной степени зависело от того, насколько продуктивно будет задействован человеческий фактор в процессе реализации намеченных государством целей.

Для понимания механизма формирования новых производственных коллективов необходимо выяснить источники комплектования кадров в социальном и территориальном разрезах. При решении данной задачи в отношении рабочих, составляющих 4/5 численности производственных коллективов, уместно использование данных анкетирования рабочих в 1979 г.

Анализируя материалы социологического обследования трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК, можно сказать, что главным источником пополнения рабочих кадров являлся рабочий класс (Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980, Новосибирск: Наука, 1988. С. 71–72). Трудовые коллективы комплектовались из рабочих, поступающих с предприятий Среднего Приангарья, с массовым привлечением кадров из-за Урала. Имело место переквалифицирования строителей в эксплуатационники.

По данным переписей, с 1959 по 1979 гг. в Иркутской области доля сельского населения уменьшилась с 46 до 22% (Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: сводный том. М., 1962. С. 21–23). Колхозники и домохозяйки трудоустраивались в виде вольного найма в основном, в строительные организации, так как это были отрасли с широким использованием менее квалифицированного труда. Удельный вес служащих составлял 5,6% в промышленности и 10,5% в строительстве. При чем, женская доля преобладала над мужской долей в процентном соотношении в промышленности — 68%/32%, в строительстве — 69,1%/30,9%.

В начальный период комплектования трудовых коллективов комплекса в школах в 1956 г. обучалось 11,0 тыс. учащихся. По мере интенсивного роста населения резко увеличилось количество выпускников общеобразовательных средних школ, что привело к увеличению числа рабочего класса. Это явилось соразмерным показателем для формирования кадров строителей и эксплуатационников.

По признаку принадлежности к различным регионам СССР, прибывшее пополнение в трудовые коллективы комплекса можно определить следующим образом:

– сибиряки, ранее работающие на других предприятиях Иркутской области — 42% рабочих промышленности и 34,7% рабочих строительства;

– 11,4 и 13,7% — в других районах Сибири;

– 17,3 и 28,5% — в европейской части СССР;

– 14,4 и 8,3% до этого нигде не работали.

В основном более половины рабочего пополнения пришло из Сибири (Данные социологического обследования 1979 г.). Основная часть кадров ТПК формировалась за счет городских жителей. Доля прибывших из сельской местности в строительстве в 1,5 раза выше, чем в промышленности. Учитывалась тесная зависимость между местом рождения и уровнем закрепляемости кадров. Только 13,6% рабочих, родившихся в Иркутской области, собирались сменить место жительства, из них 5% — в ее пределах, тогда как среди родившихся в европейской части СССР каждый четвертый планировал в будущем переехать на новое место жительства.

К формам комплектования трудовых коллективов рабочими кадрами целесообразно отнести следующее:

1. Приглашение администрации и перевод с других предприятий и строек. Так в 1964 г. на Братский лесопромышленный комплекс поступило по приглашению 28,6% рабочей силы. Во второй половине 1950-х гг. имел большое значение оргнабор, который предполагал неквалифицированный и малоквалифицированный труд. Оргнабор проводился в 35 областях, краях и автономных республиках. После обоюдного согласия участвовать в работе ТПК работники вызывались для заключения договора. Всего по оргнабору за 26 лет в Братскгэсстрой поступило около 9 тыс. чел., и было затрачено 798 тыс. р. на организованный набор рабочей силы. Наиболее широко оргнабор применялся в лесной промышленности, но не получил заметного распространения на промышленных предприятиях. Это объяснялось низкой квалификацией поставляемых кадров. В 1960-е гг. эта форма комплектования рабочих кадров стала себя изживать.

2. На смену оргнабору пришел общественный призыв. Это касалось формирования рабочих коллективов, которые объявлялись ударными комсомольско-молодежными стройками. Преимущество общественного призыва перед оргнабором, несомненно, в том, что он позволял получать более квалифицированные кадры с высоким общеобразовательным уровнем. Облегчало решение жилищной проблемы отсутствие у молодых работников семей. Первый отряд комсомольцев прибыл из Москвы в Братск в июле 1956 г. в составе 4 тыс. чел.

По мере потребности производства менялась доля строителей, приехавших по общественному призыву. Нередко строительные организации не успевали трудоустроить и расселить большие группы молодежи, чем вызывали потерю части рабочих, трудоустраивающихся на соседних промышленных предприятиях. В 1970-е гг. происходит переформирование комсомольско-молодежных отрядов с учетом

необходимых ТПК профессий и квалификаций. Примером явился Всесоюзный ударный отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ в количестве около 400 чел., прибывших в Усть-Илимск в мае 1978 г.

3. Экономически выгодным для предприятий и государства явилось направление демобилизованных воинов на стройки и предприятия ТПК. Кадровый состав военнослужащих, уволенных в запас, являлся одним из главных источников комплектования кадров, имевших важное значение в 1950–1960 гг. Наиболее высокая доля занятости данного кадрового контингента выпадала на первенцах комплекса: Братской ГЭС и Братской ЛПК. Кадры имели неплохую профессиональную подготовку, с относительно высоким общеобразовательным уровнем. Примером служит принятие Братскгэсстроем из числа уволенных в запас 50% всей квалифицированной рабочей силы. В том числе 30% шоферов и трактористов, 20% рабочих строительных профессий. Особую роль сыграли демобилизованные воины в формировании коллектива Братского алюминиевого завода (1966–1970 гг.) и Братского лесопромышленного комплекса (в 1970 г. было принято 1547 чел., что составляет 5,2% от общего количества принятых за эти годы) (ТА БЛПК, справочник «Кадры БЛПК», л. 11). Но к 1978 г. число прибывших воинов, уволенных в запас, уменьшилось в 5 раз. Это связано с возросшим различным несоответствием потребности трудящихся с их возможностями в плане социально-бытовой жизни (нехватка жилья, детских и других, важных социально-культурных учреждений). Чтобы устранить данные несоответствия, необходимо было устранить недостаток в развитии сети детских учреждений, сферы бытовых услуг и общественного питания.

4. Заметную роль в обеспечении рабочими кадрами играла система профессионально-технического образования. На предприятия комплекса ежегодно поступали выпускники профтехучилищ, вузов, техникумов, различных специализированных курсов. Причем выпускников профтехучилищ получали те коллективы, которые имели свои профтехучилища: Братскгэсстрой, Братский алюминиевый завод, Коршуновский горно-обогатительный комбинат. За 1975–1980 гг. в строительные коллективы Братско-Усть-Илимского ТПК влилось 2370 выпускников профтехучилищ, что составляло 2,3% от общего числа принятых. Однако с каждым годом удельный вес этой формы комплектования строительных коллективов уменьшался. Так за 1981–1985 гг. число прибывших выпускников было всего 989 человек, и соответственно — 1,0% от общего числа принятых на работу (Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторические аспект). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1991. С. 82). Причиной падения показа-

телей было слабое развитие материально-технической базы профтехобразования и недостаточное должное внимание в трудоустройстве молодых специалистов.

5. С пополнением рабочих кадров возрастало значение комплектования кадров инженерно-технических работников. Данное положение определялось требованиями современного производства: широкое применение на предприятиях новейшей советской и зарубежной техники с применением опыта и знаний, полученных в учебных заведениях. Негативным моментом в работе с формированием управленческих кадров явилось недостаточная работа с кадрами, а именно трудоустройство высококвалифицированных специалистов с высшим техническим образованием на рабочие специальности. Такое нерациональное распределение трудовых ресурсов вызвано, прежде всего, материальным фактором — человека привлекал более высокий заработок рабочего и некоторые преимущества социально-бытового плана. Формирование инженерно-технических кадров шло за счет молодых специалистов, окончивших высшие и средне-специальные заведения, приема на месте и перевода работников с других предприятий и организаций. Шел процесс постоянного увеличения среди ИТР числа лиц с высшим образованием с 31,7% в 1971 г. до 41,6% в1985 г. и наоборот, сокращения доли практиков соответственно с 29,2% до 13,3% (ЦА Братскгэсстрой, ф. 1,оп. 1, д .1839, л. 4).

6. Важное значение в хозяйственном освоении новых районов играла преемственность коллективов. Так в 1962 г. на строительство Усть-Илимской ГЭС прибыло 200 высококвалифицированных строителей Братской ГЭС. Далее в 1970-х гг. крупные коллективы Братских и Усть-Илимских гидростроителей переехали на сооружение Богучанской ГЭС.

Работа по формированию трудовых коллективов позволила увеличить общую численность трудовых ресурсов в регионах, но остро вставала задача стабилизации трудовых коллективов. Снижение уровня текучести имело значение для сохранения и улучшения качественных характеристик рабочих и инженерно-технических кадров ТПК.

Таким образом, на хозяйственное освоение новых районов особое влияние оказывало формирование и развитие трудовых коллективов, основными источниками в кадровом отношении имели общественное признание «оргнабор», «общественный призыв», «перевод с другого предприятия». География приезда кадров в новый район освоения была обширная, включая Европейскую часть страны и особенно Сибири.

Т.В. АНКУДИНОВА

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОРНОГО АЛТАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(На примере горно-алтайского кирпично-известкового завода)

История отдельных промышленных предприятий в определенный момент времени также как и история народов, история отдельных регионов, история политических и социально-экономических процессов требует необходимости отдельного рассмотрения. Рассмотрим основные проблемы развития промышленного потенциала Горного Алтая в годы Великой Отечественной войны на примере кирпично-известкового завода.

5 сентября 1934 г. была ликвидирована артель «Кирпичстрой» системы Ойротмногопромсоюза из-за ее убыточности и нерентабельности. Однако, в связи с тем, что артель «Кирпичстрой» являлась единственным предприятием в области и городе по производству строительных материалов, таких как кирпич и известь, особенно требовавшихся для расширенного строительства города, как национального центра области, а так же большой потребности в этих материалах для школьного строительства в аймаках, был организован Ойрот-Туринский кирпично-известковый завод, с подчинением Ойротской областной местной промышленности.

Основной целью кирпично-известкового завода являлось производство и сбыт строительных материалов (кирпич, известь) и гончарных изделий. Кирпичный завод являлся самостоятельной хозяйственной единицей и действовал на началах хозрасчета, руководствуясь плановыми заседаниями министерства местной промышленности РСФСР, Алтайского крайисполкома и облместпрома. Управление заводом возлагалось на директора, назначаемого и увольняемого облместпромом. Завод имел устав и печать с изображением его наименования.

Накануне войны кирпично-известковый завод включал в себя: а) кирпичный завод действующий № 2; б) бывший кирпичный завод частично ликвидированный, а частично законсервированный, числящийся № 1; в) известковый завод, также к заводу примыкала гончарная мастерская облместпрома. Слияние трех, существовавших ранее отдельных предприятий, повлекло за собой положительные результаты при производстве кирпича и извести, а также экономию в

зарплате, так как от трех самостоятельных административно-управленческих аппаратов был образован только один аппарат.

С началом Великой Отечественной войны изменилась работа предприятий города, в том числе и кирпично-известкового завода. Этому способствовали такие причины как: мобилизация рабочей силы на фронт и мобилизация средств (материальных и финансовых).

Изменилась численность рабочих кирпично-известкового завода в годы войны: в 1940 г. — 80 чел., а уже в 1945 г. — 30 чел. Снизилось не только количество рабочих, но и их квалификация, так как опытные рабочие уходили на фронт, а на их места приходили женщины и дети, не имеющие опыта работы. Мобилизация мужского населения проходила добровольно и по предписанию Г.В.К. Мобилизация средств также проходила различными методами: по средствам денежно-вещевой лотереи; проводились военные займы у населения. В 1941 г. Ойрот-Туринский кирпично-известковый завод, несмотря на трудности военного времени все же продолжал свою деятельность и им был выполнен план валовой продукции за год. В 1942 г. выпуск продукции составлял: кирпич жженый 581 т. штук, известь 289 т., гончарные изделия 34,5 т. литров. В 1942 г. сложное положение кирпичного завода еще более ухудшилось, т.к. на производстве вместо 55 человек в 1941 г. было 17 чел. Кроме этого участились случаи самовольного ухода с производства. Для повышения уровня производства на предприятиях было издано положение о привлечении на время войны инвалидов 3 группы, получавших пенсии по государственному социальному страхованию на работу в предприятия и учреждения (при этом оговаривалось, что выплата пенсий им будет сохранена).

Местные органы управления также предпринимали меры для улучшения экономической ситуации в городе и области с помощью соцсоревнования, которые были обязательны для всех предприятий, в том числе и завода.

Чтобы заинтересовать рабочих в повышении своих показателей в октябре 1942 г. был издан приказ «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих предприятий промышленности стройматериалов», в целях ликвидации уравниловки в снабжении, поощрения хорошо работающих и дальнейшего укрепления трудовой дисциплины на предприятиях промышленности директора предприятий должны были установить для рабочих, выполняющих и перевыполняющих нормы выработки, особый порядок снабжения, а именно продавать промышленные товары по карточкам (за исключением хлеба), выдавать дополнительное горячее питание за счет ресурсо-подсобных хозяйств без зачета в норму, установлен-

ную по карточкам; снабжать в первоочередном порядке товарами широкого потребления (предметы домашнего обихода и др.)

На протяжении всего периода Великой Отечественной Войны проводилась агитационная работа местными органами управления по разгрому немецко-фашистских захватчиков, о необходимости героической работы в тылу. Было намечено выполнение месячной программы в 20 дней, которое разрешало вопрос с рабочей силой, удешевляло стоимость продукции и увеличивало ее выпуск.

В 1944 г. экономическое положение кирпичного завода несколько улучшилось по сравнению с предыдущими годами, хотя многие ключевые проблемы, вызванные трудностями военного времени, оставались не решенными. Причины низкой производительности объяснялись тем, что имеющийся контингент рабочих недостаточный, приходилось перебрасывать с одного объекта на другой, а кроме того из имеющегося контингента рабочих большая часть подростки не усваивала процессы работы.

Тяжелые условия труда и низкая зарплата вынуждали рабочих уклоняться от выполнения трудовых обязанностей и совершать побеги с производства. Пик самовольных уходов пришелся на 1944 г. Областная прокуратура располагала материалом свидетельствующим, что многие организации города по личной вине бухгалтеров и руководителей предприятий и учреждений имели большую задолженность финансовым органам по компенсации за неиспользованные отпуска, по займу, военному и подоходному налогу.

Наиболее успешным в производстве был 1945 г., который изменил экономическое положение кирпичного завода. При небольшом контингенте рабочих (30 чел.) кирпичный завод был выведен из убыточного предприятия в прибыльное. Счет прибылей и убытков за 1945 г. свидетельствовал об этом. Прибыли было всего 3457,00, убытков всего 53 012,73, сальдо прибылей 49 555,73, таким образом, баланс — 53 012,73. Но несмотря, на все это некоторые проблемы, существовавшие ранее, оставались не решенными и в 1945 г. Об этом свидетельствует отчет за 1945 г. В 1945 г. план по жженому кирпичу составил 312,5 тыс. штук, по извести 111,5 тыс., по гончарным изделиям 59,2 тыс. литров, то есть производственная программа по заводу была не выполнена. Это объяснялось тем, что завод не выполнил план по заготовке и вывозке дров. Так как заготовка дров производилась на расстоянии 35–40 км от города Ойрот-Тура, а завод имел только одну грузовую машину и 14 лошадей, это полностью не обеспечивало создание базы для бесперебойной работы цехов по обеспечению топливом. На неудовлетворительное выполнение

производственной программы также влияло отсутствие достаточного количества рабочей силы.

Таким образом, наиболее сложный и трагический период — период военных лет оказал значительное влияние на развитие и деятельность многих промышленных предприятий России и ее регионов, и в частности на работу Ойрот-Туринского кирпично-известкового завода в 1941–1945 гг. Это выразилось, прежде всего, в падении уровня производства, ухудшении кадровой ситуации и социального положения рабочих. Руководство области и администрация завода в течение всего периода Великой Отечественной войны пытались улучшить экономическую ситуацию на заводе. Однако все эти попытки не давали ожидаемого результата.

А.Ю. БАШЕЛХАНОВ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Начатая в 1985 г., перестройка была направлена на социально-экономическое, а затем и на политическое преобразование общества. В сфере экономики перестройка направлялась на реформирование народного хозяйства, переход его на самоокупаемость, самофинансирование, хозрасчет. Предусматривалась модернизация тяжелой и легкой промышленности. Однако новые реалии развития вскрыли неподготовленность партии во многих областях управления. КПСС требовалось перестраивать свои методы и стиль работы.

В 1988 г. в Москве состоялась XIX Всесоюзная партийная конференция, на которой было заявлено о необходимости реформирования политической системы.

«Мы многое сделали в духовной сфере, — подчеркнул М.С. Горбачев, — мы развернули широкий процесс, втянулись в радикальную экономическую реформу, на очереди теперь реформа политической системы, к ней мы подошли в результате развития самой перестройки, ее внутренней логики она нам просто жизненно необходима. Все захлебнется, если мы не реформируем политическую систему».

Делался исторический экскурс в обоснование сказанного к 1953 г., к решению сентябрьского Пленума ЦК, давшего, по мнению выступающего, большой толчок для развития села. Решение Пленума ЦК

1953 г. на практике не было воплощено должным образом в жизнь. Также приводился пример захлебнувшейся начатой в 1965 г., реформы промышленности. Всему виной ставился командно-административный метод работы в государстве и партии.

Демократизация государственного управления виделась в упрощении аппарата управления, ликвидации лишних звеньев и сокращения числа аппаратчиков. В новых условиях ставка делалась, прежде всего, на профессионализм работников.

Важное значение предавалось децентрализации управления, передачи инициативы низовым звеньям управления.

Подчеркивалось, что Советское государство образовалось как орудие диктатуры пролетариата, а на определенном этапе превратилось в общенародное государство. Следовательно, можно было сделать вывод, что коммунистической власти в стране уже ничего не угрожало, поэтому любой, кого народ сочтет достойным, мог претендовать на избрание в органы государственной власти. При этом, оговаривалось, что демократия в социалистическом обществе вовсе не предполагает многопартийности, достаточно одной руководящей партии на принципах гласности, открытости, самокритики, демократизма. Предлагалось учредить пост Председателя Верховного Совета, а съезды народных депутатов созывать регулярно. Полновластие Советов народных депутатов должно было стать основой социалистической государственности и самоуправления в Советском Союзе.

Было внесено предложение, нашедшее многих сторонников, об определенном сроке пребывания (не более двух раз подряд) на руководящих должностях членов бюро, секретарей партийных комитетов, членов Политбюро ЦК КПСС и Генерального секретаря ЦК КПСС. Приветствовалось появление новых общественных организаций (ассоциаций, объединений). В этом виделась активность народных масс, их желание продолжать перестройку. Через профсоюзы, комсомол, женские, ветеранские и другие организации граждане СССР, выражая свое мнение, способствовали бы формированию не только внутренней, но и внешней политики государства.

Особое место уделялось молодежному вопросу. Комсомол мог теперь активно участвовать в политической жизни и выдвигать своих кандидатов на выборные должности. Интересно, что не делалось каких-либо оговорок в отношении единства партийных рядов, но в отношении действий комсомола указывалось, что они не должны идти в разрез с делами своих старших товарищей из КПСС.

Конференция определила, что реформа политической системы призвана решать следующие задачи:

– «открыть максимальный простор самоуправлению общества, создать условия для полного развития инициативы граждан;

– отладить механизм демократического выявления информирования интересов и воли всех классов и социальных групп, их согласования и реализации по внутренней и внешней политики Советского государства;

– обеспечить условия для дальнейшего свободного развития каждой нации и народности, укрепления их дружбы и равноправного сотрудничества на принципах интернационализма;

– радикально укрепить социалистическую законность и правопорядок, с тем, чтобы исключить возможность узурпации власти и злоупотреблений, эффективно противостоять бюрократизму и формализму;

– четко разграничить функции партийных и государственных органов в соответствии с ленинской концепцией роли компартии как политического авангарда общества и роли Советского государства как организации и орудия власти народа;

– создать эффективный механизм, который обеспечивал бы своевременное самообновление политической системы с учетом меняющихся внутренних и международных условий, развитие и внедрение во все сферы жизни принципов социалистической демократии и самоуправления» (ГАНИО, ф. 127, оп. 28, д. 70, л. 46–47).

Исходя из требований XIX партконференции, предполагалось провести реорганизацию партийного аппарата. Функции отраслевых отделов передавались исполнительным органам власти. В частности, в Иркутском областном партийном комитете после реорганизации остались отдел организации партийной работы, идеологический отдел, отдел экономической и социальной политики, отдел агрополитики, отдел государственной правовой работы и межнациональных отношений, управление делами.

Городским и районным комитетам в своей структуре предлагалось образовать организационный отдел, идеологический отдел, общий отдел, сектор делопроизводства. Одновременно предусматривалось проводить выборы на руководящие партийные должности на конкурсной основе. Коллективы сами стали выдвигать кандидатов и проводить по ним голосование.

Такая реорганизация сопровождалась сокращением партийного аппарата. В крупных горкомах партии (Иркутском, Ангарском, Братском) предлагалось сократить аппарат в целом на 10–20% (ГАНИИО, ф. 127, оп. 126, д. 94, л. 25).

Однако, как показали дальнейшие события, предпринятые меры по реформированию политической системы оказались губительны-

ми для правящей партии. В действительности, многие начинания политической реформы тормозились, не находили понимание у части населения. Курс партии на всеобъемлющее экономическое процветание страны оказался невыполним, что не могло не сказаться на авторитете коммунистов. Произошло то, чего мало кто ожидал: КПСС, желая реформировать социализм, утратила власть. Демократизацией воспользовались те, кто не желал социализма, а видел выход из кризиса на основе идеалов западной демократии и капитализма.

О.А. ГОНЧАРОВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В 1985–1991 гг. В ГОРНОМ АЛТАЕ*

Условия жизни населения в Горном Алтае, как и в стране в целом в 1985-1991 гг. определялись общим положениям дел в стране и, прежде всего, в социальной сфере, на которую к середине 1980-х гг. оказывал влияние целый комплекс социально-экономических проблем.

В 1985–1991 гг. Горно-Алтайская автономная область продолжала оставаться самой крупной административной единицей Алтайского края с общей площадью 92,6 тыс. кв. км. Население области по данным переписи населения 1989 г. составляло 190 831 человек, из которых 29,2% приходилось на коренных жителей (алтайцы), 63,4% — на жителей русской национальности, 5% — на казахов и 2,4% — на жителей других национальностей. Алтайцы представляли группу тюрко-язычных племен (алтай — кижи, теленгиты, телесы, кумандинцы и другие). Что касается численности трудоспособного населения, то к 1989 г. она составляла только половину общей численности населения, в связи, с чем увеличивалась экономическая нагрузка на сельских жителей. Так, в 1989 г. на 1000 трудоспособных приходилось 953 человека моложе и старше трудоспособного возраста.

Тенденции рождаемости и смертности характеризовались в эти годы довольно благоприятной динамикой. За четыре года XII пятилетки общая смертность населения сократилась на 10% и составила за 1989 г. 10 человек в расчете на 1000 человек населения против 12 в 1985 г. В 1989 г. умерло 1940 человек. На этом фоне

* Статья выполнена в рамках темы ЕЗН министерства образования и науки № 1.02.06.

продолжался процесс старения населения, причем в сельской местности он происходил интенсивнее. Доля лиц старших возрастов на селе, за период с 1979 по 1989 гг. возросла с 12.2% до 13,8%, среди горожан — с 14% до 16,5%.

Уже к началу 1990 г., проявляется новая тенденция: отток населения из сельской местности. В XII пятилетке он в среднем за год увеличился до 8,7 тыс. человек против 7,4 тыс. в 1981–1984 гг. В числе выбывших из сельской местности основную долю составляло трудоспособное население в 1989 г. (76,6%) и дети до 16-летнего возраста (19,4%).

Несмотря на получившие в 1950–1970 гг. развитие ряда отраслей (горнорудная, лесная, пищевая) основным занятием населения области сельскохозяйственное производство (животноводство). С середины 1980-х наметилась тенденция к снижению поголовья скота (за исключением лошадей), и как следствие всего сельскохозяйственного производства. Так, по Горному Алтаю в 1991 г. было заготовлено всех видов кормов для общественного животноводства 67% к плану и 94% к уровню 1990 г. Ни один район не справился с плановым заданием по кормовым единицам. Объем валовой продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств (в сопоставимых ценах 1983 г.) уменьшился в 1991 г. по сравнению с 1989 годом на 7%. При этом продукции растениеводства сократилось на 9%, животноводства на 6%.

На этом фоне начинает свое развитие кооперативная форма хозяйствования. На недлительный период времени через деятельность этого типа сельхозобъединений были частично решены вопросы снабжения населения сельхозпродукцией. В 1991 г. кооперативы были созданы и действовали во всех районах, они объединяли 4966 человек. Наибольшее распространение они получили в городе Горно-Алтайске. Здесь было сосредоточено 33% действующих кооперативов, они реализовывали продукцию на 14 976,5 тыс. р., что составляло 49% общей суммы выручки кооперативного сектора. Но тенденция не стала устойчивой.

Таким образом, в традиционных отраслях намечается тенденция к некоторому спаду производства, что напрямую вело к изменениям занятий населения и сокращению занятости, это, в свою очередь, имело негативные социальные последствия для всего населения региона.

Одно из таких последствий — изменение структуры доходов населения. Так, в течение 5 лет (1985–1990 гг.) минимальный уровень месячной заработной платы равнялся всего 70 р. От минимальной начисленной заработной платы он составлял в 1985 г. 35%, а в 1990 г. — 23%. В 1991 г. средний размер минимальной заработной платы (98

р.) составил всего 18% от начисленной заработной платы. Снижение коэффициента соотношения минимальной заработной платы со средним уровнем начисленной говорит о том, что минимальная заработная плата к концу пятилетия начала утрачивать роль базы расчета размеров оплаты труда на отдельных предприятиях в связи с изменением форм собственности и получением большей самостоятельности в сфере трудовых отношений. Но установление минимального размера заработной платы для работников всех предприятий и организаций продолжало оставаться, наряду с утверждением государством тарифной ставки первого разряда для рабочих и служащих бюджетных учреждений, одним из главных инструментов регулирования основной части личных доходов домашних хозяйств — оплаты труда.

Денежные доходы населения в 1990 г. составили 374 млн р. и увеличились по сравнению с 1989 г. на 16,0%, в 1988 г. на 28%, 1987 г. — 38%, 1986 г. — 42%. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих в народном хозяйстве увеличилась с 214 р. в 1989 г. до 252 р. в 1990 г. или на 18%, оплата труда колхозников с 191 р. до 224 р. или на 17,2%. В 1990 г. увеличились также выплаты пенсий и пособий населению почти на 6 млн р. (прирост составил 12,2%), поступления от продажи продукции сельского хозяйства населения — на 3,5 млн р. (прирост составил 17%). В 1990 г., по сравнению с другими годами пятилетки, отмечался высокий прирост сбережений населения во вкладах. За 1990 г. население внесло на счета сберегательного банка 22,4 млн р., что на 41% больше, чем в 1989 г., прирост, вкладов к 1985 г. увеличился в 3,9 раза.

Основные тенденции по изменению доходов населения области отражают данные, полученные нами в результате обследования Улаганского района. За период с 1988 по 1990 гг. совокупные доходы населения Улаганского района выросли на 16,98%, в расчете на душу населения — на 12,36%. При этом прирост совокупных доходов населения произошел, главным образом, за счет увеличения поступлений от работы в общественном хозяйстве (зарплата, доходы от работы в колхозе) и от личного подсобного хозяйства. Изменилась структура совокупного дохода, снизился удельный вес трудовых доходов с 70,1% до 66,5%, возросла доля денежных доходов от продажи продукции личного подсобного хозяйства с 11,0% до 14,7%.

Однако, при устойчивом повышении номинальных денежных доходов, при росте цен на товары государственной и кооперативной торговли, реальные доходы населения значительно снизились. Если номинальный денежный доход в расчете на 1 человека в месяц с 1988 по 1991 гг. увеличился на 80,2%, то реальные доходы упали на

34,3%. Объем реальных доходов в 1991 г. свидетельствует о существенном снижении жизненного уровня населения.

Возможности жизнедеятельности определялись и прожиточным минимумом. Ситуация в этой сфере в области в 1985–1991 гг. также была неблагоприятной. Введение компенсаций также не оказало существенного влияния на различия среднедушевого дохода между группами семей.

Однако обеспечение населения товарами народного потребления и платными услугами в 12 пятилетке продолжало оставаться напряженным, при этом острота проблемы из года в год нарастала, а в 1990 г. положение на потребительском рынке стало критическим. Вырос объем неудовлетворенного покупательского спроса населения. Положение усугублялось тем, что в условиях ажиотажного спроса населения практически на все виды товаров повседневного спроса, план производства по многим товарам не выполнялся, в т.ч. по мясу, молоку, сыру и маслу.

Структура потребления продуктов питания, сложившаяся в то время в районах области по ряду позиций значительно отклонялось от медицинских норм. Так, население потребляло значительно больше нормы мучных изделий, картофеля и сахара, в то время не дополучали овощей, фруктов и молочных продуктов. Привести уровень потребления различных продуктов к рекомендуемым нормам в то время не предоставлялось возможным из-за недостатка средств у населения и продуктов на рынке. Приходилось ограничиваться приведением к норме общей калорийности рациона без улучшения его структуры. Таким образом, прожиточный минимум был весьма низок. Потому что расходы населения региона увеличивались, в связи с повышением цен, а доходы населения не успевали увеличиваться вслед за ценами на товары и услуги населению.

Наметившиеся в 1985–1991 гг. неблагоприятные тенденции в социальной сфере порождались в целом системой хозяйствования и управления. Хотя существенную роль в этом сыграли и отдаленность региона от промышленных центров, экологическое неблагополучие и суровость климата.

Н.В. ГОНИНА

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ИНДУСТРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ 1970–НАЧАЛЕ 1980-х гг.

Во 2-й половине 1970–начале 1980-х гг. продолжалось активное индустриальное развитие Сибири. В 1970-х гг. на эти цели ежегодно

направлялось около 1/3 государственных капиталовложений РСФСР. Удельный вес Сибири и Дальнего Востока в экономике страны постоянно повышался. В 1970 г. он составлял около 11%, а в 10-й пятилетке — 13% национального дохода СССР. Только за 10 лет (1974-1984 гг.) экспорт нефти (главным образом сибирской) и продуктов ее переработки дал стране около 200 млрд инвалютных р. За алмазы, преимущественно якутского происхождения, СССР ежегодно получал на мировом рынке от 500 млн до 1 млрд дол. Огромный доход приносила платина, на ¾ получаемая Норильским ГМК. Продажа золота за рубеж, на 2/3 добываемого в Якутии, давала в среднем 3-4 млрд дол. в год (Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М.: Наука, 2004. С. 534).

Но, несмотря на успешные показатели сибирской промышленности, в этот период возникли серьезные трудности, в первую очередь, с трудовыми ресурсами. Плотность населения в Сибири была в 1,5 р. ниже, чем в среднем по РСФСР. Даже повышение рождаемости в 1970–1980-е гг. не изменило ситуацию. В тоже время, в начале 1980-х гг. сократилось количество женщин детородного возраста (малолюдное поколение 1960-х), абсолютными тенденциями стали малодетность и рост разводов. Например, в Красноярском крае коэффициент брачности сократился в 1,5 раза, а разводимости — возрос в 4 раза. При этом показатель смертности в данный период поднялся в среднем по Сибири на 35%. Среди основных причин исследователи называют резкое ухудшение экологии, алкоголизацию населения, отставание развития здравоохранения.

В итоге за 1970–1980-е гг. сельское население Сибири сократилось на 20%, а среднегодовые темпы сокращения трудоспособного населения возросли в 3 раза. Размер механической убыли превысил естественный прирост в 1,8 раза. В начале 1980-х гг. 70–80% населения Сибири проживало в городах. Таким образом, деревня, как источник рабочей силы была исчерпана (Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991. С. 44–47).

Проблему пытались решить уже проверенными способами, в частности за счет перераспределения рабочей силы. В 1970–1980-е гг. Сибирь была объявлена зоной Всесоюзной стройки. Только за годы 10-й пятилетки свыше 500 тыс. человек добровольцев приехали на сибирские стройки. Среди строителей БАМ преобладала молодежь, в возрасте до 30 лет (30–60%). В 1970-е гг. в районах ТПК Восточной Сибири, наблюдался высокий уровень рождаемости (более 20 на 1000 чел.) и высокий естественный прирост (около 15 в среднем). Но

к середине 1980-х гг. эти показатели снизились до уровня областных (соответственно 19 и 12) (Аргудяева Ю.В. Становление и развитие молодой семьи в зоне БАМ железнодорожной магистрали // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. Новосибирск, 1987. С. 149–151).

Благоприятные показатели механического и естественного прироста нивелировались значительным оттоком населения. Коэффициент текучести кадров в сибирской промышленности был в 2 раза выше, чем в центральной части страны. В районах новостроек на 100 прибывших было 76 уехавших, на Севере — 90. В целом за период 1970–1980-х гг. из-за тяжелых природно-климатических и материально-бытовых условий проживания Сибирь покинуло более 6 млн человек, т.е. около 30% ее населения (Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М.: Наука, 2004. С. 537).

Если в 1930–1960-е гг. недостатки механизации и организации производства частично удавалось восполнить инициативой, социалистическим соревнованием, рационализаторством, то в 1970–1980-е гг., в условиях НТР, этого было не достаточно. Тем не менее, в Сибири новое оборудование и средства направлялись преимущественно на новостройки. Обновление чаще всего проводилось путем капитального ремонта. В течение 1970-х гг. естественно шло старение оборудования. Как следствие, наблюдалось снижение фондоотдачи, повышение капиталоемкости продукции. Сохранялись тяжелые условия работы, преобладание физического труда. Например, на Канском химзаводе женщина переносила за смену 4,5 т груза (Красноярский край в истории Отечества: Книга четвертая. 1954–1985 гг. Красноярск, 2001. С. 150).

Во многих отраслях в годы 10-й пятилетки наблюдались замедление роста производительности труда, высокий уровень прогулов и нарушений трудовой дисциплины. На Саянском ТПК в 1976 г. было потеряно 44 983 человеко-дней, а в 1980 г. — 62 562. В 1985 г. на Братскгэсстрое уволили за прогулы 15,3% рабочих. Меры, принимаемые местными организациями, не дали эффекта. В 1983 г. было принято постановление Совета Министров «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины», положение несколько улучшилось. Однако это не было решением проблемы. Налицо было снижение интереса к работе.

В сложившихся условиях первоочередное значение приобретал вопрос об ускоренном развитии социальной инфраструктуры. Ее отставание являлось одной из главных причин повышения миграции населения, текучести кадров и других негативных явлений. Но

в 1970–1980 гг. распределение финансирования складывалось не в пользу объектов бытового значения. Возникла диспропорция между развитием индустрии и отставанием социально-культурной сферы. Так, по Саянскому ТПК в 1971–1985 гг. из капиталовложений на объекты непроизводственного значения распределялось только 17–19%. Высокие заработки рабочих Норильска и Братско-Усть-Илимского ТПК не могли быть обеспечены необходимым количеством товаров из-за проблем с завозом. В районе сибирских ТПК объем удовлетворения бытовых услуг составлял 50% от нормы. Красноярский край по обеспечению населения жильем находился на 48 месте, а по дошкольным учреждениям на 58-м.

В погоне за скоростью строительства допускалось низкое качество работ. В 1978 г. на территории Саянского ТПК с оценкой «отлично» было принято всего 1,8% введенного в эксплуатацию жилья, в 1979 г. — 0,8%. В 1984 г. здесь заселяли дома, где не были закончены работы по устройству полов и внутренней отделке.

Другой проблемой была система здравоохранения. В Братско-Усть-Илимском ТПК обеспеченность врачами составляла 50–60%, медицинскими учреждениями — 40–48% (Болотова И.Л. Взаимодействие индустриального и социально-культурного развития городов Сибири // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. Новосибирск, 1987. С. 143–145).

Спад производства сельскохозяйственной продукции и, одновременно, рост населения городов, увеличение денежной массы, не обеспеченной товарным покрытием, породили инфляцию и хронический дефицит даже необходимых продуктов и промтоваров. Так, в 1975 г. в Красноярске на душу населения приходилось 37,5 кг мясопродуктов, в 1979 г. — 31 кг. В 1982 г. были введены лимиты на ткани, мыло, масло и другие товары (Красноярский край в истории Отечества: Книга четвертая. 1954–1985 гг. Красноярск, 2001. С. 160–161).

В общепите ситуация была еще хуже. Обследование столовых КАТЭКА показало наличие кишечной палочки в 52% посуды, недовес мяса 80%, сметана 20% разводилась до 5%. Душевая выдача хлеба в г. Назарово составляла 196 г. Зато реализация водки увеличилась в 2 раза, коньяка — в 6 раз (Букин С.С. Территориальные особенности роста благосостояния трудящихся сибирской индустрии // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. Новосибирск, 1987. С. 149–151).

Таким образом, Сибирь значительно отставала от среднесоюзного уровня по благоустройству: недостаток жилья, слабо развитая сфера услуг, худшее снабжение продуктами питания и непродоволь-

ственными товарами. Поэтому большая часть работников, прибывавших в Сибирь, планировала временное пребывание с целью накопления денег.

Если нерациональное использование природных ресурсов компенсировалось их огромными запасами, то недостаток трудового и кадрового потенциала восполнить не удавалось. Пренебрежение человеческим фактором привело к резкому снижению потенциала сибирской промышленности и определило границы экстенсивного роста производства.

И.В. ГОЛЯТО

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В ГОДЫ ДВУХ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (1928–1937 гг.) НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКА И КРАСНОЯРСКА

Одной из задач Советской власти в 1920–1930 гг. стала перестройка быта и жизни рабочего класса. Эта перестройка должна была затронуть и питание пролетариата, постепенно вытесняя питание индивидуальное питанием общественным.

Развитие общественного питания порождало определенные надежды на возможность отказа от приготовления пищи в домашних условиях, освобождения женщины от этой формы домашнего труда: журнал «Профессиональное движение» «… призывал развернуть решительную борьбу с индивидуальными формами питания» (Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926–1937 гг. Иркутск, 1987. С. 57).

Но такая постановка задачи не соответствовала реальным возможностям общественных столовых. Об этом свидетельствуют и архивные данные и материалы периодической печати тех лет: «Плохо работает недавно организованная столовая на фабрике «Сибфарфор». Обеды стоят 45 к., но качество их очень низкое. В супе вместо мяса попадаются тараканы, волосы, тряпки и т.п. Каша зачастую бывает прогорклая до такой степени, что ее невозможно есть. Служащие столовой к своим обязанностям относятся халатно. Зачастую грубят посетителям. Обеды отпускают не торопясь. Санитарного надзора нет. Повар, пробуя суп, остатки ложки выливает обратно в бак…» (Власть труда. 1930. 9 марта).

Естественно, что власть и общественность не могли закрывать на это глаза. Проводились всевозможные смотры и проверки столовых, которые, однако не давали ощутимых результатов: «Смотр

общественного питания заканчивается. Бригады подводят итоги… В столовой кожзавода обнаружено полное антисанитарное состояние. Уже во время смотра один из рабочих вытащил из супа разрезанную пополам мышь. Масса недостатков в столовой № 1. Санитарное состояние кухни отвратительное — грязь, сырость. Грязная и чистая посуда складываются вместе. Были случаи употребления в работу закисших от грязи баков и термосов. Мыло, масло, дичь, сало свалены в кладовых и перемешаны с отдельными частями машин, выбывших из строя механизированной столовой. Качество обедов безусловно скверное и это зависит частично от скверных продуктов и от халатного приготовления» (Власть труда. 1930. 11 марта).

Четыре года спустя ситуация особо не изменилась: «Рабочие ругают столовые за плохие обеды, грязную посуду и не зря…Сегодня макароны, завтра макароны, потом три дня свекольник. Свежая рыба бывает только на рыбалке, а пока она доплывет до котла, становится вроде омуля с душком» (Металлист. 1934. 10 авг.).

Аналогичная ситуация с рабочими столовыми сложилась и в Красноярском крае: «Все «прелести» народного питания рабочим, служащим и их семьям, прикрепившимся к столовым приходиться испытывать на собственном желудке. Начиная с прикрепления. Чтобы получить карточку прикрепившийся теряет как минимум, одни сутки на стояние в очереди. Очень часто, не получив карточки сегодня он ходит за ней по нескольку дней. Очередь остается…Чтобы получить обед рабочий тратить на ожидание по нескольку часов. Особенно это отражается на прикрепившихся: при получении завтраков, обедов приходиться три раза в день стоять в очереди. На обед вы можете получить суп — свекольник, который по недоразумению назван супом. Попросту это безвкусная вода, в которую случайно попали 2–3 маленьких ломтика свеклы. В столовой вас могут накормить рыбой, от которой пахнет за версту, которую сначала проквасили, а потом отправили в столовую… И, наконец, мухи. Это какой-то бич для посетителей столовой № 5. На окошках, на столах, на посуде их целые сотни. Роями они носятся по комнате, но вы не найдете ни одного листка для уничтожения мух» (Красноярский рабочий. 1930. 15 авг.).

Вот результаты проверки красноярских рабочих столовых (проверку проводила Рабочекрестьянская инспекция: «В силу низкого содержания жиров, малого веса порции, недопустимо низкой калорийности и отрицательных вкусовых качеств, считать совершенно неудовлетворительным и в дальнейшем недопустимым питание в столовой» (ГАКК, ф. 439, оп. 1, д. 13, л. 79).

Некоторые красноярские пролетарии на рабочей конференции по вопросу о рабочем снабжении заявляли следующее: «Зачем вы насильно заставляете пользоваться столовой, если я не хочу в столовой. Дал мне мясо, хлеб домой, и как я хочу, так и ем» (ГАКК, ф. 439, оп. 1, д. 13, л. 79).

И мы видим, что подобные заявления вполне справедливы. Таким образом, можно сделать вывод, что полный переход от индивидуального к общественному рабочему питанию был практически невозможен, т.к. препятствовало этому прежде всего низкое качество питания и плохое обслуживание в общественных столовых.

В.В. ГУЗИК
В.И. ПОКОРСКИЙ

ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. И СОВРЕМЕННОСТЬ

В настоящее время заметно обострилась необходимость осмысления вопросов технического обеспечения сельскохозяйственного производства. Мы ограничиваемся периодом 1950–1990-х гг. и делаем попытку выяснить позитивные и негативные моменты обеспечения техникой села для поиска путей форм и методов решения современных задач развития аграрно-промышленного комплекса (АПК).

Государство нашей страны в послевоенный период оказывало посильную помощь в деле восстановления различных структур народного хозяйства в том числе и на селе, в котором было занято свыше 50% рабочей силы. В последствии процесс урбанизации привел к заметному уменьшению количества, занятых в сельскохозяйственном производстве. Это было обусловлено, в основном, ростом технического обеспечения труда.

В послевоенный период обеспечение техникой сельчан было возложено на машино-тракторные станции (МТС), которые действовали с 1928 по 1958 гг. Они являлись одновременно и политико-административными центрами отвечающими за выполнение плана производства сельхозпродукции. На первых этапах восстановительного периода МТС вполне успешно справлялись с решением задач поставленных перед ними правительством. Однако в последствии стали проявляться противоречия субъективного и объективного характера. Субъектив-

ный — в том, что интересы административного центра, то есть руководители МТС, далеко не всегда совпадали с интересами председателей правлений колхозов. Зачастую директор МТС своим волевым решением направлял технику хозяйствам в зависимости от личных симпатий и антипатий. Поэтому в одних хозяйствах техники было густо, а в других — пусто, что не способствовало увеличению объема производства сельхозпродукции. Объективный характер противоречий проявлялся в том, что в конце 1950-х гг. хозяйства на местах уже заметно окрепли и у них появились финансовые возможности для приобретения необходимой техники. На селе в этот период было уже достаточное количество специалистов (трактористов, комбайнеров и др.), которые могли бы решать на местах производственные задачи.

В Законе от 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинотракторных станций» указывается что наличие на земле двух хозяев МТС и колхозников привело в конце концов к обострению противоречий между ними и снижению темпов роста объема производства. Отмеченные противоречия далеко на полностью отражают картину сложившихся отношений между разнородными хозяйствами.

На местах руководители колхозов делали попытки самостоятельно обеспечить техникой производство. В периодической печати конца 1950-х гг. отмечались примеры успешного ведения хозяйства без патронажа МТС над колхозами. Так в Красноярском крае в селе Шушенском были созданы тракторно-полеводческие бригады, за которыми постоянно закреплялась техника, она использовалась только в интересах сельскохозяйственного производства. Такой поход к использованию техники дал заметные результаты, поэтому колхозы стали заключать договоры с МТС о передаче им техники и оборудования на условиях аренды с выкупом. Тем самым за МТС оставались только функции сервисного обслуживания техники. В 1958 г. правительством было принято решение реорганизовать МТС в РТС, то есть в ремонтно-технические станции. Идея реорганизации была бы своевременной и оправданной в том случае, если бы РТС стали эффективными центрами сервисного обслуживания техники на местах. Имеется в виду, сто РТС должны были нести материальную ответственность за функционирование техники в хозяйствах в течении всего срока договора. Однако такой подход отсутствовал, так как сохранялась преемственность прежних местнических отношений патронажа РТС над хозяйствами без наличия должной правовой ответственности сторон. На наш взгляд, реорганизация МТС в РТС была не достаточно продуманной, и являлась очередной политической кампанией,

осуществляющейся в интересах административной управленческой верхушки. От перестановки управленческих кадров крестьяне ни сколько не выиграли. Поэтому РТС продержались сравнительно недолго с 1958 по 1961 гг. и были преобразованы в централизованную систему Всесоюзной сельхозтехники. Эта новая структура должна была наладить поставку техники, запчастей, комплектующих и горюче смазочных материалов (ГСМ) колхозам. Однако ее посредническая снабженческая деятельность могла бы успешно содействовать развитию сельскохозяйственного производства в том случае, если бы поставка техники сопровождалась обеспечением запчастями. На практике поставка техники и оборудования осуществлялась строго по плану через систему Госснаба. Запчасти и комплектующие планом не были предусмотрены. Это и почувствовали на себе колхозы и совхозы, которые вынуждены были приобретать технику (тракторы, комбайны и др.) без должного обеспечения запчастями.

Ремонт новой довольно-таки высокопроизводительной техники осуществлялся в колхозных мастерских местными умельцами, а чаще самими трактористами и комбайнерами. Естественно, что диагностика, текущий и капитальный ремонт, производимые на местах не всегда соответствовали требованиям к эксплуатации современной техники. Тракторы и другая техника вместо 10–15-ти лет эксплуатации сохраняли работоспособность в течении 4–5-ти лет. Объяснение простое: запчасти приобретались, а точнее снимались, из сравнительно новой техники. Это укорачивало время эксплуатации машин и оборудования и увеличивало запасы металлолома. Парадоксальная ситуация — заводы АПК выполняли и перевыполняли планы производства техники селу, но ее не хватало. Такая «забота» машиностроителей ни как не радовала крестьян, которым приходилось оплачивать поставки втридорога. Таким образом, идея сельхозснаба также не полностью отвечала интересам развития аграрного сектора народного хозяйства страны. Он в основном был представлен на местах крупными и гигантскими слабоуправляемыми хозяйствами.

Эти далеко не все, отмеченные нами негативные моменты, конечно, не могли способствовать развитию сельского хозяйства, которое в 1960–1980-х гг. как и другие отрасли народного хозяйства находилось в состоянии застоя. Это проявилось в сокращении ассортимента продовольственных товаров, появлению очередей, льготных списков, талонов заказа (карточек) и других атрибутов характеризующих отвратительное явление, получившее название «блат». Десятки лет ощущался дефицит на целый ряд продовольственных товаров. Одной из главных причин появления этих проблем было, на наш взгляд

то, что инвестиционная политика государства в основном была ориентирована, на развитие ВПК.

В 1990-х гг. произошла хозяйственная реформа, точнее революция, которая привела к изменению политического строя и отношений собственности. Новый государственный строй взял курс на формирование многопартийной политической системы, а в экономике — на полиформизм отношений собственности, то есть равенство всех форм хозяйствования. В сельском хозяйстве вместо колхозно-совхозной, то есть кооперативно-государственных отношений собственности, сделана попытка создать систему независимых хозяйств по аналогу фермерских и обществ с ограниченной ответственностью, товариществ и др. Уже второе десятилетие эта попытка не привела к заметным сдвигам в аграрном секторе. Современный АПК продолжает находиться в состоянии разрухи и хаоса. Колхозы, сохранившиеся в некоторых районах, представляют собой единичные образования. Они действуют благодаря инициативе рядовых членов колхоза и вопреки проводимой государством политики содействия развитию мелких фермерских хозяйств. Теоретически все правильно, так как для развития конкуренции как основного условия развития рыночной экономики действительно нужны не только крупные хозяйства, но также средние и мелкие, функционирующие в разных формах собственности. Решительных мер государства по созданию оптимального сочетания этих форм хозяйствования так и не достигнуто. Поэтому основная масса сельского населения занимается в основном натуральным хозяйством и находится в условиях массовой формы скрытой безработицы, что отбросило аграрный сектор на низшую ступень своих возможностей. Мы полагаем, что фермерские хозяйства имеют право на существование в нашей стране как одна из не основных форм. Будущее сельского хозяйства, по нашему твердому убеждению, зависит от более крупных формирований, функционирующих на основе кооперативной собственности. Мировая практика показывает, что сельхозкооперативы вполне жизнеспособны по целому ряду причин. Во-первых, в условиях гарантированных госзакупок сельхозпродукции по ценам, обеспечивающим прибыльность предприятий, создаются условия для появления ценовой инвестиции. Во-вторых, сельскохозяйственные кооперативы могут быть эффективными в том случае, если создана система сервисного обслуживания техники специализированными предприятиями. Предполагается, что создание структур технического сервиса в нашей стране могло бы быть построено с использованием накопленного положительного опыта деятельности МТС, РТС и сельхозснаба, но на более высоком уровне

инженерно-технических решений. Естественно, что без государственных льгот и дотаций службы сервиса могут быть дорогостоящими и недоступными кооперативам фермерам и другим хозяйствам.

Одной из наиболее сложных проблем является обеспечение хозяйств ГСМ. В последние годы замечена закономерность, что как только начинается посевная или уборочная, то резко повышаются цены на ГСМ, что создает помехи увеличению объема производства сельскохозяйственной продукции. Решить эту проблему вполне возможно в том случае, если будет создана система государственной закупки ГСМ на фьючерсных биржах, на которых контракты хеджируются, то есть в течение всего срока поставки топлива цены застраховываются от изменения на весь период действия контракта. В этом случае селяне могут заранее планировать свои затраты на производство продукции.

В завершение, возвращаясь к вопросу о хозяйственной реформе, хотелось бы высказать свое мнение о характере развития этого процесса. Преобразования в сельском хозяйстве проведены «с размахом» имеется в виду, что сломать систему колхозов и совхозов удалось «вполне успешно», создать же новую, эффективную систему хозяйствования не удалось. Мы считаем, что вполне достаточно было бы преобразовать крупные и гигантские неуправляемые колхозы и совхозы в небольшие сельскохозяйственные кооперативы, которые во всех странах демонстрируют жизнеспособность и довольно-таки высокую эффективность. Вторым моментом могло бы быть создание сети сервисного обслуживания и обеспечения ГСМ при финансовом содействии государства. Это во много дешевле, чем покупать продовольствие за рубежом.

Н.А. ДАДОНОВА

ИРКУТЯНКИ И ИХ УЧАСТИЕ В РЕШЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

В начале двадцатых годов прошлого столетия Россия находилась в тяжелом социально-экономическом положении. После окончания Гражданской войны в Советской республике была разрушена производственная и социальная инфраструктуры, в стране процветали инфляция, безработица, голод, наблюдались другие негативные явления, сопутствующие окончанию военных действий. Статистичес-

кие данные 1920-х гг. свидетельствуют об огромных разрушениях производительных сил города и деревни: работающие наполовину своей мощности или вовсе остановленные промышленные предприятия, топливный кризис, недостаток квалифицированных специалистов и недостаток рабочих рук для неквалифицированного труда. В сельском хозяйстве произошло сокращение посевных площадей и снижение поголовья скота в животноводстве.

Несмотря на комплекс причин, повлиявших на сложную экономическую ситуацию в стране, перед всеми регионами страны стоял один серьезный вопрос: создание продовольственной базы. Для скорейшего решения этой проблемы в Москве был сформирован Народный Комиссариат Продовольствия, который занимался созданием подобных отделов на местах, приоритетом их деятельности являлась борьба с голодом, обеспечение городского населения в первую очередь рабочих, продуктами питания и предметами первой необходимости. Созданные продотряды занимались продразверстками, т.е. национализацией хлеба у крестьян. В августе 1918 г. правительством был издан закон об обязательном товарообмене, где говорилось об организации кооперативов, которые должны прийти на помощь губпродкомам. Именно в эти годы в стране начинают создаваться различные артели и общества потребительской кооперации.

Социально-экономическое положение Иркутской губернии в 1920-е гг. было также не легким. Пришла в упадок промышленность, из-за снижения добычи каменного угля железная дорога и промышленные предприятия испытывали острую нехватку топлива. В связи с недостатком сырья многие предприятия были закрыты. В сельском хозяйстве Иркутской губернии ситуация была не лучше: сократились посевные площади, уменьшилось поголовье скота.

Население Иркутска в эти годы испытывало острую нехватку продовольствия. В это время в городе создаются артели и потребительские общества разного толка, деятельность которых помогала решению этой проблемы. Участвовали в этом процессе и различные женские объединения. Несомненный интерес, вызывают документы, касающиеся трудовой артели «Сеятель». В 1920 г. группа женщин (69 человек), не монахинь, а бывших работниц Иркутского Знаменского женского монастыря, обратилась в Иркутский Уездный земельный отдел с просьбой зарегистрировать устав артели и земли расположенные у д. Худяковой со всеми постройками, инвентарем и передать артели «Сеятель». На этой земле находились дачи монастыря, многие годы земля разрабатывалась трудами монастырских людей, на ней содержали несколько коров и пасеку, но там не созревали

злаковые культуры, из-за крайне ранних заморозков. Поэтому женщины артели «Сеятель» хотели продолжать трудиться на этой земле. Из Уездного Земельного отдела на свой запрос они получили ответ, что устав не был утвержден и артель не зарегистрирована (ГАИО, ф.р-42, оп. 1, д. 56, л. 23). Кроме того, они получили постановление Комиссии по национализации частновладельческих и монастырских земель, церковных и школьных участков от 27.05.1920 г. в котором говорится, что землю Знаменского женского монастыря площадью в 125 десятин, со всеми постройками, имуществом, инвентарем национализировать и передать другому потребительскому обществу «Труженик-кооператор» (ГАИО, ф.р-42, оп. 1, д. 56, л. 26). Ознакомившись с документами потребительского общества «Труженик-Кооператор» и их планами, и.д. председателя артели «Сеятель» Л. Первушина обратилась с ответным ходатайством в Б-Разводинский волостной Земельный отдел, с просьбой разобраться в сложившейся ситуации. На заседании волостного земотдела 22.06.1920 г. рассмотрели этот вопрос и постановили предоставить земли Знаменского женского монастыря при д. Худяковой, артели «Сеятель». Так же прошение было направлено в Губернский Земельный отдел, в котором была просьба разобраться с незаконными на их взгляд действиями Уездного Земельного отдела. В прошении в Губернскому Земельному отделу артель «Сеятель» предлагала снабжать трудовое население Иркутска молочными продуктами, если артели будет предоставлено Губземотделом 20–25 молочных коров, будет разрешено пользоваться казачьими покосами, арендованными Знаменским монастырем, покосами, принадлежащими монастырю по р. Большой и дано 2 лошади с упряжью, телегами и санями для перевозки сена и доставки молочных продуктов с дачи в город (ГАИО, ф.р-42, оп. 1, д. 56, л. 24). К сожалению, ответ Губземотдела на запрос артели «Сеятель», как вышестоящей инстанции не обнаружен. Вполне вероятно на запрос женщин был дан отрицательный ответ, несмотря на то, что нижестоящая инстанция давала им разрешение на это.

Государственная политика 1920-х гг. была направлена на активное вовлечение свободных женских рук, на восстановление народного хозяйства, для решения насущных, злободневных проблем и в частности для решения продовольственной задачи. Весной 1920 г. в Иркутске были созданы первые женотделы, целью их работы стало объединение женщин для привлечения их к решению политических и социально-экономических проблем. В течение 1920 г. среди женщин проводилась разъяснительная работа о новом законодательстве, о необходимости активного участия женщин в строительстве нового

общества. На собрании женщин Свердловского района Иркутска от 3.02.1921 г. любопытен факт обсуждения вопроса об организации коммунального огорода. Женщины поддержали это предложение и создали комиссию, которая должна была заниматься поиском участка земли и производить запись всех желающих работать на общественном огороде (ГАНИИО, ф. 7, оп. 1, д. 42, л. 83). В марте того же года на очередном собрании женщин член комиссии А. Ноздрина сообщила, что земля для общественного огорода выделена, и желающих работать записалось 200 человек. (ГАНИИО, ф. 7, оп. 1, д. 42, л. 69). Осенью 1921 г. делегатки решили собрать ягоды для детских учреждений (ГАНИИО, ф. 7, оп. 1, д. 42, л. 22). Таким образом, подобное активное действие женщин свидетельствует об остром продовольственном кризисе в городе и активном желании женщин участвовать в решении проблемы голода. Кроме того, это свидетельствует о возникновении новых коллективных форм хозяйства.

Обращение к отдельным эпизодам из жизни населения и, в частности, деятельности женских организаций, позволяет лучше понять специфику переходного периода 1920-х гг., когда происходил распад традиций, и появлялись новые формы, в частной и общественной жизни. Методы общения между людьми, их отношения с окружающим миром, чувствительность с какой они воспринимали происходящие перемены, их представления о ценностях, их линия поведения в сложившихся обстоятельствах, позволяют лучше понять те условия, становление и формирование у народа новых ментальных позиций на основе его самобытности.

Е.Г. ДЕЛЕГЕОЗ

ШКОЛА И ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО В ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ
(На примере Иркутской области. 1937–1940 гг.)

Воспитание подрастающего поколения являлось стратегически важной государственной задачей в условиях, когда молодое Советское государство вело борьбу с капиталистическим миром. Особые функции приобретали советская школа и коммунистическая партия. Именно они должны были воспитать молодых советских граждан. На работников партийного аппарата возлагалась важная миссия по подбору учительских кадров: троцкисты, жулики, случайные люди не могли выполнять данное поручение общества.

По результатам проведенных за период 1937–1940 гг. проверок со стороны Бюро Обкома Иркутской области было отмечено, что в ряде школ области учебно-воспитательная работа поставлена неудовлетворительно. «...еще не добились высокого качества урока, не наладили внешкольной работы, не привлекли родителей к участию в воспитании школьников. Отсутствие системы работы партийных организаций с педагогами, слабая работа комсомольской и пионерской организаций по коммунистическому воспитанию детей создают условия для проникновения враждебного влияния в школу, снижающих школьную дисциплину и успеваемость» (Иркутский государственный архив новейшей истории, ф. 127, оп. 1, д. 116, с. 59–60).

Школы Иркусткой области за указанный период 1937–1940 гг. к окончанию 1939/40 учебного года подошли со следующими показателями: успеваемость по 20 районам области 87%, второгодничество — 8% (Там же, д. 177, с. 337–342). По школам города Иркутска отмечена 90% успеваемость, второгодничество — 4,5%, на осенние испытания было оставлено 5,5% учащихся (Там же). Наряду с критикой работы школ города, были названы лучшие учебные заведения, где ведется активная постановка воспитательно-методической работы и дана 100-процентная успеваемость: средняя школа Иркутского района, Охачинская школа Тулунского района, начальная школа Балаганского района, средняя школа Эхирит-Булагатского района. Лучшие 35 учителей награждены правительством высшими наградами — орденами и медалями (Там же, д. 484, с. 1–21).

Обком Иркутской области на основе проведенного анализа работы школ за период 1937–1940 гг. сделал следующий выводы: облисполком, областной отдел народного образования, обком союза неполных средних школ, районные партийные и советские организации слабо руководят и контролируют постановку коммунистического воспитания и методической работы в школах, за период 1937–1940 гг. осталось не охвачено всеобщим обучением детей свыше 3 тыс. человек (Там же, д. 177, с. 337–342).

На основании изученных документов, хранящихся в Иркутском государственном архиве новейшей истории можно сделать вывод о том, что подготовка к каждому учебному году проходила в Иркутской области крайне слабо: ремонт и строительство школ были развернуты в период августа, финансовые организации задерживали финансирование отделов народного образования, укомплектование школ учителями начиналось после 20 августа, особенно в национальных и отдаленных районах, обеспечение учебниками и наглядными пособиями для полного удовлетворения спроса школ не велось.

Таким образом, можно говорить о недоработанной схеме отношений школы и партийного руководства, где особого внимания требуют связи по контролю за воспитательными мероприятиями, которые проводит школа по приказу партийного руководства страны.

А.А. ДОЛГОЛЮК
Е.В. ТРУСЕВИЧ

ТАРИФИКАЦИЯ И НОРМИРОВАНИЕ ТРУДА СИБИРСКИХ СТРОИТЕЛЕЙ В 1956–1970 гг.

Заработная плата в советское время являлась основным и часто единственным источником доходов трудящихся и их семей. Чтобы сделать ее справедливой, соответствующей вкладу каждого работника в общие результаты, в послевоенные годы предстояло усовершенствовать действующую тарифную систему оплаты труда. Принятая еще в начале 1930-х годов, она сильно устарела и была очень сложной для практического использования. Лишь в строительстве применялось 320 тарифных сеток.

Поскольку тарифные ставки в течение многих лет не менялись, их доля в общем заработке со временем постоянно сокращалась. Повышение денежных выплат осуществлялось главным образом путем введения различного рода надбавок и доплат, а также в результате ведомственного регулирования нормирования труда.

Сама сущность тарификации, призванная отражать квалификацию работников, сложность, условия труда, была искажена. Ситуация еще более усугублялась ведомственной разобщенностью строительных организаций. Такое положение в одних случаях вело к уравниловке, а в других — к неоправданной дифференциации оплаты равного труда. Еще большим был разнобой в оценке труда рабочих одинаковых профессий, занятых на стройках, ведущихся разными министерствами и ведомствами, поскольку они по оплате труда принадлежали к разным группам.

Уже в годы четвертой пятилетки было очевидно, что действовавшая тарифная система устарела и не выполняет свое основное предназначение регулятора заработной платы. Однако в условиях послевоенного восстановления экономики было очень трудно разработать и ввести в действие эффективно функционирующую тарифную систему. И в последующее пятилетие эта важнейшая проблема не получила своего разрешения. Лишь с 1 января 1956 г. на

большинстве сибирских строек были изменены тарифы и введены единые районные единичные расценки. Они привели к повышению удельного веса тарифов в заработках трудящихся и, как вскоре выяснилось, к общему росту денежных доходов. Так, в тресте «Кузнецктяжстрой» заработная плата рабочих-сдельщиков в течение лишь одного года выросла на 20%. Причем более половины этого прироста произошло в результате увеличения прямой заработной платы от изменения тарифных ставок.

Однако и после того, как на сибирских стройках были внедрены новые единые нормы и расценки, параллельно с ними продолжали действовать межведомственные, ведомственные и местные нормы и расценки. Трест «Сибметаллургмонтаж» в соответствии с единым положением «О порядке пересмотра местных норм выработки» непрерывно проводил работу в данном направлении. Однако полностью отойти от местных норм так и не удалось. К 1958 г. их количество было сокращено до 367, а еще через два года доведено до 253.

На новый качественный уровень кампания по упорядочению нормирования и оплаты труда перешла в 1960 г. В это время в СССР вводился семичасовой рабочий день. При этом одновременно все строительные организации переводились на новые единые условия оплаты труда. Взамен семиразрядной тарифной сетки вводилась шестиразрядная с иным соотношением крайних часовых тарифных ставок. Причем новые часовые ставки значительно (на 40–60%) превышали старые. Новые Единые нормы времени (выработки) и расценки (ЕНиРы) стали обязательными для всех строительных и ремонтно-строительных организаций, в том числе и для тех, которые вели строительно-монтажные работы хозяйственным способом.

Руководству строительных подразделений, отделам труда и зарплаты, кадровым службам пришлось приложить немало усилий по введению новых тарифов, улучшению нормирования и оплаты труда. В строительных организациях Красноярского совнархоза перетарификацией было охвачено 22,2 тыс. чел. В результате средний разряд рабочих с 4,54 (при семиразрядной сетке) сократился до 2,88 (после введения шестиразрядной сетки). Совершенствование нормирования сказалось на уровне выполнения производственных заданий. Если до перехода на сокращенный рабочий день выполнение норм выработки в строительстве Красноярского совнархоза составляло 130–140%, то после перехода 112–114%.

Значительное повышение тарифных ставок позволило поднять удельный вес оплаты по тарифным ставкам в общей сумме денежных начислений. В Омском совнархозе удельный вес тарифа в зарплате

вырос в машиностроении с 47 до 71%, у строителей-сдельщиков с 61 до 82%, а у повременщиков с 76 до 91%.

Еще более важным было то, что весь комплекс мероприятий по изменению режима труда и внедрению новых условий оплаты привели к заметному (примерно на 10%) росту денежных доходов строителей. Специальное обследование, которым были охвачены около 700 строительных организаций, расположенных в районах Сибири, Урала и Дальнего Востока, показало, что заработная плата на строительно-монтажных работах и в подсобных производствах выросла в 3-м квартале 1960 г. по сравнению с аналогичным периодом 1959 г. на 9,3%, тогда как выработка увеличилась лишь на 3,4%. Однако, это было временным явлением. Уже вскоре обнаружилось, что увеличение доли тарифов в общей сумме заработков строителей, внедрение технически обоснованных норм лучше стимулировало работников и способствовало большей сбалансированности между ростом зарплаты и производительностью труда.

Введенная в действие тарифная система в относительно неизменном виде просуществовала около 9 лет. В экономике страны за это время произошли серьезные изменения. Другими стали межотраслевые пропорции в уровне средней заработной платы рабочих. В стране постоянно нарастал инвестиционный процесс. Для успешного развития отрасли требовалось сократить текучесть кадров. Одним из путей решения данной задачи было дальнейшее повышение заработков строителей и усиление их материальной заинтересованности в результатах своего труда.

К концу 1960-х гг. явно назрела необходимость пересмотра тарифов, так как их доля в заработной плате неуклонно снижалась. Изменение технико-технологического уровня строительного производства вело к значительному перевыполнению норм. Так в тресте «Сибнефтехиммонтаж» за шесть лет удельный вес тарифа в заработной плате сократился примерно на 10 процентных пунктов и составлял в 1966 г. у рабочих-сдельщиков 71%, а у рабочих-повременщиков — 80%. В ходе реализации постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 29 декабря 1968 г. «О повышении заработной платы среднеоплачиваемым категориям работников, занятых в строительстве и на ремонтно-строительных работах» тарифные ставки были повышены в среднем на 25%. Они в большей степени, чем прежние, дифференцировались в зависимости от условий труда. Работа по упорядочению технического нормирования, проведенная в Главкузбасстрое в 1970 г., привела к снижению уровня выполнения норм со 124 до 119% при одновременном росте среднемесячной заработной платы рабочих на 6%.

В соответствии с тарифно-квалификационными справочниками для каждой из основных строительных профессий устанавливались свои единичные расценки. По ним рабочие наиболее сложных профессий должны были оплачиваться по более высоким тарифам. Чаще всего так и происходило. Хотя строгого «ранжира» никогда не получалось. На зарплате сказывались различия отдельных профессиональных групп по уровню квалификации (разрядности) и производительности труда (выработке), а также многие другие факторы. Из последних особо важное значение имела «производственная необходимость». Она предполагала не всегда обоснованное поощрение отдельных рабочих, звеньев, бригад с целью более успешного выполнения производственных заданий или сохранения кадров.

Таким образом, исследуемый период стал важным этапом в сфере совершенствования системы организации и оплаты труда. Введение единых норм и расценок, новых тарифных ставок, сеток, должностных окладов и тарифно-квалификационных справочников и их неоднократный последующий пересмотр способствовали реализации на практике социалистического принципа распределения доходов по труду, который в данный период выдерживался лучше, чем в последующие годы.

О.Н. ДОНЧЕНКО

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1920–1930-е гг. В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Вопрос о кадрах для сельского хозяйства, их подборе, расстановке и воспитании занимал особое место в деятельности Коммунистической партии в 1920–1930-е гг. В частности, на VIII съезде РКП(б) В.И. Ленин, говоря о сотне тысяч тракторов для крестьянских хозяйств России, акцентировал внимание на необходимости подготовки механизаторов для использования этой техники. (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 204).

В 1920 г. основной школой профессиональной подготовки трактористов, комбайнеров, электриков, слесарей, мастеров-наладчиков и других специалистов массовых квалификаций были государственные профтехшколы системы профессионально-технического образования. К середине 1920-х г. в Иркутской губернии функционировало

20 профтехшкол, из них две находились непосредственно в селах, остальные 18 в городах и поселках городского типа. Количество обучающихся в этих школах в 1923 г. составило 1827 человек. (ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1558. Л. 13).

Необходимость ускорения темпов внедрения новой техники в сельскохозяйственное производство и повышенное внимание государственной власти к подбору и расстановке кадров к середине 1930-х гг. значительно обострили проблему подготовки высококвалифицированных специалистов для основной отрасли народного хозяйства. Вместе с тем, партия, пытаясь реализовать политическую доктрину построения нового социалистического общества, начала предъявлять повышенные требования к социальному составу новых пополнений сельскохозяйственных кадров. Впервые в мировой практике вводился не только принцип плановости в профессиональной подготовке и распределении молодых специалистов, но и тотальный государственный контроль за «чистотой» их социально-классовых и политических характеристик. С другой стороны, коренное изменение технико-организационной основы сельскохозяйственного производства и стремление ускоренного перевода его на индустриальные рельсы потребовало коренным образом перестроить систему специального образования. Форсировать подготовку кадров для сельского хозяйства, было решено путем организации специальных краткосрочных курсов, ускоренных выпусков ФЗУ и т.д. Длительность обучения на курсах колебалась от 15-ти дней до шести месяцев. В 1934–1935 гг. на различных курсах было подготовлено 18 807 человек (История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири 1927–1937 гг. / Под ред. Косых А.П. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. С. 240–241).

Следует отметить, что замена традиционной системы обучения краткосрочными курсами увеличила только количественный рост обучающихся, заметно снизив при этом качество полученных знаний. Проблема осложнялась тем, что потенциальные сельскохозяйственные кадры — это вчерашние крестьяне, в большинстве своем малограмотные. Большие трудности возникали с подготовкой комбайнеров. Несмотря на то, что в 1936 г. в Восточно-Сибирском крае существовало 4 школы комбайнеров (Заларинская, Кимельтейская, Читинская и Селенгинская), уровень квалификации их выпускников был очень низким. В частности, о слабой подготовке комбайнеров свидетельствуют данные квалификационной комиссии по Заларинской межрайонной школе комбайнеров. Из 50 человек, обучающихся в школе — по заключению комиссии — один человек подлежит

исключению, как совершенно не усваивающий курса комбайнеров, 16 человек требуют серьезной переподготовки, всем же остальным присваивается звание комбайнера только 2-й категории (Яцевич К.А. Первый год работы комбайнов в колхозах МТС края // Народное хозяйство Восточно-Сибирского края. 1936. № 1. С. 94).

Как отмечалось во многих периодических изданиях того времени, краткосрочное обучение не давало учащимся достаточных технических знаний и производственных навыков, готовя кадры узкой квалификации, из-за чего постоянно возникали проблемы с техникой (Там же. С. 89; Кузовкин Н. Иркутский зерносовхоз должен заняться подготовкой и воспитанием кадров // За большевистские темпы. 1933. № 3–4. С. 35; Дезен А. Положение с кадрами в Сибири в 1929–1930 гг. // Жизнь Сибири. 1930. № 1. С. 77–87).

Пытаясь решить эту проблему, КрайЗУ установило жесткие сроки обучения комбайнеров — не менее 6 месяцев, для помощников 4 месяца. Из Ростсельмаша специально приглашались преподаватели-инструктора, которые закреплялись за каждой школой. Планировалось значительно повысить уровень материального и технического обеспечения школ. Для закрепления полученных на курсах знаний и квалификации, при МТС организовывались специальные кружки систематического обучения трактористов и других работников. Руководить этими кружками должны были наиболее опытные и знающие дело инженеры и техники МТС и совхозов. Особую роль в подготовке и воспитании колхозных кадров играли образованные в 1933 г. политические отделы машинно-тракторных станций и совхозов. Они занимались не только организацией партийно-политического просвещения в трудовых коллективах, но и подбором кадров МТС и обслуживаемых ими колхозов.

Особое внимание при осуществлении кадровой политики в сельском хозяйстве уделялось руководящим колхозным кадрам. В 1920–1930 гг. в Иркутске создается широкая сеть советских партийных школ I и II ступени, высших сельскохозяйственных коммунистических школ, специальных школ зоотехников, агрономов, председателей колхозов, бригадиров. Открывались специальные курсы по подготовке и переподготовке руководящих колхозных кадров. Следует отметить, что райкомам ВКП(б), согласно решению ЦК, было рекомендовано отбирать в школы руководящих работников, проработавших на своей должности не менее двух лет. В 1937 г. только на трехмесячных курсах по переподготовке руководящих колхозных кадров, организованных при Иркутской Коммунистической школе прошло обучение 200 председателей колхозов, 350 бригадиров

полеводческих бригад, 250 заведующих животноводческими фермами. На двухнедельных курсах отучились около 500 председателей колхозов и 300 председателей и членов ревизионных комиссий колхозов — женщин (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 509. Л. 116; Ф. 1. Оп. 1. Д. 878. Л. 18–20).

Особое внимание уделялось работе с председателями колхозов. Первые три созыва краткосрочных курсов по подготовке председателей колхозов в Иркутске, на которых обучалось 457 человек, дали положительный результат и по данным отчета Отдела по работе в деревне при ЦК РКП(б) «подняли большой интерес у председателей колхозов к дальнейшему повышению своих знаний». Для закрепления полученных на курсах знаний и дальнейшего повышения политического и технического уровня председателей колхозов Постановлением Бюро Восточно-Сибирского крайкома ВКП (б) от 23 апреля 1936 г. было решено организовать для них при сельхозинституте заочное обучение (Там же. Д. 507. Л. 204–205; Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 38).

Постоянным источником пополнения руководящих колхозных кадров были представители рабочего класса, основной социальной опоры, как тогда считалось, советской власти. Выходцам из рабочей среды отдавалось особое предпочтение при поступлении в высшие и средние специальные сельскохозяйственные школы. Так, если в 1928 г. среди выпускников сельскохозяйственных вузов России было всего 12% рабочих, в 1933 г. — 26%, то уже в 1934 г. — 38% (Алисов Д.А. Государственное регулирование и изменение состава сельской интеллигенции РФ в 1930-е гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы Сибирской научной конференции. Омск, 1996. С. 65). Одним из результатов тотального вмешательства государства в процесс подготовки и расстановки колхозных кадров в 1930-е гг. стал процесс «вытеснения» представителей старой дореволюционной интеллигенции из всех основных социально-профессиональных групп — с 1/2–1/4 (конец 1920-х гг.) до 1/7–1/10 (конец 1930-х гг.).

Значительно увеличились масштабы подготовки сельскохозяйственных кадров за годы второй пятилетки. Огромную роль в этом сыграл сталинский призыв «за овладение техникой» — «чтобы новая техника могла дать свои результаты, надо иметь еще людей, кадры рабочих и работниц, способных стать во главе техники и двинуть ее вперед». Так, в 1935–1936 гг. в Сибири было подготовлено в различных школах и на курсах около 67 тыс. трактористов, свыше 5 тыс. шоферов, 3,5 тыс. тракторных бригадиров, 1,8 тыс. механиков, 8,7 тыс. комбайнеров, 8,1 тыс. помощников комбайнеров, 21 тыс. бригади-

ров-полеводов, 17 тыс. бригадиров-животноводов, 12 тыс. ветеринарных фельдшеров, 11 тыс. счетоводов и т.д. (Сборник документов по истории СССР. Эпоха социализма: Вып. 3. 1933–1941 гг. / Под ред. В.З. Дробижева. М.: Высшая школа, 1980; История Сибири. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. Л., 1968. С. 380).

Однако, как ни велики были масштабы подготовки кадров для сельского хозяйства, они не покрывали потребностей деревни. Колхозы Иркутской губернии и в конце второй пятилетки ощущали острый недостаток в кадрах высшей квалификации — агрономах, зоотехниках, экономистах и т.п. Все это свидетельствует о том, что действовавшая в 20–30-е годы XX в. в Иркутской области система подготовки производственно-технических кадров для сельского хозяйства, не удовлетворяла реальных потребностей отрасли ни в количественном, ни в качественном измерениях.

С.М. ЖУКОВ

РЕАЛИЗАЦИЯ СНАБЖЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ГОРОДАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1920–1930 гг.)

В 1930-е гг. в стране сформировалась модель экономического развития, характерными чертами которой являлись игнорирование экономических законов и необъективная оценка сложившейся экономической ситуации. Экономическое развитие шло экстенсивным путем и сопровождалось значительным ростом инфляции. Огромный объем капиталовложений в приоритетные отрасли — машиностроение, добывающую промышленность, производство электроэнергии — осуществлялся в ущерб уровню жизни населения, так как производство товаров народного потребления отодвигалось на второй план.

Серьезные проблемы имелись также в области обеспечения населения продовольствием. Производство зерновых, несмотря на возросший уровень механизации и увеличение на 17% посевных площадей, оставалось на уровне, достигнутом в канун первой мировой войны. Годовое производство зерна между 1931–1939 гг. не превышало (за исключением 1937 г.) 70 млн т, в то время как средний урожай 1909–1913 гг. составлял 72,5 млн т в год. После того как во время коллективизации была уничтожена половина поголовья крупного рогатого скота, производство животноводческой продукции достигло уровня 1913 г. только к 1937 г. Уровень 1927–1928 гг. был превышен только к началу 1950-х гг.

Проблемы характерные для всего государства отразились и на региональном уровне, в том числе и в Восточной Сибири. Существующая нормированная система привела к широкому распространению разного рода хищений среди всех категорий населения. К началу второй пятилетки обстановка в Восточно-Сибирском крае из-за плохого продовольственного снабжения накалилась до предела. Правительство нашло решение проблемы в принятии постановления «Об отмене карточной системы». Однако местные органы власти не разделяли уверенности центра, что резкий отказ от карточек стабилизирует положение, поскольку государство не создало для этого необходимых предпосылок, а переложило все на плечи регионов.

Дальнейшие события показали, что ситуация в городах Восточной Сибири с отменой карточек на хлеб только усугубилась. Ежедневно возле магазинов выстраивались огромные очереди, хлеб выпускался плохого качества. Помимо этого, с переходом к свободной продаже хлеба оправдались опасения местных властей о том, что цены на него поднимутся. Действительно, если в 1934 г. в государственной коммерческой торговой сети 1 кг. ржаной муки стоил 1 р. 50 к., а пшеничной 2 р., то в 1935 г. цена поднялась до 2 р. 70 к. и до 2 р. 90 к. соответственно. Однако если государственные цены на хлеб резко подскочили, то рыночные, наоборот, упали. Более того, они стали практически в два раза ниже государственных (если в 1934 г. 1 кг ржаной муки стоил 3 р., пшеничной 4 р. 50 к., то в 1935 г. 1 р. 12 к. и 1 р. 56 к. соответственно). Тем не менее, и рынок, как и государственная торговая сеть, не мог полностью удовлетворить потребностей покупателей. В результате постоянной нехватки хлеба стал наблюдаться рост спекуляции, с которой органам милиции приходилось вести безуспешную ежедневную борьбу.

С отменой карточной системы возник еще один важный вопрос, который был свойственен всем городам края — это разрыв планирования и фактической потребности в хлебе. Многие руководители били тревогу по поводу того, что до отмены карточной системы они получали в два и более раз больше муки, чем после. Некоторым районам, прилегающим к крупным городам, и вовсе не отпускали лимиты, их перевели на колхозные базары, что усугубило положение. Уже к весне 1935 г. свободная продажа хлеба во многих районах Восточно-Сибирского края была практически свернута, так как были израсходованы месячные лимиты.

Не лучшим образом складывалась и обстановка с обеспечением населения промышленными товарами. В большинстве случаев дефицит возникал далеко не по причине отсутствия тех или иных това-

ров на складах, а по вине работников торговли, среди которых, как правило, царила бесхозяйственность, а растраты и хищения достигали огромных размеров. Характерно то, что власти зачастую закрывали глаза на происходящее, а если и начинали принимать меры, то либо по требованию общественности, либо когда ситуация выходила из-под контроля.

Таким образом, к началу второй пятилетки возник целый комплекс нерешенных социальных вопросов, и дальнейшее затягивание их решения могло привести к росту социального недовольства. Исходя из этого, решение социальных вопросов государство вынужденно было поставить на повестку дня, начиная с 1933 г. В первую очередь, это были вопросы товарного голода и снабжения населения продовольствием, вопросы, касающиеся беспризорности, положения женщин, условий труда и его оплаты. В Восточной Сибири в результате осуществления ряда мероприятий часть острых социальных проблем была снята, часть — заретуширована.

В целом, Восточно-Сибирский регион в 1930-е гг. представлял собой не «придаток» СССР, а важнейший оплот и резерв его развития, чем и было обусловлено пристальное внимание Советского государства к различным аспектам социальной политики на этой огромной территории.

А.Р. КУДРЯШОВА

НОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х гг.

Экономические преобразования в СССР в 1985–1991 гг. при всех их издержках предполагали постепенный перевод всего народнохозяйственного комплекса в режим рыночной экономики. Это неизбежно приводило к возникновению объединений, организаций, ассоциаций в экономической сфере для защиты жизненно важных интересов и наиболее эффективного взаимодействия с государством.

В декабре 1987 г. в Барнауле была создана Ассоциация сибирских городов (АСГ). Она появилась как организация для обмена опытом и координации усилий по решению социально-экономических проблем городов обширного региона. В 1988 г. в ее состав вошли Братск, Усть-

Илимск, Норильск (АОАУИ, ф. 40, оп. 1, д. 410, ед.хр. 83; Заполярная правда. 1988. 21 мая).

При активном участии профсоюзов под эгидой Федерации независимых профсоюзов России 21–23 июня 1990 г. состоялась Межрегиональная профсоюзная конференция по экономическим и социальным проблемам Севера в Мурманске. Обсуждался обширный круг вопросов. Профсоюзы предлагали пересмотреть распределение районных коэффициентов, снять предельные размеры заработной платы для начисления северных надбавок и районного коэффициента, распространить на молодежь, выросшую на Севере, процент надбавок в полном объеме с первого дня работы. Отмечалась необходимость определения порядка индексации заработной платы в связи с инфляцией. Северянам нужны были гарантированные государством поставки продовольствия, промтоваров, стройматериалов, топлива и техники для увеличения темпов строительства жилья и объектов социально-бытового назначения. На конференции были выработаны предложения, которые в результате совместных действий ФНПР, советов профсоюзов республик, краев и областей Севера РФ легли в основу Постановления СМ РСФСР от 22 октября 1990 г. № 458 «Об упорядочении компенсаций гражданам, проживающим в районах Севера». Были подготовлены проекты инструкций о порядке предоставления льгот лицам, работающим на Севере. ФНПР потребовала, чтобы Правительства РСФСР и СССР один раз в полгода информировали о принятых мерах по выполнению социально-экономических требований трудящихся Севера.

Однако реализация принятых решений откладывалась на неопределенный срок. Мало того, правительство отказалось принять участие во втором этапе конференции в Петропавловске-Камчатском в ноябре 1990 г. А это значило, что в планах на 1991 г. не будут учтены пожелания и поправки северян в законы о государственных компенсациях и гарантиях, о пенсионном обеспечении северян, занятости населения, индексации заработной платы и другие. Следующую конференцию планировалось провести в Норильске во втором квартале 1991 г. (Маяк коммунизма. 1990. 4 дек.).

На севере Иркутской области — в Усть-Илимске в июле 1990 г. было принято решение о создании в Усть-Илимском районе при городском Совете народных депутатов Союза предпринимателей (АОАУИ, ф.Р-40, оп. 1, д. 468, ед.хр. 22). Целью создания такого объединения была выработка единой политики социально-экономического развития региона, преодоление разобщенности в деятельности горсовета, государственных, кооперативных предпри-

ятий и общественных организаций, объединение ресурсов (Там же, ед.хр. 24–28).

В связи с организацией Союза предпринимателей в Усть-Илимске активно прорабатывался вопрос о создании зоны свободного предпринимательства (далее — ЗСП) в регионе. В сентябре 1990 г. в городе был организован международный симпозиум, участники которого отметили готовность региона обеспечить самофинансирование и самоокупаемость (включая и валютную) в хозяйственной и внешнеэкономической деятельности, достаточность собственных ресурсов и предприятий (Там же, ед.хр. 21; Огни Ангары. 1990. 11 окт.).

Сессия горсовета в ноябре признала создание зоны свободного предпринимательства приоритетным направлением в развитии региона. Было принято решение о создании Фонда для финансирования работ по технико-экономическому обоснованию ЗСП (АОАУИ, ф.Р-40, оп. 1, д. 500, ед.хр. 126). Затраты должны были составить 80 тыс. р. Аванс был уплачен горсоветом при условии компенсации затрат из создаваемого Фонда. Идея создания ЗСП трудно находила поддержку во властных структурах, нужна была соответствующая законодательная инициатива, и работа шла медленно. Об этом свидетельствует учреждение Фонда создания Усть-Илимской зоны свободного предпринимательства только 6 сентября 1991 г. Председателем Фонда стал С.С. Есапов (Там же, д. 512, ед.хр. 85).

13 июля 1991 г. в Железногорске-Илимском прошло совещание по проблемам северных территорий Иркутской области (Братского, Усть-Илимского, Жигаловского, Казачинско-Ленского, Усть-Кутского и Нижнеилимского). Было решено создать Ассоциацию северных районов Иркутской области. Такое объединение позволило бы участвовать в коммерческом банке, создать товарно-сырьевую биржу в Братске и Усть-Илимске, через которые можно осуществлять контакты с госкомитетом «Север» при Совете Министров РСФСР, защищать интересы северян (Газета Приилимья. 1991. 13 июля). Ассоциация была намерена отстаивать право собственности северных районов на природные ресурсы, выступать за упорядочение компенсаций населению за проживание в экстремальных природно-климатических условиях, регулирование заработной платы, налогообложения. Новое объединение осознавало важность развития социальной инфраструктуры, поддержания высоких темпов строительства жилья, выступало за создание фонда развития Севера.

Обострившиеся материальные проблемы, необходимость улучшения условий жизни, поиска посильной работы, отстаивания прав, если они нарушаются, активизировали различные категории насе-

ления Севера. Среди них были и те, которые считали себя вынужденно оседлыми в силу ряда социальных причин: запрета на места постоянного проживания для репрессированных, отсутствия жилья в умеренных климатических зонах, невозможность выезда в силу определенных экономических обстоятельств и других. Так, 12 апреля 1991 г. состоялась Учредительная конференция «Ассоциации коренных норильчан» (Заполярная правда. 1991. 25 апр.). В руководство новой организацией вошли ответственные работники из руководящих органов, что некоторой частью общественности расценивалось как попытка перехватить инициативу у неформальных объединений. «Ассоциация» в сентябре 1991 г. обращалась к депутату Верховного Совета РСФСР В.В. Ситнову с предложениями в проект Закона о северянах (Заполярная правда. 1991. 19 сент.).

В декабре 1989 г., в условиях развернувшейся избирательной кампании по выборам в местные Советы народных депутатов и РСФСР, была создана Таймырская ассоциация коренных народов Севера. Главной своей задачей она считала необходимость социальной защиты коренных народов Таймыра, решение их проблем, связанных с бездушным освоением Заполярья (Заполярная правда. 1989. 30 дек.; 1990. 1 февр.).

Ухудшение экономической ситуации в конце 1980-х гг., нарушение хозяйственных связей, падение уровня материального обеспечения населения, толкали северные территории к поиску новых форм организации и взаимодействия с правительством. К сожалению, отсутствие законодательной базы, опыта местных органов власти в вопросах координации деятельности различных регионов не позволили реализовать задуманное. Инициативы были использованы некоторыми участниками объединений как средство вхождения в состав новой политической элиты разного уровня. Однако изучение исторического опыта на региональном уровне может быть полезно для выработки эффективной системы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти в современной России.

Е.И. ЛОБЫНЕВА

РОЛЬ МУЗЕЕВ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (1960–1980 гг.)

Искусство обогащает культуру художественными ценностями, в которых аккумулируются достижения человечества той или иной эпо-

хи. Культура в искусстве предстает во взаимосвязи всех своих элементов. Неслучайно о культуре человека в обыденном понимании очень часто судят по его знанию искусства.

Задача культурной политики в том, что бы открыть самый широкий простор для выявления способностей людей, сделать их жизнь духовно богатой и многогранной. Одной их форм развития и управления социально-культурным комплексом явилось рожденное в Красноярске в 1970-е г. общественное движение «Превратим Сибирь в край высокой культуры». Оно возникло как закономерная потребность, обусловленная комплексным развитием производительных сил Красноярского края.

Центром культуры у нас является Красноярск, который стал и центром большой культуры на всем востоке страны. Красноярск — родина великого русского художника В.И. Сурикова. В доме, в котором он родился и жил, периодически проводились выставки изобразительного искусства.

В этот период активно развивалось музейное дело, фонды пополнялись новыми экспонатами, развертывались дополнительные экспозиции. Реставрировались и брались под охрану новые памятники старины и ландшафтной (парковой) культуры. Большую работу по коммунистическому воспитанию трудящихся проводили музеи края. В результате улучшения работы музеи края в годы девятой пятилетки (1971–1974 гг.) перевыполнили плановые задания, если в 1972 г. музеи посетили 898 тыс. человек, то в 1973 г. на 40 тыс. больше задания и на 48 тыс. человек посетили больше, чем в 1972 г. Было проведено на 1323 экскурсии больше, чем в 1972 г. (17 698). В музеях было прочитано 114 лекций, проведено 522 массовых мероприятий, 145 выставок. Музеи края улучшили работу по обслуживанию сельских жителей. В районах края было проведено 94 передвижные выставки, прочитано 616 лекций, пересмотрели экспозиции более 200 тыс. сельчан (ГАКК, фр. 2084, оп. 1, д. 294, л. 1–8).

Но были и недостатки в работе музеев: оформление музейных экспозиций были далеко не на высоком уровне, отдельные периоды истории края в экспозициях отличались малоизученностью. Значительного улучшения требовали отделы истории советского общества. Музеи к тому же слабо использовали музейные фонды (из 450 тыс. экспонатов памятников материальной и духовной культуры экспонировалось всего 37,5 тыс.). В ряде музеев недостаточно обеспечивалась охрана музейных ценностей. Местные советы слабо вникали в работу музеев, не решали организационные вопросы (улучшение условий, расширение помещений, приобретение оборудования и т.д.) (Там же, лл. 20–35).

В крае был культурный и воспитательный центр. Это всемирно известный Государственный мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В.И. Ленина» в поселке Шушенском. Строительство музея-заповедника «Сибирская ссылка В.И. Ленина» в поселке Шушенском была самой непродолжительной Всесоюзной ударной стройкой — меньше (с августа 1968 по апрель 1970 гг.) двух лет возводился музей. Но грандиозной она стала по той силе воздействия, которое оказывала на умы и сердца не только молодежи, но и людей всех поколений.

Музей-заповедник был создан в 1970 г. на основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятого к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Перед специалистами была поставлена уникальная задача: исторически достоверно воссоздать ту конкретную среду, которая окружала В.И. Ленина в годы ссылки. Старое Шушенское уходило в прошлое, и нужно было для будущих поколений часть его оставить прежним, чтобы потомки могли живо ощутить быт глухого сибирского села, которое царское правительство не случайно избрало местом ссылки борцов за свободу.

Архитекторы-реставраторы, столяры, плотники с помощью шушенских старожилов строили, восстанавливали старинные постройки, в точности воспроизведя внешний вид каждого дома, прежних улиц. В результате кропотливого труда вновь родилось и осталось на века Шушенское прошлого столетия.

Уникальный комплекс мемориального музея-заповедника занимал площадь в 6,6 га. На трех улицах разместилось 29 усадеб прежних жителей села. Среди них дома крестьян Зырянова и Петровой, где жили В.И. Ленин и Н.К. Крупская (Анохин А.Т., Зенин Г.А, Куимов В.В. Ударный меридиан Красноярья. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1979. С. 20).

За большую работу по пропаганде ленинских идей, коммунистическому воспитанию трудящихся на примере жизни и деятельности В.И. Ленина в 1980 г. Шушенский Дом-музей В.И. Ленина Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Октябрьской Революции.

В эти годы в крае значительно усилилась краеведческая работа, организовывались встречи с ветеранами труда, походы, создавались народные музеи. Эпопея героики строительства городов Норильска и Талнаха имело огромное культурно-воспитательное значение, поэтому в 1970-е г. настало время создания в городе Норильске музея Севера (сейчас музей истории освоения Норильского промышленного района), который бы наглядно показал, как человек в услови-

ях советской действительности превратил место безлюдья, вечной мерзлоты, в большой современный промышленный город. База для создания такого музея имелась и состояла она из многочисленных музеев города Норильска. При норильской экспедиции был создан большой интересный геологический и палеонтологический материал, который имел большое научное значение.

В 1976 г. был сооружен мемориальный комплекс в честь павших в годы Великой Отечественной войны, в 1977 г. был воздвигнут монументальный обелиск на братской могиле борцов за советскую власть на Красной площади в городе Красноярска.

Р.Б. МИРОНОВ

СОСТОЯНИЕ КИНООБСЛУЖИВАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1940-х гг.

(На примере Зиминского района)

В первые послевоенные годы при восстановлении разрушенного войной хозяйства государство отдавало приоритет тяжелой индустрии. Деревне при этом уделялось явно второстепенное внимание. Это касалось многих сфер жизни сельского населения — не только экономики и социальной сферы, но и культуры, в частности, кинообслуживания. Эта тенденция была целиком характерна и для Иркутской области.

Прежде чем говорить непосредственно о самом кинообслуживании колхозного крестьянства, следует охарактеризовать работу Иркутской студии кинохроники, чтобы понять само состояние кинофикации в области, в том числе и в сельской местности.

В 1947 г. план производства киножурналов был выполнен студией досрочно. Студия отказалась от государственной дотации и работала с прибылью. Вместе с тем в ее работе имели место и серьезные недостатки. Руководство студии не предъявляло должных требований к качеству и идейному содержанию выпускаемых журналов. Например, журнал № 3 был сделан на материале отстающего колхоза. Сюжет, снятый на заводе им. Куйбышева (журнал № 30) был подан так, как будто события происходили в кустарной мастерской (ГАНИИО, ф. 127, оп. 14, д. 635, л. 104).

Тематические планы часто составлялись без учета хозяйственно-политических задач. Большинство выпущенных журналов были не-

достаточно актуальны по содержанию, бедны по сюжету и художественному оформлению. Во многих журналах сюжеты были затянуты, текст и музыка — примитивны. Дикторский текст не соответствовал изображению. Синхронная запись почти не применялась. Была крайне ограничена тематика и география съемок. Так, из 297 сюжетов, полученных студией в 1947 г., только 138 были сняты на периферии, а остальные — в областных центрах (Иркутск, Улан-Удэ, Чита). Почти не освящалась жизнь северных районов.

Крупные недостатки в работе киностудии в значительной мере были обусловлены отсутствием высококвалифицированных кадров, их текучестью. Так, например, вместо шести кинооператоров работало трое (и те недостаточно квалифицированные). Более двух лет (1945–1946 гг.) студия имела одного режиссера вместо двух по штату, а в 1948 г. работала уже без режиссера. Студии также не хватало инженера или техника по лабораторной обработке кинопленки.

Для вновь прибывающих творческих работников не создавалось нормальных материально-бытовых условий. В коллективе не была организована техническая учеба, отсутствовала товарищеская помощь со стороны квалифицированных специалистов молодым работникам. Художественный Совет бездействовал, творческие секции собирались от случая к случаю.

И, наконец, самое главное: Министерство кинематографии РСФСР и особенно Главное управление по производству фильмов слабо руководили Иркутской студией кинохроники, не оказывали ей должной помощи в отборе тем для сюжетов, идущих на Всесоюзный экран, в планировании работы и в материально-техническом обеспечении. Разумеется, такое состояние кинофикации в областном центре существенно отражалось и на периферии, в том числе и в сельской местности. Это отчетливо видно на примере Зиминского района.

Кинообслуживание сельского населения было организовано слабо. Многие колхозники района были длительное время лишены возможности просматривать кинокартины. Так, в феврале 1949 г. в 48 колхозах из 51 кинокартины не демонстрировались, а население колхозов Кундулунского, Маслиногорского и Новолетниковского сельских советов не обслуживалось кино и в течение всего 1948 г. Особенно слабо было поставлено кинообслуживание населения в период весеннего сева 1949 г. В это время демонстрировались кинокартины только в колхозах Кимильтейского сельского совета (Там же, д. 723, л. 55). Между тем в районе имелись условия для регулярного кинообслуживания сельского населения. Район располагал шестью

исправными киноаппаратами. Кинокартины присылались в соответствии с заявками и хорошего качества.

Но в результате отсутствия должного руководства со стороны Зиминского райкома ВКП (б) и необходимой помощи Областного управления кинофикации эти возможности не использовались. В течение более трех месяцев четыре кинопередвижки были поставлены в отдельных селах на стационар вместо обслуживания большего количества колхозов, а две кинопередвижки не работали из-за неисправности электростанций.

Районный отдел кинофикации также не проявлял серьезной заботы об улучшении качества показа кинофильмов, пропаганде советских фильмов и повышении деловой квалификации киномехаников. Имели место нарушения трудовой и государственной дисциплины среди работников кинофикации. В конечном итоге, весьма слабая постановка кинообслуживания сельского населения свидетельствовала о том, что в районе не уделялось достаточного внимания кино как важнейшему средству идейно-политического воспитания колхозного крестьянства.

В качестве выхода из создавшегося положения намечалось усилить контроль со стороны Зиминского райкома партии за работой кинофикации по обслуживанию сельского населения, ежемесячно утверждать маршрутное расписание показа кинофильмов и требовать безусловного его выполнения, а также оказывать повседневную помощь в создании условий работы кинопередвижек (Там же, л. 56).

Наряду с этим планировалось: отремонтировать к 1 июля 1949 г. все неисправные электростанции; направить в Зиминский районный отдел кинофикации на постоянную работу квалифицированного киномеханика; отремонтировать Дом культуры, в котором проходила демонстрация кинокартин; обязать контору «Главкинопроката» направлять в Зиминский район, наряду с художественными фильмами, научные документальные фильмы и киножурналы Союзного и местного производства. В конечном счете, главная задача сводилась к следующему: организовать бесперебойное кинообслуживание сельского населения Зиминского района, используя аппаратуру стационарных колхозных кинотеатров в качестве передвижек не менее 20 дней в месяц.

Но большинство из намеченных планов остались нереализованными. В дальнейшем, на рубеже 1940–1950-х гг., Иркутский обком партии не выносил вопрос о кинообслуживании сельского населения на повестку дня. И лишь в годы хрущевской «оттепели» к нему вновь стали возвращаться.

М.В. МИХАЙЛОВА

ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХУДОЖНИКОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1970–1980-е гг.

Союзы художников Российской Федерации территориально подразделялись на одиннадцать зон. Как правило, выставки проходили по зонам. Например, выставки «Советский Север», «Сибирь социалистическая», «Художники центральных областей», «Художники Московской области», «Советский юг», «Большая Волга», «Край черноземный», «Урал социалистический».

Прошла целая серия значительных выставок, в которых участвовали художники всего региона. Принимая участие в так называемых «официозах» — официальных выставках, посвященных той или иной дате, художники, в своем большинстве, не были «заорганизованными». Их работы были по-настоящему талантливыми, а не формальными отписками к годовщинам. В 1971 г. в г. Москве была устроена II Выставка произведений художников Урала, Сибири, Дальнего Востока. У иркутян было принято на нее 108 произведений тридцати трех авторов (на Первой выставке «Урал — Сибирь — Дальний Восток», прошедшей в 1926 г., участвовал только один иркутский художник.). Активно участвовали в выставочной деятельности художники Бурятии. Так, на IV Зональной выставке «Советский Дальний Восток» приняли участие 43 автора и экспонировались 164 работы бурятских мастеров. В 1979 г. организация художников Бурятии принимала у себя всесоюзную выставку «Мы строим БАМ», а также выездной Пленум Союза художников РСФСР (апрель 1979 г.). Для художников Бурятии эти события стали мощным стимулом для дальнейшего развития творчества.

С большим успехом прошла выставка «Искусство Советской Бурятии» в Государственном музее искусства народов Востока в феврале 1980 г. Листы из известной графической серии А. Сахаровской «Моя Бурятия» демонстрировались в Венеции. В целом, только за период с 1975 по 1980 гг. художники Бурятии создали более 600 работ. Республиканских премий за изобразительное творчество (1979 г.) были удостоены Народный художник Бурятии Г. Москалев — за картину «Битва за Дунай» и Заслуженный художник РСФСР Д. Дугаров — за полотна, посвященные Монголии: «Вечер в Умэнгови» и «Кочующие горы в Умэнгови», а также за картину «Отара в Боргое» (НАРБ, ф.П-1, оп. 45, д. 96, л. 18).

В конце 1970-х гг. родилась новая форма работы — бригадная. Иркутские и красноярские художники объединялись для отображения в своих произведениях производственной темы. Это был, так сказать «социальный заказ» государственных органов — показать «пафос строительства сибирских электростанций». Но произведения, посвященные энергетикам Сибири, пользовались большой популярностью, и не только в Сибири и Европейской части страны, но и за рубежом. Отдельные произведения иркутян и красноярцев экспонировались в Швеции, Норвегии, Финляндии, Чехословакии, Венгрии, Японии, на Кубе и в других странах.

Произведения сибиряков, показанные за рубежом, получали самые положительные отзывы. В 1973 г. Иркутские художники были участниками двух выставок-вернисажей в Японии и Монголии. На международной выставке «Страны бассейна Японского моря» в японском городе Канадзава экспонировались пятьдесят одно произведение двадцати трех иркутских художников. На нее были отобраны портреты, пейзажи, натюрморты созданные в основном в 1960–1970-е гг. Это полотна «Ликбез» В. Кузьмина, «Бульдозеристы» Э. Мотаковой, «Мать» Е. Конева, «Портрет сталевара» и «Любочка» В. Тетенькина и др. Также были представлены пейзажи известных сибирских живописцев: И. Юшкова, А. Руденко, Е. Симонова, А. Костовского и др.

В этой выставке приняли участие и полотна четырех красноярских художников. Картины знакомили японского и монгольского зрителя с пейзажами Прибайкалья, Приангарья, Саянским горным краем. Японские зрители очень эмоционально восприняли эту выставку. После ее окончания сорок семь человек подали заявления о вступлении в общество советско-японской дружбы. В июне 1976 г. в Париже с успехом прошла персональная выставка Заслуженного художника РСФСР, красноярца В.И. Мешкова.

В октябре 1980 г. в г. Чите два события были, пожалуй, равными по значению. Это сдача нового выставочного зала и открытие в нем V Зональной художественной выставки «Советский Дальний Восток». Открытию выставки предшествовала большая подготовительная работа. Были выпущены буклеты, рассказывающие о жизни и деятельности всех организаций художников Дальневосточной зоны, пригласительные билеты, пресс-справка и каталог работ художников. Большая серия материалов была опубликована до и во время проведения выставки в читинских областных газетах под единой рубрикой. В день открытия выставки вышел специальный красочный выпуск газеты «Забайкальский рабочий». Основную работу по проведению выставки провел выставочный комитет, во главе которого сто-

ял председатель Якутской организации Союза художников РСФСР Осипов А.Н. На выставке было представлено 1700 произведений всех видов изобразительного искусства. Это и театрально-декорационное и декоративно-прикладное и народное искусство. Работы 530 авторов из Магадана и Якутии, Бурятии и Приморья, Камчатки и Хабаровского края, Забайкалья были собраны в г. Чите. Это была самая представительная выставка в г. Чите за 16 лет. Она стала основой для создания экспозиции создаваемого в г. Чите художественного музея. Художественным Фондом России было передано читинцам 262 работы. Произведения искусства местных художников были приобретены областным управлением культуры и также вошли в экспозицию музея (ГАЧО, ф. 3, оп. 42, д. 176, лл. 6–12).

Помимо выставочной деятельности, которая тоже, безусловно, является формой пропаганды изобразительного искусства, художники Сибири активно занимались шефской и просветительской деятельностью. Так, красноярские художники поддерживали тесную связь со строителями Саяно-Шушенской ГЭС. Только за 1975 г. на строительство был организован выезд двух творческих групп. Во время этих творческих командировок художники встречались со строителями, организовывали выставки, помогали в оформлении наглядной агитации. Было проведено сорок встреч художников со зрителями.

Также был разработан план-график обслуживания передвижными художественными выставками тружеников села, местной промышленности, жителей отдаленных районов края. Эти выставки пользовались большой популярностью. Для жителей отдаленных районов часто это была единственная возможность познакомиться, что называется «в живую» с живописными полотнами. И в 1978 г. было организовано уже двадцать шесть передвижных выставок. Эта деятельность продолжалась на протяжении всего изучаемого десятилетия. Например, иркутскими художниками была организована выставка произведений иркутского художника Г.В. Богданова в селах Монды и Кырене (1980 г.). Выставка работала более трех месяцев. За это время были проведены три творческие встречи с автором картин. Посетили выставку две тысячи шестьсот человек. Художники Бурятии активно работали на трассе БАМ. Неоднократно на участках БАМ работала передвижная выставка Художественного музея им. Вампилова. Серию портретов, зарисовок, этюдов написали художники С. Ринчинов, В. Архипов, Г. Купцов, Э. Аюшеев. Интересными получились работы Д. Дугарова «Даванский тоннель», «Смена», картины Т. Рудь «Восточный портал Северо-Муйского тоннеля», «Лето в бамовском совхозе «Умонханский», а также «Утро на БАМе» С. Ринчинова, «Северобайкальск» Ч. Шенхороева, «Порт

Курлы» В. Никомона, отдельные графические листы В. Архипова, А. Даржаева, И. Нагабардина, И. Старикова. Они пополнили известную летопись БАМа, создаваемую в исследуемое десятилетие творческими работниками всех направлений (писателями, композиторами и, конечно, художниками.) (НАРБ, ф. 1, оп. 33, д. 44, л. 2; оп. 45, д. 96, л. 18; оп. 31, д. 14, л. 56).

Также как и художники других регионов Сибири, бурятские живописцы участвовали в мероприятиях всесоюзного масштаба. В апреле 1979 г. в г. Улан-Удэ прошла выставка «Мы строим БАМ» и Пленум Союза художников РСФСР, в котором участвовали представители со всей Сибири.

Большая помощь оказывалась профессиональными художниками воинским частям. Только за 1984 г. было проведено одиннадцать встреч. Как правило, это были рабочие встречи, на которых давались практические рекомендации и оказывалась непосредственная помощь в оформлении территорий и клубов. Также было организовано четыре выставки в воинских частях, на которых прошли встречи с художниками. В области работали три художника, которые посвятили свое творчество военной тематике. Выпускниками Иркутского училища искусств, служащими воинских частей области, велась конкретная работа по художественному оформлению территорий и помещений своих воинских частей. При необходимости они получали консультации в Иркутском СХ. Шефская работа иркутских художников была положительно оценена политотделами частей. Два художника были награждены грамотами командования (ГАНИИО, ф.р-2802, оп. 2, д. 212, л. 7).

Иркутская организация художников, совместно с управлением культуры облисполкома, приняла участие в организации студий изобразительного искусства в городах Иркутске, Шелехове, Братске, Усть-Илимске, пос. Усть-Ордынском. Иркутские художники курировали работу этих студий, оказывали методическую и практическую помощь, а наиболее талантливые дети имели преимущество при поступлении в областное училище искусств.

А.А. РАСПОПИНА

ПАРОХОДСТВО БАЙКАЛЬСКОГО БАССЕЙНА В 20-е гг. XX в.

Декретом СНК от 26 января 1918 г. все судоходные предприятия, принадлежащие акционерным обществам и частным лицам,

были объявлены собственностью Советской власти, однако в связи с событиями гражданской войны национализация речного флота не была осуществлена.

Весь речной флот до августа 1919 г. составлял Ангаро-Байкальское казенное пароходство, созданное в апреле 1919 г. в результате объединения «Службы Байкальской железнодорожной переправы» и бывшего «Байкальского пароходства и Торговли», принадлежавшего ранее М.М. Коковину (ГАИО, ф. 268, оп. 1, д. 6, л. 29).

Руководство всеми делами нового предприятия возлагалось на Правление пароходства, находящееся в Иркутске. Оно распоряжалось всеми средствами пароходства, устанавливало и изменяло грузовые и пассажирские тарифы, но остальные вопросы подлежали обязательному утверждению в Управлении внутренних водных путей.

Бурные события гражданской войны, частые переходы пароходства из одних рук в другие, отсутствие некоторое время единого хозяина, эксплуатация судов на износ, не могли не сказаться на общем состоянии Байкальского флота. В июне 1919 г. комиссия, направленная для осмотра судов, признала неудовлетворительным техническое состояние барж, некоторые из них требовали капитального ремонта, а 4 баржи оказались совершенно не годными к эксплуатации в навигацию 1919 г. Недостаточным оказалось и общее число барж.

Серьезнейшей проблемой была острая нехватка квалифицированных речников. Команды пароходов зачастую совершенно не соответствовали своему назначению. Отсутствовал достаточный контингент опытных лоцманов, энергичных командиров и подбор хороших кадров матросов (ГАИО, ф. 268, оп. 1, д. 8, л. 63). По общим замечаниям на пароходах царило поголовное пьянство. Произвести же замену «негодного судового состава», как считали в Управлении, практически не представлялось возможным, за отсутствием подходящих работников в Иркутской области. Тем не менее, в течении навигации 1919 г. было смещено 8 капитанов, 12 помощников капитанов, 121 кочегар, 137 матросов, 53 рулевых, 29 масленщиков, 23 механика и машиниста, 14 боцманов, 6 лоцманов и 4 помощника машиниста.

Подвижной состав Байкальского бассейна долгое время находился в тяжелом техническом состоянии, эксплуатировалась только часть судов, остальные числились в резерве, или скорее ждали капитального ремонта, к которому приступили лишь в 1926 г. Остро ощущался недостаток непарового тоннажа. В этот период не производилось строительство новых судов, использовались лишь те, что были построены еще в середине 90-х гг. XIX в. и раньше, почти остановилось баржестроительство. В среднем же, к 1928 г., возраст кор-

пусов пароходов колебался от 23 до 54 лет, котлов — от 14 до 52 лет и машин — от 19 до 52 лет. Кроме того, большинство подвижного состава флота, особенно это характерно для Селенги, не соответствовало условиям и оборудованию водопути. В то время, как грузовая осадка паровых судов по р. Селенге была в 85 см, а непарового флота до 108 см, наименьшие глубины колебались в 1925–1927 гг. от 65 до 110 см (Помус М. Пути развития водного транспорта в Бурятии и Селенгинское пароходство // Жизнь Бурятии. 1928. № 1–3. С. 90).

Все это приводило к тому, что из общего числа годного к работе парового и непарового флота использовалась лишь часть его. Не производился и капитальный ремонт барж. Кроме того, значительная часть баржевого флота пострадала от аварий, а особенно от постановки судов, в период гражданской войны, на места зимовок, не защищенных от ледохода.

В связи с подобными обстоятельствами баржевый флот уменьшался и количественно и качественно. По максимальному тоннажу, рассчитанному на полую осадку, баржи фактически не загружались, т.к. большая часть деревянных судов, при загрузке свыше 8 четвертей уже давали течь.

В навигацию 1919 г. предполагалось, что основными предметами грузоперевозок станут дрова и сено. Однако некоторые опасения руководства вызывал тот факт, что в результате регулирования движения железнодорожного транспорта, основное количество грузоперевозок могло осуществляться им. В связи с этим высказывались мысли о необходимости заранее обеспечить работу флотилии точным распределением грузов. При этом, главную статью доходов в Ангаро-Байкальском районе, как и в довоенное время, должны были составить лесозаготовки, острая потребность в которых, имелась у Забайкальской железной дороги и Иркутска.

В 1920 г. флот Ангаро-Байкальского бассейна (р. Селенга не входила) состоял из 18 паровых — общим количеством 1133 номинальные силы, и 45 непаровых — грузоподъемностью 445 тыс. пудов, занимая, таким образом, последнее место по количеству и грузоподъемности подвижного состава среди флотов Объ-Иртышского (ему принадлежало первое место), Енисейского и Ленского бассейнов. В Ленском бассейне на тот момент находилось 37 паровых судов — общим количеством 1 563 номинальные силы, и 113 непаровых — в 1110 тыс. пудов. (Сборник статистических сведений по Сибири. 1922. С. 73).

С 9 апреля 1920 г. приказом № 38 Уполномоченного Наркомата пути по восстановлению водного транспорта в Восточной Сибири Ленско-Байкальский округ путей сообщения (куда входило Ангаро-

Байкальское казенное пароходство) реорганизовали в Восточно-Сибирское областное управление водным и дорожным транспортом, переименованное в июне того же года в Иркутское управление. Районом деятельности этого управления устанавливались: бассейн р. Селенги в пределах республики, верхнего течения р. Ангары до ее порогов и бассейны рр. Лены и Колымы.

21 февраля, 1920 г. было принято постановление Губернского Революционного Комитета о национализации паровых и непаровых судов, а также других средств водного транспорта со всеми их принадлежностями, ремонтными мастерскими, инвентарем, пристанями и пристанскими постройками в пределах бассейнов рек Лены и Ангары и оз. Байкал. Однако с разрешения Ревкома и по соглашению Комиссариата путей сообщения с другими заинтересованными Комиссариатами, суда и другие средства национализированного флота могли быть предоставлены для пользования кооперативным, техническим и промышленным предприятиям, обслуживающих государственные и общественные нужды (ГАИО, ф. 268, оп. 1, д. 21, л. 17). Все служащие и рабочие должны были оставаться на своих местах, а владельцы и арендаторы судов — соответственно принять все меры по подготовке флота к предстоящей навигации.

В начале 1920-х гг. практически непрерывно идет процесс реорганизации сибирских водных путей. Единый водный бассейн подразделяют, зачастую искусственно, на отдельные управления, что отрицательно сказывается на перевозке транзитных грузов. Необходимо либо заранее заключать договор аренды с соседними управлениями о предоставлении судов для транзитных грузоперевозок, либо делить весь путь на отдельные участки, что естественно увеличивало на цене.

В 1922 г., при образовании Дальне-Восточной республики единый Ангаро-Байкало-Селенгинский водный путь был искусственно подразделен на 2 управления: Ангара и Байкал поступили в ведение Западно-Сибирского Госпароходства, в виде агентства, а р. Селенга перешла в распоряжение водного отдела Министерства Транспорта ДВР, а по его ликвидации — в ведение Амурского Госпароходства.

Управление пароходства, обслуживающего Ангарские и Байкальские водные пути неоднократно выступало с предложениями о передаче пароходства по р. Селенге полностью в собственное распоряжение. Уверенное в своей правоте и аргументируя свою просьбу, управление ссылалось на действовавшее некогда на Байкале пароходство Немчинова, при сквозных перевозках работавшее с прибылью до 100 000 р. Вопрос требовал немедленного решения, тем более, что в это время стали снова поступать «со-

лидные заявки сквозного водного груза до Верхнеудинска» (ГАИО, ф. 268, оп. 1, д. 174, л. 5).

Только в ноябре 1925 г. было учреждено самостоятельное Селенгинское Государственное Речное Пароходство, обслуживающее реки: Селенгу, Ангару и озеро Байкал, правление которого находилось в Верхнеудинске — центре Бурреспублики. Однако бассейны этих рек находились в подчинении Управления внутренними путями Западной Сибири и обслуживались только одним техническим участком, расположенном в Иркутске и одной обстановочной дистанцией — в г. Верхнеудинске. В сферу деятельности Управления, размещавшегося в Новосибирске, входили водные пути Западной и Восточной Сибири. Вместе с тем, вполне естественно что, имея в своем распоряжении громадные бассейны Иртыша, Оби, Енисея и Лены, Ангаро-Селенгинскому бассейну отводилась роль лишь второстепенного пути. Ввиду чего, на улучшение путей, сюда отпускались только незначительные средства или финансирования не было вовсе (НАРБ, ф.Р-195, оп. 2, д. 145, л. 78 об.).

С созданием самостоятельного Селенгинского пароходства был сделан первый шаг к восстановлению слаженной работы пароходных предприятий, но затронув лишь вопросы объединения водного транспорта, не был решен один из центральных вопросов о сосредоточении всего управления в руках местной власти. Вопрос об этом поднимался неоднократно Правительством Бурреспублики и в 1925 и в 1926 гг.

Создание подобного Управления водными путями отдельно для рек Ангары, Селенги и озера Байкала должно было позволить значительно улучшить осуществление правильного надзора за судоходством в этом бассейне, способствовать увеличению протяженности эксплуатационных участков водных путей. К 1926 г. в Байкальском бассейне эксплуатировалось только 40% пригодных водных путей — это 1669 верст из 4121 верст, (НАРБ, ф.Р-195, оп. 2, д. 145, л. 77 об.).

В первой четверти XX в. за водными путями сохранилось значение единых транспортных и подъездных путей связи и средства снабжения обширных районов, отрезанных от железной дороги значительными расстояниями. При этом, р. Селенга считалась единственным, удобным и дешевым, естественным водным путем, связывающим богатую сырьем МНР с Союзом ССР, придавая ему тем самым статус общесоюзного значения.

Таким образом, по мнению представителей местных властей, бассейны рек Селенги, Ангары и озера Байкал должны получить значение: непрерывного транзита из Монголии в Ленский бассейн для снабжения сырьем Ленской золотопромышленности, а также снаб-

жение монгольским и другим сырьем кожевенной промышленности края. Поддерживать связь золотопромышленного района Витимской и Баргузинской тайги с Иркутском и Верхнеудинском, оживить байкальскую рыбную и Прибайкальскую пушную отрасли.

Для подъема судоходства в этих районах было необходимо в первую очередь, проведение исследований, описание и изучение режима навигации рек, улучшение общих судоходных условий, обстановка фарватера и создание судоходного надзора. По сообщениям местных властей подобных работ, на большей части водных путей, так и не предпринималось. Лишь в 1930 г. было создано Восточно-Сибирское управление государственного речного пароходства.

В.Б. РУСАКОВ

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1930–1950 гг.)

НКВД СССР был образован постановлением ЦИК СССР от 10 июня 1934 г. Первоначально его функции заключались в обеспечении государственной безопасности, охране общественного порядка и социалистической собственности, регистрации гражданских состояний. В НКВД СССР полностью вошло ОГПУ при СНК СССР, на базе которого было создано Главное управление рабоче-крестьянской милиции.

Так же в НКВД СССР вошло Главное управление пограничной и внутренней охраны, Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений (ГУЛАК), Главное управление пожарной охраны, Отдел актов гражданского состояния, Административно-хозяйственное управление и другие подразделения.

В 1936–1940 гг. в системе НКВД СССР возникли первые производственные управления, деятельность которых обеспечивалась рабочей силой заключенных лагерей. К их числу относились: Главное управление шоссейных дорог, Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС). Главное управление гидротехнического строительства (Главгидрстрой) и другие.

Строительство и эксплуатация дорог в Иркутской области осуществлялась под руководством отделом шоссейных дорог УНКВД Иркутской области. В эксплуатационную сеть госдорог входили следующие тракты:

– Московский (Сибирский) тракт протяженностью 784,5 км;

– Братский тракт протяженностью 324 км;

– Тыреть-Жигаловский тракт протяженностью 275 км.

Сеть местных дорог обслуживалась 27 райотделами, которые непосредственно подчинялись Райисполкомам. Техническое руководство и подбор осуществлялось Ошосдором УНКВД по Иркутской области. В каждом районе все дороги закреплены за колхозами или за сельсоветами для ремонта и содержания их. Однако, некоторые колхозы и сельсоветы ремонт дорог производили лишь формально, а надлежащего эксплуатационного обслуживания не осуществляли впоследствии чего, построенные или отремонтированные дороги быстро приводились в расстройство. В среднем на райотдел приходилось около 600 км дорог, при 40–50 колхозах в районе.

В 1945 г. Государственным Комитетом Обороны и Советом Народных Комиссаров СССР были приняты постановления (№ 9936 от 30 августа 1945 г. и № 2419-644 от 21 сентября 1945 г.) об организации Управления Ангарского строительства. Оно и должно было осуществить строительство железной дороги Тайшет–Усть-Кут.

Управление Ангарского строительства начинает свою историю с февраля 1947 г., и в первые годы своего существования значиться как Управление Ангарского исправительно-трудового лагеря (ИТЛ).

С 1947 г. строительство железной дороги Тайшет–Усть-Кут ведется по двум участкам: от Тайшета до Братска где строительство осуществляет Управление Тайшетского ИТЛ, от Братска до Усть-Кута силами Управления Ангарского ИТЛ, оба они являлись строительными подразделениями Западного Управления Байкало-Амурской магистрали Главного Управления Лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) Министерства Внутренних дел СССР (МВД).

Приказом Народного Комиссариата Внутренних дел СССР от 13 июня 1934 г. во всех союзных республиках, кроме РСФСР, создавались республиканские НКВД. В автономных, краях и областях образовались управления НКВД, которым подчинялись районные, городские управления милиции.

НКВД СССР был создан с целью централизованного руководства аппарата, осуществлявшим охрану общественного порядка и государственной безопасности, проведение единых на территории всей страны мероприятий по борьбе с преступностью. Вместе с тем, он был создан как орган, объединяющий в своем составе огромный аппарат принуждения.

НКВД СССР состоял из Главного Управления, которое сосредоточило в своих руках решение всех оперативных вопросов, причем в таком объеме, что нижестоящие органы без согласования с главком не могли решать ни одного значительного вопроса.

К 1946 г. Главное управление насчитывало 50 управлений-отделов, в том числе: Главное управление по борьбе с бандитизмом, Главное управление милиции, Главное управление пограничных войск, Главное управление по делам военнопленных и интернированных, Главное управление пожарной охраны, Главное управление МПВО, Главное управление исправительно-трудовых лагерей и поселений, Главное управление лагерей промышленного строительства и т.д. (Государственный архив Российской Федерации (в дальнейшем ГАРФ), ф. 9401, оп. 8, д. 11, л. 127).

Штатная численность аппарата НКВД СССР (центр)

1.01.1938	1.01.1939	1.01.1940	1.01.1941	1.05.1941	1.08.1941	1.01.1943	1.08.1943	1.08.1945
3 844	3 942	4 249	4 249	2 816	3 456	2 100	1 687	2 739

ГА РФ, ф. 9401, оп. 8, д. 11, л. 71.

Из таблицы видно, что в довоенные годы численный состав Главного Управления увеличивается, а в период войны сокращается в связи с отбытием на фронт.

Непосредственно Главному управлению подчинялись народные комиссариаты внутренних дел республик краев и областей, в которые входили оперативно-чекистские отделы: Разведывательный отдел, Секретно-политический отдел (борьба с остатками антисоветских политических партий и организаций, борьба с церковной и белогвардейской контрреволюцией).

В Иркутской области с 1 января 1937 г. по 1 января 1938 г. было арестовано 24 007 чел. Из них осуждено 20 016 чел. В основном эти люди были арестованы по делу о контрреволюционных организациях, якобы существовавших на территории области и «ликвидированных» органами УНКВД в 1937–1938 гг. Таких организаций «насчитывалось» 18.

Также в структуру областного НКВД входили экономический отдел, отдел охраны, спецотдел (осуществлявший контроль за всеми видами связи), управление милиции, отдел (управление) пожарной охраны, тюремный отдел, отдел кадров, хозяйственный отдел. Всего в структуру областного НКВД входило 24 отдела. Штатная численность органов внутренних дел Иркутской области на 1 марта 1944 г. составляла 2607 сотрудников (ГАРФ, ф. 9401, оп. 8, д. 11, л. 220). Надо отметить, что данный период связан с Великой Отечественной войной, поэтому часть кадров была призвана в действующую армию, численность штатов впоследствии увеличена и 1 января 1948 г. составила 3541 человек (ГАРФ, ф. 9401, оп. 8, д. 130, л. 309). В начале пятидесятых годов численный состав уменьшается. На 1 января 1952 г. составил 2086 человек.

Народный комиссариат Внутренних дел краев, областей, республик состоял из районных отделов, в которые входило: руководство, секретариат, отдел милиции, инспектор пожарной охраны, районный архив, инспекция исправительно-трудовых работ, группа МПВО. Всего штатная численность НКВД СССР на 1 марта 1944 г. составляла 222 741 человек (ГАРФ, ф. 9401, оп. 8, д. 11, л. 28).

Помимо основных задач на НКВД СССР возлагалось и решение экономических вопросов. В предвоенный период и в особенности в ходе массовых репрессий 1937–1938 гг. наблюдается взрывной рост количества Управлений ИТЛ на местах. Все большее число новых строительств поручается теперь системе НКВД. В результате из аппарата ГУЛАГа уже в 1940 г., наряду уже с существовавшим Главным управлением строительства (ГУСДС), с 1938 г. в структуре НКВД были выделены самостоятельные производственные главки, использовавшие труд заключенных.

После войны на возводимых под руководством МВД объектах будущей атомной промышленности, строительстве различных комбинатов и заводов, шоссейных и железных дорог, добыче ископаемых трудились наряду с заключенными и мобилизованные, и интернированные немцы, военнопленные, спецпереселенцы, бойцы военно-строительных батальонов. В функции органов внутренних дел входило осуществление государственной и общественной безопасности страны. Все эти факторы мотивировали структурную и организационную составляющую НКВД СССР.

Таким образом, в 1930–1950-е гг. в Советском Союзе происходили кардинальные изменения в политической, социальной и экономической сферах. Это связано с окончательным становлением тоталитарного режима и установлением культа личности, что невозможно достичь без аппарата насилия, осуществляющей тотальный контроль во всех областях жизнедеятельности общества. Борьба с инакомыслием, репрессии, проводимые органами внутренних дел, укрепляли существующую систему власти.

Н.В. САВЧУК

ФИНАНСИРОВАНИЕ ПРИРОДООХРАННОЙ СФЕРЫ В АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОМ РЕГИОНЕ В 1960–1990 гг.

В рассматриваемый период в рамках Восточно-Сибирского экономического района интенсивное развитие получил Ангаро-Енисей-

ский регион (АЕР). Его специализация была ориентированна на развитие металлургического, топливно-энергетического, химического и другого производства, характеризующегося повышенной опасностью загрязнения окружающей среды. В связи с этим представляет интерес рассмотрение вопросов, связанных с финансированием природоохранной деятельности в регионе в контексте общих расходов по стране и эффективностью предпринимаемых мер.

В исследуемый период капиталовложения на мероприятия по охране окружающей среды имели тенденцию к возрастанию. Так, если в 1970-е гг. в СССР за каждое пятилетие вкладывалось по 10 млрд р., то в последующее две пятилетки на природоохранные цели выделялось средств в два раза больше. Но в среднем капиталовложения не превышали 2% общего объема инвестиций в хозяйство страны (Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Стат. сб. М., 1991. С. 222). Их доля в конечном продукте была в 2,5 раза ниже, чем в развитых странах и приблизительно во столько же раз оценивалась разница в экологической эффективности этих вложений, то есть в общей сложности в 5 раз.

В ходе разработки (1989 г.) проекта долгосрочной «Программы охраны окружающей среды и рационального использования ресурсов СССР до 2005 г.» говорилось о необходимости увеличения финансирования в 3–4 раза для того, чтобы добиться реальных результатов. В соответствии с расчетами только на охрану атмосферы требовалось 58 млрд р. Из общей суммы около 10 млрд р. планировалось выделить для снижения выбросов вредных веществ в наиболее загрязненных городах (Вестник АН СССР. 1989. № 5. С. 119).

Статистические данные о финансировании природоохранной деятельности в Красноярском крае свидетельствуют, что за VIII и IX пятилетки их увеличение произошло в 2 раза и составило 108 млн р. А в период 1976–1980 гг. эта сумма возросла более чем в 3 раза и достигла 326 млн р. В среднем за год на эти цели направлялось 65 млн р. Но в отдельные годы следующего пятилетия финансирование было сокращено в 2 раза. В Иркутской области наблюдалось постоянное увеличение затрат на природоохранные мероприятия, но суммы вложений были значительно меньше. Так, за X и XI пятилетки они составили, соответственно, 88 и 133 млн р., а за 1985–1990 гг. были увеличены до 203 млн р., то есть не достигли того размера, который был характерен для Красноярского края в годы IX пятилетки. Общей чертой, характеризующей природоохранную деятельность в регионе, являлось повышенное финансирование охраны водных объектов, в сравнении с капвложениями

в охрану атмосферного воздуха (ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 10. Д. 99. Л. 90. ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 119. Д. 71. Л. 17, 43).

В целом, как по стране, так и в АЕР было характерно недостаточное внимание к строительству природоохранных объектов. На фоне слабого уровня развития коммунально-бытового хозяйства, например, в Усть-Илимске Госплан СССР (1973 г.) предлагал уменьшить на 2,4 млн р. выделение средств на сооружение инженерных сетей. По мнению председателя горисполкома Ю.Ф. Федотова данное предложение было совершенно неоправданным. Уже в этот период была характерна перегруженность коммуникаций. Но проявившуюся тенденцию не удалось переломить в последующие годы. Так, в 1977 г. на строительство города было выделено 550 млн р., в то время как на возведение ГЭС — 1 млрд 300 млн р., на сооружение ЛПК — 2 млрд 278 млн р. В тоже время, 21 млн р., из запланированных на сооружение городских очистных сооружений было не использовано. Сохранялась практика предыдущих десятилетий, когда главным являлось возведение промышленных объектов. Все попытки поставить в центр внимания условия жизни человека не давали заметных результатов. Подобные примеры низкого уровня финансирования были характерны для других крупных промышленных центров. Например, вместо запланированных 77,8 млн р. Канско-Ачинскому топливно-энергетическому комплексу Министерство энергетики выделило только 7 млн р. Это сдерживало разработку Схем охраны окружающей среды. Следовательно, решение экологических проблем затягивалось на длительный период (ГАКК. Ф.Р-2483. Оп. 1. Д. 8. Л. 255; ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 14. Д. 233. Л. 23).

Еще одним недостатком в природоохранной деятельности являлось то, что при расчете объемов финансирования не учитывался ущерб, наносимый природной среде. Выделяемые суммы не обосновывались, и их величина не отражала истинного положения в экологической сфере. Так, в Назаровском промрайоне убытки от одной ГРЭС в год составляли 12 млн р. Эффективность природоохранных мероприятий могла быть достигнута при вложении 44 млн р. Но такая сумма никогда не выделялась. По признанию руководителя службы охраны природы Норильского горно-металлургического комбината В. Епифанцевой, несмотря на изменившееся отношение в конце 1980-х гг. к вопросам экологии, по-прежнему, финансирование природоохранных объектов осуществлялось по остаточному принципу. Предприятиям было выгоднее заплатить штраф за загрязнение окружающей среды, чем вкладывать средства в модернизацию производства. Например, за сброс стоков никелевого завода комбинат должен был заплатить в

год 17,3 тыс. р., а для организации выпарки вредных веществ требовалось более 30 млн р. (Заполярная правда. 1991. 20 марта).

Следует отметить, что стоимость объектов природоохранного назначения составляла от 30 до 50% общих капиталовложений в строительство предприятий. По мере их эксплуатации требовалось обновление оборудования и, в большинстве случаев финансовые средства направлялись на ремонт технологически устаревших очистных сооружений. Так, к 1985 г. примерно 65% основных фондов Ангарского нефтехимического комбината было изношено. Для их обновления был необходим 1 млрд р. Затраты на поддержание морально и физически устаревшего оборудования составляли ежегодно около 40 млн р. Такая ситуация свидетельствовала о необходимости выбора приоритетов вложения капиталов в реконструкцию. Некоторое изменение в подходах наметились в XII пятилетке. Из-за недостатка средств было принято решение о первоочередном финансировании природоохранных объектов при сооружении новой установки «Парекс-2М» (ЦДНИИО. Ф. 4968. Оп. 19. Д. 1. Л. 25).

Парадоксальность в природоохранной деятельности состояла в том, что выделяемые капиталовложения не использовались полностью. Например, в 1986–1989 гг. по стране финансовые средства были освоены на 86%. Более 1 млрд р. оказалось не востребованным (Народное хозяйство РСФСР. Стат ежегодник. М., 1990. С. 337). На предприятиях Красноярского края за 4 года X пятилетки было освоено 40,3%, в том числе в Норильске — 43%, в Ачинске — 12,7%. При сооружении Березовской ГРЭС на природоохранные объекты Министерством энергетики было выделено 117 млн р., но к 1986 г. было использовано только 10,7 млн р. (ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 14. Д. 233. Л. 33, 42).

В Иркутской области за 1976–1978 гг. было освоено 76,4% капвложений. Подобная тенденция сохранилась в следующем пятилетии. Уровень реализации мероприятий по охране окружающей среды (1981–1985 гг.) на Братском ЛПК, Байкальском ЦБК составил 68%. Ангарскими заводами белково-витаминных концентратов и цементным план был выполнен соответственно на 51% и 56%, транспортными предприятиями на 19%. Причины такого положения во многом объяснялись сохранением старых подходов к решению проблем экологии, недооценкой последствий загрязнения окружающей среды, нежеланием вкладывать средства в ее охрану, экономический эффект от которого на первый взгляд был не ощутим. В переписке первого заместителя министра Минцветмета СССР В.В. Бородай и председателя Иркутского областного КНК П.И. Щербакова, отме-

чался низкий уровень организации природоохранной деятельности (ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 106. Д. 151. Л. 3; Оп. 119. Д. 71. Л. 28, 40).

Разобщенность природоохранных служб ведомственными барьерами, отсутствие единого специализированного научного центра, обеспечивающего всестороннее, системное исследование проблем природопользования в значительной степени снижало эффективность работы. Как отмечал чл-корр. АН СССР Г.И. Галазий, назвать хотя бы один объект, который стал в экологическом отношении, безопаснее, нельзя (Стенограмма заседания Научного совета по программе «Сибирь». Новосибирск, 1991. С. 55). Об этом свидетельствуют многочисленные примеры. Так, на охрану воздушного бассейна области в 1984 г. было израсходовано 3,4 млн р. За счет этого удалось реконструировать 24% установок и построить 167 новых. Но количество выбросов сократилось только на 3%. На Усольском ПО «Химпром» и Зиминском химзаводе использование 67% капиталовложений позволило уменьшить выбросы лишь на 22,3%. На ИркАЗе за годы XI пятилетки было внедрено 37 мероприятий по охране воздушного бассейна на сумму 2,9 млн р. Это позволило сократить загрязнение атмосферы, но суммарный годовой объем выбросов составлял 90 тыс. т в год (ГАИО. Ф.Р-1933. Оп. 6. Д. 182. Л. 51).

Сложившаяся модель охраны окружающей среды была нацелена на ликвидацию уже имеющихся отрицательных последствий хозяйственного освоения, а не на их предупреждение. Основной акцент был сделан на увеличение капиталовложений, а не на получение результатов от их использования. Низкая эффективность природоохранных мер являлась не столько следствием недостатка инвестиций, сколько свидетельством отторжения всякой проэкологической деятельности, ориентированной на коренное изменение в подходах к природопользованию. Решение экологических проблем по-прежнему находилось внизу шкалы приоритетов региональной политики.

С.В. СИВЕР

ПОДГОТОВКА АВИАЦИОННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ВВС СТРАНЫ В ИРКУТСКОМ ВОЕННОМ АВИАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОМ УЧИЛИЩЕ (ИВАТУ) 1949–1970 гг.

После окончания Второй мировой войны руководством страны принимались огромные усилия по перевооружению Советской армии

связанным с быстрым развитием техники и вооружений. В связи, с чем ощущалась нехватка грамотных специалистов, особенно острой она была в военно-воздушных силах. Авиационно-инженерные кадры, прошедшие через жерло войны, имели огромный боевой опыт но, часто не имели знаний, необходимых для освоения новой техники.

В Иркутской военной школе авиационных механиков в послевоенный период продолжали готовить младших авиационных специалистов. Государственные экзаменационные комиссии, принимавшие выпуски послевоенных лет, отмечали высокое качество подготовки авиамехаников. Благодаря сильному коллективу преподавателей и инструкторов, возможность подготовки офицеров-техников для ВВС становилась реальной. 10 января 1949 г. школа переименовывается: из Иркутской ВАШАМ она становится Иркутским военным авиационным техническим училищем. 151 авиамеханик (из числа окончивших ИВАШАМ в декабре 1948 г.) сразу были приняты в ИВАТУ для ускоренного доучивания по программе училища.

Для Вооруженных Сил этот период характерен освоением новой техники и вооружения. С принятием на вооружение реактивных машин значительно возросли и требования к уровню и объему знаний курсантов. Первый послевоенный набор, формировался из числа лучших авиамехаников, прибывающих из строевых частей, и из состава гражданской молодежи.

Встала задача коренной реорганизации учебного процесса, пересмотра программ обучения, усовершенствования материальной базы, укомплектования училища квалифицированными офицерскими кадрами. По распоряжению Главного командования ВВС в училище была направлена большая группа офицеров из других военно-учебных заведений и частей ВВС. Начальником ИВАТУ был утвержден И.М. Щелочилин.

В период с 1947 по 1955 гг. ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР продолжали уделять неослабное внимание укреплению Советских Вооруженных Сил, приняли ряд постановлений по вопросам перевооружения авиации, подготовки квалифицированных кадров для ВВС.

В 1948 г. школе была поставлена задача — подготовить группу авиаспециалистов для обслуживания реактивного самолета Як-15 с двигателем РД-10А. С преподавателями и инструкторами, которым предстояло обучать курсантов на данном типе самолета, были проведены 15-дневные сборы.

Так как реактивных самолетов в училище не было, подготовка курсантов стояла под угрозой срыва. Группой офицеров во главе с В.Я. Аксеновым и М.Д. Ешелкиным переделываются самолеты с

поршневыми двигателями по типу реактивных. 23 февраля 1949 г. самолеты были введены в строй. Переоборудованные старые самолеты (два Як-9 и один Як-3) представляли собою своеобразные тренажеры с установленными двигателями РД-10А, в кабинах которых были воспроизведены те же условия, что и в кабинах реактивных самолетов. В результате работы большого коллектива офицеров из стен ИВАТУ в начале мая 1949 г. впервые вышел отряд авиационных специалистов по реактивной технике — первый выпуск офицеров, младших техников-лейтенантов, прошедших ускоренный курс обучения.

В начале августа — очередной выпуск младших лейтенантов. Это были лучшие авиамеханики из строевых частей ВВС, принятые в январе и обучавшиеся по шестимесячной программе подготовки авиатехников по технической эксплуатации самолетов Ту-2. Экзаменационная комиссия отмечала: «Несмотря на то, что училище кроме обучения курсантов нормального курса подготовило и произвело два выпуска офицеров-техников самолетов в течение 7 месяцев 1949 г., что создавало постоянное напряжение в работе всего офицерского состава, оно так же успешно справилось с подготовкой и выпуском третьего комплектования техников самолетов в течение того же срока...» (Исторический формуляр ИВАТУ, т. 1, разд. 3, запись 104).

В 1950 г. был осуществлен первый набор техников по топливу — новой специализации для училища.

В данный период большое внимание при подготовке офицерских кадров уделялось изучению опыта Великой Отечественной войны, внедрению его в практическую боевую учебу войск.

Во-первых, были переработаны учебные планы и программы дисциплин, изучаемых курсантами, с учетом требований современной войны и поступающей на вооружение новой боевой техники.

Во-вторых, была введена, как и в других военных учебных заведениях страны, специальная дисциплина «История войн, военного искусства и история авиации».

В-третьих, передавали курсантам свой боевой опыт преподаватели и инструкторы, командиры и политработники — участники Великой Отечественной войны: Н.А. Ананьин, Д.Д. Асалхаев, Н.И. Брюквин, А.А. Глухенький, И.П. Дмитриев и др.

В 1950 г. впервые проведено трехдневное технико-эксплуатационное учение, в котором участвовали преподаватели и инструкторы эксплуатационного, самолетного и тактического циклов, цикла авиадвигателей и спецоборудования, а также 80 курсантов. Всего в этом новом виде занятий приняло участие 166 человек.

Требования к практической подготовке курсантов год от года возрастали. Комиссия под председательством начальника управления подготовки техсостава ВУЗ ВВС СА, проверявшая училище в декабре 1951 г., дала указания: «...практические занятия курсантов на аэродроме проводить в сложных метеоусловиях и ночью, на протяжении всех основных выходов отрабатывать упражнения по маскировке самолетов» (Исторический формуляр ИВАТУ, т. 1, разд. 3, запись 128).

Для покрытия существовавшего некомплекта инструкторского состава военно-учебных заведений ВВС СА в 1952 г., Иркутскому училищу было поручено организовать краткосрочную подготовку инструкторов практического обучения по самолетам и авиадвигателям. Набирались сержанты срочной и сверхсрочной службы из частей ВВС СА, имеющие большой опыт практической работы. Срок подготовки был установлен в шесть месяцев. В апреле 1953 г. курсанты ИВАТУ были переведены на двухгодичный срок обучения (как и в довоенном ИВАТУ).

Одновременно с решением основной задачи — подготовкой авиационных техников (а наборы были в среднем по 1000 человек). Почти ежегодно прибывали в училище офицеры и сверхсрочнослужащие для подготовки и сдачи экзаменов за среднее училище экстерном. Порой курсы по подготовке экстерников длились 7–9 месяцев, и состав этих групп доходил до 220 человек. Кроме того, в 1949–1951 гг. в ИВАТУ готовились офицеры-техники из КНДР, из венгерской армии; обучались по 10-месячной программе офицеры-югославы.

На вооружение ВВС поступали все более совершенные самолеты, училище переходит на трехгодичный срок обучения. Первый такой набор состоялся в 1953 г. С 1956 г офицерам, окончившим училище, стали вручать дипломы авиационного техника-механика общесоюзного образца.

Вооружение армий вероятного противника ядерным оружием поставило иные, еще более сложные задачи перед ВВС СССР при подготовке офицерских кадров. В 1953 г. формируется цикл атомного оружия, где курсантов обучали основам ядерной физики, принципиальным схемам устройства ядерных бомб и средствам защиты от оружия массового поражения.

С образованием цикла началось создание для него учебно-материальной базы. Подполковник К.П. Куманский, майоры А.У. Сутюшев и А.И. Школьников разработали лекции, подготовили учебно-наглядные пособия. Под руководством бывшего фронтовика-сапера майора Ю.Н. Серебренникова построен учебный городок со всеми типами инженерных сооружений — щелями, убежищами легкого типа, пунктами дезактивации личного состава и авиационной техники.

В мае 1956 г. училище отмечало 25-летний юбилей. Инспекторская проверка работы училища, проведенная комиссией Главкома ВВС накануне, подтвердила достаточно высокий уровень всех сторон деятельности училища, ряд лабораторий назвала образцовыми и предложила начальнику учебного отдела выслать, в порядке обмена опытом работы, их фотографии и описания в другие училища ВВС. Образцовыми были названы лаборатории по электротехнике, спецоборудованию самолетов, конструкции двигателя ВК-1, конструкции самолета Ил-28, анализу ГСМ, а также ТЭЧ и классы по изучению станочного оборудования.

До 1958 г. училище выпускало авиатехников по эксплуатации самолетов, техников по эксплуатации электро- и приборного оборудования и техников по топливу. С 1959 г. перестали готовить техников по топливу, а в 1961 г. впервые выпустили техников по электрооборудованию и техников по приборному оборудованию и электронной автоматике.

Цикл специального оборудования и вооружения был ликвидирован, а на его базе было создано три других цикла: электрооборудования и вооружения (начальник цикла И.М. Хмельницкий), авиаприборов и кислородного оборудования (П.А. Носков) и электротехнический (В.С. Литвинов). Изучались самолеты Ил-28, МиГ-15, МиГ-17, в начале 1960-х гг. — Як-28, Ту-16, Ан-12. Добавилась новая специализация: техники крылатых ракет. На специализации ФКР (фронтовых крылатых ракет) изучалась первая советская ракета класса «земля-земля» (выполнена на базе самолета МиГ-17, боевая нагрузка — 900 кг).

Общий рост научного уровня преподавания и методического мастерства педагогического состава сопровождался активизацией рационализаторской и изобретательской работы.

Можно выделить несколько причин, обусловивших бурное техническое творчество тех лет.

Во-первых, переход военно-учебного заведения в новое качество связан, естественно, с появлением новых дисциплин, что объективно требовало новых наглядных учебных пособий, эффективных тренажеров.

Во-вторых, увеличилось количество профилей подготовки специалистов. Пришлось не только совершенствовать старые, но и создавать новые лаборатории. Только в 1958–1959 гг. было создано 30 таких лабораторий.

В-третьих, курсанты приступили к изучению новых типов самолетов, кроме того, в 1960 г. в штат училища был введен цикл электрогазовых установок для подготовки техников по эксплуатации и ремонту кислороддобывающих станций.

Таким образом, конец 1950-х гг. ознаменовался мощным подъемом рационализаторской и изобретательской деятельности в училище. За лучшую постановку этой работы среди технических военно-учебных заведений страны в 1960 г. В целях дальнейшего совершенствования качества подготовки офицеров с начала 1960-х гг. началось внедрение в учебный процесс технических средств обучения. Так, в 1964 г. было создано 20 обучающих машин, два класса программного обучения, два кинолектория.

На дальнейшее совершенствование учебного процесса значительное влияние оказал приказ главкома ВВС (№ 51 от 29.04.1963 г.), где указывалось, что практические занятия по общевойсковой и тактической подготовке должны быть максимально приближены к условиям боевой обстановки и проводиться в разное время года и суток с использованием имеющегося штатного вооружения, снаряжения и имитационных средств.

Для решения этой задачи в училище, начиная с 1963 г., ввели недельный лагерный сбор, где курсанты выполняли упражнения по огневой подготовке и практически знакомились с особенностями несения внутренней службы при расположении войск в лагерях.

Таким образом, к началу 1970-х гг. училище представляло собой ритмично, с высоким качеством работающее среднее военное авиационно-техническое учебное заведение, получившее заслуженное признание в стране.

П.П. СТУПИН

ЖЕНЩИНЫ В СОСТАВЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1960–1970-е гг.)

В первые десятилетия после Победы капитальное строительство заняло важное место в отраслях экономики страны, что в Восточной Сибири обуславливалось реализацией ряда крупных экономических программ. Исследовательская литература, касающаяся данных сюжетов, позволяет наглядно проследить процессы численного роста строителей Сибири в целом, ее отдельных регионов в частности, особенностей формирования строительных коллективов (См.: Долголюк А.А. Изменение половозрастной структуры сибирских строителей в 1946–1970-х гг. // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2003. Вып. 1).

Отметим, что возрастание численности строителей четко просматривается с середины 1930-х гг. ввиду действительно значительного строительства в те годы. Изучение половозрастной структуры состава строителей показывает, что в течение длительного времени среди них постоянно возрастало количество женщин. Правда, следует сразу же оговориться о том, что капитальное строительство — специфичная отрасль, требующая прежде всего мужского труда, где удельный вес женщин все же ниже, чем в других отраслях индустрии.

Тем не менее в 1930–1970-х гг. доля женщин в строительных подразделениях Сибири постоянно увеличивалось. На 1 января 1969 г. в Иркутской области женщины-строители составляли 31% от всей численности рабочих этой отрасли, в то время как на 30 сентября — 23% (Долголюк А.А. Указ. соч. С. 228). Если обратиться к данным Всесоюзных переписей населения, то получается следующая картина. Согласно «непризнанной» переписи населения СССР 1937 г. женщин в составе строителей страны было 5,3%. «Законная» перепись 1939 г. показала иной удельный вес женщин — 13, 8% (446 516 чел.). Согласно переписям 1959 и 1970 гг. (данные приводятся по РСФСР) женщин в строительстве было 19,9 и 29,0% соответственно. Последняя советская перепись (1989 г.) показала долю женщин-строителей в РСФСР, равную 22,9%. В Восточной Сибири эти данные несколько разнились — 20,3% (Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 127; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 99; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. Распределение населения СССР и союзных республик по занятиям. М., 1973. С. 24, 170; Распределение населения по занятиям и возрасту по РСФСР. М., 1990).

Учитывая, что в в 40–70-х гг. XX столетия строительные программы касались в первую очередь индустриальных отраслей, имелись довольно существенные различия в численности строительных коллективов на селе и в городе. То же самое относилось и к удельному весу женщин и мужчин в их составе. Думается, что данные табл. 1 демонстрируют сказанное со всей очевидностью. Она составлена на основе данных Всесоюзной переписи населения 1979 г.

Таблица 1

Удельный вес строителей городской и сельской местности Восточной Сибири (по данным Всесоюзной переписи 1979 г.)

Строители	Всего	%	Город	%	Село	%
Всего	255 096	100,0	206 692	100,0	48 404	100,0
Мужчины	194 936	76,4	154 309	74,7	40 627	83,9
Женщины	60 160	23,6	52 383	25,3	7 777	16,1

К сказанному выше следует дать пояснения, характеризующие различия между строительными организациями. Сложилось так, что в районах нового освоения (северные районы) Восточной Сибири в ее строительных подразделениях удельный вес женщин являлся более высоким, чем в расположенных вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Здесь особую роль играла престижность строек Среднего Приангарья, гидротехническое и иное строительство в Красноярском крае, сооружение Байкало-Амурской магистрали. По общественному призыву привлекалось большое число молодежи, и в некоторых ударных комсомольских строительных отрядах доля девушек достигала иногда до 40%, что и влияло на соотношение полового состава в Братскгэсстрое, Ангарстрое и т.д. в сторону большей доли женщин.

Внутри конкретных подразделений также имелись свои различия. Так, в Управлении строительства города Братска в 1968 г. удельный вес женщин среди рабочих составил 56,9, в 1970 г. — 54,6, снизившись к 1974 г. до 49,9% (Центральный архив Братскгэсстроя, ф. 1, оп. 1, д. 1358, л. 155; д. 1660, л. 137; д. 2343, л. 204). Управление было создано в 1962 г. мощностью 80–100 тыс. кв. м полезной жилой площади в год, 15–20 объектов торговли, быта и культуры. Можно в этой связи сказать, что строительство Братска в немалой степени лежало на плечах женщин, а если имелись недостатки и недочеты в оформлении города и качестве его строительства, то причину следует искать в другой плоскости. В целом по Братскгэсстрою в 1970 г. удельный вес женщин среди рабочих равнялся 36,3%.

Известно, что в трудовом законодательстве 1970-х гг. значительное внимание уделялось охране труда женщин с учетом ее особого положения в обществе как женщины-матери. Хозяйственные и профсоюзные органы всех уровней данный вопрос постоянно держали данный вопрос в центре своего внимания. Так, в постановлении Коллегии Министерства промышленного строительства (Минпромстрой) СССР и центрального комитета профсоюза работников строительства и предприятий строительной индустрии «О практике применения законодательства об охране труда женщин на предприятиях и организациях Министерства» от 12 апреля 1975 г. отмечалось, что на большинстве строек требования законодательства, регулировавшего применение труда женщин, в основе своей соблюдаются (ГАРФ, ф. 5475, оп. 33, д. 3313, л. 43). Принимаются меры по дальнейшему облегчению и оздоровлению труда женщин, ограничению применения их труда на тяжелых физических работах и в производстве с вредными условиями, в ночных сменах.

Правда, в таких случаях приходилось больше говорить о недочетах, чем о достижениях. Такова была реальность изучаемого периода.

В 1974 г. Минпромстрой СССР провел научно-практическую конференцию, призванную «расширить» некоторые проблемы жизнедеятельности Министерства. На ней отмечалось, что в Главвостоксибистрое (структурном подразделении Минпромстроя) большое число женщин были занято тяжелым ручным трудом, в том числе доля ручного труда среди маляров-штукатуров равнялась 83,8%.

24 июня 1976 г. Коллегия Министерства и президиум ЦК профсоюза утвердили комплексный план улучшения условий, охраны труда и санитарно-оздоровительных мероприятий на 1976–1980 гг. Согласно им предполагалось полное высвобождение в течение X пятилетки всех женщин от работ с особо вредными условиями труда, тяжелых ручных работ и из ночных смен. Тогда на производстве с повышенным уровнем шума и вибрации на рабочих местах работали 5562 женщины, или 29,5% от всех работающих в этой среде, большой запыленностью и загазованностью воздушной среды 9452, или 30,2%, не соответствующим температурно-влажностным режимом 4115, или 29,8%, тяжелым ручным трудом 15914, или 23,2%, ночными сменами 8732 чел., или 14,1% соответственно (РГАЭ, ф. 31, оп. 1, д. 3180, л. 140).

Согласно плану решили ликвидировать к концу X пятилетки на всех предприятиях производственных вредностей, превышающих санитарные нормы (по запыленности, загазованности, шуму, вибрации, температурно-влажностному режиму и освещенности). Работа была действительно проделана немалая, но намеченное полностью реализовать не удалось.

Такая же картина наблюдалась в Главкрасноярскстрое (подразделение Министерства строительства предприятий тяжелой промышленности (Минтяжстрой) СССР). По переписи 1969 г. общий удельный вес ручного труда составил в нем по малярным и облицовочным работам 95,4% (РГАЭ, ф. 63, оп. 1, д. 1383, л. 55). В организациях, обслуживаемых Красноярским краевым и Хакасским областным комитетами профсоюзов строителей, в 1976 г. на тяжелых и ручных работах трудилось 6919 чел., в т.ч. 2674 женщин, на вредных производствах соответственно 6945 и 1308 (ГАРФ, ф. 5475, оп. 33, д. 3514).

Такое положение считалось, конечно, нетерпимым. Практикой изучаемого времени было проведение смотров-конкурсов по различной тематике, призванных как можно быстрее решить назревшие проблемы. Действительно, в 1977–1978 гг. Минтяжстрой СССР проводил смотр условий труда, быта и отдыха женщин. При подведении итогов отмечалось, что удельный вес женщин, работавших в усло-

виях с соответствующими санитарными нормами, в 1977 г. составил 84,7%, а в 1978 г. — 93,7% (ГАРФ, ф. 5475, оп. 1, д. 3757, л. 17). Положительная динамика наблюдалась по всем составляющим. Число женщин на тяжелых работах с вредными условиями труда с 7,3% в 1977 г. сократилось до 6,3% в 1978 г., а их обеспеченность душевыми и комнатами гигиены с 48,6% до 60,1% и с 40,9% до 49,8% соответственно (Там же, л. 18). И в данном случае положительная динамика не означала решение имевшихся задач, однако интересна сама постановка вопроса и ее воплощение в жизнь.

Одной из бед строительного производства был выход женщин на работу в выходные дни и сверхурочно. Часто это определялось работой женщин в комплексных бригадах, работающих по методу бригадного подряда и стремящихся по своей инициативе досрочно завершить полученное задание.

Но нередко сверхурочные работы производятся не в исключительных случаях, как то допускалось законом, а с целью восполнения необоснованных потерь рабочего времени. Так, в 1974–1975 гг. уровень внутрисменных потерь в целом по Главвостоксибстрою составил 8,25 и 7,37% соответственно, в том числе из-за отсутствия материалов 3,55 и 3,28%. У штукатуров потери рабочего времени в 1975 г. составили 2,7% (ГАИО, ф. 2958, оп. 1, д. 1208, л. 132).

В Минтяжстрое СССР внутрисменные простои рабочих с 10,6 в 1970 г. снизились до 7,8% в 1975 г. (ГАРФ, ф. 5475, оп. 33, д. 3442, л. 8), но и последняя цифра в целом нерадостна. Общие потери рабочего времени из-за целосменных простоев, прогулов, отпусков с разрешения администрации составили по Минтяжстрою в 1975 г. 1 млн человеко/дней, или ежедневно отсутсвовали на работе 4,5 тыс. чел. При наличии таких потерь на стройках применялись сверхурочные работы, объем которых по времени составил в 1975 г. 1,5 млн чел./дн., в раза больше, чем в 1970 г. (ГАРФ, ф. 5475, оп. 33, д. 3442, л. 10). Министерство констатировало, что неоправданно больших размеров сверхурочные работы достигли в Главкрасноярскстрое, что и показывают данные табл. 2.

Таблица 2

Внутрисменные потери рабочего времени в Главкрасноярскстрое в 1970–1975 гг., % ко всему рабочему времени

	1970	1971	1972	1973	1974	1975
Внутрисменные потери	9,7	9,5	8,6	7,7	7,2	6,8
Отсутствие материалов	3,8	3,64	3,6	3,8	3,8	2,8
Орудий труда	0,5	0,8	0,3	–	–	–
Электроэнергии	1,1	1,0	0,2	0,3	0,3	0,5

Окончание табл. 2

	1970	1971	1972	1973	1974	1975
Фронта работ	0,1	0,2	–	0,3	–	0,2
Оргпричины	2,3	1,9	1,2	1,1	1,3	0,8
Случайные причины	0,2	0,3	0,6	–	0,4	0,7
Нарушение трудовой дисциплины	1,7	1,66	2,7	2,2	1,6	1,8

Источники: ГАКК, ф.Р-2291, оп. 1, л. 114; РГАЭ, ф. 63, оп. 1, д. 1756, л. 14; д. 2002, л. 110; д. 2267, л. 78.

В действительности потери являлись большими, поскольку имелись факты сокрытия прогулов. Так, в СУ-10 треста «Красноярскпромстрой» проверка установила число прогулов на 65 чел./дн. больше, чем было указано в отчете треста.

Результатом неудовлетворительной организации труда являлась штурмовщина. Так, в 1969 г. план по генеральному подряду в Главвостоксибстрое за квартал был выполнен на 98,5, за октябрь — 92,1, ноябрь — 95,5, а за декабрь — 110,2% (РГАЭ, ф. 31, оп. 1, д. 650, л. 33).

Пожалуй, в наибольшей степени авралы являлись характерными для жилищного строительства, где, как отмечалось выше, работало значительное число женщин. Они выражались прежде всего в сдаче жилья не равномерно в течение года, а главным образом в его последнем квартале и особенно в декабре, о чем свидетельствует табл. 3, составленная на основе материалов архива Главвостосибстроя.

Таблица 3

Сдача в эксплуатацию полезной жилой площади организациями Главвостоксибстроя в 1971–1975 гг., %

Кварталы	1971	1972	1973	1974	1975
I	13,0	15,0	14,0	14,0	17,0
II	17,0	22,0	19,0	19,0	17,0
III	26,0	16,0	19,0	20,0	19,0
IV	44,0	47,0	48,0	47,0	47,0
Декабрь	–	35,1	44,1	34,8	38,0
Год	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Подобная картина наблюдалась практически во всех строительных подразделениях Восточной Сибири (Главкрасноярскстрой, Красноярскгэсстрой, Братскгэсстрой, Ангарстрой и т.д.). К примеру, в 1971 г. Управление строительства города Братска порадовало горожан 73 320 тыс. кв. м жилья, из них вступили в строй в IV квартале дома площадью 37 239 тыс. кв. м (51,5%), в том числе в декабре — 21 312 (29,5%) (Центральный архив Братскгэсстроя, ф. 1, оп. 1, д. 1818, л. 67).

В репортаже из Тюменской области в 1986 г. журналисты «Правды» В. Кузьмищев, В. Лисин и Г. Овчаренко писали, что ввод жилья, как и в прошлом году, запланирован в основном на конец года. На наших глазах, отмечали корреспонденты, в лихорадочном темпе велись отделочные работы во многих домах с привлечением работников различных организаций (Правда. 1986. 10 дек.). Для многих сверхурочные работы оказывались суровой действительностью.

Недокомплект кадров также играл свою роль. В условиях недостаточной малой механизации требовались значительные контингенты рабочих. Многие из вновь прибывших практически не задерживались на новом месте. Почему такое происходило — тема специального разговора, к тому указанный сюжет совсем не нов для исследователей. В данном случае укажем, что Минтяжстрой СССР в свое время подчеркивал неудовлетворительное выполнение Главкрасноярскстроем постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 января 1968 г. «О мерах по обеспечению капитального строительства кадрами» в части создания стабильных коллективов строителей, особенно в Ачинском, Абаканском и Маклаковском промышленных узлах. Министерство в 1968–1970 гг. по организованным источникам направило в Главкрасноярскстрой 36 тыс. рабочих (РГАЭ, ф. 63, оп. 1, д. 1383, л. 54). Однако, указывало Министерство, Главк не провел необходимой работы по закреплению и воспитанию нового контингента. Вновь прибывшие использовались лишь для восполнения выбывших рабочих. Ослабили и работу по приему местного населения. В 1968 г. принято 11 300, а в 1970 г. только 7100 чел. В тресте «Ачинскалюминстрой» численность кадровых рабочих сократилась на 59% (Там же, л. 55).

Тяжелая работа на строительном производстве требовала повышенного внимания к улучшению санитарно-бытового обслуживания женщин. Но и на этом участке было далеко от необходимых требований. Многие строительные объекты не обеспечивались комплексом помещений для отдыха и приема пищи, умывальниками, душевыми, гардеробными, комнатами личной гигиены женщины. Например, в 1976 г. в Красноярском крае обеспеченность душевыми равнялась 35,3, комнатами гигиены женщин 30,8, помещениями для сушки и обеспылевания спецодежды — 52,0% от санитарных норм (ГАРФ, ф. 5475, оп. 33, д. 3514, л. 109).

На XI-й Красноярской краевой отчетно-выборной конференции профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов 14 декабря 1979 г. отмечалось, что крайне медленно решаются вопросы обеспечения санитарно-бытовыми по-

мещениями сельских строителей. Их обеспеченность комнатами обогрева равнялась 79, душевыми — 18% от потребности (ГАРФ, ф. 5475, оп. 33, д. 3893, л. 29). При этом сам уровень устройства санитарно-бытовых помещений являлся невысоким, поскольку строительные организации вынуждены были приспосабливать под бытовые помещения дома, подлежащие сносу, оборудовать их в строящихся домах. Как правило, заявки на санитарно-бытовые помещения заводского изготовления выполнялись буквально в мизерном количестве или не выполнялись вовсе.

Таким образом, из сказанного следует, что в составе строительных коллективов Восточной Сибири удельный вес женщин колебался в зависимости от задач, решаемых конкретным подразделением строительной отрасли, но каждый раз составлял значительную величину. Женщины трудились на различных участках производства и внесли немалый вклад в индустриальное развитие Восточной Сибири, страны в целом. Несомненно, их вклад был бы большим, если бы в полной мере выполнялись нормы трудового законодательства, относящиеся именно к женщинам.

С.П. СУШ

СТРУКТУРА МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 30–40 гг. XX в.

Основой лагерной системы СССР в 30–40-гг. XX в. являлся лагерный пункт (колония), который рассматривался как самостоятельная производственная единица. Однако в структуре пенитенциарной системы важное место занимали и тюрьмы.

В соответствии приказам № 5 Народного комиссариата юстиции по управлению исправительно-трудовыми учреждениями Бурят-Монгольской АССР от 14 января 1934 г. была установлена следующая функциональная схема работы аппарата ОИТУ:

1. Административно-организационный сектор во главе с Геювичем, он же начальник кадрового сектора. На административно-организационный сектор было возложено исполнение приговоров и постановлений судов в отношении осужденных к лишению свободы, руководство организацией режима в ИТУ, организация строевой подготовки работниками ИТУ, курирование вопросов этапирования, руководство деятельностью наблюдательных комиссий, организация

деятельности пожарной охраны в ИТУ, перспективное и оперативное планирование работы в ИТУ и др.

2. Политико-воспитательный сектор — начальник Борисов. На политико-воспитательный сектор возлагалось организация и руководство политической, культурно-массовой работой среди осужденных и личного состава, планирование работы и затрат на политико-воспитательную работу.

3. Производственно-плановый и сельскохозяйственный сектор под руководством Уланова. На производственно-плановый сектор было возложено руководство промышленными предприятиями ИТУ, организация производства на этих предприятиях, нормирование труда расчет заработной платы. Кроме того, сектор осуществлял организацию реконструкции производственных предприятий ИТУ, руководство и организацию сельскохозяйственного производства в ИТУ, капитальное строительство, организацию всех видов учета и статистики на производстве (кроме бухгалтерской), работу по рационализации производственной деятельности, инспектирование строительных работ, с привлечением в необходимых случаях специалистов.

4. Финансово-отчетный сектор под руководством Шейнина. Сектор занимался разработкой вопросов финансовой политики системы ИТУ, организацией и инструктированием всех ИТУ и их предприятий по вопросам бухгалтерского учета и отчетности. Кроме того, сектор осуществлял перспективное и оперативно-финансовое планирование системы ИТУ, учет пенсионного и др. фондов, нес ответственность за выполнение финансовых планов.

5. Сектор промышленности и сельского хозяйства возглавил Попов.

6. На сектор снабжения и сбыта возлагались обязанности по обеспечению жизнедеятельности колоний, обеспечение оборудование и инвентарем камер тюрем, обеспечение питания заключенных.

7. Руководство секретариатом и особой инспекцией осуществлялся начальником УИТУ Водогреевым. На секретариат возлагалось исполнение поручений начальника УИТУ и его заместителя, оформление приказов, организация справочной работы, архивная работа, выдача служебных удостоверений работникам УИТУ, организация делопроизводства.

Согласно списка сотрудников ОИТК НКВД БМАССР в состав руководства Отдела исправительно-трудовых колоний входили: начальник ОИТК лейтенант государственной безопасности Николай Алексеевич Водогреев, 1901 г.р., член ВКП(б) с 1922 г.; заместитель начальника ОИТК лейтенант государственной безопасности Гурьянов

Алексей Дмитриевич 1904 г.р., член ВКП(б) с 1928 г.; начальник УРО ОИТК Конев Петр Ефимович (специального звания не имел) 1903 г.р.; начальник отдела кадров ОИТК Закаменный (специального звания не имел) 1909 г.р.; начальник финансового отдела Подескуев Михаил Васильевич (специального звания не имел) 1913 г.р.

В 30-е–40-е гг. XX в. система мест лишения свободы в БМАССР включала в себя 10 ИТК, лечебную колонию, рыболовную ИТК и 5 тюрем:

ИТК № 1. Промколония г. Улан-Удэ п. Стеклозавод. Начальник — Иван Александрович Лермо; ИТК № 2. Исправительно-трудовая колония г. Улан-Удэ п. Мелькомбинат. Начальник — Дмитрий Сергеевич Духанин; ИТК № 3. Колония массовых работ п. Закаменск. Начальник — Афанасий Гаврилович Чащин; ИТК № 4. Колония массовых работ п. Кырен. Начальник — Георгий Михайлович Сороковиков; ИТК № 5. Корсаковская рыбопромысловая колония. Начальник — Василий Степанович Соболев (была ликвидирована в 1935 г.); ИТК № 6. Селскохозяйственная колония п. Иволгинск. Начальник — Павел Денисович Провкин; ИТК № 7. Промколония в п. Джида. Начальник — Александр Леонтьевич Калекин; ИТК№ 9. Колония массовых работ п. Селенгинск. Начальник — Василий Сафронович Сониев; ИТК № 10. Сельскохозяйственная колония в п. Мухоршибирь. Начальник — Александр Михайлович Блинов. Лечебная колония. Главный врач — Яковлева Лидия Александровна. Кабанская рыболовная ИТК п. Кабанск. Начальник — Карпенко.

В состав пенитенциарной системы БМАССР в рассматриваемый период входили 5 тюрем в различных районах республики: г. Улан-Удэ, тюрьма № 1; г. Кяхта тюрьма № 2; с. Баргузин тюрьма № 3; п. Кырен тюрьма № 4; п. Богдарин тюрьма № 5.

За тюрьмой № 1 были закреплены Мухоршибирский; Тарбагатайский, Бичурский, Иволгинский. Закаменский, Джидинский, Селенгинский, Северобайкайльский, Кабанский, Заиграевский, Еравнинский и Хоринский районы. (Архив МВД РБ, ф. 63, оп. 1, д. 104, л. 18–25).

Общая тюрьма № 1 представляла собой кирпичное 4-х этажное здание, состоявшее из 6 корпусов: 1 — для осужденных, общих камер 4, одиночных 1; 2 — для лиц, находящихся под следствием; общих камер 6, одиночных 7; 3 — для лиц, находящихся под следствием, общих камер 7, одиночных 7; 4 — для лиц, находящихся под следствием, общих камер 4; 5 — для лиц, находящихся под следствием, одиночных камер 11; 6 — для женщин, общих камер 3, одиночных 11.

К концу 1940-х гг. в главном тюремном корпусе железная кровля пришла в негодность из-за длительного срока эксплуатации (более

60 лет). В общих камерах № 20, 33, 43 и одиночных камерах № 8, 25, 26 стены были постоянно мокрые. Асфальтовые полы имели значительные выбоины и трещины. Печи камер были сложены не в железных футлярах, а значительное их количество имеет топки непосредственно из камер.

Тюрьма № 2 в г. Кяхта имела 1 корпус, в котором размещались камеры общей площадью 981 кв. метр, административные помещения (кабинеты начальника, секретаря, комнаты для следователей, врача, дежурного помощника начальника тюрьмы, оружейной комнаты) общей площадью 132 м^2. Главный корпус тюрьмы № 2 находился в отдельном здании постройки 1902 г. Ранее это был жилой дом, общая площадь корпуса составляла 981 м^2.

Тюрьма № 3 с. Баргузин находилась в здании бывшего кожевенного завода постройки 1895 г. Административный корпус тюрьмы № 3, кухня и складские помещения были построены в 1910 г. и были ранее двумя жилыми домами. Площадь корпуса тюрьмы составляла 335 кв. метра. Другие помещения (баня склад, конюшня) были построены в период с 1930 по 1936 гг.

Тункинская тюрьма № 4 (начальник — Селянин) располагалась в селе Кырен Тункинского аймака Бурят-Монгольской АССР в 120 км от железной дороги им. Молотова. Ближайшая железнодорожная станция Култук или станция Слюдянка. Тюрьма, хозяйственные постройки и жилые дома были расположены в районном центре с. Кырен в 100–200 км от районного аппарата НКВД. Расстояние от г. Улан-Удэ 425 км. Тюрьма № 4 охватывала Тункинский и Окинский районы. В тюрьме также находились заключенные из Закаменского района ст. Застава Пограничной комендатуры и из Монгольской Народной республики из числа нарушителей границы. Тюрьма представляла собой один смешанный корпус, в котором имелись 5 общих камер и 2 одиночные. Тюремный корпус находился в здании бывшего жилого дома постройки 1926 г. Все вспомогательные здания как-то: административный корпус, склад, конюшня вышки постовых были построены в период с 1932 по 1936 гг.

Тюрьма № 5 пос. Богдарин Баунтовского аймака. Общая площадь камер в тюремном корпусе составляла 385,5 м^2. Тюрьма находится в отдельном деревянном здании постройки 1935 г. В 1937 г. к зданию тюрьмы был пристроен административный корпус. Отопление печное, имелась баня для спецконтингента постройки 1936 г. В период с 1940 по 1944 гг. к тюрьме № 5 были пристроены здание овощехранилища, прогулочный дворик площадью 250 квадратных метров.

Таким образом, определяющую функцию мест лишения свободы, такую как изоляция осужденных, исполняли тюрьмы. Наряду с извес-

тной историко-политической преемственностью, такое структурное подразделение пенитенциарной системы как тюрьма выполняла задачи уголовно-политического, экономического, криминологического ряда. Тюремная система БМАССР исполняла возложенные на нее функции законодательством того времени.

Н.А. ТАБОЛЕНКО

ПЕРЕСТРОЙКА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ НА ВОЕННЫЙ ЛАД

(по материалам газеты «Восточно-Сибирская Правда» за 1941 г.)

Исследование региональных аспектов истории российского общества привлекает большое внимание специалистов, поскольку дает возможность внести вклад в изучение советской действительности и в целом служит расширению знаний об истории России XX в. Отдельный интерес представляет изучение образа жизни различных групп населения, особенно в наиболее напряженные периоды российской истории XX в. Одним из таких периодов является Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

В современной социально-антропологической литературе предлагаются разнообразные методики анализа социальной среды, позволяющие, наряду с этнографическими и историческими наблюдениями, получить органичное представление о специфике советского образа жизни в целом. В рамках данной работы анализу подвергнется одна, но довольно обширная категория — городское население Иркутской области и изменение его хозяйственной жизни в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Источниковая база исследования представлена архивными документами и материалами периодической печати. Среди последних необходимо отметить центральное общественно-политическое издание нашего региона — газету «Восточно-Сибирская Правда». Особенности газеты «Восточно-Сибирская Правда» как источника для изучения различных сторон повседневной жизни населения Иркутской области в первые военные месяцы 1941 г. заключаются в том, что материалы этого издания позволяют судить, прежде всего, о перестройке хозяйственной деятельности горожан и жителей села. На страницах газеты в годы войны появилось немало статей, из которых

исследователь может почерпнуть информацию о происходивших в регионе событиях. Конечно, следует учитывать специфику работы с советской прессой, особенно периода «культа личности». Тем не менее, в сочетании с архивными данными, можно выстроить вполне четкую, непротиворечивую картину.

Являясь официальным печатным органом власти, «Восточно-Сибирская Правда» отображала в первую очередь точку зрения советского правительства на события, происходящие в стране и в мире. Поэтому это издание во многом носит пропагандистский характер, и мнения, отличающиеся от официальной точки зрения, на страницах газеты не представлены. Впрочем, такая картина характерна для всей советской прессы указанного периода. В газете публикуются законодательные акты, указы и распоряжения советского правительства и местных органов власти, иная нормативно-правовая информация. В каждом выпуске имеется передовая статья, представляющая собой либо перепечатку из центрального органа советской печати — газеты «Правда», либо статью местного автора, как правило, скрывающегося за псевдонимом либо не указывающего имени. Передовая несет основную общественно-политическую информацию, сообщая советскому населению позицию советского правительства в тех или иных вопросах. Собственно информация местного характера представляет собой различного рода репортажи с предприятий, заводов, учреждений городов и сел Иркутской области, интервью, отчеты о культурной и спортивной жизни, критические заметки. Также в газете присутствует колонка международных новостей.

Большинство местных материалов, опубликованных в газете «Восточно-Сибирская Правда» в первой половине 1941 г. и после начала войны, дают представление о хозяйственной жизни региона.

Позиция, с которой информация доводится до читателей, полностью отражает официально установленную точку зрения партии и правительства. В первые дни войны газета не только сообщает о боевых действиях, но и формирует определенный настрой, который в условиях того времени следует считать обязательным, не подлежащим обсуждению. Речь идет о призывах к населению мобилизовать все возможные трудовые ресурсы и отказаться от материальных благ во имя одной цели — победы над немецко-фашистскими захватчиками. Лозунги, опубликованные в газете в первые дни войны, гласят: «Ежедневное выполнение плана в каждом цехе, каждой бригаде, в каждой смене еще больше укрепляет оборонную мощь родины!», «Высокая организованность, дисциплина, самоотверженность, честный труд советских граждан обеспечит победу над врагом!». Заголовки статей

призывают: «Все, как один, встанем на защиту Родины!», «Ковать победу Красной Армии!», «Честным самоотверженным трудом крепить оборону Родины» и т.п. Здесь же публикуются многочисленные сообщения о митингах и собраниях трудовых коллективов заводов, предприятий, учреждений г. Иркутска и Иркутской области. Эти сообщения показывают, что лозунги фактически носили роль директив, которые сразу же, не дожидаясь выхода каких-либо официальных постановлений, принимались к исполнению. В каждом из таких сообщений с проходивших митингов и собраниях речь шла о новых трудовых обязательствах, о повышении производительности труда и досрочном окончании месячных, полугодовых и годовых заданий во имя достижения скорейшей победы над врагом. Тем самым проводятся в жизнь основные положения партии и правительства, высказанные в передовой статье газеты: «Работать с удвоенной энергией, работать высокопроизводительно, высококачественно, помнить, что труд кузнеца и сталевара, писателя и колхозника, врача и угольщика, ученого и стахановца, труд честный и самоотверженный — лучшая помощь и поддержка Красной Армии, сражающейся с фашистским агрессором. Наше дело правое и победа будет за нами. В условиях военного пожара работа на любом участке приобретает характер работы оборонной, требует твердой государственной дисциплины, организованности и подтянутости. Вот почему сейчас, как никогда, все внимание должно быть обращено на строжайшее соблюдение трудовой дисциплины, на повышение революционной бдительности, на точное выполнение государственных заданий и очередных хозяйственных задач, поставленных партией и правительством. Все наши силы, все наши знания отдадим делу укрепления обороной и экономической мощи нашей Родины» (Восточно-Сибирская Правда. 1941. 24 июня).

Война коренным образом изменила образ жизни советского населения, и об это позволяют судить газетные материалы. Экономика страны перешла на военные рельсы, изменился привычный уклад, появились новые реалии. Этот переход достаточно хорошо фиксируется в прессе второй половины 1941 г. Основной вывод заключается в том, что мобилизация трудовых и материальных ресурсов во имя победы потребовала гигантских усилий со стороны населения. Как городское, так и сельское население перешло на непрерывный цикл производства. Так, в газете опубликована передовая, подчеркивающая значение принятого ровно год назад, 26.06.1940 г., указа «О переходе на 8-часовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». В новых условиях указ приобрел особую силу:

«Каждый гражданин Советского Союза, на каком участке бы он не работал — воин великой армии великого народа, борющегося против подлой фашистской гадины, занесшей свою кровавую лапу на нашу счастливую, свободную родину. Поставим все на службу нашей доблестной армии: четкую работу всей промышленности, мобилизацию всех ее сил, в особенности промышленности, работающей на оборону; четкую и дружную работу транспорта, играющего огромную роль во время войны; дружную, организованную стахановскую работу на колхозных полях и в совхозах; упорный, целеустремленный труд всех ученых страны, инженеров, техников, писателей, работников искусства; настойчивую и столь же целеустремленную учебу в школе; овладение всем населением знанием военного дела, санитарной службы, химической и противовоздушной обороны; строжайшую дисциплину, повышенную производительность труда, повышенную революционную бдительность, готовность к самопожертвованию» (Восточно-Сибирская Правда. 1941. 26 июня).

Эти новые условия были закреплены указом Верховного Совета СССР о режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время, устанавливавшим обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день для всех рабочих и служащих предприятий и учреждений и отменявшим очередные и дополнительные отпуска во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях. Многочисленные митинги и собрания трудовых коллективов предприятий и учреждений всех отраслей в Иркутской области, как сообщается в той же газете, поддержали это решение и обязались приложить максимум усилий для достижения победы над врагом.

Таким образом, материалы местной иркутской прессы позволяют создать определенное представление об образе жизни городского населения Иркутской области в первые месяцы войны. Это население в основной своей массе занято на производстве: рабочие, служащие различных отраслей промышленности. В военный период на него возлагается основная тяжесть по поддержанию обороноспособности государства. Образ жизни всех слоев городского населения Иркутской области тем самым напрямую связан с задачей разгрома агрессора. Поэтому также изменяется быт и иная повседневная деятельность городских жителей области.

Реакция населения на изменения в хозяйственном укладе и образе жизни была вполне адекватна пониманию задачи, возложенной на него в условиях военного времени. Саботирование намеченной правительством программы перестройки экономики на военные рельсы

неизбежно привело бы к развалу и гибели страны и ее населения. В отличие от прочих пропагандистских кампаний советского правительства, например, в ходе показательных процессов над «врагами народа» в 1930-х гг., цели и задачи этой кампании были понятны всем без исключения. Судя по опубликованным в «Восточно-Сибирской Правде» материалам, население Иркутской области успешно включилось в работу по повышению обороноспособности страны, стойко снося все неизбежные тяготы и потрясения.

О.В. ТИЩЕНКО

РАЗВИТИЕ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950–1980-е гг.

На самых первых этапах освоения региона требовалось создание таких проектов народнохозяйственных программ возведения строительных и промышленных комплексов, которые бы обеспечивали увязку вопросов развития производственных сил, внедрения достижений научно-технического прогресса с задачами природоохранной деятельности. Однако приоритет отдавался освоению и наращиванию производственных мощностей. Экологический критерий не стал важнейшим при выборе стратегии и тактики развития строительного комплекса Иркутской области.

Практическая реализация природоохранных мероприятий на предприятиях строительного комплекса области в силу недостаточной активности местных органов управления, инертности мышления ряда руководящих кадров, ведомственного подхода к природопользованию проходила довольно медленно и не давала должного эффекта. Отсутствовала обязательная предварительная экспертиза оценки возможных экономических последствий реализации крупных народнохозяйственных и научно-технических программ.

В период 1950–1960-х гг. учеными проводились исследования по установлению зависимости и выявлению особенностей влияния природно-климатических условий на строительство и функционирование предприятий. Но результаты исследований, зачастую, не использовались на подготовительном этапе строительства, тщательного изучения местных условий будущих промышленных узлов не проводились,

недооценивались последствия принятых решений. Так, например, при создании Братского промышленного узла не учитывались и не сопоставлялись возможные предельные концентрации вредных веществ при различных вариантах размещения предприятий. Результатом этого явилось размещение в городской черте промышленных гигантов лесопромышленного комплекса и алюминиевого завода, которые ежегодно выбрасывали в атмосферу более 170 тыс. т вредных веществ (ГАНИИО, ф. 1727, оп. 19, д. 13, л. 113).

Проектные организации, например, Сибирское отделение ВНИПИЭНЕРГОПРОМ Гипробиосинтез, несмотря на высказанные им замечания, продолжали выдавать проекты технологических установок без достаточно тщательного и полного решения вопросов охраны окружающей среды. В конце 1970-х гг. в Ангарске предпринимались попытки изучения перспективы развития градообразующего фактора — основных промышленных предприятий города с учетом социально-экономических критериев.

Работа по прогнозированию должна была предшествовать периоду активного освоения производственных мощностей, так как его коррекция на начальном этапе более реальна.

Создание на предприятиях отделов по охране природы, специальных лабораторий проходило с опозданием. Так, в Братскгэсстрое подобный отдел был организован только в 1980 г., хотя наиболее масштабная хозяйственная деятельность предприятия приходилась уже на период 1960–1970-х гг.

В местных Советах вплоть до 1980-х гг. не было компетентных специалистов, поэтому серьезных решений они принимать не могли. Права исполкомов местных Советов в плане наказания нарушителей и приостановке деятельности предприятий не были конкретизированы. Кроме того, права местных Советов распространялись только на местную промышленность, а не на предприятия более высокого подчинения. В законодательных актах того времени не было статей, об ответственности (персональной — административной и уголовной) всех должностных лиц на всех стадиях планирования, проектирования, строительства и эксплуатации сооружений, предприятий и прочего. За неграмотное планирование и проектирование (в том числе и в природоохранном отношении) никто ответственности не нес.

Вскрывая и анализируя причины безответственного использования природных ресурсов, было бы не совсем достоверно ссылаться только лишь на превалирование ведомственных интересов над общественными. Определенная доля ответственности лежала и на местных партийных органах. Анализ их деятельности в области ох-

раны природы и рациональному использованию ее ресурсов говорит о запоздалой постановке этих вопросов перед общественным мнением и практикой, несвоевременным принятием решений о предотвращении расточительного природопользования и загрязнения окружающей среды. Деятельность трудовых коллективов предприятий и организаций строительного комплекса не была отмечена конкретными мероприятиями системной природоохранной работы. Проблема материальных и финансовых ресурсов, необходимых для решения экологических задач существенно затрудняло реализацию запланированных мероприятий.

Таким же ярким примером нарушения экологического баланса может стать бесхозяйственная деятельность строителей БАМ, в первую очередь, по отношению к лесным массивам. Например, после вырубки леса для настила и прохода там тракторов нарушался верхний слой почвы, образовывались болота, и дальнейшая судьба этих участков была незавидной. Вопрос о сооружении насыпи без настила решался очень медленно. Известны случаи, когда участок вырубали под поселок, а местоположение поселка менялось. Параллельно разрушались берега рек. Ломались техникой водоохранные насаждения, так как эти районы были расположены ближе, чем карьеры. Все это говорило об отсутствии единства в действиях хозяйственных и местных органов власти.

Ассигнования, выделяемые на строительство очистных сооружений, из года в год оставались неосвоенными, планы строительства не выполнялись. Причина такого положения — недостаточное внимание к строительству экологических объектов со стороны руководителей промышленных предприятий и вышестоящих организаций, прочно утвердившийся в мышлении и на практике остаточный принцип развития социальной структуры. Строительство очистных сооружений в городе Братске в 1974 г. так же сопровождалось рядом трудностей: необеспеченность необходимым технологическим оборудованием и материалами, неукомплектованность необходимым количеством рабочих. При годовом плане 2100 тыс. р. за полугодие освоено всего 374 тыс. р. (18%). (ГАНИИО, ф. 3018, оп. 1, д. 567, л. 1, 2). Имелись факты приема объектов в эксплуатацию с большими недоделками, в результате мощности годами не эксплуатировались.

Таким образом, реализация народнохозяйственных программ создания строительного комплекса области оказали серьезное влияние на природную среду Восточной Сибири, чрезмерная концентрация промышленного потенциала на отдельных территориях привела к обострению экологической ситуации с отрицательными последствиями, в

основном, для жизнедеятельности человека. В конце 1980-х–начале 1990-х гг. были заложены некоторые политические, организационные и методологические основы для развития серьезной законодательной работы в деле рационального природопользования.

Ю.А. ФОМИНА

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РАЙОНАХ УСТЬ-ОРДЫНСКОГО БУРЯТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В 1939–1945 гг.

Создание и развитие местной промышленности Усть-Ордынского бурятского национального округа в довоенный период проходило на фоне формирования новых органов власти и изменения административно-территориального состава округа. Округ был образован в конце 1937 г. в составе трех аймаков — Эхирит-Булагатского, Боханского и Аларского. В 1938 г. из Аларского аймака был выделен Нукутский аймак. По постановлению Президиума Верховного Совета РСФСР в апреле 1941 г. из девяти сельсоветов Эхирит-Булагатского аймака был организован Баяндаевский аймак (История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Отв. ред. Л.М. Дамешек. М.: Прогресс, 1995. С. 447). Следовательно, к началу Великой Отечественной войны в округ входило пять аймаков.

Во всех районах округа преобладало сельское хозяйство и животноводство. Местная промышленность находилась в зачаточном состоянии и была представлена небольшими производствами. Окружной отдел местной промышленности (Окрместпром) был создан вскоре после образования округа. Руководство осуществлялось непосредственно через Аймачные отделы местной промышленности. В 1939 г. в ведении окружного отдела было всего несколько предприятий. Из четырех аймаков только в Эхирит-Булагатском начала развиваться местная промышленность. К местной пищевой промышленности относился единственный в округе пищекомбинат. Действовало два производства — кирпичное и известковое. Кирпичный завод в Усть-Орде был организован в 1938 г. и в 1939 г. находился еще в состоянии строительства. Известковое производство производилось кустарным способом и нуждалось в дополнительных капиталовложениях. В то же время район остро нуждался в стройматериалах и

топливе в связи со строительством в Усть-Орде окружного центра (ГАНИИО, ф. 447, оп. 1, д. 231, л. 1, 3).

Все кооперативные предприятия, находящиеся на территории округа подчинялись Иркутскому областному промысловому совету. Имеющиеся артели, были размещены неравномерно. Так, Нукутский аймак, не имел кооперативных предприятий. В Аларском аймаке действовало три промысловые артели. В Боханском аймаке, единственная артель имела сапожный цех и пошивочную мастерскую. В Эхирит-Булагатском аймаке, имелось также три артели, а первым кооперативным предприятием была артель «Сельский кустарь», переехавшая из Иркутского района в 1939 г. (Там же, оп. 1, д. 110, л. 12).

Оставались практически неиспользованными местные недефицитные ресурсы. Вместе с тем, районы округа были богаты лесом, имели залежи каменного угля, глины, песка, извести, других полезных ископаемых. Первого июня 1939 г. был издан приказ по государственному банку СССР «О кредитовании не предусмотренных планом затрат на организацию новых производств местной промышленности и промкооперации». Появилась возможность брать безлимитную ссуду предприятиям и артелям. Кроме того, в ведение организуемых предприятий могли передаваться пустующие помещения, например, бывшие церкви (Там же, л. 12, 13). Все это должно было способствовать развитию местной промышленности. В соответствии с решениями XVII съезда партии о максимальном использовании местных сырьевых ресурсов и сокращении дальних перевозок, окружной отдел местной промышленности ставил задачи на 1940 г. Планировалось пустить в действие восемь предприятий, в том числе три известковых и два кирпичных завода. Однако местная промышленность продолжала оставаться самой отсталой отраслью в народном хозяйстве округа. Эхирит-Булагатский райлесзаг объяснял невыполнение заданий по организации производств отсутствием средств, однако банковская ссуда не была использована. Ссуда не была получена вовсе в 1940 г. Нукутским, Боханским, Аларским аймаками. Действующие предприятия продолжали производить недоброкачественную и дорогую продукцию. Например, стоимость одной тыс. штук кирпича на Усть-Ордынском кирпичном заводе была 208 р., вместо 140 р. по плану. Объем продукции производимой районной и кооперативной промышленностью был незначительным и занимал в товарообороте округа всего 5,6%. Окружной совет депутатов трудящихся признал работу по развитию местной промышленности в округе неудовлетворительной, на что было указано председателям исполкомов (Там же, ф. 127, оп. 1, д. 357, л. 19, 20).

Большое влияние на планирование работы местной промышленности оказало постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 9 января 1941 г. «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления». Вскоре был проведен четвертый пленум Иркутского обкома ВКП(б). Реализуя эти постановления, в первом квартале 1941 г. было организовано две промартели, в Нукутском и Боханском аймаках. В 1941 г. было намечено на территории округа строительство кирпичных, алебастровых, лесопильных и известковых заводов. Также планировалось возведение пищекомбината и шахты в Усть-Орде (Там же, ф. 447, оп. 1, д. 231, л. 9–11, 27). Однако новые производства организовывались крайне медленно. Ряд руководящих работников в округе были сняты с работы за плохое руководство местной промышленностью (Там же, ф. 127, оп. 17, д. 357, л. 81, 82). Решением исполкома окружного совета 26 февраля 1941 г. предприятия местной промышленности были переданы из окружного подчинения в ведение Эхирит-Булагатского аймисполкома (Там же, оп. 1, д. 357, л. 26).

Таким образом, в предвоенный период округ находился еще в периоде организации. Местная промышленность была не развита, экономические методы хозяйствования почти не использовались. Мало учитывались также национальный колорит и специфичное административно-территориальное устройство. Население округа испытывало острую нужду в товарах первой необходимости.

Начавшаяся война не позволила окончательно оформиться местной промышленности. В годы войны вопрос о развитии местных отраслей встал особенно остро. Уже в начале июля 1941 г. было принято решение организовать в округе артели инвалидов, другие местные предприятия. Однако основное внимание было направлено на решение вопросов непосредственно связанных с войной. План 1941 г. местная промышленность не выполнила, потребности населения в товарах широкого потребления оставались неудовлетворенными (История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. С. 484).

Вскоре после решения XI пленума Иркутского Обкома ВКП(б) в округе были организованы две артели: артель «Стахановец» в Баяндаевском аймаке и артель кооперации инвалидов «Наша Родина» в Эхирит-Булагатском аймаке. В течение двух месяцев были открыты три кузнецы, шорная мастерская, обозо-ремонтная мастерская, производство обжига извести. В июле 1943 г. была открыта в Аларском аймаке угольная шахта. После пленума на каждом заседании бюро Окружкома ВКП(б) и исполнительного комитета окружного совета обсуждались вопросы о работе, как отдельных предприятий,

так и по районам или отдельным вопросам. По всем выносимым вопросам были приняты конкретные решения (ГАНИИО, ф. 447, оп. 5, д. 84, л. 7–9).

В 1943 г. в Аларском аймаке действовало шесть предприятий, в том числе четыре артели. Нукутский, Боханский и Эхирит-Булагатский аймаки имели по три предприятия местной промышленности. В Баяндаевском районе было только одно предприятие. К этому времени во всех аймаках работали пищекомбинаты (Там же, оп. 4, д. 9, л. 10). В Нукутском и Эхирит-Булагатском районах — промкомбинаты. Нукутский комбинат был открыт в марте 1943 г., но его работа не была налажена еще несколько месяцев. Тяжелым было финансовое состояние и Эхтрит–Булагатского промкомбината, вследствие невыполнения плана и других причин (Там же, л. 11). К концу 1943 г. в округе имелось девять артелей промкооперации, пять пищекомбинатов, относящихся к местной пищевой промышленности. К местной промышленности относились райпромкомбинаты и Аларский кожзавод. Топливная промышленность была представлена тремя лесзагами и одной угольной шахтой. Была положительная динамика и в выполнении плана местными отраслями округа.

Таблица 1

Выполнение плана выпуска валовой продукции предприятиями местной промышленности Усть-Ордынского национального округа, тыс. р. (1940–1943 гг.)

Наименование отраслей	1940 г.		1941 г.		1942 г.		1943 г.	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Местная промышленность	26,0	8,4	36,6	11,5	30,0	18,6	60,0	97,7
Местная пищевая промышленность	82,4	54,0	283,4	257,6	372,4	364,3	253,6	310,7
Промкооперация	1 319,1	1 159,1	1 859,0	1 928,1	2 260,6	1 803,8	2 411,3	2 598,1
Местная топливная промышленность	–	–	68,8	32,9	319,3	93,2	209,2	124,3
Итого	1 427,5	1 221,5	2 247,8	2 230,1	2 982,3	2 279,9	2 934,1	3 130,8

Подсчитано по: ГАНИИО, ф. 447, оп. 5, д. 84, л. 13.

Таким образом, в 1940 г. план промкомбинатами и кожзаводом, был выполнен на 32,3%, в 1941 г. — на 31,4%, в 1943 г. — уже на 162%. Пищекомбинаты перевыполнили план только в 1943 г. (122,5%), в 1940 г. выполнение было 65,4%, в 1941 г. — 90,8%, в 1942 г. — 97,8%. Промкооперация несколько перевыполнила план в 1941г. и 1943 г., а в 1940 г. (87,5%) и 1942 г. (79,8%) недовыполнила. Топливная про-

мышленность, созданная только в 1941 г., постоянно не выполняла план: в 1941 г. — 47,8%, в 1942 г. — 29,2%, в 1943 г. — 59,4%. Отчасти невыполнение плана отраслями местного подчинения объяснялось тем, что план спускался и Облпланом и Облместпромом. Как правило, эти планы существенно различались.

В сложных условиях военного времени административно-территориальный состав округа продолжал меняться. В феврале 1944 г. из Боханского аймака был выделен Осинский аймак. Аймаком, как и Баяндаевским, руководили чрезвычайные органы, состав которых постоянно менялся. Местная промышленность в районе была развита очень слабо. Действовала единственная артель «Стахановец» (Там же, ф. 127, оп. 17, д. 326, л. 12). Созданный аймак остро нуждался в таких строительных материалах как кирпич, известь, пиломатериал, алебастр и др. Существовали возможности для развития местных производств. Так, имелось месторождение камня, пригодного для производства мельничных жерновов (Там же, ф. 447, оп. 5, д. 84, л. 20, 20 об, 28).

В 1944 г. в шести районах округа было 20 предприятий пищевой, легкой, местной и кооперативной промышленности. В Эхирит-Булагатском районе теперь действовали пять местных предприятий, в Боханском — четыре, в Баяндаевском — два предприятия. Количество предприятий осталось прежним в Аларском и Нукутском районах (Там же, ф. 127, оп. 17, д. 326, л. 11, 12, 15).

Таблица 2

Количество предприятий местной промышленности по Усть-Ордынскому бурятскому национальному округу (1939–1944 гг.)

Наименование	1939 г.	1941 г.	1943 г.	1944 г.
Пищекомбинатов	1	1	5	5
Промкомбинатов	–	–	2	2
Промартелей	4	7	9	12
Кожзаводов	–	–	1	1
Итого	5	8	17	20

Подсчитано по: ГАНИИО, ф. 447, оп. 1, д. 231, л. 1, 3; оп. 4, д. 9, л. 2; ф. 127, оп. 17, д. 326, л. 10–12.

Таким образом, только в 1943 г. по сравнению с 1941 г. вновь открыто и пущено в эксплуатацию девять предприятий местной промышленности и промкооперации.

Во время войны продолжался процесс формирования административно-территориальной структуры и системы управления национального округа. Несмотря на нерешенность многих вопросов,

отсутствие опыта, наблюдался поступательный рост местной промышленности в округе.

Д.Б. ХУДАКОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО ИМУЩЕСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Победа большевиков в 1917 г. положила начало формированию новых общественных отношений, что отразилось на всех сторонах ее политической и экономической жизни в т.ч. и на страховом деле. Национализация банков и страховых компаний рассматривалась большевиками, как одно из первоочередных мероприятий, направленных на ликвидацию экономической власти буржуазии и на овладение командными высотами в экономике.

В результате красногвардейской атаки на капитал страховые компании лишились одной из важнейших форм размещения активов в государственные ценные бумаги, на чем основывалось страхование жизни. А в марте 1918 г. был введен государственный контроль над всеми видами имущественного страхования, что означало вмешательство правительства в области страхования коммерческого типа. Введение государственного контроля рассматривалось в качестве первого, временного и переходного этапа на пути к последующей национализации, и было вызвано объективно сложившимися обстоятельствами. Несмотря на то, что Совнарком признал несвоевременной национализацию страховых обществ, на местах наблюдались захваты и реквизиции страховых учреждений и контор филиальной сети. В связи с ликвидацией в феврале 1918 г. земств, земское страхование и городские общества взаимного страхования передавались в ведение страховых органов исполкомов местных Советов и совнархозов. Новая организационная форма страхового дела получила название системы «советско-народного страхования».

В ноябре 1918 г. страхование во всех его видах и формах объявлялось госмонополией. Принятие этого решения позволило большевикам решить в области страхования две важные задачи: проведение страховых операций стало правом Советского государства; все материальные ценности, постройки, денежные средства, принадлежавшие как русским, так и иностранным капиталистам, были превращены в государственную собственность. Исключение было сделано

только для только кооперативных организаций, которым предоставлялось право взаимного страхования их движимости и товаров, все же недвижимое имущество подлежало страхованию в пожарно-страховом отделе ВСНХ.

Однако реалии гражданской войны и политика военного коммунизма ликвидировали экономический фундамент страхования и в декабре 1920 г. декретом Совнаркома было полностью отменено государственное имущественное страхование и вместо него установлена бесплатная государственная помощь натурой трудовым хозяйствам, пострадавшим от стихийных бедствий. Осуществление помощи при стихийных бедствиях могло оказываться в виде строительного леса, семян, кормов, инвентаря; в форме безвозмездного производства государством для надобностей пострадавших хозяйств строительных и других работ, а в исключительных случаях — деньгами.

Окончание Гражданской войны создало условия для восстановления народного хозяйства. Политика «военного коммунизма» вступила в противоречие с экономическими реалиями и была признана ошибочной. На смену ей в марте 1921 г. пришел НЭП. Декретом от 6 октября 1921 г. началось восстановление отечественного страхования. Построение советской системы страхования после перехода к нэпу нельзя рассматривать как простое ее восстановление. Страхованию были приданы совершенно новые функции, вытекавшие из классовой природы советского государства. Перед страхованием ставилась задача — содействовать строительству социализма, оберегать результаты труда трудящихся от последствий разного рода стихийных бедствий и несчастных случаев.

Декрет предусматривал создание государственного добровольного имущественного страхования. Переход к обязательному имущественному страхованию предполагалось осуществить лишь после укрепления аппарата органов государственного страхования. Успешная практика сельхозстрахования подвигла большевиков на введение в марте 1922 г. государственного обязательного окладного страхования. Оно преследовало цель минимально защитить имущество населения при неблагоприятных социальных и природных обстоятельствах. В 1922 г. обязательное страхование сельских строений от огня проводилось в 53 губерниях, т.е. уже в первом году действия оно превосходило по числу губерний страховое поле земского обязательного страхования. В 1924–1925 операционный год им были охвачены 83 губернии, т.е. почти вся территория СССР, тогда как в дореволюционной России существовали огромные «страховые пустыни», в которых почти отсутствовало страховое обеспечение крестьянского населения.

В 1922 г. введено дополнительное страхование. Оно примыкало по своей организации, с одной стороны, к окладному, а с другой — к добровольному, так как уплата страховых платежей зависела от желания самих страхователей. Кроме дополнительного страхования, крестьянские постройки достраховывались в сверхокладном порядке по правилам добровольного страхования. В результате проведения денежной реформы 1922–1924 гг. в обороте появилась твердая валюта — червонец, заменившая обесцененные совзнаки. Это позволило удешевить страхование путем понижения тарифов и одновременно повысить роль рубля в компенсации за ущерб (Зуляр Ю.А., Худаков Д.Б. История сельскохозяйственного освоения и страхования агропромышленного производства Байкальской Сибири в XX столетии. Иркутск, 2005. С. 571–573).

К формированию губернского управления Госстраха в Иркутске приступили в конце 1921 г. В этом процессе активно участвовали партийные и советские органы, при этом они старались обеспечить принцип партийного руководства профессионалами, привлекая дореволюционных специалистов. Работа продвигалась с трудом, так как последних было немного, а зарплаты — низкими. Тем не менее, управление было сформировано добротно и в срок. Первым управляющим Иркутского губернского управления Госстраха РСФСР стал З.А. Шастин, его заместителем был назначен Н.Г. Колчин.

Всего по штату в нем числилось 26 сотрудников. Старшим бухгалтером был назначен М.П. Бугоевский. Операционный отдел возглавил Я.А. Грабовский, отдел страхования посевов — В.К. Антоневич, секретарем Общего отдела стал В.И. Евдокимчик. Должность статиста-счетчика занял З.А. Кацов, а журналиста — М.И. Оношко и т.д. (ГАИО. Ф.Р-834. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–16).

Государственное имущественное страхование в Иркутской губернии ведет отсчет с введения 1 января 1922 г. операций по добровольному и обязательному и окладному страхованию движимого и недвижимого имущества и товаров от огня. С 1 августа 1922 г. установлено обязательное окладное страхование строений. И, наконец, государственное обязательное страхование сельхозпосевов от градобития в губернии было введено с 1 мая 1923 г.

В 1923/24 оп/г. норма обеспечения по страхованию сельхозпосевов от градобития равнялась 10 р. на дес., но в дальнейшем ответственность Госстраха была повышена на 1 р., без добавления страховых платежей.

С развитием системы имущественного страхования государство повышало нормы обеспечения обязательного окладного страхования

сельской местности. Работа в сельской местности была для органов Госстраха наиболее трудоемкой и затратной, но именно там находился его основной клиент. Динамика норм обеспечения сельского окладного страхования показана в табл.

Нормы обеспечения по обязательному окладному страхованию в сельской местности Иркутской губернии, черв. р.

Виды страхования	1922	1923	1924	1924/25 бюджетный год
Средний двор от огня	15	40	89	100
Одна десятина хлеба	–	5	10	12
Одна десятина посева	–	5	10	12

Составлено по: ГАИО. Ф.Р-834. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

Данные табл. свидетельствуют, что в 1922–1925 гг. в сельской местности Иркутской губ. происходил постоянный рост норм обеспечения имущественного страхования. Так, норма пожарного страхования увеличилась в 6,7 раза, а страхования посевов и собранного зерна в 1923–1925 гг. — в 2,4 раза.

В 1923/24 оп/г. было застраховано 222,9 тыс. дес. посевов зерновых культур. Страховая сумма была определена в 2259 тыс. р. Тарифы (платежи) были установлены в размере 2,2 р. со 100 р. обеспечения или 22 к. за дес. Исходя из этого был определен оклад (страховые платежи) — 49,7 тыс. р. Поступило оклада принципиально меньше — 33,1 тыс. р. Разница сумм произошла в результате 10% скидки беднейшим хозяйствам (4969,1 р.). Недоимки к окладу составили 12%. Осталось недоимки от предыдущих лет на 1.10.1924 г. — 61,8 тыс. р.

В 1923/24 оп/г. бюджетном году в пределах Иркутской губернии наблюдалось небывалое градобитие. Было выбито градом 6836 дес. В результате выплаты страховой премии гражданами было получено 45,0 тыс. р. Сумма выданного вознаграждения составила к фактическим поступлениям 116,6%. Вознаграждения к действительному окладу за исключением 10% льгот составили 99,6% (ГАИО. Ф.Р-834. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 7, 8).

Страховые платежи за страхование посевов от градобития взыскивались одновременно с платежами по огневому сельскому страхованию и потеряли за счет инфляции 5,4 тыс. р. или 14,4% общего поступления. Общие потери из-за инфляции по огневому сельскому страхованию и посевам составили — 12,4% общего поступления платежей (ГАИО. Ф.Р-834. Оп. 1. Д. 1. Л. 9).

На 1924/25 о/г. были утверждены и введены на территории Иркутской губернии обязательное окладное страхование строений от огня в сельской местности, крупного рогатого скота в городах и повсеместно

лошадей. Страховая норма была установлена в размере 12 р. на 1 дес. посева, 20 р. — для крупного рогатого скота и 25 р. — для лошади.

Страховые платежи с населения были установлены в размере 13,2 к. за 1 дес. посева, 67 к. — за голову одного КРС и 1,5 р. — за взрослую лошадь (Там же. Л. 13–15).

Благодаря работе, проделанной губернским управлением Госстраха, советскими и партийными органами, в Иркутской губернии впервые в ее истории была создана эффективно действующая система имущественного страхования.

О.О. ЧЕРНЕНКО

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (1945–1960-е гг.)

Села Иркутской области после войны продолжали электрифицироваться собственными, небольшой мощности тепловыми, дизельными и локомобильными электростанциями, как и в длительный довоенный период. Поэтому главной целью послевоенного периода восстановления сельского хозяйства нашей области было подключение сельскохозяйственных потребителей к государственным электросетям, гарантирующим надежность электроснабжения и поставляющим электроэнергию по более низкой цене. Однако идти к этой цели пришлось долго. Основной причиной этого явилось то, что Иркутская область, как и вся зона Восточной Сибири, отличается значительной неоднородностью условий электроснабжения, и в этом отношении представляет картину, значительно более разобщенную, чем большинство районов средней и степной полосы в Европейской части страны. Поэтому вопросы выбора источников электроснабжения сельских районов здесь требовали специального подхода (Немчинов И. Перспективы электрификации сельского хозяйства Иркутской области. Иркутск, 1958. С. 3). Выбором этого подхода занималась Иркутская контора «Сельэлектро», организованная в 1945 г. и Иркутский облисполком.

В то же время «Сельэлектро» и облисполком продолжали рассматривать вопрос о ходе строительства малых ГЭС, например, таких как Голуметской, Икейской, Усть-Удинской и других. Дело в том, что после войны село как никогда нуждалось в удовлетворении неотложных потребностей, это и вызывало необходимость создания временных источников электроснабжения. В последующем они должны

были быть присоединены к государственным электросетям, что со временем и произошло. Возведение же сельских ГЭС было выгодно тем, что занимало гораздо меньше времени. Например, сравним: для мелких станций, обслуживающих в основном отдельных потребителей (ремонтную мастерскую, ферму, хозяйственный центр), срок от начала строительства до освоения расчетной нагрузки не превышал 5-6 месяцев; для районных и межрайонных местных электростанций, обслуживающих распределенную нагрузку через разветвленную высоковольтную сеть, этот срок возрастал до 4–5 лет (Захарин А. Вопросы развития энергетики и электрификации сельских районов Восточной Сибири. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1958. С. 7).

Бытует мнение, что сельские ГЭС давали дорогую и некачественную электроэнергию. Отчасти с этим можно согласиться, но исключать роль создания уже этой энергетической базы на селе нельзя, поскольку она позволила повысить производительность труда по сравнению с ручным трудом более чем в 10 раз. Каждый киловатт энергетической мощности используемой в сельском хозяйстве, высвобождал более семи работников, занятых физическим трудом (Немчинов И. Перспективы электрификации сельского хозяйства Иркутской области. Иркутск, 1958. С. 3–4). Электрическая энергия использовалась не только для освещения жилых домов, но и для механизации трудоемких процессов животноводства и полеводства (Алексеев В. Электрификация Сибири. Новосибирск, 1976. Т. II. С. 143).

Задача подключения сельскохозяйственных потребителей к государственным электросетям стала реальной с созданием Иркутской энергосистемы. В 1952 г. была создана контора «Сельэнерго» взамен «Сельэлектро». На момент вхождения «Сельэнерго» в Иркутскую энергосистему ему подчинились хозрасчетные предприятия: Иркутский, Заларинский, Тулунский районы электрических сетей (РЭС), Тагнинская и Полежаевская гидроэлектростанции (Душкина Т. ВЭС: плюс электрификация села // Сибирский энергетик. 2003. 30 октября. С. 5).

Электроснабжение сельского хозяйства Иркутской области в 1950-е гг. осуществилось в основном за счет промышленных источников энергии. Все сельскохозяйственные потребители, расположенные вдоль железнодорожной магистрали Москва–Владивосток, подключались к тяговым и тепловым промышленным электростанциям с последующим переключением к опорным пунктам. Сельскохозяйственные потребители, расположенные на северо-востоке и на востоке нашей области, подключались к промышленным подстанциям, расположенным в городах Усолье-Сибирском, Ангарске,

Иркутске. Колхозы, расположенные на значительном расстоянии от промышленных источников электроэнергии, продолжали электрифицироваться собственными электростанциями (Немчинов И. Перспективы электрификации сельского хозяйства Иркутской области. Иркутск, 1958. С. 6).

Для того чтобы электрифицировать все колхозы и совхозы области необходимо было строительство ЛЭП, что стало возможным после 1956 г., когда было принято Постановление Совнаркома СССР «О подключении сельских потребителей к энергосистеме области». В результате до 1960 г. были введены в эксплуатацию линии электропередач: Ангарск–Жилкино, Черемховская ЦЭС–Забитуй–Кутулик–шахта «Владимир»–Залари (Мосин В. Опоры ЛЭП шагают по Сибири // Ленинский путь. 1968. 27 декабря. С. 2).

По данным Сельэнерго в 1960 г. 58% отпущенной колхозам электроэнергии использовалось на производственные нужды. Очистка и сушка зерна была электрифицирована на 94% в колхозах и на 73% в совхозах, стрижка овец соответственно на 33 и 71%. Потребление электроэнергии на одного сельского жителя составило 165 кВт часов в год, тогда как в предшествующий период из-за незначительности использования электрической энергии в деревне этот показатель трудно было рассчитать (Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Новосибирск. 1976. Т. II. С. 146).

В 1960-е гг. усиливаются требования к электроснабжению сельхозпредприятий не допустить срыва доек, посевной и уборочной компаний. Плановые отключения во всех случаях можно было допускать не более чем на 3,5 часа, при этом — отключения не должны были приходиться на часы работы электрифицированных доильных установок. Если перебои в электроснабжении были по вине энергосистем, они обязаны были платить штраф хозяйствам в восьмикратном размере стоимости недоотпущенной на производственные нужды электрической энергии (Оболенский Н., Мухортов В. Электроэнергия — народное богатство // Вост.-Сиб. правда. 1965. 16 сентября. С. 3).

Установленный на 1964 г. план строительно-монтажных работ по сельской электрификации был выполнен на 110%, в том числе по строительству линий электропередач на 117%. Однако имели место факты недоброкачественного выполнения строительно-монтажных работ по высоковольтным линиям электропередачи (ЛЭП-35кв Делюр-Тагна, ЛЭП-110кв от Мингатуйской подстанции) (Андриянов Г. В мороз зимой и в летний зной — мы на посту // Сибирский энергетик. 2004. 17 июня. С. 5).

По состоянию на 1 января 1965 г. в области были электрифицированы все совхозы и 156 колхозов из 188. Но вместе с тем были выявлены существенные недостатки: 16 совхозов (Кобляковский, Ангинский, Первомайский, Усть-Удинский, Кутуликский и другие) и значительная часть колхозов не располагало еще достаточной сетью линий электропередачи. Значительная часть хозяйства продолжала обеспечиваться электроэнергией за счет маломощных местных дизельных электростанций, что снижало эффективность применения электроэнергии в сельскохозяйственном производстве, и потребность в ней здесь удовлетворялась далеко не полностью (ГАИО, ф.р-2918, оп. 1, ед.хр. 677, л. 5).

Недопустимо медленно решался вопрос с проектированием и строительством высоковольтных линий электропередачи для совхозов и колхозов Братского и Усть-Илимского районов. В виду этих обстоятельств Облисполкомом Совета депутатов трудящихся была разработана программа, в соответствии с которой был утвержден план капитальных вложений по сельской электрификации на 1965 г. в объеме 4405,5 тыс. р. Эти денежные средства шли на обеспечение строящихся объектов оборудованием и на финансирование строительно-монтажных работ, организацией которых занимался трест «Востоксибэлектросетьстрой». Кроме того, все объекты строительства электроэнергии сельского хозяйства своевременнее стали обеспечиваться проектно-сметной документацией, что сказалось на повышении эффективности электрификации сельского хозяйства в комплексе (Там же, ед.хр. 677, л. 6).

Сооружением сельских линий электропередачи хозяйств Братского района стал заниматься коллектив управления строительства и монтажа сетей и подстанций Братскгэсстроя. В трудных таежных условиях построено свыше 920 км сельских линий и более 90 подстанций, к государственной сети подключены десятки населенных пунктов. Коллектив Братскгэсстроя досрочно осуществил большую программу капитального строительства в совхозах и колхозах Братского, Тулунского и Куйтунского районов. За вторую половину 1960-х гг. здесь сдано в эксплуатацию свыше 60 животноводческих помещений, 16 овощехранилищ, 4 зерносклада, около шести тысяч квадратных метров жилой площади (Энергию Братска — таежным селам // Красная звезда. 1970. 24 июля. С. 4).

Таким образом, в темпах и методах электрификации сельского хозяйства Иркутской области в рассматриваемый период произошел коренной перелом, который был связан с использованием электроэнергии государственных электростанций и активным внедрением ее

в сельскохозяйственное производство. Однако эти процессы тормозились сложностью налаживания централизованного электроснабжения из-за большой территории Иркутской области, поэтому оставалось еще много нерешенных проблем в области электрификации сельского хозяйства, отголоски которых имеют место и в настоящее время.

Т.В. ШАЛАК

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АЛЮМИНИЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Процесс освоения производственных мощностей на алюминиевых заводах Восточной Сибири обусловил необходимость решения в кратчайшие сроки проблемы квалифицированных кадров. Насколько остро стояла эта проблема, можно проиллюстрировать на примере Иркутского алюминиевого завода, — первенца алюминиевой отрасли в регионе. Текучесть рабочей силы по предприятию была очень высокой. Если за 1960–1962 г. было принято 2917 чел., а уволились 603, то есть 20,6% от количества принятых, или каждый пятый, то в последующие три года ситуация обострилась. В период с 1963 г. по 1965 г. на завод принято 4559 чел., а уволилось 2691, или 59% от количества принятых. Всего же по заводу на 1 января 1965 г. числилось 3601 чел. Следовательно, в течение года уволилась почти треть рабочей силы.

Большая часть рабочих увольнялась из-за отсутствия жилья. В то же время анализ этой проблемы показывает, что на предприятиях алюминиевой отрасли в силу специфики производства большое значение для закрепления кадров имели условия труда. Как следует из отчетов заводов по проблеме кадров, причиной увольнения нередко являлось необеспеченность спецодеждой, а также явное нарушение, либо несоответствие запускаемых производств требованиям промышленной санитарии (ААШ, ф. 22, оп. 1, д. 60, л. 74, 130–132). Работа в этой области рассматривалась как важное условие, способствующее закреплению кадров на предприятиях.

Поскольку условия труда на алюминиевых завода в регионе были примерно одинаковые, то и планы в области организации труда предусматривали один и тот же набор мер: механизацию и автоматизацию трудоемких работ, модернизацию и замену устаревшего оборудования, покраску оборудования и помещений в «рациональные цвета»,

расширение и ремонт санитарно-бытовых помещений, совершенствование вентиляции, очистка и обезвреживание промышленных сточных вод и выбросов в атмосферу и пр. (РГАЭ, ф. 386, оп. 1, д. 22, л. 106)

Одной из причин высокого травматизма на алюминиевых заводах являлось техническое несовершенство ряда узлов и агрегатов на производстве. 35% несчастных случаев в алюминиевой отрасли в 1965 г. произошли именно по этой причине. Остальные — из-за нарушений техники безопасности, отсутствия контроля за содержанием рабочих мест, зданий, сооружений. Значительную долю в травматизме составляли ожоги расплавленным металлом и электролитом. Надо отметить, что поставляемая в начале 1960-х гг. на заводы спецодежда электролизников — хлопчатобумажные костюмы без огнестойкой пропитки — не обладала защитными свойствами и не предохраняла от ожогов. Решить эту проблему оказалось совсем не просто. Даже в конце 1960-х гг. в отчетах Главалюминия фиксировалось: «Продолжаются испытания опытной одежды для анодчиков и электролизников на КрАЗе, БрАЗе…» (Там же, д. 915, л. 53).

Следует отметить, что работе в области охраны труда на заводах придавалось весьма большое значение. Систематически этот вопрос поднимался на партийно-хозяйственных активах, широко использовалась заводская печать и радио. 3 марта 1966 г. в г. Новокузнецке был проведен партийно-хозяйственный актив отрасли, где в качестве одного из основных вопросов рассматривался вопрос о состоянии техники безопасности и меры по оздоровлению условий труда. Было сформулировано три основных направления работы в данной сфере: совершенствование технологии производства и модернизации оборудования в первую очередь в электролизных цехах; сокращение численности рабочих, занятых тяжелым трудом за счет механизации и автоматизации основных технологических процессов, погрузочно-разгрузочных работ и т.п., а также модернизация и улучшение системы газоулавливания и газоочистки с целью оздоровления атмосферы на рабочих участках (Там же, д. 22, л. 101–103).

В течение 1960-х гг. была создана и внедрена единая система работы по технике безопасности. Она включала как комплекс мероприятий со стороны Главалюминия, так и работу в данной области непосредственно на заводах.

В рамках алюминиевой отрасли в практику вошло проведение совещаний по технике безопасности с участием главных инженеров заводов и их заместителей. Централизованно решался вопрос о взаимопроверка состояния охраны труда на предприятиях с направлением по результатам проверки в адрес предприятий обобщающего

письма. Данные по эти проверкам находили затем отражение в отраслевых совещаниях по технике безопасности. Так же централизовано осуществлялась рассылка циркулярных писем и телеграмм с анализом травматизма по отрасли и мерами по его предотвращению. Кроме этого с участием органов надзора и инспекции проводились комплексные проверки состояния охраны труда на отдельных предприятиях, по итогам которых предлагались конкретные меры по устранению недостатков. В практику вошло и заслушивание на отраслевой комиссии по охране труда руководителей предприятий, допустивших увеличение травматизма. Такое внимание к вопросам охраны труда было отнюдь не случайным, поскольку уровень травматизма на предприятиях алюминиевой промышленности продолжал оставаться высоким.

Непосредственно на заводах раз в квартал стал проводиться инструктаж по технике безопасности и проверки знаний рабочих. Во все программы курсов по подготовке рабочих кадров включены разделы по технике безопасности. На БрАЗе пятница каждой недели приказом директора была объявлена днем техники безопасности. Комиссия охраны труда в этот день с помощью общественных инспекторов осуществляла контроль за выполнением законодательства по охране труда, технике безопасности, промышленной санитарии и выполнении намеченных оздоровительных мероприятий (ААБр, ф. 152, оп. 1, д. 163, л. 18). Заводы стали также разрабатывать вначале годовые, а затем пятилетние планы основных санитарно-оздоровительных мероприятий.

Важным направлением в области охраны труда стала проверка поступающей на предприятия спецодежды, спецобуви и защитных средств и своевременное обеспечение ими рабочих. (Анодчики обеспечивались летно-шоферскими очками, электролизники — защитными экранами из органического стекла, элктросварщики — костюмами с огнестойкой пропиткой). Стирка, ремонт спецодежды и спецобуви производился за счет заводов, но нередкими были случаи, когда она затягивалась до двух недель. Нужно отметить, что вопрос со спецодеждой был одним из наиболее острых в вопросах охраны труда. Следует также обратить внимание на тот факт, что нормы по спецодежде вплоть до середины 1960-х гг. для рабочих алюминиевой промышленности не были адаптированы к условиям сибирской зимы. Одежда выдавалась по меркам климата западной части страны. Из-за отсутствия теплой спецодежды фиксировались многочисленные случаи простудных заболеваний (ААШ, ф. 22, оп. 1, д. 60, л. 85).

В документах профсоюзных организаций отмечается рост поступлений от рабочих вопросов по спецодежде, спецпитанию, пре-

доставление дополнительных отпусков за вредные условия труда. Постоянно шел процесс уточнения перечня профессий рабочих, оплачиваемых по тарифным ставкам горячих и тяжелых работ, а также работ с вредными условиями труда, которым полагалось кроме прочего молоко и мыло. На местах работы с тяжелыми и вредными условиями труда рабочие бесперебойно обеспечивались газированной водой. В рамках решения этой проблемы устанавливалась также очередность и нормы выдачи спецодежды и предохранительных средств, предоставление дополнительных льготных отпусков (См. например: ААБр, ф. 152, оп. 1, д. 123, л. 1–3; д. 163, л. 15–17).

Накопленный опыт работы по предупреждению аварий и несчастных случаев на алюминиевом производстве в исследуемый период времени находил широкое распространение по другим заводам (РГАЭ, ф. 386, оп. 4, д. 1997, л. 52–55).

В конечном итоге комплекс мер в области жилищного строительства, развития социально-бытовой инфраструктуры, а также серьезный подвижки в области охраны труда позволили решить проблему закрепления кадров на предприятиях алюминиевой отрасли региона.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Л.Г. ВЛАСОВ

СИБИРСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

В выдвинутой президентской программе удвоение к 2010 г. валового внутреннего продукта важная роль отводится Сибири.

Ученые пришли к выводу, что экономика Сибири должна развиваться намного быстрее, чем в европейской части России. А для этого надо отказаться от стереотипов о сибирских территориях как источнике сырья и ускоренными темпами модернизировать перерабатывающую промышленность, внедрять в производство наукоемкие технологии, выработать взвешенную демографическую политику и вкладывать средства в транспортную инфраструктуру.

Сибирь нуждается в особом режиме экономического роста. Он должен включать и дополнительные ассигнования на развитие автомобильного, железнодорожного и авиационного транспорта. В частности, без серьезных вложений невозможно развитие такой важной системы, как управление воздушным движением.

У Сибири есть реальная возможность через десять лет вывести из дотационной зависимости все свои регионы. Точками роста являются освоение месторождений, развитие науки и транспорта, использование возможностей геополитического положения Сибири между Европой и странами АТР.

По мнения председателя президиума Сибирского отделения РАН академика Н. Добрецова в Сибири должны быть созданы специальные «научные зоны», которые будут заниматься разработкой научных проектов, направленных на развитие промышленного потенциала региона. Одна из неотложных задач ученых — снижение энергоемкости внутреннего регионального продукта. Сейчас она только в одной Иркутской области превышает среднероссийские показатели в 3,5 раза. Вторая задача — стратегическое развитие транспортной системы страны. Сибирь без разветвленной и надежной транспортной сети, что и организм без кровеносных сосудов, обречена на вымирание.

Ученые Сибирского отделения РАН предлагают экономике страны более сотни различных наукоемких технологий. Только производство промышленных катализаторов (для моторных масел), по прогнозам, должно принести предприятию, освоившему эту технологию, около 1,6 млрд р. чистой прибыли в год.

По мысли ученых для развития нефтегазового комплекса в Сибирском федеральном округе необходимо создать межрегиональный научный центр по разработке высоких технологий.

Для Сибири очень важна и финансовая составляющая часть. Сибирские территории имеют все необходимое для пополнения своей казны. Однако вертикально интегрированные компании выводят из бюджета субъектов Федерации огромную массу доходов, оставляя взамен лишь социальные и экономические проблемы. Другой путь пополнения региональных бюджетов — введение ренты на пользование природными ресурсами. Тогда природная кладовая действительно будет «работать» на развитие огромной территории от Урала до Дальнего Востока.

В увеличении валового регионального продукта Сибири необходимо усилить роль государства. Пока же, к сожалению, наблюдается только сдача позиций. От федеральной власти сибиряки ждут реального плана развития Сибирского федерального округа, а не «латание дыр» с помощью дотаций.

Как результат нежелательной роли государства экономика Сибири развивается по инерционному варианту, продолжается значительный отток населения, что может привести к дальнейшему обострению социально-экономических проблем.

Н.Н. ВОЛКОВА

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР И РЕГИОНАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ: НОВЫЙ ВЕКТОР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

На пороге третьего тысячелетия Россия вступила в новый период своей истории. Жестко централизованная советская империя распалась, а новое демократическое государство только формируется. В ходе перераспределения властных полномочий между Центром и субъектами Федерации регионы приобрели большую политическую самостоятельность, позиции региональных элит окрепли, а сами они превратились в серьезную политическую силу. Все чаще лидеры регионов выходят на общенациональный уровень, участву-

ют в принятии жизненно важных решений, оказывают влияние на осуществление той или иной социально-политической линии властного управления в стране. В связи с этим, административно-политические элиты регионального уровня, механизмы и модели их взаимодействия с федеральной элитой — одни из ключевых тем не только политологии, социологии, философии, но и пока новых для современной отечественной науки направлений — политической элитологии и регионалистики.

Региональная политическая элита сегодня — это социальная группа, выполняющая государственные функции в региональных органах государственной власти, чьи роль и влияние зависят от распределения властных полномочий, а статусные возможности позволяют воздействовать на принятие политических решений. Понятие «региональная властная элита» указывает не только на определенную социальную группу, располагающую статусным положением в органах власти, но и подразумевает определенные параметры политического пространства — регион. «Регион» сегодня понимается как социологическая квалификация той или иной административно-территориальной единицы, население которой объединено общими производственно-экономическими взаимосвязями, единой социальной инфраструктурой, местными СМИ, органами власти и местного самоуправления. Административные органы регионов, в советское время выполнявшие только хозяйственно-управленческую функцию, с 1993 г. получив в свое ведение распорядительную функцию, постепенно превращались в органы политической власти. Региональная элита, формирующаяся на уровне регионов, стала выступать в качестве самостоятельного субъекта политики и права, выразителя интересов населения региона. Власть, ставшая воплощением символа и проводника интересов региона в Центре, стала все больше опираться на принципы регионализма, положив начало тем самым существенному видоизменению отношений с федеральной элитой. В основе данной политико-управленческой трансформации власти можно зафиксировать как объективные, так и субъективные тенденции. Одни из них способствовали значительному укреплению позиций местных элит, другие, напротив, ограничивали свободу их действий.

К первой группе факторов можно отнести:

– федерализацию территориального устройства государства и децентрализацию управления, оказавших самое непосредственное воздействие на статус региональных элит (выбор иного основания федерализма — переход от национального принципа, который имел место в РСФСР к смешанному — национально-территориальному;

увеличение полномочий региональной политической элиты; ослабление контроля над ними со стороны федерального Центра);

– демократизацию, которую чаще всего исследователи интерпретируют как либерализацию политического режима (введение конкурентных выборов, создание представительных органов власти на местах, уменьшение «закрытости» политики, актуализация идеи гражданского общества, выведение местного самоуправления из властной вертикали и т.д., — обусловили изменения в механизме функционирования региональных элит);

– диверсификацию: отказ от унитарной и унифицированной системы коммуникаций увеличил разнообразие тактики и стратегии РПЭ — средств, принципов и целей, реализуемых ими как по вертикали, так и по горизонтали.

Что касается тенденций субъективного плана, повлиявших на процесс формирования постсоветских региональных элит, то они следующие:

– стремление региональной политической элиты к суверенизации, подрывающее авторитет Центра;

– эволюция регионального политического сознания, выразившаяся в новой расстановке акцентов лояльности населения регионов: произошла переориентация ожиданий по стабилизации ситуации с центральной на региональную власти;

– формирование и распространение «национальных идей», идеи «губернизации» России, способствующих превращению региональных элит в своеобразные политико-идеологические центры, вырабатывающие альтернативные (по отношению к Центру) программы и модели региональной стабилизации и развития.

Важнейшими результатами комплексного пересечения внешних (объективных) и внутренних (субъективных) тенденций стало обретение главами субъектов федерации (представителями верхнего уровня региональной политической элиты) новой — демократической легитимности, независимой от кадровой политики Центра и переход взаимоотношений центральной и региональной элит из административной плоскости в плоскость политических взаимодействий: Центр отказался от прямых, административных методов диктата, переориентировавшись на разработку, а затем и апробацию нескольких вариантов так называемой «новой политики».

В целом, главная задача политических действий федерального Центра в различных вариациях видится в стремлении сохранить прежнюю властную пирамиду, основанную на приоритете федерального Центра как политического актора. Вместе с тем, политика Центра все

же имеет компромиссный характер, поскольку исходит из признания региональных элит реально действующими субъектами.

Итак, федеральной элите необходима реальная «вертикаль» исполнительной власти, которая по замечанию Е.М. Примакова, «предполагает сочетание четкой дисциплины с отношениями партнерства и взаимного уважения, конституционных прав каждого уровня власти, окончательную выработку «правил поведения» во взаимоотношениях Центра и СФ и в отношениях между региональными и местными властями, то есть — восстановления прямых каналов управленческого воздействия».

Новейшие события внутренней политики представляется возможным рассматривать в рамках модели «сдержек и противовесов», что, если придерживаться оптимистичной версии, по мысли И.В. Бахлова, «предполагает ее институционализацию в конструкции «сильный Центр — сильные регионы». Более же соответствующей действительности представляется конструкция «сильный центр — сильные регионалы», базирующаяся на принципе разграничения полномочий». Действительно, возможности федеральной элиты (впрочем, как и региональной) далеко не безграничны, и реально работающими в современных условиях являются практика компромиссов и политика «компенсаций». Административное воздействие дополняется легитимными способами и политическими комбинациями — в результате политика федерального Центра становится более разнообразной и по форме, и по содержанию. Конкретные тактические приемы, демонстрируемые на практике обеими сторонами, свидетельствуют о применении технологий, основанных на конъюнктурном сочетании «жесткого» и «мягкого» торга (приемы «блокирования», «пробного шара», тактика «внезапного нападения» и др.).

Общим итогом развития взаимоотношений по линии «региональные элиты — федеральный Центр» в постсоветский период явилось оформление нескольких типов региональных элит, отражающих специфику стратегии и тактики их поведения в системе федеративных отношений:

– тип «статистов» федерального Центра, проводников его политики, процессов общефедерального уровня. Роль РПЭ при этом сводится к репродуцированию, заимствованию политических технологий из Центра. Подчинение Центру происходит ввиду отсутствия возможностей для проведения самостоятельной политики, необходимости укрепления своего положения в регионе из-за внутриэлитных разногласий и других факторов;

– тип «конформистов» («прагматиков»), трансформирующих и реализующих федеральную политику с учетом прагматических со-

ображений (региональные элиты проявляют лояльность Центру в обмен на относительную свободу действий в сфере своего контроля — на территории соответствующего региона);

– тип «генераторов-реформистов», предлагающих определенные новации в различных сферах социально-политической жизни для использования их как в других регионах, так и на территории всей федерации. Они лояльны федеративной системе, но не федеральной элите;

– тип «сатрапов», отказывающихся от бесперебойной трансляции идей и политики федеральной элиты на подконтрольные регионы и вырабатывающих собственные программы регионального развития. Они лояльны региональным, собственным корпоративным интересам и требуют особых отношений с Центром, особого статуса в системе федеративных отношений.

Уровень экономического развития, социальная стабильность конкретного региона напрямую определяет и тип тактического поведения региональных элит с федеральным центром. Находясь еще в стадии своего становления, региональные политические элиты пока не могут обходиться без поддержки (экономической, политической, финансовой) Центра, но уже и не хотят зависеть от него. Разрешение этого парадокса и будет в центре внимания федеральных и региональных элит в ближайшем будущем. От того, как сложится соотношение сил между Центром и региональными элитами, будет зависеть и новая федеративная политика по отношению к регионам. Эта политика, как представляется, не может быть выработана федеральным Центром в одностороннем порядке. Для того, чтобы быть эффективной и отвечать потребностям обеих сторон, она должна стать результатом скоординированных действий региональной политической элиты и Федерации, учитывать специфику региональных различий.

О.Б. ИСТОМИНА
Т.Б. АНШУКОВА

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СТРУКТУРА ИХ ПРИЧИН
(На примере Иркутской области)

Иркутская область является многонациональным регионом и по мозаичности национальной структуры населения близка всей Российской Федерации. В Приангарье проживают представители традиционных для области национальностей, бывших российских ав-

тономий, европейских стран, немалую часть населения составляют коренные сибирские народы. Изменениям национального состава области способствует как естественное движение населения, так и его миграция.

История региона всегда определяла состояние миграционного процесса в области, и вместе с ним уровень межнациональных контактов. Освоение сибирских территорий, организация политических поселений, ссылки, разработки месторождений, различные проявления индустриализации Сибири обеспечивали прирост населения и формировали национальный состав Приангарья. По результатам сравнительного анализа пяти последних переписных периодов, по выявленному характеру изменений численности жителей области можно выделить следующие группы национальностей (все данные приведены в соответствии с материалами и информационными справками Иркутскстата):

– национальности со значительным увеличением численности до 1989 г. и ее уменьшением к 2002 г. (русские, белорусы, марийцы, удмурты, якуты и др.);

– группа национальностей со значительным увеличением численности (буряты, армяне, азербайджанцы, таджики и др.);

– национальности, чья численность уменьшалась на протяжении последних переписных периодов 1959–2002 гг. (литовцы, евреи, поляки).

Основаниями для выделения названных групп национальностей служат данные, приведенные ниже в таблице «Изменение численности населения Иркутской области (включая Усть-Ордынский Бурятский автономный округ)»:

Национальность	1959	1970	1979	1989	2002
Русские	1 661 831	2 018 954	2 252 063	2 499 460	2 320 493
Белорусы	23 277	24 973	25 024	25 713	14 185
Якуты	1 366	1 751	1 788	2 020	922
Буряты	70 529	73 336	71 124	77 330	80 565
Армяне	1 482	993	2 078	2 833	6 849
Азербайджанцы	1 198	797	2 150	4 741	6 125
Литовцы	15 625	4 025	2 969	2 634	1 669
Евреи	10 313	8 027	6 634	4 796	2 475
Поляки	4 234	3 669	3 561	3 118	2 298

Очевидно, доминирующим фактором изменения национальной картины сибирского региона является миграция населения, имеющая как положительные, так и отрицательные аспекты проявления. В

результате освоения богатейших ресурсов Сибири в период активной индустриализации (1950–1970-е гг.) на карте появились новые города: специалисты со всех союзных республик участвовали в строительстве таких городов Иркутской области, как Братск, Шелехов, Усть-Илимск, Саянск. Приток в область новых специалистов обеспечил положительное сальдо миграции. Не менее активно происходил приток населения в середине 1990-х гг. в результате распада Советского Союза и образования суверенитетов республик. Геополитические и, главным образом, психологические последствия этого процесса выразились в межнациональные и социальные конфликты, в проявления национализма, в различные формы социально-экономической нестабильности и фрустрированного состояния населения.

Кроме того, к следствиям сложившейся алармистской ситуации относят появление категорий населения «беженцы», «вынужденные переселенцы». Ежегодно с момента начала их регистрации (июль 1992 г.) в областной миграционной службе состояло 9–10 тыс. человек, в основном проживающих ранее на территории Казахстана (54,7%), Узбекистана (15,9%), Таджикистана (12,6%).

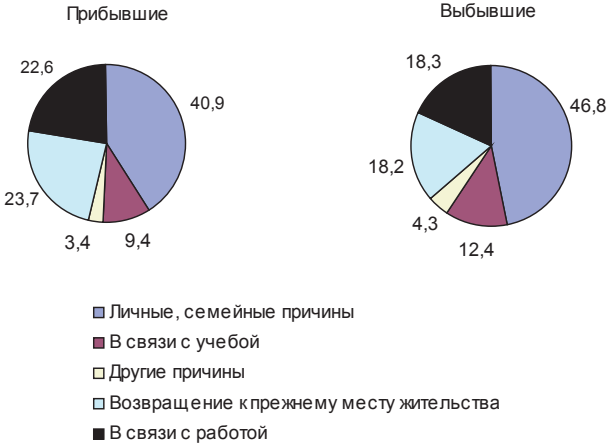
Положительным следствием изменений на образовавшемся постсоветском пространстве, думается, можно назвать демократизацию и появление возможности реализации принципа свободы передвижения. Следует отметить, что данный аспект способен также и отрицательно воздействовать на сальдо миграции: в период с 1996 по 2002 гг. выбывших из области на четверть больше, чем прибывших. Жители области выезжали в другие регионы России, заграницу. Массовый характер приобрел отток на историческую родину евреев, немцев и других. Смена идеологических представлений позволила людям выбирать место и страну проживания, к примеру, названные национальности составили 24% и 10% эмигрантов соответственно.

Доминирующим фактором изменения численности и национального состава жителей региона за последний переписной период также следует назвать положительное сальдо миграции со странами СНГ. Обострение политэкономических и социальных отношений, психологического межнационального климата в государствах содружества ускорили возвращение русских в область.

Важно, что за время двух последних переписных периодов численность таджиков (в 3 раза), армян (в 2,4 раза), азербайджанцев, киргизов (в 1,3–1,5 раза) значительно увеличилась и главным образом за счет миграционного прироста. Выбор области в качестве нового места жительства и соответственно работы обусловлен состоянием региональной экономики: Иркутская область является

экономически крепким регионом с высоким уровнем оплаты труда (6135 р.). В Сибирском федеральном округе эти показатели выше только в Красноярском крае (7270 р.) и Томской области (6828 р.). Экономическая привлекательность области поддерживается также увеличением темпа розничной торговли в результате преодоления последствий валютно-финансового кризиса. После 1996 г. в области непрерывно увеличивались уровни занятости и денежных доходов. На наш взгляд, к следствиям действий, направленных на модернизацию области, следует отнести насыщение потребительского рынка, повышение уровня жизни, а также экономической активности населения. На современном этапе оборот розничной торговли в Сибирском федеральном округе составляет 11–12% по отношению к объемам России. В созданных экономических условиях в последние пять-шесть лет значительно оживилась розничная торговля, выросли оборот денежных средств в сфере питания и объем услуг. Интересно, что именно в данные сферы трудовой деятельности населения вовлечена большая часть переселенцев из Армении, Азербайджана, Таджикистана: преобладание отмечено в структуре продаж продуктовых товаров. Указанная занятость данных национальностей в торговой сфере может быть объяснена недостаточной снабженностью рынка местной продукцией сельского хозяйства (с 2000 г. она составляет 96% к предыдущим годам). Эта недостаточность компенсируется импортированием продуктов питания из стран ближнего зарубежья.

Представляется верным, что кроме экономических существует еще ряд других причин миграции населения, которые указаны в следующей структуре:



В структуре причин миграции в области наиболее весомыми видятся «возвращение к прежнему месту жительства», «в связи с работой», и конечно, «личные причины». Первые из указанных причин подтверждают вышесказанные утверждения. «Парад» суверенитетов, напряженная социально-политическая обстановка, обострение межнациональных отношений, а также экономическая привлекательность и относительная стабильность региона детерминируют уровень миграционных процессов. Что касается последней причины, думается, что показатели по данному пункту несколько завышены вследствие нежелания респондентов указывать истинный мотив переезда. Кажется верным предположение о возможности нейтральной формулировки «личные причины» камуфлировать многие проблемы, в том числе психологическую или экономическую невозможность дальнейшего проживания на прежнем месте.

Очевидно, что социально-демографические процессы в Иркутской области имеют характер постоянных изменений. Данные изменения связаны, прежде всего, с естественным движением населения (снижение рождаемости, рост смертности), а также с миграционными процессами, имеющими как положительные, так и отрицательные аспекты. Следует отметить, что за последний переписной период увеличилась численность, с одной стороны, коренных национальностей Сибири и, с другой, представителей Закавказья, Средней и Восточной Азии. Важно, что в области действует региональная программа, нацеленная на улучшение качества жизни всех проживающих на ее территории народов, представители всех национальностей имеют возможность создания объединений и общин с целью удовлетворения национально-культурных запросов.

О.Б. ИСТОМИНА

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРЕДБАЙКАЛЬЕ

Предбайкалье — многонациональный сибирский регион с богатыми традициями и историей межэтнических контактов. Ареал «Предбайкалье» выделен нами с целью дистанцирования от таких объектов исследования, как Прибайкалье (Республика Бурятия) и Забайкалье (Читинская область), имеющих несколько другие демогра-

фические показатели. Предбайкальский ареал объединяет, прежде всего, Иркутскую область и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ. На данной территории проживают более сорока коренных народов, которые имеют свой язык или диалект, среди них: алеуты, алтайцы, буряты, долгоны, ненцы, тофалары, тувинцы, удэгейцы, чукчи, эвенки, эвены, юкагиры, якуты и другие. Важно, что данные нации и народности относятся к различным этнорегиональным группам, а именно: тюркской, финно-угорской, монгольской, тунгусо-маньчжурской. Мозаичность национальной представленности региона коррелирует с разнообразием национально-языковых картин мира, с широким спектром их уникальных черт.

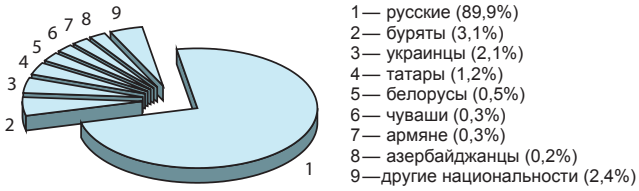
Очевидно, что особенности физической, психологической и языковой проксемики носителей северных культур и русских обнаруживают разность восприятия мира. Национально-психологические характеристики представителей разных групп обусловлены спецификой фенотипа, например, чертами внешнего вида, а также происхождением, бытовыми привычками, вероисповеданием, культурными и языковыми традициями, влиянием социально-политического развития всей нации или народности.

Носители северных культур показывают «экологичное», рефлексивное отношение к окружающему миру, основанное на наглядно-действенном мировосприятии и направленное, главным образом, на формирование особой сенсорной чувствительности и конкретно-образного мышления. Взаимоотношения с природой тождественны взаимоотношениям партнеров, что требует соблюдения определенных норм. В северных культурах особое отношение, отличающееся повышенным вниманием к прагматической стороне коммуникации, также обнаруживается и к слову как к ее вербальному коду. Высокая степень стереотипизированности действий и тщательная разработанность акционального и предметного кодов в общении носителей сибирских культур соотносится с незначительной ролью акционального кода в общении русских, с их развитой фатической функцией речи, эмоциональностью и тягой к оценочным суждениям, а также стремлением перейти от формального общения к неформальному. И, тем не менее, несмотря на разность типов мышления и особенностей общения, в том числе вербального, коммуникации в регионе характеризуются не только социально-экономическими контактами, но и культурно-языковым взаимодействием русского и коренных сибирских народов.

Славянские группы со времени своего появления в Сибири активно участвовали в освоении региона. С процессом формирования славянского этнического массива Сибири, вошедшей в состав Московского

государства, связано начавшееся в регионе распространение оседлой земледельческой культуры. Тесное взаимодействие русских с коренным населением явилось одной из многих причин формирования локальных вариантов культуры. Результатом активного взаимодействия национальных культур региона явилось культурное образование — субэтнос челдонов или сибиряков. Специфика культуры сибирского субэтноса проявилась на всех уровнях — от отношения к природе и ее пользованию до способов домостроения и социального устройства. К причинам, обусловливающим названную специфичность, можно отнести периферийное положение по отношению к центральной власти и изолированность от основного этнического массива.

Сегодня Предбайкалье представляет собой своеобразный «перекресток» цивилизаций и культур. По итогам Всероссийской переписи 2002 г., население Иркутской области, включая Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, составили 2 581 705 человек более 140 национальностей. Следует отметить, что сибирский регион по количеству проживающих национальностей не уступает государству в целом. Картина численно доминирующих национальностей, превышающих шеститысячный барьер, выглядит следующим образом:



Многоликость региона определяет вариативность языковых контактов и типов двуязычия. Экономические и культурные контакты, хозяйственно-бытовые связи детерминируют разные степени проявления интенсивности, масштабы, темп и сферы взаимодействия языков. Взаимное знакомство с национально-языковыми картинами мира, результатами созерцания, осмысления и отражения коллективным этническим сознанием окружающей среды детерминировало процесс заимствований лексем и ими обозначаемыми понятий широкого круга сфер жизнедеятельности. Причина наибольшего числа заимствований — восполнение отсутствующих наименований понятия в когнитивной базе языка-рецептора.

Ввиду ареально-хронологического характера причин сближения народов сложившееся языковое явление двуязычия, вызванное необходимостью общения, уместно назвать контактным. Частота языковых контактов увеличивалась в соответствии с ростом

экономических, торговых отношений и организацией быта русских поселенцев с учетом местной специфики. Контактное двуязычие постепенно переросло в культурное. Взаимосвязь культур в определенной географической местности определяет то, чему одна группа научается у другой, а также то, что в лексике каждой группы нуждается в восполнении путем заимствования. Ситуация совместного контакта языков и культур благоприятствует интерференции лексических и культурных типов.

Очевидно, что этническая мозаичность определяет не только многоязычную ситуацию, но и формирует под влиянием исторических факторов типы стратегий и потенциалов этнических групп. Большинство сибирских народов склоняются к ассоциативному типу, то есть проявляют тенденции к интеграции в основное сообщество. Важно помнить, что только открытость реципиентов диалогу в процессе межэтнического взаимодействия, их готовность принять партнера другого этноса с иным потенциалом этнической группы, а также близость культур в языковом и хозяйственно-культурном отношениях позволяют коммуникантам рефлексировать над стереотипами и моделями самого общения. Учет национальных коммуникационных особенностей, а также знания общественных норм и правил позволяют построенные в соответствии с ними сообщения воспринимать и интерпретировать адекватно. Межнациональное согласие достигается путем обеспечения интересов национальных общностей.

В Сибири исторически сложилось толерантное отношение к «иной» нации: в суровых геопространственных и климатических условиях понятие «чужой» отсутствует. Думается, что некоторые из уникальных особенностей Предбайкальского региона заключаются в отсутствии конфликтов, основанных на национальной неприязни, и в многообразии типов языкового взаимодействия.

В современных условиях, несмотря на широкую представленность распределения населения по национальному составу, а значит, на потенциально заложенную способность к языковым взаимодействиям многочисленных народов, получившим наибольшее распространение, выполняющим большинство коммуникативных функций является русский язык — язык этнического большинства. Однако, в регионе есть сельские пункты, которые являются примером локализованного распространения областей активного социального взаимодействия разных этнических групп и софункционирования их языков в ряде сфер общения. Национальные языки, выступающие в целом регионе в виде монофункциональных образований инструментом семейного общения, в отдельных пунктах с высоким и средним уровня-

ми межэтнического взаимодействия обретают статус полифункционального, а в некоторых случаях, универсального образования.

Высокий индекс мозаичности национального состава сибирского региона обеспечивает диалог культур, «диалог метафор», и стабильный уровень межъязыковых коммуникаций. Языковые контакты в Предбайкалье определяются как внутрирегиональные типы взаимодействия этнических групп и их языков достаточно широкого спектра степеней родства и форм коммуникаций. Языки разных этнических групп, «столкнувшись» в сферах коммуникации, составляют систему функционально распределенных языков многонационального общества, выраженную в форме двуязычия.

А.Ю. НИКОЛАЕВА

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ В 1990-е гг.

Семья — один из древнейших социальных институтов. Она изменяется вместе с развитием общества; изменяются нормы, ценности, образцы поведения в брачно-семейных отношениях. Биологическая природа явлений рождения и смерти дополняется порядком, установленным обществом.

Государство, церковь, семья, политика, литература и искусство, культура, идеология формировали идеальный образ человеческих поступков в сфере воспроизводства населения, управляя демографическим поведением людей (Чуйко Л.В. Браки и разводы. М., 1982. С. 34).

Демографическую и экономическую стороны семейных отношений можно разграничить условно. Семейные отношения исторически преходящи. Демографические — вечны с изменяющимся характером на протяжении истории. Демографические отношения как и производственные, признаются первичными, а семейные — вторичными, производными; демографические отношения следует признать самостоятельными, так как они следствия объединения в рамках возникшего института семьи ряда первичных социальных функций, выполняющихся в отсутствии семьи, на определенном отрезке истории. Увеличение потоков рождаемости и смертей зависят от материального и социального положения людей. И высокой ранней смертности соответствует низкий производительный уровень. В данной ситуации на тысячу одновременно родившихся женщин до 20 лет доживает

500, что требует увеличения числа рождаемости. В экономически развитых странах, наоборот, на 1000 родившихся женщин до 45 лет доживают около 900 женщин, что позволяет уменьшить количество детей в семье (Шлемин П.И. Социальная сфера в условиях перестройки. М., 1991. С. 115–116).

За последнее столетие семья претерпела кардинальную перестройку в области брачно-семейных отношениях. На нее оказали влияние: индустриализация, урбанизация, массовые миграции населения, работа женщин в производстве, нарастание демократических процессов в обществе.

В западной социологии трактуется тезис об «отмирании» семьи, ее вырождении, разрушении традиционно расширенной семьи, ослаблении родственных связей, малодетность, передача некоторых функций социальным институтам. Не учитывается то, что трансформация структуры и функций семьи говорит о наличии механизма приспособления семьи к изменившимся общественным условиям, ее жизнестойкости, а не о ее деградации. Не смотря на прогрессивный характер развития семьи, имеются и отрицательные черты: резкий рост разводов, увеличение числа неполных семей, внебрачных рождений. Снижение социальной дееспособности членов семьи, падение рождаемости, возвышающейся над воспроизводством населения. Все это развило интерес к проблемам семьи.

В связи с особой политической и экономической ситуацией в России в 1990-е гг., демографическая ситуация была приведена в состояние кризиса как в центре страны, так и в ее регионах.

К 1994 г. общий коэффициент рождаемости составил 7–8, а в селах — 9–11 человек на тысячу населения; специальные коэффициенты рождаемости по сравнению с 1985–1987 гг. сократились более чем на половину (Макаров В.Л. Статистика и перестройка. Москва, 1991. С. 45).

Сокращение рождаемости и рост показателей смертности в последние годы привели к существенному сокращению естественного прироста населения в Сибири. При этом основным фактором уменьшения естественного прироста стало сокращение рождаемости. В Красноярском крае это сокращение произошло на 5,8 промилльного пункта.

Начиная с 1990 г. население Сибири «вошло в зону» отрицательного естественного прироста, а в Западной и в Восточной Сибири показатель естественного прироста населения на 30–40% не обеспечивал даже простого воспроизводства населения этих районов. При этом отрицательный естественный прирост не только в городской

части Западной и Восточной Сибири при сокращающейся численности их населения, но и в сельской (даже на фоне общего прироста населения в 1990–1993 гг.). Общий рост численности сельского населения Сибири в 1990–1993 гг. и его отрицательный прирост в последующие годы происходил при интенсивном «вымывании» из села молодого населения (в возрасте 16–18 лет), сокращая, таким образом, демографический потенциал села. И нельзя недооценивать последствия такой картины для будущего демографического развития.

Для улучшения демографической ситуации в регионе необходимы меры, направленные на рост продолжительности жизни, улучшение качественных характеристик здоровья, реализацию в полной мере воспроизводственной функции семьи на всех стадиях жизненного цикла, создание условий жизни, при которых женщина сможет спокойно рожать, а также для закрепления населения и преодоление негативных последствий стихийно развивающихся процессов миграции. Создание условий для реализации права выбора места жительства и свободы перемещения населения как в пределах своей страны, так и за ее пределы. Необходимо балансирование рынков жилья и труда, потребительского рынка, позитивное изменение экономического и социального положения.

Н.И. ПУЗЕВИЧ

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС РОССИИ

Военно-промышленный комплекс (ВПК) России — это мощная система предприятий, производящих военную технику, вооружение и боеприпасы. Как синономы ВПК используются термины «оборонная промышленность», «военная промышленность», «оборонно-промышленный комплекс».

До настоящего времени вся информация по ВПК была закрытой. Однако в последние годы, в связи с общим курсом на большую открытость, коммерческой заинтересованностью производителей в рекламе своей продукции, стремлением к расширению экспорта в средствах массовой информации и специальной литературе появилось немало публикаций о производстве в ВПК. Конечно, имеющаяся в них информация, во многом далеко не полная, разрозненная, приведенная к разным временным интервалам, позволяет получить общий обзор развития, современного состояния и географии производства военной продукции в нашей стране.

В состав ВПК входят: научно-исследовательские организации (их задача — теоретические разработки); конструкторские бюро (КБ), создающие прототипы (опытные образцы) оружия; испытательные лаборатории и полигоны, где происходит, во-первых, доводка опытных образцов в реальных условиях, а во-вторых, испытание оружия, только что вышедшего из заводских стен; производственные предприятия, где осуществляется массовый выпуск вооружения.

Кроме военной продукции, предприятия ВПК производят товары гражданского назначения. Большая часть холодильников, магнитофонов, вычислительной техники, пылесосов и стиральных машин в России изготовлялись на оборонных предприятиях, а телевизоры, видеомагнитофоны, фотоаппараты и швейные машины выпускались только на военных заводах.

Таким образом, ВПК концентрирует производство более сложной продукции. Этому способствовал высокий технический уровень большинства предприятий ВПК. Это был тот сектор народного хозяйства, в котором производство находилось на уровне мировых образцов, а во многих случаях и превышало его. ВПК сосредотачивал наиболее квалифицированные и инициативные кадры, лучшую технику и умелых организаторов производства. Его масштабы были огромны. Например, в конце 80-х гг. XX в. на 1800 предприятиях ВПК России было занято около четырех с половиной млн человек, в том числе 800 тыс. — в сфере науки. Это составляло около четверти занятых в промышленности. С учетом членов семей с ним было непосредственно связано 12–15 млн человек, т.е. каждый десятый житель России. Затраты на содержание армии и ВПК лежали на всем населении страны, понижали уровень его жизни. В сфере «оборонки» господствовало убеждение, что самое главное — произвести как можно больше продукции.

Особенностью ВПК является размещение многих его предприятий в «закрытых» городах, о которых до недавнего времени нигде не упоминалось, они даже не были нанесены на географические карты. Только недавно они получили реальные названия, а до этого обозначались номерами (например, Красноярск-26, Красноярск-45, Томск-7 и др.).

ВПК состоит из нескольких основных отраслей: производство ядерного оружия; авиационная промышленность; ракетно-авиационная промышленность; производство стрелкового оружия; производство артиллерийских систем; военное судостроение; бронетанковая промышленность.

Ядерно-оружейный комплекс — это часть атомной промышленности России. Он включает в себя следующие производства: добыча

урановой руды и изготовление уранового концентрата. В настоящее время в России действует только один урановый рудник в г. Краснокаменске (Читинская область). Там же производится урановый концентрат; обогащение урана (разделение урановых изотопов) происходит в городах Новоуральске (Свердловск-44), Зеленогорске (Красноярск-45), Северске (Томск-7) и Ангарске (Иркутская область). В России сосредоточено 45 процентов мировых мощностей по обогащению урана. С сокращением производства ядерных вооружений эти отрасли все более ориентируются на экспорт. Продукция данных предприятий идет как на гражданские АЭС, так и на изготовление ядерных боеприпасов, а также на промышленные реакторы для выпуска плутония; изготовление выделяющих элементов (ТВЭЛов) для атомных реакторов осуществляется на предприятии Электросталь в Новосибирске; наработка и выделение оружейного плутония сейчас осуществляется в Северске (Томск-7) и Железногорске (Красноярск-26).

Авиационная промышленность размещена, как правило, в крупных индустриальных центрах, где готовые изделия собираются на головных предприятиях из деталей и узлов, поставляемых сотнями, а иногда тысячами смежников. Главные факторы размещения производственных предприятий — удобство транспортных связей и наличие квалифицированных рабочих кадров. Проектирование почти всех видов российских самолетов осуществляют КБ Москвы и Подмосковья, единственное исключение — КБ им. Бериева в Таганроге, где производятся самолеты-амфибии. На территории Восточной Сибири имеются два авиастроительные предприятия ВПК — Иркутский и Улан-Удэнский авиационные заводы.

Ракетно-космическая промышленность — одна из наиболее наукоемких технически сложных отраслей. Например, межконтинентальная баллистическая ракета (МБР) содержит до 300 тыс. систем, подсистем, отдельных приборов и деталей, а крупный космический комплекс — до 10 млн. Поэтому ученых, конструкторов и инженеров в этой области гораздо больше, чем рабочих.

Научно-исследовательские и конструкторские организации отрасли сосредоточены в значительной степени в Московском регионе. Здесь разрабатываются МБР (в Москве и Реутове), ракетные двигатели (в Химках и Королеве), крылатые ракеты (в Дубне и Реутове), зенитные ракеты (в Химках). Производство этой продукции разбросано почти по всей России. Так, МБР производится в Воткинске (Удмуртия), баллистические ракеты для подводных лодок — в Златоусте и Красноярске. Ракеты-носители для запуска космических аппаратов производят в Москве, Самаре и Омске. Сами космические аппараты

производятся там же, а также в Санкт-Петербурге, Истре, Химках, Королеве, Железногорске (Красноярский край). Главным космодромом бывшего СССР был Байконур (в Казахстане), а в России сейчас единственный действующий космодром — в г. Мирный Архангельской области (близ станции Плесецк). Зенитные ракетные комплексы испытывают на полигоне Капустин Яр Астраханской области. Управление военно-космическими силами и всеми беспилотными космическими аппаратами ведется из г. Краснознаменска (Голицино-2), а пилотируемыми — из центра управления полетами (ЦУП) в г. Королеве Московской области.

Артиллерийско-стрелковое вооружение является важной отраслью ВПК. Самый знаменитый и массовый вид выпускаемого стрелкового оружия — автомат Калашникова, который используется, по крайней мере, в 55 странах (а в некоторых он даже изображен на государственном гербе). Главные центры производства стрелкового оружия — Тула, Ковров, Ижевск, Вятские Поляны (Кировская область), а ведущий научный центр находится в Климовске (Подмосковье). Артиллерийские системы выпускаются в основном в Екатеринбурге, Перми, Нижнем Новгороде.

Бронетанковая промышленность была одной из самых развитых отраслей ВПК. За последнее время на заводах бывшего СССР было произведено 100 тыс. танков. Сейчас значительная их часть подлежит уничтожению в рамках договора об ограничении вооружений в Европе. Из четырех российских заводах танки производятся лишь на двух — в Нижнем Тагиле и Омске, а заводы Санкт-Петербурга и Челябинска перепрофилируются. Бронетранспортеры (БТР) выпускают а Арзамасе, а боевые машины пехоты (БМП) — в Кургане.

Военное судостроение трудно отделить от гражданского, поскольку до последнего времени большинство российских судоверфей работало на оборону. Самым крупным центром судостроения со времен Петра I является Санкт-Петербург, где находится около 40 предприятий этой отрасли. Здесь строились все виды кораблей. Атомные подводные лодки ранее выпускались в Нижнем Новгороде и в Комсомольске-на-Амуре. В настоящее время производство сохраняется лишь в Северодвинске. Другие центры военного судостроения — ряд городов на реках, где производят небольшие суда (Ярославль, Рыбинск, Зеленодольск и др.).

Говоря о ВПК России, нельзя не упомянуть такое понятие, как конверсия (в пер. с лат. означает изменение, превращение). Оно означает перевод военного производства на выпуск гражданской продукции. Для России жизненно необходимо, поскольку прежние объ-

емы производства вооружения сохранять экономически невозможно, да и даже с чисто военной точки зрения не нужно, поскольку бывшие потенциальные противники становятся партнерами России. В то же время в ВПК сконцентрированы наиболее прогрессивные технологии. Необходимо при конверсии сохранить их, чтобы квалифицированные кадры внесли свой вклад в создание новых гражданских производств. Одновременно с этим необходимо сохранять производство наиболее эффективных видов военной техники, чтобы иметь возможность вооружать российскую армию самым современным оружием, а также поставлять вооружение в другие страны.

В.Г. ТРЕТЬЯКОВ
В.В. ТРЕТЬЯКОВ

К ВОПРОСУ О ПРЕДСТОЯЩЕМ РЕФЕРЕНДУМЕ

Нынешняя ситуация в государственном строительстве РФ была создана в 1990–1993 гг. во время широко развернувшейся суверенизации регионов и республик. Это привело к значительному возрастанию числа субъектов, что в дальнейшем породило массу проблем разного характера. Неэффективным оказался и опыт расположения двух, а то и трех субъектов в территориальных границах одной административной единицы. Причем большинство вновь образованных субъектов оказались дотационными. Такое федеративное устройство породило массу проблем и буквально весьма дорогим для государственной казны.

Всему этому предшествовал распад Советского Союза, началом чего можно считать Первый Съезд народных депутатов РСФСР, проходивший в мае–июне 1990 г. На этом съезде была принята Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации. Декларация провозглашала верховенство Конституции и законов РСФСРО на всей территории республики, признание возможности приостанавливать действие актов СССР, ступающих в противоречие с суверенными правами РФ, необходимость расширения прав автономных образований (республик, областей, округов), равно как краев и областей РСФСР. С тех пор 12 июня стал государственным праздником, его отмечали, сначала как День независимости России, а позже как День России.

В то время главные политические деятели страны Б.Н. Ельцин, Р.И. Хасбулатов, Б.М. Исаев, С.П. Горячева, И.С. Силаев и другие де-

монстрировали благосклонное отношение к проявлениям стремления к суверенизации автономий. Главным лозунгом того времени стали слова Б.Н. Ельцина, обращенные к республикам, предлагавшего им брать себе столько суверенитета, сколько им требуется. В результате с лета 1990 г. до зимы 1991 г. почти все бывшие в составе России автономными республики приняли декларации о суверенитете.

«Парад суверенитетов» — так называют то время. В России он начался в Северной Осетии, 20 июля 1990 г. принявшей Декларацию, и завершился в Кабардино-Балкарии 30 января 1991 г. Аналогичным образом поступали и автономные области, которые самостоятельно повышали свой правовой статус: из 31 автономного образования РФ 25 изменили в то время свой статус в сторону повышения.

Это привело к обострению национальных отношений в России, нарастали национальные центробежные течения. Для вывода страны из кризиса требовалась новая Конституция России. Конституционная комиссия работала с 1990 г., и к осени 1993 г. комиссия завершила работу по подготовке проекта Конституции. Съезд народных депутатов для ее утверждения был назначен на 17 ноября. Этот проект предполагал ведущую роль парламента в политической системе России и ограничение исполнительной власти. Альтернативный проект был разработан Конституционным совещанием, образованным на основе Указа №669 Президента России «О мерах по завершению подготовки новой Конституции РФ», Этот проект был готов летом 1993 г. Он предполагал ограничение власти Советов.

Получалось, что законодательная и исполнительная власти имели свои альтернативные конституционные проекты. Началось противоборство двух ветвей власти. Каждая из сторон апеллировала к народу. В этих условиях Б.Н. Ельцин 17 сентября 1993 г. подписал, а 20 сентября озвучил Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в РФ», по которому приостанавливалась деятельность Съезда народных депутатов Верховного Совета; до принятия новой Конституции, а до начала работы нового парламента, избранного на основе нового избирательного закона страны, предписывалось руководствоваться указаниями Президента и постановлений Правительства; выборы в новый Парламент назначались на 11–12 декабря 1993 г.; приостанавливалось действие Конституционного суда; на 12 декабря, одновременно с выборами в Парламент, назначался референдум по принятию новой Конституции страны.

Таким образом, в стране волевым решением вводилось президентское правление. В тех условиях это усилило противостояние исполнительной и законодательной власти. Против этого Указа высту-

пили Верховный совет и Конституционный суд, которые определили Указ Президента как антиконституционный. Все это привело к вооруженному конфликту 2–4 октября 1993 г., в ходе которого имелись многочисленные человеческие жертвы.

Политическая жизнь в эти годы накалялась и в нашем регионе. Население довольно дружно высказалось за сохранение СССР. В округе за это проголосовали 77,6% жителей. Руководители округа предпринимали меры по укреплению своего суверенитета. В сентябре 1991 г. был подготовлен проект Закона РСФСР «Об Усть-Ордынском бурятском автономном округе», в котором закреплялись статус округа как исторически сложившегося национально-территориального автономного образования в составе Иркутской области; право на выход из Иркутской области и самостоятельное вхождение в РСФСР; признание официальными языками бурятского и русского, констатировался положение, что земля и ее недра, воды и природные ресурсы являются достоянием населения округа. И по новой Конституции РФ округ закрепился как отдельный субъект РФ с собственным бюджетом.

Однако вскоре стало очевидно, что без поддержки области округ не может решить экономические проблемы в новых условиях. Уже в первые годы стал заметен дисбаланс в экономике области и округа. Так, если в среднем по области обеспеченность основными фондами в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий составляла 86,6 тыс. р., то в округе — 73 тыс. р. Это отражалось и в социальной сфере. В округе была самая большая детская смертность. Средняя продолжительность жизни мужчин была на 6 лет короче чем в среднем по области. На каждого жителя округа на здравоохранение выделялось 65 р., а по области — 90 р. В округе лишь 9% жилья было благоустроено. Почти все школы находились в неприспособленных помещениях. Учитывая это, многие жители округа стали сразу же поднимать вопрос о необходимости объединения с областью. Однако в силу массы причин этот вопрос не мог быть решен быстро.

Вспомним, что еще 8 декабря 1991 г. руководители трех союзных республик России, Украины и Белоруссии подписали Беловежское соглашение о роспуске СССР и образовании СНГ. 25 декабря этого же года Президент СССР М.С. Горбачев ушел в отставку. Начался период подготовки конституций: вновь образованные и теперь независимые государства спешили принять основные законы. Но и внутри Российской Федерации при поощрении центральной власти усилились тенденции суверенизации. В ходе подготовки новых конституций приоритетными виделись вопросы государственной самостоятельности национальных территорий. 12 декабря 1993 г. путем

референдума была принята Конституция России. Теперь Российская Федерация состояла из 89 субъектов, в том числе 21 республика, 6 краев, 49 областей, 2 города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург), 1 автономная область и 10 автономных округов. Заметим, что сегодня фактически в составе Российской Федерации осталось лишь 6 автономных округов: влился в состав Пермской области Коми-Пермяцкий автономный округ, в Красноярский край вошли Эвенкийский и Таймырский автономные округа, а Корякский автономный округ вошел в Камчатскую область. В случае успешного прохождения нашего референдума автономных округов останется пять: Агинский, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий.

Иркутская область расположена в южной части Восточной Сибири. Юго-восточная граница области проходит по озеру Байкал, в состав территории Иркутской области входит примерно половина его береговой линии. Площадь Иркутской области составляет 745,5 тыс. кв. км, население — примерно 2,4 млн чел. В административно-территориальном плане на территории Иркутской области находятся два субъекта Российской Федерации — Иркутская область и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ. Округ расположен внутри области, границ с иными субъектами Российской Федерации не имеет. Площадь Усть-Ордынского Бурятского автономного округа составляет 22,4 тыс. кв. км (примерно 3% от общей площади Иркутской области); население — примерно 0,13 млн чел. (примерно 5% от всего населения Иркутской области). Наличие тесных исторических, культурных, социально-экономических связей, единые природные ресурсы Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа определяют объективный характер объединительного процесса.

Таким образом, вопрос об объединении двух субъектов уже имеет историю. В нем, как и в любом созидательном процессе, дело во многом зависит от личности, принимающей в нем участие. Решение вопросов объединения значительно активизировалось, когда заместителем губернатора Иркутской области стал уроженец округа, бывший депутат Государственной думы, доктор юридических наук, профессор С. Басхолов. Под его руководством была создана рабочая группа, которая анализировала социально-экономические последствия слияния двух субъектов. Но тогда областное руководство еще не спешило.

Наиболее активно и последовательно проблему объединения стал решать новый Губернатор Иркутской области А.Г. Тишанин. И дело быстро стало приобретать реальные черты. Новым руководителям области и округа удалось быстро согласовать вопрос об образовании нового субъекта Российской Федерации. Обе администрации

заявили, что процесс объединения должен пройти с максимальным учетом интересов всех слоев населения и повлечь за собой, прежде всего, повышение экономического благосостояния, повышение качества жизни людей. Было предложено сохранить на весь переходный период нынешние объемы федеральных трансфертов для округа и выделение инвестиций на завершение строительства всех объектов социальной сферы.

11 октября 2005 г. прошли внеочередные сессии законодательных органов области и округа, на которых были приняты постановления об обращении органов государственной власти Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа к Президенту РФ по вопросу слияния области и округа и образования нового субъекта Российской Федерации. В этот же день текст обращения был подписан А.Г. Тишаниным и Главой администрации округа В. Малеевым. 12 декабря 2005 г. президент Российской Федерации В.В. Путин одобрил инициативу по объединению области и округа. Датой проведения референдума определено 16 апреля 2006 г.

Датой окончательного образования нового субъекта, в случае успешного голосования в ходе референдума, предлагается считать 1 января 2008 г. С этого времени и до 1 мая 2009 г. будет действовать так называемый переходный период. В эти годы будут регулироваться межбюджетные отношения, вопросы государственной поддержки, окончатся сроки полномочий органов власти области и округов. Единый бюджет нового субъекта появится в 2008 г. Полномочия государственных органов власти округа прекращаются 31 декабря 2007 г.

В границах нынешнего округа предполагается создать административно-территориальную единицу с особым статусов — Усть-Ордынский Бурятский округ. Этот особый статус будет закреплен и наполнен конкретным содержанием в уставе укрупненного региона. Округу будет гарантировано представительство в региональном парламенте. На территории нынешнего округа будет работать исполнительный орган государственной власти, который возглавит должностное лицо нового субъекта в ранге заместителя Губернатора области.

Важным шагом на пути к объединению двух субъектов явилась поддержка этого процесса политическими организациями области и округа. Сегодня о необходимости объединения заявляют лидеры региональных объединений ведущих партий страны: «Единой России», Аграрной партии России, региональной организации СПС, отделения партии «Родина» и др. Все они убеждены, что объединение крайне необходимо, оно позволит более быстро и комплексно повысить благополучие всех жителей региона.

Особо следует отметить, что объединение субъектов полностью поддерживает созданная в Иркутске Бурятская региональная национально-культурная автономия «Эрхуу» во главе с председателем А. Амагзаевым. В апреле 2005 г. состоялись учредительные конференции в Иркутске, Ангарске и других городах, в которых имелись бурятские культурные центры. А объединительная учредительная конференция состоялась 25 января 2006 г. Высшим органом региональной Национально-культурной автономии является избранный совет из 19 человек. В него вошли наиболее известные представители бурятской общественности. Главная задача «Эрхуу» — сплочение бурятской общественности в рамках объединенного региона для решения вопросов сохранения и развития бурятского языка и культуры. Важным этапом в подготовке на пути к референдуму является подписание в начале февраля 2006 г. администрациями г. Иркутска, Эхирит-Булагатского района и Усть-Орды соглашение о сотрудничестве в сферах образования, культуры, здравоохранения, сельского хозяйства, ЖКХ и потребительского рынка.

Особенностью процесса объединения Иркутской области и округа является и то, что у нас референдум проходит на основе разрешения Президента в ответ на обращение глав субъектов. Объединение субъектов внутри Пермского, Красноярского краев и Камчатской области проходило на основе обращения общественных организаций. Однако подобный опыт показал, что эти организации не несут ни политической, ни правовой ответственности, тем более в сфере государственного строительства. Поэтому по новому закону инициаторами референдумов по таким вопросам могут быть только руководители органов исполнительной власти объединяемых субъектов федерации.

Следует заметить, что именно Иркутск и Усть-Орда первыми уже много лет назад озвучили свое желание объединиться. Тогда бюджетные мытарства руководства округа достигли своего максимума. Это было время, когда в округе месяцами не выплачивалась зарплата, задерживалась выплата пенсий. Без значительной государственной поддержки стала быстро разваливаться основная экономическая отрасль округа — сельское хозяйство. В соседней Иркутской области, считавшейся донором федерального бюджета, таких проблем было намного меньше. Стремление к объединению стало угасать по мере того, как федеральный центр стал оказывать дотационным регионам заметную помощь.

Одна из причин резкого ухудшения экономической ситуации в округе в последние 12 лет заключается в том, что большинство хозяйств не сумели приспособиться к рыночным отношениям. Они привыкли, что раньше государство покупало любое зерно, и потребители не имели

возможности покупать зерно в других регионах. А как только это стало возможным, птицефабрики, свинокомплексы стали закупать зерно на Алтае, в Красноярском крае — где производится более качественное товарное зерно. Теперь же необходимо хозяйствам оказывать значительную помощь, чтобы они могли заинтересовать, прежде всего, местного, то есть областного потребителя качественным зерном.

В настоящее время существуют значительные различия по уровню экономического развития и качества жизни между Иркутской областью и Усть-Ордынским округом. Основа экономики Иркутской области — промышленность: цветная металлургия (25,8% от общего промышленного производства в 2004 г.), лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность (20,7%), машиностроение и металлообработка (15,4%), электроэнергетика (12,8%), химическая и нефтехимическая (6,8%), топливная (5,9%), пищевая (5,9%). Валовая продукция сельского хозяйства составляет около 2% от уровня России при доле в сельскохозяйственных угодьях — 1,25%. Потребление молока, картофеля, овощей и яиц в области полностью обеспечивается собственным производством.

Основной отраслью экономики Усть-Ордынского Бурятского автономного округа является сельское хозяйство. Объем произведенной в округе в 2004 г. продукции сельского хозяйства составил 4,4 млрд р. По уровню объемов розничной торговли, предоставления платных услуг, оказанных на душу населения, Усть-Ордынский автономный округ сегодня занимает одно из последних мест в Российской Федерации — 87-е место, а Иркутская область — 25-е место. Исходя из этого, целью объединения следует признать потребность восстановления в рамках единого субъекта Российской Федерации эффективно функционирующей экономики региона и повышение на этой основе качества жизни населения области и округа.

Объединение Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа позволит повысить эффективность управления экономикой региона, явится важным фактором социально-экономического развития территории объединяющихся субъектов Российской Федерации, создаст предпосылки для преодоления социально-экономической дифференциации Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в течение ближайших лет.

Создание нового субъекта Российской федерации позволит усилить кооперационные связи перерабатывающей промышленности области и окружных производителей товарной сельскохозяйственной продукции. Имеющийся сельскохозяйственный потенциал Усть-Ордынского Бурятского автономного округа позволит обеспечить

потребность населения нового субъекта Российской Федерации в молочном и мясном продовольствии. Развитие инфраструктуры позволит обеспечить экономический рост предприятий, создать рабочие места, снизить уровень безработицы.

Что же необходимо для объединения?

1. Требуется поддержка Президента страны в ответ на обращение руководителей Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского национального округа. Эта поддержка уже практически обеспечена.

2. Нужна поддержка объединения двух субъектов общественностью и руководством области и округа. Известно, что во всех городах и районах проходят многочисленные мероприятия по поддержке этого объединения.

3. Немаловажна поддержка этого шага политическими партиями страны и их региональными отделениями. Сегодня большинство представительств партий не только заявили о поддержке объединения, но и проводят широкую агитационно-пропагандистскую работу для привлечения жителей области и округа к участию в референдуме.

4. Требуется сформировать избирательные комиссии и подготовить все необходимые материалы. Опыт такой работы в регионе вполне достаточен.

5. Однако главное — это участие жителей области и округа в предстоящем референдуме. Ведь необходимо, чтобы свое мнение по этому вопросу высказали более 51% избирателей. Конечно, избирательные комиссии должны быть готовы к повторному голосованию, если в одном из субъектов федерации референдум будет признан несостоявшимся. Чтобы этого не произошло, необходимо всем гражданам области и округа проявить чувство ответственности за судьбу своей страны и высказать свое отношение к объединительному процессу в нашем регионе, а тем сам и к вопросам организации российского федерализма.

И.С. ШАРКЕВИЧ

ИНВАЛИДЫ НА РЫНКЕ ТРУДА АЛТАЙСКОГО КРАЯ: РОСТ БЕЗРАБОТИЦЫ В 1990-е–НАЧАЛЕ 2000-х гг.

Безработица является одной из актуальных проблем современного российского общества. Наибольшие трудности с поиском работы испытывают инвалиды, относящиеся к основной и самой многочисленной категории граждан, особо нуждающихся в социальной защите.

Проведенные исследования показали, что уровень и качество жизни инвалидов значительно ниже, чем у других групп населения. Во многом это объясняется экономическими проблемами, с которыми сталкиваются лица с ограниченной трудоспособностью в силу незанятости или неполной занятости в общественном производстве. Вместе с тем, восстановление трудоспособности и трудоустройство являются наиболее важными показателями реабилитации инвалидов.

Состояние рынка труда Алтайского края на протяжении всех лет рыночных реформ оставалось сложным. Ежегодно растет уровень регистрируемой безработицы. В подобной ситуации возможности трудоустройства инвалидов крайне ограничены.

Низкий уровень жизни, изменение порядка проведения медико-социальной экспертизы способствовали росту числа обращений инвалидов в органы службы занятости. За период 2000–2005 гг., численность официально признанных безработных инвалидов выросла в 3,5 раза — с 2,0 до 7,0 тыс. человек в год. На сегодняшний день 6,9% безработных граждан Алтайского края являются инвалидами.

Одна из причин роста безработицы среди инвалидов — увеличение их общего числа в крае. За последние десять лет количество инвалидов увеличилось почти в два раза. По данным отделения Пенсионного фонда РФ по Алтайскому краю, общая численность инвалидов на начало 2005 г. составила 202,1 тыс. человек (7,88% населения края), из которых лишь каждый десятый имел работу.

В результате перехода большинства предприятий на рыночные отношения ежегодно снижался процент работающих инвалидов. Современные формы организации труда привели к повышению норм выработки, резкой интенсификации труда, высокой требовательности и ответственности к выполняемой работе. Произошедшие на предприятиях изменения сопровождались высвобождением значительного числа работников. В первую очередь это происходило с инвалидами, которые ввиду сниженной трудоспособности и необходимости предоставления им специально созданных условий являлись «обузой» для работодателя.

Произошло сокращение числа работающих инвалидов и на специализированных предприятиях общественных организаций инвалидов. Отмена льгот по налогообложению для организаций, занимающихся коммерческой деятельностью, привела к ликвидации этих организаций или сокращению численности работающих в них инвалидов. Резко сократилась численность инвалидов, временно работающих в системе Всероссийского общества инвалидов по договорам о совместной деятельности. Причиной тому стало условие выплаты заработной платы за счет средств организации, а из средств федерального бюджета — лишь материальной поддержки.

Закон Алтайского края «О квотировании рабочих мест для лиц, особо нуждающихся в социальной защите и испытывающих трудности в поиске работы» № 60-ЗС от 09.12.1998 г. предусматривал порядок квотирования рабочих мест для инвалидов. На предприятиях Алтайского края численностью свыше 30 человек ежегодно трудоустраивались более 7,0 тыс. инвалидов. С 2005 г. данный закон утратил силу в связи с несоответствием федеральным законодательным актам, тем самым снята ответственность работодателей за выделение рабочих мест для этой категории граждан.

Изменение порядка и условий разработки индивидуальных программ реабилитации, которые с 2005 г. стали выдаваться органами медико-социальной экспертизы каждому инвалиду, имеющему остаточную трудоспособность, также привело к росту безработицы среди инвалидов. В целях выполнения мероприятий по профессиональной реабилитации и получения материальной поддержки в форме пособия по безработице инвалиды встают на учет в службу занятости.

В условиях безработицы и спада производства у инвалидов остается все меньше шансов подыскать себе рабочее место, которое соответствовало бы их профессиональной подготовке, и одновременно было бы потенциально пригодно для них по состоянию здоровья. С другой стороны, гарантированное пенсионное пособие, порой в несколько раз превышающее заработную плату, наличие льгот привели к резкому увеличению числа инвалидов с отрицательной установкой на труд.

Повышению конкурентоспособности инвалидов на рынке труда края может способствовать укрепление материальной базы и увеличение производственного заказа для специализированных предприятий общественных организаций инвалидов; принятие действенного закона на региональном уровне о квотировании рабочих мест для этой категории граждан, а также формирование позитивного отношения инвалидов к вопросам профессиональной реабилитации.

В.Е. ШОБОДОЕВ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АВТОНОМНОГО ОКРУГА КАК СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время взаимоотношения краев, областей и автономных округов претерпевают новые изменения, что вызвано политикой центральных органов власти на сокращение числа субъектов Россий-

ской Федерации. Характеризуются эти изменения наделением краев, областей посредством федерального законодательства рядом полномочий, которые они должны исполнять на всей своей территории, включая и территорию автономных округов, входящих в их состав и, соответственно, изъятие этих полномочий у автономных округов. Законодательство об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, при наличии альтернативных способов, регламентирует только один — объединение субъектов Российской Федерации. В целом, наблюдается тенденция издания федеральными органами власти «векторных» нормативно-правовых актов, то есть таких которые при множестве возможностей правового регулирования какой-либо области права регулируют только одну, отвечающую конкретным политическим задачам. Исходя из интересов укрупнения субъектов Российской Федерации, примером подобных нормативно правовых актов можно считать: Федеральный Конституционный Закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта»; Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»; новые редакции Бюджетного и Налогового кодексов; законодательство о референдуме заинтересованных в объединении субъектов Российской Федерации. Полагаем, что данная практика порочна, так как в случае изменения политической конъюнктуры необходимо будет вносить новые изменения в действующее законодательство, либо частично отменять его, вместо того, чтобы изначально предусмотреть несколько вариантов нормативно-правового регулирования того или иного правоотношения. Как показывает практика, единственным способом сохранить свои полномочия для автономных округов является заключение новых договоров между краями, областями и автономными округами о распределении, либо перераспределении полномочий и налоговых доходов.

Опыт прошедших объединений краев, областей с входящими в их состав автономными округами наглядно продемонстрировал необходимость выработки единого механизма их проведения. В результате этого был сформирован комплекс поправок в Федеральный Конституционный Закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта», имевший целью унифицировать и упростить процедуру образования на территории Российской Федерации нового субъекта и сделать ее более прогнозируемой. Посредством федерального законодательства был решена основная проблема объединения — связь инициативы образования в составе

России нового субъекта с инициированием процедуры референдума. Несмотря на это, федеральное законодательство, в качестве источника регулирования процедуры референдума по образованию в составе Российской Федерации нового субъекта, указывает законодательство заинтересованных субъектов. Законодательство субъектов федерации требует дополнительной доработки в связи с тем, что оно не было первоначально рассчитано на процедуру образования в составе России нового субъекта. В особенности, данные изменения должны коснуться законодательства о выборах и референдуме, так как оно принималось, исходя из положений Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» без учета положений Федерального Конституционного Закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта», и закрепленных в нем особенностей проведения референдума по образованию в составе Российской Федерации нового субъекта.

Определить готовность, либо не готовность субъектов федерации к объединению можно по совокупности трех критериев: правового; экономического; национально-культурного.

В основе *правового критерия* лежит соответствие законодательства заинтересованных субъектов требованиям объединения. При образовании Пермского края основной задачей сторон являлась корректировка нормативно-правовой базы обоих субъектов. Данная задача была выполнена, более того, стороны при помощи договоров и соглашений разрешили два самых сложных вопроса — дата проведения референдума и «согласованный» вопрос референдума. Красноярский край, Таймырский и Эвенкийский автономные округа также стремились усовершенствовать свои законодательные базы. К сожалению, опыт Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа был ими воспринят не полностью, в результате чего остался ряд проблем, из-за которых объединение несколько раз откладывалось. Иркутская область и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ неоднократно предпринимали попытки объединиться, но по причине неготовности нормативно-правовой базы (в особенности законодательства Иркутской области о референдуме) они были безуспешными. В настоящее время этим субъектам предоставляется уникальная возможность испытать новую схему проведения объединения, выработанную с учетом ранее возникавших трудностей.

Экономический критерий формируется на основании экспертных оценок, которые должны обосновать или опровергнуть экономичес-

кую целесообразность и пользу объединения. Необходимость объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа состояла изначально в том, что, несмотря на слабое экономическое развитие округа, в случае успеха «первого опыта», федеральные власти за счет собственных средств обеспечивали финансирование программ по развитию инфраструктуры и социальной сферы нового региона. Польза объединения Красноярского края с Эвенкийским и Таймырским автономными округами также очевидна. Эти регионы представляют собой мощный промышленный комплекс, в котором округа являются источником ресурсов, а край — перерабатывающей базой. Объединение Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа с экономической точки зрения выглядит менее перспективно. Округ — это регион, не имеющий промышленных предприятий, а сельское хозяйство функционирует, в основном, за счет дотаций бюджетов разных уровней. Иркутская область тоже имеет ряд «проблемных» районов, которые существуют на средства, выделяемые по федеральным программам поддержки северных территорий и дотаций из областного бюджета. В случае объединения возникнет необходимость в дополнительных затратах на финансирование убыточных территорий Усть-Ордынского округа, в результате чего сократится финансирование дотационных районов Иркутской области. Отсутствие дополнительных источников доходов, при увеличении числа расходов, снизит общий уровень жизни населения в экономически не развитых районах Иркутской области.

Национально-культурный критерий. Данный критерий является одним из самых сложных из-за необходимости индивидуального подхода к каждому из заинтересованных субъектов. При объединении Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в законодательстве был закреплен «особый статус» территории бывшего автономного округа, который должен быть прописан в уставе Пермского края (устав пока не принят). При образовании Красноярского края данный вопрос вообще был «обойден стороной», в результате чего не понятно, каким образом будет гарантироваться сохранение национальной самобытности коренных народов севера. Во избежание подобных проблем, при объединении Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа следует осуществить комплекс мероприятий: разработать и представить населению обоих субъектов программу по сохранению и развитию национальных и культурных особенностей жителей автономного округа после объединения; зафиксировать гарантии развития этих особенностей посредством нормативно-правовых актов; предусмотреть в бюджете

нового субъекта расходы на реализацию данных программ; обеспечить в законодательном органе нового субъекта представительство жителей округа, достаточное для эффективной защиты своих прав и интересов; включить в Устав нового субъекта положения об особом статусе Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, механизмы реализации и гарантии этого статуса.

Автор полагает — прежде чем запускать механизмы любого объединения необходимо провести детальное и независимое изучение его возможностей и последствий, с результатами которого ознакомить население.

При разработке нормативно-правовых актов, касающихся коренных и малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, следует учитывать ряд факторов (исторический опыт, международные правовые нормы, мнение самих коренных народов и т.д.). Чтобы законы эффективно работали необходимо приоритетное обеспечение прав именно народов, а не административных образований. Несоответствие удельного веса коренного населения и размеров территории делают иллюзорной для него административную автономию в масштабах округов. Этническая структура населения не может служить в дальнейшем основой административно-территориального устройства России, ее субъектов.

А.Н. МАКЕЕВ

ВКЛАД Н.В. ФОМИНА В РАЗВИТИЕ СИБИРСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Многим исследователям Нил Валерианович Фомин (1890–1918 гг.) знаком, прежде всего, как активный политический и общественный деятель, принадлежавший к партии социалистов-революционеров, и член Всероссийского Учредительного Собрания. Как человек, внесший весомый вклад в развитие кооперации в Сибири, он до сих пор не рассматривался. Тем не менее, историю сибирской кооперации без его имени представить трудно.

Родился Н.В. Фомин в Финляндии в 1890 г. С трех лет проживал Петрограде. В шестнадцать лет он вступил в партию социалистов-революционеров. Активно участвуя в работе партии, он неоднократно подвергался арестам. Увлечение Фомина кооперацией было связано с ссылкой в Сибирь после очередного ареста в 1912 г. Попав в непривычные для себя условия, он нашел выход своей энергии, посвятив себя делу кооперации. Он прошел путь от счетовода Ирбейского ссудо-сберегательного товарищества в Канском уезде Енисейской губернии до заведующего секретариатом «Закупсбыта».

Занимая различные должности, Н.В. Фомину приходилось сталкиваться с проблемами кооперативного строительства, которые были характерны как для Енисейской губернии, так и для всей страны в целом. Одной из таких проблем был сбыт крестьянами своей продукции, в частности хлеба. Пользуясь разобщенностью крестьян и отсутствием специальных помещений для хранения зерна, разного рода спекулянты скупали его осенью по искусственно заниженным ценам. Видя ненормальность данной ситуации, Н.В. Фомин один из первых через Ирбейское ссудо-сберегательное товарищество организовал сбыт хлеба (Кандидаты на Учредительное Собрание // Сибирская деревня. 1917. № 28–29. С. 17).

В 1914 г. практический опыт в данной области был обобщен в статье под названием «Что такое кооперативный сбыт хлеба и какая польза от него крестьянину», которую Фомин разместил в журнале «Сибирская деревня». В этой статье он доказывал необходимость

кооперативной организации всего хлебного дела (Фомин Н.В. Что такое кооперативный сбыт хлеба и какая польза от него крестьянину // Сибирская деревня. 1914. № 13. С. 11).

Выведя Ирбейское ссудо-сберегательное товарищество в одно из передовых в Енисейской губернии, у Фомина возникла идея создания «Посреднического товарищества кредитных и ссудо-сберегательных товариществ Канского уезда» и план организации Губернского Енисейского Союза кредитных и судо-сберегательных товариществ. Преодолев определенные трудности, «Посредническое товарищество кредитных и ссудо-сберегательных товариществ Канского уезда» было организовано, что сделало возможным скоординировать кооперативным учреждениям мелкого кредита свои действия на территории Канского уезда. Впоследствии оно было реорганизовано в Канский союз кредитных и судо-сберегательных товариществ. Организацию же Губернского Союза кредитных товариществ пришлось приостановить, так как Н.В. Фомин являлся ссыльно-поселенцем, и ему запрещалось выезжать за пределы с. Ирбей.

Большое внимание во время работы Фомин уделял ревизионной деятельности инструкторских отделов союзов. В 1916 г., после того как он получил право передвижения по Сибири в должности заведующего инструкторским отделом Торгово-промышленного товарищества потребительских кооперативов Енисейской губернии, Фомин объехал ряд уездов губернии и провел несколько формально-юридических ревизий обществ потребителей. Результатом стала классическая работа в этой области «Акт ревизии Минусинского общества Потребителей», которая впоследствии была признана лучшей по данному вопросу и изучалась инструкторами, посвящающими себя ревизионной деятельности.

К этому же времени относится и формирование взглядов в проекте положения о Секретариате Союза Н.В. Фомина по вопросу взаимоотношений между «торговой» и «неторговой» деятельностью кооперации, как равноценных, единой природы и дополняющих друг друга областях деятельности. Отсюда вытекал вывод о признании зависимости секретариатов от общего руководящего органа союза — Правления (Фомин Н.В. По поводу статьи Махова // Сибирская кооперация. 1918. № 3. С. 122).

В должности заведующего секретариатом «Закупсбыта», Н.В. Фомин принимал участие в организации съезда кооперативных работников по статистике в союзных объединениях Сибири. Съезд проходил 26–30 апреля 1918 г., Фомин выступил с докладом «О взаимоотношениях между статистическими отделами и инструкторскими коллегия-

ми при районных союзах». Благодаря в том числе и Фомину, именно на этом съезде были заложены основы кооперативной статистики в Сибири (Светлой памяти Н.В. Фомина // Сибирская кооперация 1919. № 1. С. 6). Фомин разработал положения — о Секретариате «Закупсбыта», об инструкторском отделе, об обязательных ревизиях кооперативных союзов и пр. Эти разработки положили организационную основу всей неторговой деятельности не только Секретариата «Закупсбыта», но и всей сибирской потребительской кооперации.

На проходившем в 1918 г. съезде по неторговой деятельности кооперативных объединений, входящих в «Закупсбыт», Н.В. Фомин выступил с докладом «Задачи, объем и организация неторговой деятельности кооперативных союзов», в котором дал, по общему признанию деятелей сибирской кооперации, лучшее и более правильное и более глубокое определение сущности понятия «кооперация», чем кто-либо давал такое определение до него. По его определению, «кооперация — это, прежде всего определенный, своеобразный метод социализации народного хозяйства. Кооперация в современном строе является одним из наиболее могучих, совершенных и прямо ведущих к цели социализации факторов. В этом социализирующем влиянии кооперации на строй современной народно-хозяйственной жизни, в создании его объективных предпосылок грядущего социального переворота заключается «историческая миссия» кооперации в современном строе. Здесь кооперация выполнит «провиденциальную» роль, непрерывно подтачивая твердыню буржуазно-капиталистических отношений и тотчас же вращивая в пробитые бреши новые социальные формы, присущие строю будущему» (Светлой памяти Н.В. Фомина // Сибирская кооперация. 1919. № 1. С. 6). Это высказывание, на наш взгляд, является достаточно спорным. Во-первых, кооперация возникла задолго до появления капиталистических отношений и не являлась результатом их развития. Во-вторых, во многом ей были присущи чисто капиталистические черты. Так же Н.В. Фомин доказывал, что если руководители потребительского или кредитного кооператива, члены правления какого-либо союза безразличны или даже враждебны социализму, то роль кооперации как социалистического фактора от этого не изменяется (Иванов Б.Д. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976. С. 92).

За шесть лет жизни в Сибири Н.В. Фомин внес существенный вклад в развитие кооперации. При его непосредственном участии были заложены основы кооперативной статистики, материалы которой сегодня позволяют всесторонне изучать историю кооперации. Разработанные им доклады, позволили решить важные управленческие вопросы, та-

кие как разграничение полномочий между различными отделами, ревизионная деятельность в кооперативах и многое другое. Кооперация, во многом благодаря Н.В. Фомину, стала в Сибири мощным, динамично развивающимся социально-экономическим организмом.

Т.В. ХАБАРОВА

КВЖД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА.
Политические и военные позиции А.В. Колчака и Д.Л. Хорвата

Первые известия о падении самодержавия в Петербурге были получены в Харбине 3 (16) марта 1917 г., а уже на следующий день в городе возникли Совет рабочих и солдатских депутатов и Комитет общественных организаций, действовавший от имени Временного правительства. (Соломеник В. Борьба за Советскую власть в полосе отчуждения К.-В.ж.д. (По материалам Истпарта ДВ ЦК 1917–1920 гг.) // Дальиспарт. Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке: В 3 кн. Владивосток–Чита, 1923–1925. Кн. 3. С. 51). Одновременно власть пытался осуществлять и управляющий КВЖД генерал Д.Л. Хорват. Большевики пытались установить советскую власть и низложить генерала, но он разогнал бунтовщиков, а зачинщиков выслал, за что «красные» обвинили его в «сдаче Маньчжурии китайским мандаринам». Д.Л. Хорват намеревался создать в полосе отчуждения на средства дороги специальные войска для борьбы с большевиками. Организация вооруженных формирований была поручена А.В. Колчаку, который входил в состав правления КВЖД. Однако уже к концу июня стало ясно, что из этой затеи ничего не выйдет, поскольку полевые казачьи командиры Г.М. Семенов и И.М. Калмыков решили воевать самостоятельно.

Полковник Д.Л. Хорват в ноябре 1902 г. был назначен управляющим КВЖД, а 6 декабря 1911 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. Он внес огромный вклад в развитие КВЖД, в ее техническое оснащение, в строительство станционных зданий, жилья для железнодорожников, в организацию местного производства, в т.ч. в создание новых отраслей промышленности. При нем возникли стекольные, кирпичные, кожевенные заводы, а также фабрики по выпуску макарон. Получило развитие сельское хозяйство. В 1915 г. Обществу КВЖД (Правление КВЖД, учредителем которого был Русско-Китайский (с 1910 г. — Русско-Азиатский банк в Хабаровске) принадлежало несколько сахарных, маслобойных заводов, золотых

приисков, 15 мельниц, 30 морских и речных пароходов, 26 пасек, 11 сельскохозяйственных имений, 13 лесопромышленных предприятий, в т.ч. 5 лесозаводов по производству шпал. Инвестиции Правления дороги в добычу угля в районе Чжалайнора (ныне Джалай-Нур) в 1914 г. оценивались более чем в 10 млн р. Большие средства вкладывались в городское и жилищное строительство, а также в торговлю и банковское дело.

Д.Л. Хорват сразу выступил против попытки установления на КВЖД советской власти. Придя к выводу, что подавить революционные выступления солдат и рабочих на КВЖД собственными силами не удастся, он решился на отчаянный шаг — призвал на помощь китайские войска. 24 декабря 1917 г. китайские власти предъявили Совету ультиматум о высылке из Харбина революционно настроенных 618-й и 559-й дружин Охранной стражи, и сочувствующих о роспуске Совета. (Хейфец А.Н. Указ. соч. С. 131.) В этот же день М.Н. Рютин, первый председатель Совета солдатских депутатов — меньшевик, выступил в последнем номере «Голоса труда» с прощальным обращением к рабочим полосы отчуждения, в котором Д.Л. Хорват был им обвинен в предательстве — «сдаче Маньчжурии китайским мандаринам» (Соломеник В. Указ. соч. С. 61).

Позже ряд эмигрантских авторов также осуждали генерала за обращение к китайским властям, считая, что это нанесло «удар по русскому престижу в Маньчжурии». Однако, сторонники Д.Л. Хорвата, напротив, объясняли действие Управляющего патриотическими побуждениями, желанием сохранить работоспособность дороги и защитить русское население (Петров В. Город на Сунгари. Вашингтон, 1984. С. 20). Известный шанхайский журналист Н. Лидин впоследствии утверждал, что, поступи Хорват иначе, японцы оккупировали бы эту территорию и «эра русского благоденствия, в частности эмигрантского, в Северной Маньчжурии закончилась бы на много лет раньше» (Возрождение. 1929. 5 окт.). Очевидно одно: подобные меры были предприняты Управляющим с единственной целью — предотвратить переход власти в Харбине и на линии в руки большевиков, чтобы обеспечить стабильную работу дороги.

Подавив революционные выступления на КВЖД, Хорват не успокоился. Он был глубоко убежден, что борьба с большевиками в пределах всей России «может увенчаться успехом только в том случае, если будет начата и на Дальнем Востоке. При этом он допускал, что при подготовке средств в свободной от большевиков полосе отчуждения КВЖД можно использовать помощь со стороны союзных держав». С этой идеей Хорват в апреле 1918 г. направился в Пекин — на

совещание о ситуации на КВЖД с китайскими властями и российскими представителями, российским посланником князем Н.А. Кудашевым, известным финансистом и промышленником А.И. Путиловым, А.В. Колчаком и др. (Ватранцев В.Д. и др. Помни Отечество // Дело не получило благословения Бога. Хабаровск, 1922. С. 11). Русские участники совещания и представители китайского правительства согласились с предложением Д.Л. Хорвата образовать новое Правление КВЖД, так как большая часть прежнего осталась в Петрограде. В соответствии с уставом 1896 г. было сформировано новое Правление, в состав которого вошли губернатор Гиринской провинции, несколько китайских членов, Путилов, Колчак и др. Хорват был избран председателем Правления (Колчак Александр Васильевич — последние страницы жизни / Сост. Г.В. Егоров. Барнаул, 1991. С. 168–170).

Идея Хорвата о создании в полосе отчуждения на средства дороги вооруженных формирований для борьбы с большевизмом была полностью поддержана участниками совещания. Формирование этих отрядов и было поручено А.В. Колчаку, который поэтому до сентября 1918 г. входил в состав Правления КВЖД в качестве военного члена (Хейфец А.Н. Указ. соч. С. 133). Однако уже к концу июня 1918 г. Колчак понял, что из этой затеи создать единые вооруженные силы для борьбы с Красной Армией в полосе отчуждения ничего не выйдет. Основная причина провала этого плана — нежелание атамана Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова и атамана Уссурийского казачьего войска И.П. Калмыкова подчиняться Колчаку.

При встрече в Пекине князь Н.А. Кудашев рассказал А.В. Колчаку о формировании вооруженных сил на юге России, где действовали добровольческие армии генералов Алексеева и Корнилова. А.В. Колчаку предложили начать подготавливать Дальний Восток к тому, чтобы создать здесь вооруженную силу, для того, чтобы обеспечить порядок и спокойствие на Дальнем Востоке». А.В. Колчак дал согласие на сделанное ему предложение. Позднее в Пекине состоялись встречи его с рядом политических деятелей, представителей КВЖД, включая управляющего ею Д.Л. Хорвата и А.И. Путилова. Он убедился, что русскими политиками действительно вынашивается идея создания в районе КВЖД крупных вооруженных сил с тем, чтобы в дальнейшем двинуть их против большевиков, то есть начать движение, подобное тому, которое возникло на юге страны. В то время, видимо, на Колчака делалась большая ставка. Его, вероятно, все это устраивало. Тогда то и было решено, для удобства действий ввести А.В. Колчака в правление КВЖД, чтобы он занимал какое-то официальное положение.

Главной задачей А.В. Колчака в Харбине было формирование на Дальнем Востоке вооруженных сил, противостоящих советской власти. Но уже в силу этого его деятельность переставала быть чисто военной, она становилась и политической. Ему приходилось иметь дело с различными политическими организациями. А их на Дальнем Востоке, и особенно в зоне КВЖД, появилось очень много.

В феврале 1918 г. В Харбине по инициативе Хорвата и Колчака был образован Дальневосточный комитет защиты Родины и Учредительного собрания, ведущая роль в котором принадлежала Д.Л. Хорвату. Комитет включал в себя силы либерально-демократической, а отчасти и право-монархической ориентации. К моменту возвращения Колчака в Китай в Харбине появилось временное правительство автономной Сибири во главе с эсером — П.Я. Дербером, возникшее в Томске и вынужденное бежать от Советов на восток. Эти два органа конкурировали между собой. Доминировал, безусловно, комитет. Однако, все сильней оказывалось влияние Японии и на комитет Хорвата. В тогдашних условиях без поступления оружия, из этой рядом расположенной страны, начинать формирование боевых отрядов было невозможно.

Войдя в состав управления КВЖД, А.В. Колчак контактировал, прежде всего, с Д.Л. Хорватом. Но, как уже упоминалось выше, ему с самого начала пришлось столкнуться с «атаманщиной», с Г.М. Семеновым, который, прочно поддерживаемый японцами, стремился проводить независимый от существующих в Харбине организаций курс, в том числе в создании вооруженных отрядов.

С апреля 1918 г. Колчак, находясь в Харбине, часто выезжая в места дислокации различных отрядов, приступил к выполнению своей задачи под эгидой обновленного правления КВЖД. Он начал быстро формировать крупные соединения. Формирование вооруженных отрядов развертывалось под предлогом укрепления охраны железной дороги. Основные средства, в том числе и на оплату приобретаемого оружия, давало правление КВЖД. Однако, А.В.Колчаку пришлось столкнулся с невероятно большими трудностями, острой конкурентной борьбой различных политических сил, нараставшим давлением Японии.

Представители Японии пытались влиять и на него, при этом прибегая к различным методам. Готовя интервенцию и видя «неподатливость» адмирала, они, японцы, пришли к выводу, что целесообразней было бы его как-то отстранить от дел. Готовились к вступлению на российскую территорию не только семеновцы, но и те отряды, которые находились в его подчинении, в распоряжении правления

КВЖД, Дальневосточного комитета. Одновременно здесь развертывалась острая борьба. Группа П.Я. Дербера предприняла попытку выйти на первый план, но этого ей добиться не удалось. Попытка ее опереться для этого на земство Приморья также не увенчалась успехом. Областная земская управа во Владивостоке сама объявила себя законной местной властью. Д.Л. Хорват в начале июля провозгласил себя Временным Верховным правителем России и стремился с военными силами выйти на территорию страны, с дальневосточных пределов которой в это время советские отряды, терпевшие поражение, откатывались на запад.

Летом 1918 г. гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке стала всеохватывающей. Большевики призывали народ начать гражданскую войну в деревне против контрреволюционных сил. Обострение Гражданской войны в этом регионе способствовало «расказачивание», и попытка советских властей задержать, разоружить части чехословацкого корпуса. На всей территории России полыхала гражданская война. Она сопровождалась широкой военной интервенцией японских, английских, французских, американских и иных сил. В частности, на Дальнем Востоке высадились войска Японии, и подразделения других союзников по первой Мировой войне, России — США, Англии, Франции.

С самого начала работа А.В. Колчака в Харбине шла тяжело. Прежде всего, из-за того, что слишком много было препон на пути объединения мелких отрядов. Фактически не уделял должного внимания этому вопросу и Д.Л. Хорват. Более того, он стал проявлять заметную подозрительность по отношению к адмиралу. Д.Л.Хорват стремился сделать собственную всероссийскую политическую карьеру. Он видел конкурента во властном, деятельном и широко известном в России А.В. Колчаке. Но главное противоречие между ними было то, что Колчак ориентировался главным образом на контакты с западными странами, прежде всего на Англию и США, а Хорват же во все большей мере сближался с Японией. У Колчака к политиканствующему, лавирующему генералу, стало складываться неуважительное отношение. Дело дошло до публичных, негативных оценок А.В. Колчаком действий Д.Л. Хорвата.

Однако Д.Л. Хорвату удавалось удерживать власть. В 1918 г. административная власть в полосе отчуждения и управление дорогой по-прежнему оставались в ведении генерала. Но правовое положение как самой КВЖД, так и российского населения на линии стало в 1918 г. уж очень неопределенным, а политическая ситуация в полосе отчуждения — весьма сложной. Этому способствовало обострение

борьбы за власть — в пределах Дальнего Востока и всей России — не только между «красными» и «белыми», но и между различными политическими группировками, всевозможными правительствами и отдельными личностями.

В это время в Харбине волею судеб оказались одновременно несколько претендентов на роль «спасителя России» — в том числе адмирал А.В. Колчак, генерал Д.Л. Хорват. Тогда же в Харбине появилось и два правительства, не обладавших на самом деле никакой реальной властью, но активно мешавших объединению антибольшевистских сил в одно целое. Так, в феврале 1918 г. представителями крупной буржуазии на Дальнем Востоке были созданы Дальневосточный комитет активной защиты родины и Учредительное собрание (или Временное Сибирское правительство), полностью зависевший от Хорвата и проявлявший «чрезвычайно малую и слабую политическую деятельность» (Голинков Д. Д. Крушение антисоветского подполья в СССР: В 2 кн. М., 1986. Кн. 1. С. 107).

Сам Хорват, как, впрочем, и многие другие политические деятели в этот трагический для России период, также попытался сыграть роль «спасителя Отечества». 9 июля 1918 г. на станции Гродеково генерал Д.Л. Хорват объявил себя временным «верховным правителем России» — «до восстановления, при содействии народа, порядка в стране и до созыва свободно избранного Учредительного собрания, которое, как он доказывал, и установит образ правления Российского государства» (Воззвание Д.Л. Хорвата // Дело не получило благословения Бога. С. 13).

Претензии Хорвата на высшую государственную власть в стране также породили самые различные оценки в эмигрантских публикациях. Так, авторы, близкие к лагерю Хорвата, объясняют подобные действия генерала — «осторожного и деликатного по натуре» — сильнейшим давлением на него со стороны различных общественных организаций Сибири и Дальнего Востока, а также «советами представителей дружественных держав» (Великая Маньчжурская империя: к десятилетнему юбилею. Харбин, 1942. С. 277).

Более того, другой кандидатуры, по их мнению, для возглавления белого движения не было ни в Харбине, ни во Владивостоке. Писатель В. Максимов, наоборот, утверждает, что Хорват вовсе не претендовал на власть, а явился одним из сторонников провозглашения «верховным правителем» Колчака (Максимов В. Звезда адмирала Колчака. Челябинск, 1993. С. 24–25). Н. Лидии считает, что Хорват не только «по складу своего характера, индивидуальным данным не подходил на амплуа вождя», но и к самой «белой идее» — «пока на-

род болен большевизмом» относился скептически (Последние Новости. 1937. 13 июня. С этим утверждением шанхайского журналиста трудно согласиться, т.к. до самой смерти в 1937 г. Хорват претендовал на роль главы дальневосточной администрации.)

В этой связи интересны сделанные А.В. Колчаком оценки действий генерала — прямо противоположные. Летом 1918 г. в интервью «Моей газете» (Владивосток). Он заявил: «О правительстве Хорвата не могло быть серьезного разговора... Это — пародия на правительство. В полосе отчуждения, какое могло быть правительство? Правительство, какое каждый китайский городовой может выселить!» (Дело не получило благословения Бога. С. 21). Хотя на допросах Следственной комиссии А.В. Колчак утверждал уже обратное: из всех лиц, которые были известны на Дальнем Востоке, «Хорват единственный мог претендовать на это, так как он давно уже был на Востоке в качестве главноначальствующего полосы отчуждения, был известен на Востоке всем...» (Колчак Александр Васильевич — последние страницы жизни. С. 21).

Что же касается поста Управляющего КВЖД, то Хорват решил оставить его, сохранив за собой только звание председателя Правления. Поклонники генерала и этот поступок Дмитрия Леонидовича считают героическим: «Оставить вполне налаженную работу на КВЖД и пожертвовать своим видным и почетным положением в Маньчжурии», чтобы «выступить против большевиков и всех предателей России» мог сделать только сильный, патриотичный человек России (Дело не получило благословения Бога. С. 12).

14 ноября 1918 г. Д.Л. Хорват окончательно сложил с себя звание временного правителя, оставшись Верховным уполномоченным на Дальнем Востоке — уже от Временного Всероссийского правительства. (Временное Всероссийское правительство, или Уфимская директория, образовано на государственном совещании в Уфе 8 сентября 1918 г.). После свержения 18 ноября 1918 г. власти этого правительства адмиралом Колчаком (также провозгласившим себя «верховным правителем России») Д.Л. Хорват остался в Харбине все в той же роли — Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке — но теперь уже от Омского правительства Колчака (Часовой. 1933. № 108–109).

В этих неустойчивых в России условиях китайское правительство начинает потихоньку прибирать КВЖД к своим рукам. 2 октября 1920 г. министр путей сообщения Китая Е. Гунчжо подписал с Русско-Азиатским банком соглашение «О совместном управлении Китайско-Восточной железной дорогой», в котором было заявлено, что, «ввиду полной дезорганизации России» Китай временно, до будущего со-

глашения со «стабильным» русским правительством, берет на себя «верховный контроль» над дорогой. Договор предусматривал платежи Общества КВЖД Китаю, введение в Правление дороги новых китайских директоров, замену русской полиции китайской (Попова Е.И. Указ. соч. С. 104–105). Таким образом, китайская сторона подводила правовую основу для полного перехода дороги в руки Пекина.

Таким образом, Д.Л. Хорват и А.В. Колчак продолжали сотрудничать, и после укрепления А.В. Колчака в г. Омске. И Д.Л. Хорват оставался надежным его союзником в борьбе с большевиками.

И тем не менее главной причиной провала хорватского плана создания на КВЖД объединенных сил для борьбы с Красной Армией кроются в непрекращающейся борьбе за власть политических лидеров (Дербера, Хорвата, Вологодского и т.д.) и остром соперничестве военных лидеров (Колчака, Семенова, Калмыкова и др.).

А.Н.ЧИКИШЕВА

Н.С. ЩУКИН И КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Николай Семенович Щукин (1792–1883), проживший в Иркутске и, в целом, в Сибири значительную часть своей жизни, известен сегодня, в основном, как популярный писатель-романист. Его романы «Посельщик. Сибирская повесть» (1834 г.), «Ангарские пороги. Сибирская быль» (1835 г.) получили широкую популярность среди читающей публики XIX в. и, в то же время, были беспощадно разобраны на «составляющие» критиком В.Г.Белинским, не увидевшем в работах писателя настоящей литературы. (См. например: Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 1. С. 132–136, 169–170).

Мы не будем в данной работе подробно останавливаться на романических повестях Щукина — интересных и достаточно спорных в краеведческом отношении, получивших, к тому же, всестороннее рассмотрение современных критиков-литераторов (См.: Курдина Н.Н. Романические повести Н.С. Щукина [«Посельщик», «Ангарские пороги»], Типология героя и конфликта // Тенденции развития русской литературы в Сибири в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1985. С. 22–37; а также множество работ Азадовского М., Петряева Е.Д., Постнова Ю.С., Кунгурова Г. и др.)

Однако, говоря о трудах Н.С. Щукина, хочется отметить общую тенденцию, которая прослеживается в работах первых сибирских

краеведов — стремление развенчать миф о Сибири как о «царстве мрака и хлада», показать в самых ярких красках богатство, красоту и девственность природы, доброту и отзывчивость людей здесь проживающих. Эти мысли были достаточно четко сформулированы Н. Щукиным в предисловии к роману «Посельщик»: «Зачем слово «Сибирь» произносят со страхом, зачем им стращают порочнаго шалуна, пугают опаснаго вольнодумца? — Мы привыкли представлять себе Сибирь, страною хладною, состоящею из одних степей, покрытых ледяною корою, по коим влачат, кое-где, несчастную жизнь ссыльные и дикари. Мы привыкли почитать Сибирь убежищем порока и преступлений, скопищем нарушителей закона и совести. Добрые мои соотечественники! не обижайте прекрасной страны несправедливым мнением, не чуждайтесь ею, — она ваша родная, и в ней есть добрые, даже мыслящие люди. В ней говорят тем же языком, какой вы слышите на берегах Невы и Волги. В ней возжигается благодарственный фимиам Всевышнему на таком же алтаре, как и здесь. В ней исполняют повеления Того же Монарха, Царя Сибирскаго; — и если деньги, скопленныя вашими предками, вы охотно разбрасываете по городам Европы, откуда по большой части вывозите вредныя, несвойственныя нашему отечеству новости, то почему же не посмотреть вам на живописную, девственную природу Сибири? (Щукин Н. Посельщик. Сибирская повесть. СПб.: Изд. А. и И. Лазаревых, 1834. С. 9–11).

В данной работе мы стремимся рассказать о других менее известных и доступных современному читателю статьях. (Следует заметить, что сведения о выходных данных, рассматриваемых ниже работ, к сожалению, далеко неполны; в данной статье работы Н.С. Щукина цитируются по опубликованным отдельным оттискам, не имеющим места и времени издания.)

Так можно назвать две статьи, посвященные добыче золота в Иркутской губернии. Одна из них — «Записки первого золотоискателя в окрестностях Иркутска» (опубликована в Журнале Министерства внутренних дел. 1858. Ч. XXVIII. Отд. III. Кн. 1), где автор с первых строк стремится заинтересовать читателя историей освоения золотых приисков в губернии. «Нынешний город Балаганск, стоящий на левом берегу реки Ангары, в 180 верстах ниже Иркутска, составлял, в 1805 г. коммиссарство, по нынешнему стан. Им управлял чиновник Бейтон, потомок Афанасья Бейтона, известнаго обороною и сдачею Албазина, старинной крепости на реке Амуре. Коммиссар заведывал своим округом, как помещик имением. Один из бурятских родоначальников, или Даргу, поднес Коммиссару глухаря. Дело самое обыкновенное, но следствия от него произошли важныя. Повар стал чис-

тить глухаря и нашел в зобе два или три кусочка золота. Находку он показал Коммиссару, а тот представил ее Губернатору, и завязалось дело. В Сибири о золотых россыпях тогда не имели еще понятия. Призванный из Нерчинских заводов Горный Офицер, как видно неглубокий знаток, съездил в Балаганск, отобрал показание от повара и Бурятскаго родоначальника и донес Губернатору, что глухарь птица вольная, в один день пролетает верст сто и более; перелетает без паспорта за границу в Китай, а там, как известно, производятся золотые разработки; мудреноли, что глухарь проглотил где-нибудь в Китае несколько крупинок золота, перелетел к нам и попал под пулю. Тем дело и кончилось.

Спустя лет пять, а может быть и более, кто-то убил глухаря на реке Белой, впадающей в Ангару, ниже Иркутска, верстах в 80, и у этого глухаря нашли в зобе порядочную крупинку золота. Начались розыски, и опять дело кончилось ничем» (Щукин Н. Записки первого золотоискателя в окрестностях Иркутска. Отд. отт. С. 1–2).

Основную же часть работы занимает описание приключений в поисках золота одного из чиновников особых поручений и учителя естественных наук при гимназии, которые специально были назначены генерал-губернатором Лавинским; к сожалению, имена их не указаны. Учитель гимназии вел журнал своего путешествия. Щукин отмечает, что: «он [учитель — Ч.А.Н.] знакомит нас с местностию изследованнаго околотка, породами из царства ископаемаго и флорою. С этой точки зрения никто еще не смотрел на берега рек Ангары и Белой, равно и на пространство, лежащее между ними». (Там же. С. 3). Исходя из ценности собранного экспедицией материала Щукин стремится доподлинно передать виденное «первыми золотоискателями» и цитирует выдержки из журнала. Мы также приведем некоторые любопытные замечания исследователей: «1824 г., июля 17. Выехали из Иркутска по Московской дороге; путь лежал на север через станции Зуй, Биликтуй до села Мальты, стоящаго на реке Белой. Зуй получила свое название от какого-то поселенца Зуя, долго содержавшаго здесь постоялый двор, по-Сибирски зимовье, потом учреждена тут почтовая станция, наконец построено казенное поселение, куда водворяют поселенцев, присылаемых из Европейской России.

До селения Мальты мы не делали почти никаких геогностических наблюдений, ехали какбы к точке, от которой надлежало нам начать свои изыскания. Многим покажется занимательным сходство деревни Мальты с рыцарским островом тогоже имени, возвышающемся на Средиземном море. Мы спрашивали у крестьян, откуда происходит название деревни: «от речки Мальты», отвечали они, а что значит это

слово — решительно не знали. Мальта слово Монгольское и произносится «мальту» или «малету», что значит скот. Вероятно у Бурят, старинных обитателей, бывали здесь хорошия отгонныя пастбища. От Мальты начинается обширная степь, на которой кочуют буряты Аларские и Балаганские; однако с большой дороги не видно их юрт; полоса по обе стороны дороги населена Русскими, да и вверх по реке Белой тянутся Русския селения, до того места, где река зжимается горами. От Мальты мы свернули с большой Московской дороги влево и пустились по реке Белой. Река эта несудоходна, вытекает из гор, сопровождающих Китайскую границу, и впадает в Ангару. В пяти верстах от Мальты стоит большая деревня Тайтурка, а в 15 верстах от нея деревня Узкий-Луг, примечательная тем, что здесь добывают огнепостоянную глину для плавильных горшков. По дороге мы находили кремни, роговик, разноцветныя яшмы, кварц и Лидийский камень» (Там же. С. 4–6).

Рассматривая складывающуюся экономическую ситуацию, Щукин отмечает, что начинает возвышаться цена на хлеб, мясо, лошадей, рабочие руки; поселенцы уходят от крестьянина на поиски золота, от чего значительно страдает хозяйство; постепенно становится невыгодной фабричная промышленность; зверь уходит дальше в лес — оттого «золотопромышленность действует разрушительно и на звериные промыслы» (Там же. С. 15). В заключение автор делает вывод о том, что дороговизна съестных припасов вредит даже самой золотопромышленности — владельцы небогатых россыпей несколько лет уже не получают своего дивиденда, казна имеет свою прибыль, однако поселенец, получивший на приисках большие деньги (200 р. за 4 летние месяца), как правило сразу же передает их «в руки питейного откупа». «Если кто из местных жителей, после купцов, имеет действительныя выгоды от развития золотых промыслов, так разве еще горожане, отдающие квартиры служащим по этой части» (Там же. С. 20). Неожиданный выход находит автор из сложившейся ситуации — привлечение к работам кочующих народов, что может, по его мнению, спасти земледелие и скотоводство в Восточной Сибири от вредного влияния золотопромышленности.

Для работ первых исследователей-краеведов, создававших свои труды в конце XVIII–начале XIX вв., характерен комплексный подход. Посвящая свое описание какой-либо определенной местности, исследователи, как правило, рассказывали не только о географическом положении и истории освоения, но и о растительности, геологическом составе почв, минеральных вод, обычаях коренных народов, этимологии слов и т.п. К таким работам можно отнести практически все, написанные в указанный период, когда не существовало четкого раз-

деления знания, и авторы стремились наиболее полно передать все увиденное и услышанное. К таким работам можно отнести, например, статьи Н. Щукина: «Киренский округ, Иркутской губернии» (опубликована в Журнале Министерства внутренних дел. 1856. Ч. XX. Отд. III. Кн. 10) и «Поездка на реку Илим» (Журнал Министерства внутренних дел. 1860. Ч. XLII. Кн. 6), где описывается история завоевания казаками этих районов, быт крестьян, здесь проживающих, внутрисемейные и межплеменные отношения коренного населения — тунгусов, бурят, якутов и т.д. Объединяет подобные работы стремление рассказать читателю о малоизученном и малоизвестном. Так в статье «Поездка на реку Илим» Щукин пишет: «Разсказ о стране Илимской я считаю новостию для географии. В календаре даже не означено, под какими градусами широты и долготы стоит город Илимск. Значит, ни одна ученая экспедиция не посещала реки Илима. Не был здесь ни ботаник Турчанинов, ни минералог Харинский, ни даже астроном Кожевин. Золотоискатели вероятно рылись по берегам здешних речек; но потеряв время и деньги, молчат. Вот почему, я решился огласить путешествие мое на реку Илим, совершенное в 1840 году». (Щукин Н. Поездка на реку Илим. Отд. отт. С. 3).

Интересна в историческом и этнографическом отношениях статья «Народные памятники Восточной Сибири» (Опубликована в Известиях Императорского Русского Географического Общества. Т. XVIII). Автор подробно стремится описать надгробные плиты, наскальные рисунки, археологические находки, собранные на территории Минусинского округа. В качестве приложения приводит «Изображения на утесах берегов реки Енисея и на могильных камнях в Минусинском округе… сняты с натуры в Июне 1841 г.» (Приложения к Известиям Имп. русск. геогр. общ., 1882. Вып. 4. С. 243).

Описание торговли в Сибири, специфики развития отдельных районов, любопытные статистические сведения и таблицы Щукин приводит в статье «Очерк торговли в Нерчинском крае» (Опубликована в Журнале Министерства внутренних дел. 1860. Ч. XLIV. Кн. 10). Кроме того, истории складывающихся отношений с Поднебесной посвящена также работа «Русско-Китайская граница». Автор замечает: «Слух о пришествии на реку Амур народа Лоча («леших» — так прослыли там Русские с перваго своего появления) дошел до Пекинскаго Двора; мелкие владельцы просили защиты у Богдо-Хана; думано было очень много, и решено послать на Амур войско из Манжурии, с пушками, ружьями и стрелами.

Русские вожди — Хабаров, Степанов, Толбузин и Бейтон — одерживали над этими нестройными толпами блестящия победы; но

были наконец одолены множеством. Взятых в плен наших, Манжуры отсылали в Пекин; потомки их и до селе существуют там под именем «Русской Сотни»: они забыли свой язык, но Веру Православную сохраняют» (Щукин Н. Русско-китайская граница. Отд. отт. С. 24). Далее автор предоставляет интересующемуся читателю подробности переговоров об установлении границы с Китаем посланником Головниным (1689 г.), рассказывает о русско-китайских переговорах времен Петра I и Екатерины I, и определении «окончательной» границы и местоположения пограничных маяков.

В целом, работы Н.С. Щукина, как мы видим, посвящены множеству разнообразных тем и вопросов. Объединяет их любовь, патриотизм, стремление показать Сибирь как очень сложную систему взаимоотношений. О биографии Щукина, его краеведческой деятельности, к сожалению, сегодня мы знаем очень мало. Пожалуй, единственную любопытную оценку работы исследователя мы встречаем в неопубликованной статье профессора Иркутского Государственного Университета Н.Н. Козьмина: «Старые «краеведы», вроде иркутянина Щукина, наряду с этнографическими статьями дают в разные журналы, включительно до Журнала Министерства внутренних дел, большие очерки экономики целых районов /Якутии, Забайкалья и пр./ привлекают внимание «прилегающие страны», как рынки сбыта «отечественной» продукции и источники сырья, особенно животноводческого. Экономист 1840-х гг. ставит колониальный вопрос в целом с точки зрения развивающегося промышленного капитала. Он высказал первый четко мысль, что «Сибирь, высасывая соки России, сама от того не тучнеет». Вопрос был в том, представляет ли эта убыточность колонии результат «нынешних торговых обстоятельств», «недостатка сообщений», полудикого окружения, или «странной неподвижности азиатской природы, климата, которого искусственно не в силах улучшить»… Н. Щукин «был типичным краеведом-энциклопедистом. Он собрал богатые для его времени ботаническую, энтомологическую коллекции; его систематические наблюдения в области климата дали возможность уже в 1845 г. определить средние температуры и среднее состояние барометра для Иркутска. Но он, кроме того, разыскивал архивные записки частных лиц для истории края. Его работы по изучению промышленности и торговли в крае заслуживают самого серьезного внимания. В лице Щукина совмещалось в то время целая краеведческая организация. Путешественники, как например Эрман, Гензен, шли к нему, как теперь идут в Музей и местную научную организацию и находили богатые сведения и активную помощь». (ГАИО. Ф.р-1406. Оп. 3. Д. 334. Л. 6–7, 8).

Действительно, краеведческие работы Н.С. Щукина заслуживают самого серьезного внимания и критического анализа. Одним из первых он создавал свои работы, стремясь рассказать России о малоизвестной и загадочной Сибири. В связи с этим был сделан значительный прорыв в изучении края. Краеведческие же труды, созданные им в первой половине XIX в., и сегодня остаются актуальными, интересными не только профессионалам, но и любителям истории.

Т.В. ШАШКОВА

СУДЬБА ХУДОЖНИКА

Данная статья имеет целью изображение общего характера и закономерностей, происходящих в культурной жизни в период с 1930 по 1955 гг. на примере жизни и деятельности художника Алексея Петровича Жибинова. Судьба этого человека интересна тем, что весь его творческий путь и метод работы государством, общественностью, представителями духовности был признан несовместимым с социалистическим мировоззрением, вредным в развитии искусства. Но, несмотря на это Алексей Петрович не подвергался ни арестам, ни ссылке, ни даже исключению из Союза советских художников, где занимал руководящие посты. Драматизм же периода его деятельности заключается в том, что постоянная жесткая критика на страницах печати, общественных и партийных собраниях, обсуждение работ не только в Иркутске, но и Москве стали причиной самоубийства.

А.П. Жибинов родился 10 декабря 1904 г. в Енисейской губернии, Минусинском уезде, селе Курагино, в семье мелких служащих, выходцев из крестьян-бедняков. Как отмечал художник в своей автобиографии «с момента моего сознательного существования рисование было для меня самым любимым делом». (ГАНИИО, ф. 2802, оп. 3, д. 7, л. 13) После окончания средней школы в 1921/1922 гг. Алексей Петрович переехал в Иркутск. Он поступил в университет и одновременно посещал классы художественной студии, которой руководил И.Л. Копылов. Поскольку, в семье помимо Жибинова было еще 9 человек, то материальной помощи со стороны родственников не было. Поэтому учебу пришлось совмещать с работой сторожа на автоскладе СИБВО № 9.

В 1925 г. он бросает университет и все свое время посвящает обучению в первой государственной художественной студии, которую заканчивает в 1929 г., защитив дипломную работу на тему «Слепые»

и получив специальность художник-живописец. Для продолжения образования он едет в Ленинград и до 1932 г. работает под руководством Филонова.

После принятия постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», Жибинов участвует в создании Иркутского Союза художников и с этого времени занимается творческой и общественной деятельностью, совмещая работу по руководству Союзом с преподаванием в Иркутском художественном училище. Начиная с 1932 г. он был членом оргкомитета по созданию ССХ Иркутской области, с 1933–1941 гг. занимал должность ответственного секретаря, председателя, заместителя председателя. В 1946–1948, 1950-м гг. он избран секретарем партийной организации Союза советских художников, а с 1947–1950 гг. — депутатом райсовета. Во время Великой Отечественной войны Алексей Петрович служил в действующей армии на передовой линии фронта пехотным командиром, а позднее офицером. Был награжден орденом «Красной звезды», медалью «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

Возвратившись с фронта, художник продолжает творческую деятельность: участвует в городских, областных, всесибирских (межобластных) выставках, а в 1947–1949 гг. получает партийно-политическое образование в Марксистско-Ленинском университете.

Характеризуя его работу, правление Союза художников отмечало, что Алексей Петрович «показал себя как талантливый, высококультурный художник-профессионал. А. Жибинов своей профессиональной и общественной работой сделал очень много в деле развития изобразительного искусства Сибири», что говорит «о его преданности партии Ленина-Сталина, нашей Родине» (ГАНИИО, ф. 2802, оп. 3, д. 7, л. 7).

Но, несмотря на указанное выше, творчество этого человека, начиная со времени организации Союза, подвергалось критике со стороны местных и центральных органов власти и членов союза. Дело в том, что тематика его картин и метод изображения, по мнению специалистов, были далеки от требований, которые предъявляла партия к изобразительному искусству, например, полотна «Офицер сдерживающий коня», «Красноармейский дозор на берегу Норвежского фиорда», «Великий Ленин». Так, в Восточно-Сибирской правде за 1936 г. по поводу выставки портретов стахановцев и творчества художников отмечалось, что «наши художники ради формы и неоправданного «новаторства» нередко забывают об идейности и глубине содержания, о художественной простоте и правдивости» в пример были приведены работы Жибинова (Вост-Сиб. правда. 1936. 17 мая. С. 4).

После окончания войны все настойчивее в критике звучат обвинения в различного рода уклонах и «измах». С большей силой в культурной жизни страны начинаются гонения на формалистов, к коим причисляли и Жибинова, идентифицируя чуть ли не с классовыми врагами. Поэтому в 1945 г. на общем собрании художник делает доклад по поводу своей творческой деятельности названный позднее известным в то время критиком Г. Тимошиным «исповедь формалиста». Оценивая свою работу, художник признавал, что унаследованный в учебе 1921–1929 гг. груз прошлого «мешает мне служить искусством своему народу так, как хотелось бы мне, как учит нас партия в своих исторических знаменательных решениях об искусстве» (ГАНИИО, ф. 2802, оп. 1, д. 42, л. 1).

В августе 1946 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», а затем серия других идеологических постановлений («О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме «Большая жизнь», «Об опере Мурадели «Великая дружба»). Вся эта кампания преследовала главную цель: втиснуть в «прокрустово ложе» партийности и социалистического реализма, естественные процессы развития культуры. Начиная с этого времени, как свидетельствуют архивные документы и отдельные статьи в Восточно-Сибирской правде, почти ни одно собрание в Союзе не проходило без осуждения творчества Жибинова. На одном из них художник Руденко выступил с речью: «Жибинов — для нас опасный человек» (ГАНИИО, ф. 2802, оп. 1, д. 63, л. 13), имея в виду его отступления от норм социалистического реализма, линии партии. По поводу работы «Женский портрет» в прессе писали, что «Для Жибинова лицо человека не больше, как совокупность объемов и плоскостей, комбинация желто-синих, фиолетово-черных мрачных пятен» (Вост-Сиб. правда. 1948. 4 июня. С. 4). Неоднократные обсуждения его картин привели к тому, что по вопросам творческой деятельности художника прошло заседание бюро Горкома ВКП(б). Правление Союза поставило вопрос о его пребывании в организации. Конечно же, художник попытался перестроить свою работу, создав такие картины как: «Портрет физкультурника», «Женский портрет», серию натюрмортов, Аршанские этюды. Это ему удалось. Но успех носил лишь временный характер. Уже в 1949 г. в Восточно-Сибирской правде выходит статья Г. Тимошина «За советскую патриотическую живопись», в которой вновь прозвучали обвинения не только в формализме, но и антипатриотизме, раболепии, импрессионизме. По поводу отношения общественности к своему творчеству художник писал: «Я объясняю такой характер критики только одним желанием, во что бы то ни

стало сжить меня со света и политически уничтожить и как художника и как преподавателя и как коммуниста» (ГАНИИО, ф. 2802, оп. 3, д. 7, л. 41). Жибинова три раза вызывали с объяснительными в Москву и там его работы, например картина «Учительница», демонстрировались как яркий образец формализма.

Гонения, критика, непризнание и осуждение творчества продолжались до 1955 г. 25 февраля в милицию обратилась супруга художника взволнованная его отсутствием. Через сутки труп Жибинова был обнаружен недалеко от Глазковского кладбища, повешенным на дереве. Так закончилась творческая жизнь художника. Спустя много лет, его искусство было принято и понято общественностью, о чем свидетельствовала прошедшая в 1970-е гг. посмертная выставка, а в октябре 2005 г. в Художественном музее выставка работ, посвященная 100-летию со дня рождения художника. А тот факт, что, несмотря на довоенную и послевоенную волну репрессий, Алексей Петрович продолжал жить и творить, говорит о том, что вся «травля» носила показательный характер, и служила примером, как не нужно работать и какое искусство не свойственно социалистическому обществу.

ЮБИЛЕЙ УЧЕННОГО И ПЕДАГОГА

Г.А. ЦЫКУНОВ
А.В. ШАЛАК

ПРОФЕССОР ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ КУРАС
(к 55-летию со дня рождения)

28 января 2006 г. исполнилось 55 лет профессору Курасу Леониду Владимировичу.

Наверно, сегодня историческая наука Бурятии уже немыслима без Л.В. Кураса: доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Бурятия, действительный член Российской академии социальных наук, член Союза журналистов СССР и России, заместитель Председателя диссертационного совета по защите докторских диссертаций при Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, консультант заместителя Председателя Народного Хурала (Законодательное собрание) Республики Бурятия, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, профессор кафедры охраны памятников Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, член коллегии Комитета по делам архивов Республики Бурятия.

Его путь в науку был обычным, примечательным разве что своей стремительностью — школа, служба в армии, исторический факультет Иркутского государственного университета; затем преподавательская работа, защита кандидатской диссертации (1983 г.) и докторской диссертации (1995 г.); заведующий кафедрой истории Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств (1996–2002 гг.).

Воспитанник иркутской исторической школы, он многое взял от своих учителей. В науку его привел доцент кафедры истории КПСС исторического факультета Иркутского университета Иван Гаврилович Чижов. Формированию его научного мировоззрения способствовали профессора университета Буянто Сайнцакович Санжиев, Виктор Трофимович Агалаков, Илья Иннокентьевич Кузнецов, Николай Николаевич Щербаков. Круг его научных интересов необычайно обширен: историография и источниковедение истории России, история революций и гражданской войны в России, партийное и национально-государственное строительство, силовые структуры и общество,

пенитенциарная система, еврейские общины в Сибири и на Дальнем Востоке, русская военная и этническая эмиграция в Маньчжурии.

Сведения о нем помещены в справочном библиографическом издании Бурятского государственного университета и библиографическом указателе «Евреи Сибири и Дальнего Востока» (Красноярск, 2004), в биобиблиографическом справочнике Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, 2002), в библиографическом указателе его трудов, опубликованном к 50-летию со дня рождения (Улан-Удэ, 2001), в выпуске Биобиблиографического словаря «Историки России. Кто есть кто» (Саратов, 2002), в первом томе биобиблиографического словаря «Историки России XX века» (Саратов, 2005).

Если подытожить все сделанное им, то оно впечатляет: автор 293 публикаций, в том числе 8 монографий, 3 учебников, 2 библиографических справочников. Публикации за рубежом — США, Англия, Сербия, Украина, Монголия, Япония, Тайвань. Если к этому присовокупить 50 монографий, сборников научных статей и материалов научных конференций, редактором которых он является (основатель и постоянный редактор межвузовского сборника аспирантов и соискателей (9 выпусков) «Исследования молодых ученых»), то можно лишь удивляться работоспособности и трудолюбию Леонида Владимировича, которые ему привили его родители отец — Владимир Ильич, подполковник Советской Армии и мама — Розалия Яковлевна — Заслуженный юрист Бурятии и Российской Федерации. Вообще профессиональный интерес к истории России — это фамильная черта. Его сестра, Л.В. Кальмина — доктор исторических наук, старшая дочь Татьяна — кандидат исторических наук…

Л.В. Курас принимает самое деятельное участие в формировании направлений научного поиска. Под его руководством защищены 21 диссертация на соискание ученой степени кандидата и 1 на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Участник более ста международных, всесоюзных, региональных и республиканских конференций, постоянный участник работы диссертационных советов при Иркутском и Бурятском государственных университетах, Институте гуманитарных исследований АН Саха (Якутия) в качестве оппонента при защите докторских и кандидатских диссертаций — это красноречивое свидетельство о его творческих связях с коллегами и научными сообществами, фундаментальности знаний, широте научных интересов.

Сегодня, находясь на государственной службе, он ни на один день не порывает связей с вузом, академической наукой, студентами

и аспирантами. Неиссякаемый творческий потенциал, постоянный поиск, неуемная энергия, планов громадье, обилие тем, которые ждут своего решения — все это профессор Л.В. Курас.

Дорогой Леонид Владимирович! Позволь пожелать тебе творческого долголетия и взаимной любви с ее Величеством Историей.

Е.И. ЛИШТОВАННЫЙ
И.В. НАУМОВ
Ю.А. ПЕТРУШИН

К 50-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА СЕРГЕЯ ИЛЬИЧА КУЗНЕЦОВА

4 марта 2006 г. исполнилось 50 лет со дня рождения известного российского ученого-японоведа, доктора исторических наук, профессора С.И.Кузнецова

Сергей Ильич Кузнецов родился 4 марта 1956 г. в г. Иркутске в семье известного сибирского историка И.И. Кузнецова и педагога Т.П. Кузнецовой. Доброжелательность и хлебосольство семьи Кузнецовых притягивали к себе их друзей и коллег. В доме часто бывали известные историки Ф.А. Кудрявцев, В.Т. Агалаков, И.М. Разгон, Н.Н. Щербаков, здесь обсуждались наиболее интересные события истории. Не случайно для С.И. Кузнецова стал выбор — исторический факультет Иркутского университета. Здесь он выбрал специализацию по кафедре всеобщей истории и после окончания вуза в 1978 г. был направлен в Ленинградский университет стажером-исследователем. В 1979 г. поступил в аспирантуру по кафедре всеобщей истории ИГУ, где под руководством известного востоковеда профессора Б.Д. Пака выполнил кандидатскую диссертацию по истории англо-японских отношений в 1945–1964 гг. В 1984 г. диссертация была успешно защищена в совете Томского государственного университета. С октября 1982 г. С.И. Кузнецов работает на кафедре всеобщей истории ИГУ — ассистентом, старшим преподавателем, доцентом. После раздела кафедры с 1986 г. — он доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, а с 1986 г. — профессор. В эти годы он читает курс истории стран Азии и Африки в средние века для студентов исторического факультета, ведет курсы новой истории в Иркутском пединституте, новейшей истории в Иркутском УКП Бурятского института культуры. Разрабатывает спецкурсы по истории Япо-

нии и японской внешней политике. Как лектор общества «Знание» читал лекции для населения Иркутска и области.

Одновременно он продолжает работу над темой истории международных отношений на Дальнем Востоке после второй мировой войны, выходят его статьи по проблемам мирного урегулирования для Японии. С.И. Кузнецов собирает и публикует материалы по истории востоковедного образования в Восточной Сибири, сибирской востоковедной периодики.

С началом перестройки и гласности в СССР начинают рассекречиваться многие архивные фонды, они становятся доступными для историков. С.И. Кузнецов был среди тех, кто одним из первых начал исследование рассекреченных материалов центральных и местных ведомственных архивов по интернированию и содержанию на территории Сибири и Дальнего Востока в лагерях главного управления по делам военнопленных и интернированных сотен тысяч бывших военнослужащих японской Квантунской армии. Устанавливаются прочные связи со многими японскими ассоциациями бывших военнопленных, которые охотно делятся информацией, ведется обширная переписка с бывшими работниками лагерей, очевидцами. Исследователь пишет сценарий для документального фильма о военнопленных, который снимается на Восточно-Сибирской студии кинохроники, собрав сведения о лагерях и кладбищах японцев в Сибири и на Дальнем Востоке, он консультирует японские телекомпании, снимающие фильмы в Сибири. Происходят многочисленные встречи с представителями японского Минздрава (Косэйсе), японскими делегациями, совершающими босан (ритуальные посещения мест захоронений). Накопленный материал начинает публиковаться в различных сборниках статей и периодических изданиях. На основании материалов архивов областных и краевых управлений МВД С.И. Кузнецов создает базу данных по японцам, захороненным на территориях Иркутской и Читинской областей, Бурятской республики, Алтайского и Красноярского краев. Наконец в 1993 г. в японском издании «Ното инсацу» выходит его первая большая книга по этой теме. На русском языке книга была издана в 1994 г. в виде учебного пособия. Она становится основой докторской диссертации, которую вскоре завершает способный исследователь.

В 1994 г. в диссертационном совете ИГУ С.И. Кузнецов защитил докторскую диссертацию на тему «Японские военнопленные в СССР (1945–1956 гг.)», которая стала первой работой, защищенной по подобной теме в стране. В 1997 г. текст диссертации был опубликован в виде монографии, а в 1999 г. она была переведена на японский язык

и выпущена в свет крупнейшим токийским издательством «Сюэйся». В Японии книга стала настоящим бестселлером, — в течение двух лет она переиздавалась пять раз. Рецензии на книгу были помещены во всех крупнейших японских газетах, ряде литературных и исторических журналов и в каждой из сорока шести префектуральных газет. Труд профессора С.И. Кузнецова высоко был оценен в японской историографии, как наиболее полное и глубокое исследование по истории сибирского интернирования. Такая оценка иностранного автора, пишущего о японской истории не столь частое явление. В 2000 г. книга была переведена заново, дополнена и издана в г. Асахигава издательским домом «Хиромото инсацу». Материалы по истории японского плена охотно принимают ведущие отечественные японоведческие журналы «Знакомьтесь — Япония» и «Япония сегодня». С.И. Кузнецов становится постоянным корреспондентом авторитетного американского журнала военной истории «The Journal of Slavic Military Studies», а вскоре входит и в состав его редколлегии.

С.И. Кузнецова часто приглашают различные японские университеты для чтения лекций, проведения семинаров и круглый столов. В 1997–1998 гг. он — приглашенный исследователь крупнейшего научного центра Японии — университета Цукуба. В 2001 г. проводил семинар по проблемам плена в Славянском исследовательском центре университета Хоккайдо, в 2002 г. — семинар в университете Симанэ, в 2003 г. — 3-й симпозиум по истории российско-японских отношений в Токио, 2006 г. — семинар в университете Хоккайдо (Императорский) и т.д. Научная работа была замечена общественностью г. Иркутска. Многие годы С.И. Кузнецов является заместителем председателя Иркутского областного отделения общества Россия-Япония. Тема научных изысканий приобрела свой нравственный резонанс, она способствует расширению доюрососедских связей двух стран и наших народов, лучшему Познанию истории и характеров людей. Завязались интересные связи студентов ИГУ и японской молодежи.

Тема военнопленных становится центральной в творчестве С.И. Кузнецова, но он не ограничивается только ею. Среди его научных интересов — история исполнительной власти в Японии — правительств от Ито Хиробуми до Коидзуми Дзюнитиро. По этой теме было выпущено учебное пособие и ряд публикаций в различных научных изданиях. Другим объектом исследования стала роль российских энергоресурсов во взаимоотношениях России со странами Северо-Восточной Азии. По этой теме ученый выступал на представительных конференциях в университете Симанэ (Япония, 2002) и южнокорейском университете Тэйджон (2004 г.)

В соавторстве с профессором И.В. Наумовым изучается история силовых ведомств Иркутской области. В начале 2000 гг. была подготовлена рукопись по истории Иркутского регионального управления ФСБ, которая была опубликована в виде отдельных статей. В 2002 г. ими была опубликована монография «Иркутская таможня».

С.И. Кузнецов неоднократно выступал организатором проведения ряда международных и региональных научных конференций. Он был председателем оргкомитета конференции Сибирь: вехи истории (к 100-летию со дня рождения профессора Ф.А. Кудрявцева (1999 г.), сопредседателем оргкомитета трех конференций «Сибирь в истории и культуре народов зарубежных стран», российско-японского симпозиума «Сибирь и Япония в Северо-Восточной Азии» (Иркутск, 2002 г.) и др.

В 1994–1995 гг. по инициативе С.И. Кузнецова выпускался научно-информационный бюллетень, в котором публиковались научные исследования и документальные материалы по теме иностранцы в России и русские за рубежом. С.И. Кузнецов является членом научного совета Иркутского межрегионального института общественных наук (МИОН), активно участвует в работе по экспертизе научных проектов, является участников грантовых проектов. Перу проф. С.И. Кузнецова принадлежит свыше 150 научных публикаций (монографий, статей, брошюр, докладов на конференциях). Его труды публиковались в США, Японии, Англии, Польше, Монголии Южной Корее.

Научную работу профессор С.И. Кузнецов успешно совмещал с педагогической и организационной. В 1996–2003 г. он возглавлял кафедру современной отечественной истории исторического факультета ИГУ, а в 2000–2005 гг. был деканом исторического факультета, членом ученого совета Иркутского университета и исторического факультета. Он пользуется заслуженным авторитетом среди коллег и студенческой молодежи.

Большое внимание С.И. Кузнецов уделяет воспитанию молодых кадров историков высшей квалификации. Под его руководством защищены шесть диссертаций по историческим темам, он активно работает в двух диссертационных советах — в Иркутском университете и Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). В Бурятии у него много друзей и товарищей, здесь он желанный гость. Друзья и коллеги ценят в нем спокойность и уравновешенность, умение слышать других, прекрасное чувство юмора.

С.И. Кузнецову — 50! Он в расцвете творческих сил. Пожелаем ему и его семье здоровья, счастья творческих успехов на благо нашей исторической науки и отечества!

МЕТОДОЛОГИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. ИСТОРИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

О.В. АФАНАСОВ

СОВЕТСКАЯ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ ПОЛИТИКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1990-х гг.

Открытие отдельных ранее секретных архивных фондов в 1990-е гг. привело к появлению значительного количества научных публикаций, посвященных исследованию советской исправительно-трудовой системы. Основные усилия исследователей лагерной тематики, как в центре, так и в регионах были направлены на изучение структуры ГУЛАГа, количественного и качественного состава его контингентов, освещение вопросов использования принудительного труда в экономическом развитии советского государства, лагерного режима и условий пребывания узников в местах заключения. См. напр.: Красильников С. «…Свободный труд свободно собравшихся людей…» (Труд заключенных ГУЛАГа — неотъемлемый элемент советской экономической системы) // Экономика и организация промышленного производства. 1991. № 8; Романов С. Архипелаг ГУЛАГ: попытка картографирования // Карта. 1991. № 10–11; Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; и др.).

На изучении динамики численности и состава «спецконтингентов» ОГПУ-НКВД-МВД сосредоточили свое внимание А.Н. Дугин, В.Н. Земсков, Н.Ф. Бугай, В.В. Цаплин и В.П. Попов (Дугин А.Н. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7; Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. 1991. № 2; Он же. Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные: Статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5; Бугай Н.Ф. 20–50-е гг.: Переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. 1993. № 4 и др.) Но различная степень достоверности используемых материалов официальной статистики ГУЛАГа, которая не всегда отражала реальное положение дел, вызывает сомнение в точности некоторых количественных показателей. Тем не менее, опубликованный авторами

широкий блок недоступных прежде источников позволяет составить общее представление о масштабах репрессий в СССР, проследить основные этапы и направления советской карательной политики, определить положение различных категорий контингентов ГУЛАГа.

Среди публикаций 1990-х гг. особый интерес вызывают работы историков и специалистов-архивистов, в которых представлена определенная подборка документов из центральных архивохранилищ, касающаяся того или иного события или вехи в истории советской карательной политики. (См., напр.: Восстание в Степлаге (май–июнь 1954 г.) / Публ. А.И. Кокурина // Отечественные архивы. 1994. № 4; «Новый курс» Л.П. Берии 1953 г. / Публ. А.И. Кокурина, А.И. Пожарова // Исторический архив. 1996. № 4 и др.) Данные материалы, снабженные комментариями составителей, помогают не только восстановить последовательность исторических событий прошлого и переосмыслить известные факты и обстоятельства, но и ориентируют исследователя на поиск новых материалов по истории советского ГУЛАГа.

В конце рассматриваемого периода Кокурин А.И., Моркунов Ю.Н. и Петров Н.В. начали публикацию целой серии статей «ГУЛАГ: структура и кадры» (Свободная мысль. XXI. 1999. № 8–12), где, привлекая широкий круг материалов из центральных архивов, авторы прослеживают историю создания и функционирования советской исправительно-трудовой системы со времен гражданской войны. В конце 1990-х гг. стали появляться издания справочного характера, содержащие систематизированную информацию о деятельности советских силовых структур и пенитенциарных учреждений.

Истории центрального аппарата органов внутренних дел и государственной безопасности СССР посвящен справочник «Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1960», составленный в 1997 г. А.И. Кокуриным и, Н.В. Петровым. В данной работе впервые приводятся сведения о структуре силовых ведомств, наиболее важные распорядительные документы, характеризующие деятельность этих структур, биографические сведения о руководящем составе органов внутренних дел.

Значимое место в изучении советского ГУЛАГа занял справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960», выпущенный в 1998 г. научно-информационным и просветительским центром «Мемориал». В данной работе обобщающего характера в виде документальных очерков и справочных статей, основанных на архивных сведениях, представлено описание советской пенитенциарной системы. Однако исследование основано, главным образом, на информации центральных архивов, поэтому встречаются некоторые неточности в представленном материале.

Проблемы формирования и функционирования советской исправительно-трудовой системы в контексте истории органов внутренних дел интересовали и представителей юридической науки (См., напр.: Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Становление и развитие ИТУ советского государства (1917–1925 гг.). Домодедово. 1990; Кузьмин С.И. Лагерники (ГУЛАГ без ретуши) // Молодая гвардия. 1993. № 3, 5–6; Смыкалин А.С. Пенитенциарная система советской России 1917 — начала 1960-х гг. (историко-юридическое исследование). Дис. д-ра юр. наук. Екатеринбург, 1998 и др.). Основное внимание юристов сосредоточено на раскрытии политико-правовых основ становления и развития репрессивно-карательных органов в СССР, выяснении их роли в механизме советского государства.

В 1990-е гг. увидели свет и крупные региональные исследования, в которых освящалась деятельность определенных лагерных комплексов или практика репрессий в отдельно взятом регионе страны. (См., напр.: Бердинских В.А. Вятлаг. Киров, 1998; Гвоздкова Л.И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса (1930–1940-е гг.). — Кемерово, 1994; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае, 1929–1956. Сыктывкар, 1997).

К данным исследованиям относятся и труды О.П. Еланцевой, посвященные сооружению Байкало-Амурской магистрали в 1930–1950-х гг. силами заключенных Ангарского, Байкало-Амурского, Восточного, Нижне-Амурского, Тайшетского и других лагерей, истории БАМлага. (Еланцева О.П. Обреченная дорога: БАМ: 1932–1941. Владивосток, 1994; Она же. Строительство № 500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск — Советская Гавань (1930–1940-е гг.). Владивосток, 1995 и др.). В этих работах на основе информации некогда секретных архивных документов раскрывается суть постановлений партии и правительства о возведении Байкало-Амурской магистрали в 1930–1950 гг., показывается их практическое воплощение, описывается структура строительства и отдельных лагерных управлений, дается характеристика численности и состав заключенных, вольнонаемных и подневольных строителей БАМа, освещается литературное творчество заключенных БАМлага.

Разработку конкретных проблем в рамках истории карательной политики советского государства осуществляли и иркутские историки С.И. Кузнецов и П.П. Боханов.

Судьбе японских военнопленных в Советском Союзе посвящены многие работы С.И. Кузнецова. В их числе и монография «Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.)», изданная в Иркутске в 1997 г. Автор, привлекая широкий круг ранее неизвестных документальных материалов из фондов отечественных и зарубежных архивохранилищ, подробно освещает жизнь и подневольный труд японцев в лагерях

главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР.

Исследованию истории советских репрессий на территории Иркутской области посвящены работы П.П. Боханова (См., напр.: Боханов П.П. Как это было // Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Т. 1. Иркутск, 1998. С. 32–42; Он же. Сын за отца не отвечает! // Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. Т. 2. Иркутск, 1999. С. 28–38). Развивая в своих публикациях тему политических репрессий, автор на основе ранее секретных архивных материалов и воспоминаний участников событий характеризует основные этапы и направления советской карательной политики 1920–1940-х гг. в регионе и за его пределами, затрагивает малоизвестные аспекты проблемы, в частности, преследование родственников репрессированных.

В 1990-е гг. различные аспекты истории советской карательной политики в пределах Восточно-Сибирского региона с привлечением новых источников постоянно затрагивались в материалах и тезисах докладов научных конференций (См., напр.: Терновая И.И. Неизвестные страницы жизни Б.Э. Петри и Ф.А. Кудрявцева // Байкальская историческая школа. Тез. док. и сообщ. научн. конфер., посвящ. памяти М.А. Гудошникова и Ф.А. Кудрявцева. Ч. 1. Иркутск, 1994. С. 25–28; Афанасов О.В. Озерный лагерь в Иркутской области (1949–1963) // Диалог культур народов России, Сибири и стран Востока. Док. науч.-теор. конф. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 1998. С. 198–201 и др.)

Таким образом, за последнее десятилетие XX в. в отечественной историографии был накоплен определенный опыт в изучении институциональных и региональных аспектов истории карательной политики советского государства. Наряду с исследованиями, затрагивающими различные вопросы по теме репрессий и функционирования исправительно-трудовой системы, увидели свет труды обобщающего характера, посвященные советской репрессивной политике, деятельности силовых структур и пенитенциарных учреждений в СССР, включая исследования прошлого отдельных региональных лагерных комплексов.

Н.А. БУШИНА

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННЫЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «СИБИРЬ»

В 70-х гг. XIX в. самой влиятельной газетой в Восточной Сибири становится — «Сибирь», под редакцией В.И. Вагина и М.В. Загоски-

на. С момента своего появления она сосредоточила свою деятельность главным образом на обличении различных злоупотреблений со стороны местной администрации и купечества. Объединив вокруг себя лучшие литературные силы, газета очень быстро стала органом широкой гласности, сыграв огромную роль в формировании общественного мнения. Чутко улавливая общественное настроение, она стремилась высказывать свой взгляд на все текущие вопросы и предлагала варианты решения различных проблем.

Широкое освещение на страницах газеты получил золотопромышленный вопрос и это не случайно. Во второй половине XIX в. золотопромышленность занимала ведущие позиции не только в экономике региона, но и страны в целом. За несколько лет сибирская золотодобыча затмила вековую славу уральской сокровищницы драгоценного металла. Обширные территории Ленского горного округа покрылись сетью богатейших месторождений. В сфере влияния золотодобычи оказались вовлечены различные слои населения — титулованная знать, купечество — с одной стороны, ссыльнопоселенцы крестьяне — другой.

Обсуждение «Сибирью» этого вопроса началось с выхода первых номеров газеты, и было вызвано изменениями, происходившими в сибирской золотопромышленности: это и принятие нового устава 1970 г., и проникновение частного капитала в золотопромышленность и первые кризисы в золотопромышленности.

Местная пресса подняла, прежде всего, вопрос о роли золотопромышленности для развития региона. Как отмечалось в одной статье, золотопромышленность явление до такой степени сложное, касается стольких сторон Сибирской жизни, что она служит предметом многих споров в местном обществе и литературе. Одним из таких споров является вопрос о том, в какой степени золотопромышленность содействует благосостоянию страны (О сибирской золотопромышленности // Сибирь. 1875. 27 июля. С. 1). Придавая огромное значение освещению этого вопроса, газета посвятила ему множество публикаций. Учитывая оппозиционный характер газеты, авторы ее многочисленных заметок и статей подчеркивали, что плодами золотопромышленных богатств пользуется казна и золотопромышленники, а все другие интересы забыты.

Более того, по мнению местной печати золотопромышленность убивает в зародыше фабричную промышленность, огромные капиталы вкладываемые в золотопромышленность не обращаются на отрасли промышленности, которые могли бы дать краю не менее необходимые продукты, получаемые ныне извне и по дорогой цене.

Золотопромышленность становится причиной страшной дороговизны товаров и способствует обогащению единиц. Она отвлекает от хлебопашества, многие крестьяне бросают поля и идут на прииски, и способствует разорению местного населения. Почти всякий сибиряк, скопив одну, другую тысячу рублей, бросается в этот омут и только один из тысячи выходит из него не разоренным, не разбитым.

Следует отметить, что местная пресса говорила о золотопромышленности как о ниспосланном зле, превращающем Сибирь не в богатейший регион, а в сырьевой придаток России. Газета указывала, что жажда наживы не останавливала промышленников ни перед чем, будь то эксплуатация приисковых рабочих или хищническое использование природных богатств. Несмотря на высказывания местной печати, золотопромышленники продолжали захватывать все новые и новые территории. Как отмечала газета, приходится констатировать факт, что во всей Восточной Сибири встречаются россыпи золота добыча, которых прекращена единственно вследствие того обстоятельства, что нашлись еще более богатые россыпи.

Однако сотрудники местной печати указывали не только на пагубное влияние золотопромышленности для развития региона, но и предлагали пути для изменения сложившейся ситуации. Так на страницах «Сибири» появилась идея о создании ревизионной комиссии, которая, во-первых, должна была решить вопрос о свободном обращении золота, во-вторых, представить проекты новых горных законоположений, соответствующих требованиям современной науки, и местных условий. Такая беспристрастная научная экспедиция могла бы изменить ситуацию в золотопромышленности в лучшую сторону.

Предлагался и коренной пересмотр правил о золотопромышленности «не только ради выгоды золотопромышленников и без того огромной, но в видах общей пользы и всему государству и краю» (К вопросу о золотопромышленности // Сибирь. 1877. 12 июня. С. 1).

Все это конечно было полезно, но далеко не достаточно. Газета в данном вопросе не определяла свою позицию четко и определенно возможно в силу цензурных ограничений.

Таким образом, золотопромышленный вопрос был горячо воспринят и поставлен «Сибирью» как один из острых общественных вопросов. Его решение сотрудники газеты связывали с изменениями в горном законодательстве и положении рабочих. Вместе с тем, местная печать указывала только на негативные стороны золотопромышленности, оставляя в стороне положительные моменты. В то время как, золотопромышленность Восточной Сибири «кормила» сотни и тысячи людей, развивала производительность края, усиливала

запасы благородного металла в Государственном казначействе и на торговых рынках империи.

Влияние золотопромышленности на развитие Сибири нашло отражение в газете «Сибирь» не только в содержании соответствующих статей, но и в количественной динамике. Всего за время выхода газеты этому вопросу было посвящено более 350 публикаций, что свидетельствует об огромном интересе к этой проблеме.

Ю.П. ВАХРУШЕВ

ПРЕДУПРЕЖДЕН — ЗНАЧИТ ЗАЩИЩЕН

В последние очень непростые для всей страны годы, на основе «описания и осмысления реальных практик» в сфере общественных отношений, возник и оформился очень интересный и, как представляется, крайне своевременный исследовательский проект, основная идея которого была сформулирована в названии «Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе: мониторинг и анализ».

При финансовой поддержке Московского отделения Фонда Форда в 2000–2003 гг. был создан международный исследовательский коллектив, который на междисциплинарной основе провел обширный комплекс работ. В итоге были получены результаты, высветившие проблемы этнополитической безопасности Байкальского региона в несколько ином менее «привычном» для нас виде.

Основные выводы всего этого проекта постепенно вводились в научный оборот в течение несколько лет в целой серии Рабочих материалов проекта (Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.-Иркутск: Изд-во «Наталис», 2005). Завершением работы стал последний итоговый пятый выпуск — «Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность» (Проект «Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе: мониторинг и анализ». Исследования и материалы. Вып. 1, 2, 3, 4). Учитывая отсутствие полного охвата всех проблем и сюжетов, а также наличие ярко выраженного стилевого разнообразия и существенных различий в подходах и оценках, руководители проекта определили его как сборник проблемных статей, сгруппированных вокруг одной темы — этнополитической стабильности, ее сохранения и воспроизводства в быстроменяющихся условиях современной российской действительности.

Авторы проекта, определяя исследовательскую площадку, очерчивая ее границы, сконцентрировали свой научный интерес, прежде

всего, на процессах этнополитического развития в той историко-культурной провинции Сибири, которая сложилась вокруг Байкала. Такой подход руководства проекта вполне оправдан, так как по мере работы над ним стало ясно, что: во-первых, вся Сибирь и даже Восточная Сибирь велика и слишком разнообразна для всестороннего и наиболее полного изучения проблемы. Во-вторых, население территорий, примыкающих к Байкалу, относительно давно сложилось как некая вполне автономная, тесно связанная исторически, экономически, культурно и административно социокультурная общность. В-третьих, с одной стороны, это место стыка и не исключено, потенциального разлома между Сибирью и Дальним Востоком, с другой стороны, это место одного из наиболее тесных контактов с монгольской историко-культурной общностью, в то же время именно сюда в настоящее время направляются потоки внешней миграции и наиболее мощный из них — китайский. Все вместе это оказывает свое достаточно специфическое воздействие на весь ход экономических, социальных, культурных и этнополитических процессов. Учитывая эти обстоятельства, авторы проекта в целях достижения «чистоты» исследования посчитали необходимым отказаться от политико-административного подхода в определении исследовательской площадки. Так как в этом случае имело бы место ограничение ее такими субъектами Российской федерации как Республика Бурятия, Иркутская область, Читинская область, Усть-Ордынский и Агинский бурятский автономные округа традиционно определяемых как Байкальский регион. Но таким образом вне сферы внимания исследователей оказалась бы Монголия, чье место и роль в этнополитических процессах Прибайкалья достаточно велико. Исходя из этой посылки, исследовательский коллектив посчитал наиболее целесообразным опираться на сравнительно недавно введенное в научный оборот понятие «Байкальская Сибирь», что позволило не только «отказаться от ненужных для целей проекта констатаций», но и включить в зону изучения, в качестве равноправной и важной части системы исследуемых отношений и связей, такую обширную территорию как Монголия.

Характеризуя в общем и целом материалы сборника, следует отметить, что они по смыслу и стилю разделены на четыре раздела. Первый и, как представляется, наиболее важный, автором которого является С. Панарин, посвящается не только анализу «предрасположенности» к возникновению этнополитической напряженности в самом центре Байкальской Сибири — в Республике Бурятия, но и сугубо теоретической проблеме, определению содержания такой категории как «Этнополитическая ситуация» (Панарин С. Этнопо-

литическая ситуация в Республике Бурятия // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.; Иркутск: Изд-во «Наталис», 2005. С. 23–28). С. Панарин дает развернутое определение общего для всех авторов сборника понимание этой категории, а это в свою очередь определило и единство концептуального подхода при анализе многочисленных общественно-политических проблем.

В трактовке автора «Этнополитическая ситуация» дословно «это такое сосуществование этнических общностей на данной территории, на протяжении которого в их взаимодействии устойчиво преобладает та или иная результирующая разнонаправленных частно-групповых устремлений (например, на компромисс), а установившийся баланс этнических отношений (например, по поводу доступа к ресурсам) не претерпевает радикальных изменений. Иными словами любая этнополитическая ситуация может содержать в скрытой форме как конфликтный, так и антиконфликтный потенциал. При этом скрытая конфликтная ситуация, существующая как данность, весьма часто оценивается как неконфликтная, и только потому, что не используется как средство достижения конкретных целей заинтересованных политических сил в сложных этносоставных обществах».

В контексте именно такого понимания «Этнополитической ситуации» С. Панарин анализирует ее особенности в Республике Бурятия. В рамках Байкальского региона она занимает особое место. Во-первых, Бурятия — единственная национальная республика в регионе. Буряты, являясь в пределах республики численным меньшинством, тем не менее, имеют на ее территории статус государственно-образующего народа. Этот статус весьма высоко оценивается бурятской культурной и политической элитой, которая в условиях отсутствия вольной или невольной конкуренции со стороны представителей других этнических групп быстро превращается в правящую. Во-вторых, Республика Бурятия выполняет особую роль по отношению ко всем проживающим в Байкальской Сибири бурятам. В административном отношении территория их проживания разделена между пятью субъектами Российской Федерации: собственно республикой, двумя автономными округами — Усть-Ордынским и Агинским, двумя областями — Иркутской и Читинской. Эти субъекты разного вида — республика и округа — это национально-территориальные объединения, области — территориальные. Буряты, проживающие там имеют разный административный статус: в республике и округах они титульный народ, в районах, не попавших в округа они являются этнической группой в составе всего населения Иркутской и Читинской областей. В статусной иерархии буряты республики обладают

наиболее высокой самооценкой и поэтому, интеллигенция и идущая ей на замену пока еще учащаяся молодежь, весьма болезненно воспринимают возможное сокращение сферы своего влияния. Об этом весьма красноречиво свидетельствует резко отрицательная реакция в республике на планы восстановления единства Усть-Ордынского округа с Иркутской областью, а тем более негативная оценка идеи о создании принципиально нового субъекта Российской Федерации в составе Иркутской, Читинской областей и Республики Бурятия. В-третьих, потенциальным фактором межэтнической напряженности становятся специфические формы социальной мобильности бурят, которые все чаще опираются на родственно-клановые связи, порождающие и воспроизводящие не только межклановые различия, но и таким образом блокируя или создавая дополнительные трудности для равенства и соревновательности стартовых возможностей при социальном продвижении представителей других этнических групп.

Подводя итог анализу состояния и особенностей этнополитической ситуации в Республике Бурятия, С. Панарин приходит к выводу о том, что: интеллектуально-правящая элита республики крайне болезненно воспринимает сокращение сферы своего административного влияния, негативно оценивает любые инициативы в этом направлении, откуда бы они не исходили и кому бы они не принадлежали. Кроме этого он подчеркивает, что подобно другим многонациональным образованиям Республика Бурятия «предрасположена», как минимум к этнической напряженности. Иными словами, наблюдается тенденция к переходу от скрытой конфликтной этнополитической ситуации к открытой конфликтной этнополитической ситуации, что требует от всех уровней политической власти региона крайне осторожного поведения как в настоящем, так и в будущем времени, а от ученых и специалистов постоянного мониторинга текущей ситуации.

Второй раздел проблемного сборника посвящен анализу состояния и изучению последствий для этнополитической ситуации в Байкальской Сибири мощных миграционных потоков. Различным аспектам этой емкой и сложной работы посвящены четыре статьи.

В. Дятлов в своей работе (Дятлов В. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе //Там же. С. 95–99) дает характеристику основных потоков внешней миграции, ее месту и роли в общественно-политической и экономической жизни региона, кроме этого он ставит другую не менее важную задачу — исследовать процесс адаптации мигрантов в принимаемом обществе.

Автор напоминает, в целом население Сибири и Дальнего Востока изначально формировалось по преимуществу как переселенческое.

В силу этого массовые трудовые миграции населения всегда были важнейшим фактором экономического, социального, политического и культурного развития этих регионов. В то же время, потенциал внутригосударственной миграции, который был основным на протяжении всего периода освоения Сибири, к настоящему времени практически исчерпан. Поэтому можно сказать, что на всем пространстве от Урала до Владивостока чрезвычайно остро встал вопрос о внешней миграции как источника пополнения трудовых ресурсов. Уже в настоящее время рынок труда, особенно в строительстве, ориентируется на дешевую рабочую силу, это обстоятельство, а также сравнительно высокая, относительно заработков на «местах», оплата труда стимулирует все возрастающий поток мигрантов, а с учетом относительной легкости преодоления государственной границы России с сопредельными государствами, делает этот поток еще и мало управляемым, и практически неконтролируемым. С учетом полного принятия стратегии развития общества как рыночного и открытого, альтернативы выбора — использовать или не использовать в значимых масштабах труд гостарбайтеров, по мнению автора исследования, не существует.

В настоящее время уже оформились два наиболее устойчивых источника трудовой миграции — Китай и Азиатские государства ближнего зарубежья. Следует иметь в виду, что в этих странах уровень аграрного перенаселения настолько велик, что исход мигрантов будет происходить в обозримом будущем на постоянной основе и при любой политике принимающего общества. В этой ситуации В. Дятлов полагает, что основным ограничителем могут стать не различного рода запреты и административные препятствия со стороны властей, а масштабы спроса на не очень квалифицированную «дешевую» рабочую силу, которая уже сейчас становится достаточно востребованным товаром, постепенно вытесняющим квалифицированную, но «дорогую» местную рабочую силу. Понятно, что стремясь обеспечить свои семьи, основная масса мигрантов, особенно на первых порах, работая так сказать вахтовым методом, будет приезжать на время, но следуя логике жизни в дальнейшем она будет стремиться к закреплению на «местах». Появление значительных масс мигрантов и укоренение хотя бы части из них может привести к весьма значительным, и можно, с большой долей вероятности, предположить к радикальным переменам в этнокультурном составе населения Сибири и Дальнего Востока и как следствие к серьезным геополитическим последствиям на всем этом пространстве. Таким образом, комплекс вопросов, порожденных феноменом миграции, довольно быстро превращается в проблему национальной безопасности.

Попытки решать многочисленные вопросы миграции или хотя бы часть из них на запретительной основе в условиях существующей рыночной экономики крайне затруднительны. Можно предположить, что меры такого рода только подтолкнут мигрантов к смещению их в сферу теневой экономики, что неизбежно повлечет за собой скрытую или даже открытую криминализацию, если не всей массы мигрантов, то весьма значительной ее части. А это в свою очередь приведет к «закрытости», автономности мигрантских сообществ, что в итоге помимо создания и воспроизводства «питательной» среды для развития коррупции, приведет к перемещению капиталов из сферы легального бизнеса в «тень», потерям госбюджета от недополученных налоговых сборов и т.д.

Завершая свой анализ проблем трансграничной миграции, В. Дятлов отмечает, что несвоевременное решение многочисленных жизненно важных для существования мигрантов вопросов или откладывание их на «потом» с неизбежностью приведут к оформлению конфликтных ситуаций, которые уже существуют, но пока еще в латентной форме.

Несколько с иной стороны вопросы, связанные с обустройством мигрантов уже в большей или меньшей мере закрепившихся на «местах», рассматривается в статье Г. Гедвило, также входящей во второй раздел проблемного сборника (Гедвило Г. Национальное объединение в сибирском городе: форма институционализации этничности или инструмент политики властей // Там же. С. 153–158). Она изучает место и роль национально-культурных обществ в жизни мигрантов. Рассматривая деятельность этих сравнительно недавно возникших общественных организаций, Г. Гедвило дает определенную их типологию не только по официально заявленным целям, а и по приоритетам практической деятельности. Автор обращает внимание на то, что в отличие от старых традиционно привычных для сибиряков культурно-национальных обществ, в руководстве новых идет жесткая конкурентная борьба за власть «не на жизнь, а на смерть», в итоге такой своеобразной селекции возникают новые управленческие структуры, мотивация и действия которых не всегда понятны официальным властям. Но, несмотря на такую своеобразную конкуренцию и ротацию в руководстве общества, раз возникнув продолжают жить и развиваться, выполняя для мигрантов весьма важные задачи: по первоначальной адаптации, материальной поддержке в случае каких либо затруднений, по защите их интересов перед властями всех уровней и т.д.

Оценивая перспективы существования и развития культурно-национальных обществ Г. Гедвило считает, что они, помимо всего про-

чего, становятся не только одним из важнейших факторов этнической консолидации мигрантов, но со временем возьмут на себя функции представительства мигрантов и в органах власти, что, в конечном счете, в немалой степени, будет определять характер этнополитической ситуации в местах концентрации «пришлого» населения.

Определенный интерес для читателя представляет также третья статья второго раздела сборника. Авторы В. Дятлов и Р. Кузнецов (Дятлов В. Кузнецов Р. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Там же. С. 166–171) поставили перед собой задачу, так сказать, на основе полевых наблюдений присмотреться к жизни обширного китайского сообщества, проживающего и активно работающего в Иркутске — к «шанхайке». Внимательный взгляд на китайских мигрантов, можно сказать «изнутри», приводит авторов к весьма интересным выводам, итог которых — идет активный процесс создания в Иркутске «чайна-тауна» и остановить этот процесс, по мнению исследователей, крайне затруднительно, да и вряд ли стоит. С этими выводами можно соглашаться или не соглашаться, однако мы должны помнить, что с неизбежностью после появления «чайна-таунов» на всем пространстве от Урала до Владивостока в соответствии с уже веками отработанными Китаем технологий по «освоению» спорных территорий, оформиться и проблема «хуа-цяо». Весьма жесткий вариант развития событий по аналогичному сценарию уже имел место, правда, на Балканском полуострове в Косовом Поле. Разумеется, параллели относительны, но надо помнить, что согласно официальной терминологии Китая, в отличие от бывшего СССР, современная Россия лишена статуса «го», т.е. она переведена в разряд менее значимых государственно-политических образований, кроме этого, в настоящее время, согласно китайской публицистике, современные китайские мигранты ни много ни мало заняты ничем иным как — освоением «северной целины».

Проблемы реконструкции опыта адаптации мигрантов к принимаемому обществу в дореволюционной России, в частности в Иркутске, рассматриваются в статье В. Рабиновича. Подобная ретроспекция дает исследователям определенный материал для размышлений по поводу социальной адаптации уже современного поколения мигрантов, которые во многом повторяют путь, пройденный их предшественниками (Рабинович В. Модель адаптации пришлых этноконфессиональных групп (на примере дореволюционного Иркутска) // Там же. С. 138–143).

Третий раздел сборника посвящен проблеме формирования и развития регионального сибирского самосознания. Осмыслению

этого феномена общественной жизни его месту и роли в освоении края посвящена статья Л. Савельевой (Савельева Л. Истоки сибирского регионального сознания, или о конструировании воображаемой реальности // Там же. С. 188–202). Анализируя это непростое явление, она приходит к выводу, что основой формирования сибирского самосознания стали сложные условия жизни первых поколений вольных или невольных переселенцев, прошедших суровую школу естественного отбора и которые со временем перестали воспринимать последующих мигрантов как равных себе, оценивая их как «пришлый» элемент. Раз возникнув, этот стереотип постепенно укреплялся, формируя самооценку сибиряка. Впервые феномен сибирского самосознания в общественно-политической практике обозначился в 60–70 гг. XIX в., затем он, сохранясь, воспроизводился и более или менее активно проявлял себя вплоть до наших дней. Правда, в отличие от прошлого, он из сферы, по преимуществу политической, постепенно переместился в литературно-художественное поле.

Автор приходит к выводу о том, что в развитии сибирского самосознания имеет место определенная цикличность. Она связана с таким явлением как сибирский регионализм, который не только всегда проявлялся в моменты оформления кризисных ситуаций в истории российской государственности, но и был прямым следствием неспособности правящей элиты осознать неизбежность отказа от чрезмерной централизации и переходу не к декларируемому, а к реальному федерализму. В работе отмечается, что впервые регионализм заявил о себе в эпоху реформ периода отмены крепостного права, став своеобразной формой выражения протестных настроений элитной части сибирского общества против административного и хозяйственного произвола центра. Затем, но уже несколько в ином виде, это явление имело место в первое послереволюционное десятилетие. С разрушением Советского Союза регионализм вновь появляется на арене общественно-политической жизни, став инструментом в борьбе за перераспределение различных ресурсов, как между отдельными регионами, так и в совместном их противодействии центру. Своего высшего проявления такого рода деятельность нашла в рамках созданной вскоре Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МААС). Однако весьма активно, заявив о себе в начале 1990-х гг., организация постепенно утратила свое влияние. Автор, обращая внимание на причины этого явления, замечает, что страх центра за целостность государства, последовавшего после известного обращения к местным правящим элитам — «берите суверенитета столько, сколько сможете унести», заставил любые проявления са-

мостоятельности региональных властей квалифицировать как сепаратистские устремления. Кроме того, лидеры различных сибирских провинций в ходе совместной работы вскоре выяснили, что их деятельность оборачивается еще большей централизацией, но уже на внутреннем сибирском пространстве.

Таким образом, подводя итог своим размышлениям, автор приходит к выводу о том, что очередная попытка общероссийской модернизации выглядит весьма проблематично, так как на сегодняшний день, так же как и в прошлом, не удается достичь разумного сочетания интересов центра и регионов. Иными словами, проблема регионализма рано или поздно проявит себя уже в ином времени, но на том же пространстве.

Более детальному анализу этого достаточно обширного общественно-политического пространства посвящены статьи Д. Дорохова (Дорохов Д. Редакторы национал-патриотических газет Иркутска о национальной ситуации «в городе и в мире» // Там же. С. 200–203) и М. Рожанского (Рожанский М. Фантом национальной империи. «Русская партия» в Иркутске // Там же. С. 222–227). И если первый акцентирует внимание на печатных изданиях, которые по преимуществу ориентированы на пропаганду идеи по сохранению и воспроизводству любым способом жесткой системы соподчинения регионов центру страны, усматривая в этом единственный путь развития российской государственности, игнорируя при этом и проблемы резко обозначившейся этнической нестабильности. М. Рожанский же анализирует истоки «идеократии», место и роль идей как одного из факторов сохранения и воспроизводства российской государственности. Он отмечает наличие в настоящее время единства на всех уровнях власти в понимании безусловной ценности имперской идентичности, которая с неизбежностью ставит вопрос об особой, ведущей роли одного народа, что в свою очередь может осложнить и без того непростую этнополитическую ситуацию, как на местном уровне, так и в масштабах всей страны.

Последний, четвертый раздел проблемного сборника включает в себя труды целого ряда авторов, которые напрямую, опираясь на полевые исследования и на личный опыт, дают характеристику некоторым изменениям в социальной жизни постсоветской эпохи. Исследователи (Ложникова Е., Тимофеева Т., Куклина В., Карнаухов С., Шманкевич Т.), анализируя конкретные жизненные ситуации сельских поселений, больших и малых городов, отмечают наличие процессов активного переустройства социального пространства, которое и оформляет новое видение этнополитической ситуации.

Оценивая материалы сборника в целом, следует признать, что вопрос оценки состояния этнополитической ситуации в Байкальской Сибири чрезвычайно актуален. Так как он, по большому счету, затрагивает и проблему безопасности государства в целом. Кроме этого результаты ряда исследований опираются на весьма основательную теоретическую проработку рассматриваемых проблем, что является несомненным вкладом в академическую науку. В то же время, целый ряд выводов, как представляется, имеет и сугубо практическую ценность для реальной политики. Заканчивая рецензионный очерк, хотелось бы пожелать, чтобы голос ученых, результаты их трудов не стали «гласом вопиющего в пустыне», а были услышаны и востребованными как власть придержавшими, так и держащими ее в своих руках.

И.Г. ВЛАСОВА

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НОВОГО РАЙОНА ОСВОЕНИЯ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Осмысление исторического опыта социального развития нового района освоения, управление им невозможно без познания его сущности. Иначе говоря, непременным условием и первым шагом является теоретическое воссоздание хотя бы в общих чертах конструкции и механизма действий изучаемого объекта. Первоочередная задача, следовательно, заключается в построении общей теоретической модели объекта исследования.

С точки зрения системного анализа объект нашего исторического исследования — это сложное диалектическое взаимодействие общества, т.е. человека нового района освоения в системе общественно-политических и экономических отношений и природы (не тронутой хозяйственной деятельностью территории с природными биоценозами).

Здесь историческая наука должна отдать должное мыслям и теоретическим выводам великого русского ученого-естествоиспытателя, философа В.И. Вернадского, который устремил главное внимание на изучение живого вещества Земли — совокупности обитающих на ней организмов, на процессы их питания, дыхания и размножения, на эволюцию этих процессов в истории Земли и роль человеческой деятельности в преобразовании природных условий. Концепция биосферы В.И. Вернадского — яркий пример развития методологии

структурных уровней организации материальных систем: в этом понимании регион БАМа, как часть биосферы, заселенная жизнью земная оболочка, связан своей целостностью и организованностью.

Исходя из учения В.И. Вернадского о ноосфере в нашей модели исторического исследования, сущность объекта исследования замыкается на гармонии природной и культурной организации общества. При любых формах хозяйственной деятельности, в данном случае — промышленной деятельности по освоению нового региона, человек остается частью Природы и Космоса, специфическим проявлением феномена жизни. Все человеческие действия по преобразованию природы (а в регионе БАМ как характерном районе нового освоения это особо важно) должны основываться, прежде всего, на необходимости поддержания жизни всей биосферы и возможности существования и развития каждого человеческого существа. Только в этой связи можно и нужно рассматривать комплекс управленческо-политических, экономических, социальных, национальных мероприятий по хозяйственному освоению нового региона. Они не могут быть адекватно разрешены помимо взаимоотношений человека с миром природы и миром «второй» природы, т.е. культуры.

Системный подход, основывающийся на комплексном методе исследования, сочетающем в себе органическое соединение анализа и синтеза качественных и количественных характеристик, позволяет выявить механизм хозяйственного освоения региона во всем его многообразии, противоречивости и целостности. Длительное время историками в нарушении этого научного метода познания проблемы Сибири анализировались в отраслевом аспекте. Подобный подход фактически позволял лишь накапливать объем конкретных сведений и иметь представление об отдельных сторонах процесса, а не целостной системе как таковой.

В соответствии с принципом системного подхода, как структурно-функциональным, важным элементом нашей исследовательской схемы является практика размещения производительных сил страны. Принимая в расчет ее региональный характер, исторические исследования должны особо обращать внимание на экологические, социальные и политические последствия этой политики. Рассмотрение этих вопросов требует не только коренного изменения методологических подходов, но и перемен в сложившейся диспропорции между естественноисторическим и общественным направлениями в истории.

Изучение исторического опыта формирования нового широтного экономического пояса в пределах Сибирского Ближнего Севера помогает лучшему пониманию не только региональных, но и общегосу-

дарственных проблем. Именно в Сибири накоплен большой опыт, в том числе и негативный, хозяйственного освоения новых территорий, который имеет не только национальное, но и мировое значение.

Историческая наука, к сожалению, либо обходит, либо очень робко развивает проблему обоснования комплексного подхода к развитию и размещению производительных сил страны на отдельных ее территориях. Сегодня необходимо с позиций современных методов социологии исторического познания дать оценку политики «сдвига производительных сил на Восток» и результатов ее воплощения.

Прежде всего, необходимо выяснить механизм хозяйственного освоения региона в условиях экстенсивной формы хозяйствования. Маховиком такого механизма, на наш взгляд, являлся ведомственный монополизм. Сосредоточив в своих руках финансовые и материальные ресурсы, министерства и ведомства по существу проводили в районе нового освоения политику территориальной экспансии, превратились в фактор доктринального развития общества.

Безраздельное господство общественной собственности, приоритетное внимание развитию производительных сил при первоочередном учете «общенародных» (в действительности, государственных) интересов, всеобъемлющее планирование и централизация управления социально-экономической деятельностью являлось его (доктринального развития) обязательным требованием. Лозунг «Все во имя человека, все для блага человека» на практике хозяйственной деятельности оборачивался превращением районов нового освоения в сырьевой придаток, варварским уничтожением природы, тяжелым социально-экономическим положением человека. Любая возможность изменения ситуации блокировалась действием доктринального фактора, исключившего всякую обратную связь с объектом своих манипуляций.

Для нашего исторического исследования очень важно оценить не только истоки и механизм социально-политических, экологических, демографически проблем в районе нового освоения, но и переосмыслить место и роль человека в этом процессе. На наш взгляд, сделать это наиболее убедительно можно с позиции синергетического метода исторического познания. Человек в новом районе освоения из-за непродуманной, волюнтаристской политики министерств и ведомств не может удовлетворить свои потребности в жизненных ориентациях. Кроме того, замкнутая структура, используя комплекс своих подсистем, оказала влияние на формирование угодного ей социально-психологического состояния жителей новых городов и поселков региона БАМа с ориентацией большей части населения на

систему производства ради получения всевозможных благ. Отсюда появление личности нового типа — человека без корней, с психологией временщика, лишенного ответственности и привязанностей.

Необходимо также отметить, что промышленное освоение новых территорий происходило в рамках статической системы, в которой человек рассматривался как объект приложения политики государства, в отсутствии специально разработанных социальных проблем, которые бы учитывали особенности природно-климатических и демографических условий.

Существенную роль в практике освоения новых территорий сыграли и распространенные психологические стереотипы, суть которых заключалась в том, что новостройки должны сопровождаться бытовыми трудностями, которые якобы являются неизбежными спутниками героизма и романтики будней. Основным элементом реального жизненного уровня считались деньги. Но на практике они, являясь решающим фактором привлечения населения на новостройки, не обеспечивали необходимой устойчивости кадров, хозяйского отношения к национальным богатствам народным средствам, ответственности за судьбу осваиваемых территорий и людей, проживающих на них.

Как показывает мировой опыт, политике и практике хозяйственного освоения новых территорий более соответствует синергетическая система открытого типа (самоорганизация) с ориентацией на конкуренцию, рыночную систему хозяйства, экономическую самостоятельность, регулирующую роль государства, создание системы рационального природопользования.

В.Н. ВОРОНЦОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ВОЕНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Фактически первым историографом оборонно-массовой работы в Советской России становится В.И. Ленин, который неоднократно ставит вопрос о необходимости всеобщего вооружения народа, овладении им военными знаниями, привлечении трудящихся к военному строительству[1].

Определенную роль сыграло выступление в мае 1925 г. Председателя Реввоенсовета, Наркома по военно-морским делам СССР М.В. Фрунзе на первом Всесоюзном совещании Военно-научного об-

щества с докладом «Наше военное строительство и задачи Военно-научного общества», где были поставлены основные задачи будущей оборонно-массовой работы и определена ее неразрывная связь с РККА[2]. Тогда же появляются массовые пропагандистские издания, которые в целом характеризуют отношение к оборонному Обществу[3].

Первые публикации посвященные оборонно-массовой работе появились в 1930–1940-е гг.[4] Однако эти работы не имели строго научного характера, основывались на незначительной документальной базе и не содержали глубокого анализа существа рассматриваемых проблем. Они носят в большей степени источниковедческий, а не историографический характер, так как содержат фактические материалы о формах и методах оборонно-массовой работы, дают представление о деятельности общественных организаций в этом направлении.

Первыми работами, данной области, явились, защищенные в первой половине 1950-х гг. кандидатские диссертации М.И. Ушакова и Е.А. Сюукиной[5]. Изучая партийный аспект проблемы, они фактически посвящены рассмотрению состояния массового военного обучения трудящихся. Однако источниковая база их незначительна. Написанные, в основном, по материалам опубликованных документов и периодической печати эти исследования не могли представить широкую картину состояния оборонно-массовой работы. В работах возвеличивалась роль Сталина в укреплении обороноспособности государства.

До середины 1950-х гг. историки практически не выходили за рамки изучения Октябрьской революции и гражданской войны. Довоенному периоду были посвящены только отдельные исторические исследования.

Принятое в июне 1956 г. постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» способствовало активизации научно-исследовательской работы историков и обществоведов. Они получили доступ к широкому кругу источников. Была также предпринята публикация сборников партийных документов, охватывающих период 1930-х гг.[6]

Однако интерес к изучению проблемы оборонно-массовой работы оставался незначительным. Она специально рассматривалась только в кандидатской диссертации Н.А. Ферапонтова и статье Л.П. Борисова[7]. В этих исследованиях была сделана попытка анализа подготовки трудящихся к защите Родины в общественных оборонных организациях, приводится значительное количество фактического и статистического материала, сделаны первые шаги в изучении негативных последствий культа личности для укрепления обороноспособности страны.

В 1950-е гг. советская историография располагала литературой разных жанров. Среди них — методические рекомендации[8], учебная и справочная литература[9] публикации пропагандистского характера[10], персоналии[11] и, наконец, альбомы, плакаты, наглядные пособия[12]. Указанные публикации внесли определенный вклад в историографию рассматриваемой проблемы. Методические рекомендации необходимы, прежде всего, практическим работникам, ибо инструкторы и преподавательский состав в своей профессиональной деятельности опираются именно на эту литературу. Учебная и справочная литература несет обучающую нагрузку и предназначена для лиц обучающихся военному делу. Публикации пропагандистского характера предназначены для идеологической работы, лекционной пропаганды среди населения страны. Что касается плакатов, альбомов, различных пособий, то они призваны обеспечивать наглядность лекционной пропаганды. Эта литература в полной мере использовалась практиками в регионах. Отдавая дань несомненным достоинствам указанных направлений в рассмотрении истории оборонной работы, которые сыграли немалую роль в подготовке кадров для Вооруженных Сил и народного хозяйства страны, а также в деле пропаганды единства армии и народа, следует указать на существенные недостатки, свойственные литературе такого характера. Это преувеличенное внимание к принципу партийности, которым подменялся основной принцип научного исследования — принцип объективности. Элементы указанных жанров выявляются и в региональных публикациях Р.З. Хафизова, М.Ш. Шагимарданова, И.В. Пятаченко[13]. Среди этих работ следует выделить книгу М.Ш. Шагимарданова, в которой обстоятельно и полно показано становление и развитие областной оборонной организации Осоавиахим-ДОСААФ с момента образования первых оборонных обществ начала 1920-х гг. до 1982 г. Показано становление и развитие материальной базы, военно-технических видов спорта и достижения спортсменов-досаафовцев Иркутской области на региональном, всесоюзном и международном уровнях. Успехи в подготовке кадров для Вооруженных Сил и народного хозяйства. Автором использована обширная источниковая база — это временные и текущие архивы общественных и партийных организаций, материалы Иркутского Государственного архива, периодической печати. Как и многие книги того времени, работа М.Ш. Шагимарданова все-таки является публицистической и носит агитационно-пропагандисткий характер. В ней несколько однобоко показаны постоянные успехи и неуклонные достижения общества, ведущая роль партийных и советских организаций, в результате чего, на наш взгляд, отсутствует некая

доля объективности. Но книга дает хорошее представление о деятельности и значимости оборонного общества, его целях и задачах.

Наличие именно этих жанров в историографии рассматриваемой проблемы обусловлено объективными обстоятельствами и, прежде всего, характером деятельности оборонно-массовой работы, призванной обеспечивать военно-патриотическое воспитание граждан и готовить кадры для Вооруженных Сил и народного хозяйства, а также готовить спортсменов по военно-прикладным видам спорта.

Первым фундаментальным исследованием, в котором вопросы интересующей нас темы, стал первый том шеститомной истории Великой Отечественной войны, вышедший в 1963 г.[14] В нем приводятся факты о развитии оборонно-массовой работы и ее достижениях накануне войны. Однако авторы не раскрывали имеющиеся трудности, проблемы, нерешенные вопросы, а то и преступления по отношению к массовым оборонным кадрам.

Как составная часть других проблем оборонно-массовая работа рассматривалась в этот период в исследованиях, посвященных анализу деятельности партии в предвоенные годы[15]. Однако узкие хронологические рамки настоящих работ не дали возможности проследить подготовку трудящихся к защите Родины. Исследователи, как правило, исходили из той периодизации этапов построения социализма в нашей стране, которые были приняты в то время и фактически опирались на вывод XVIII съезда ВКП(б) о постепенном переходе к коммунизму. С точки зрения сегодняшнего дня такой подход к изучению данной проблемы устарел.

Большое значение для активизации всей научно-исследовательской работы имел выход таких многотомных исследований как «История КПСС», «История СССР», «История второй мировой войны». Выход этих исследований, безусловно, оказал свое влияние на постановку и изучение вопросов оборонно-массовой работы в предвоенные годы. В названных работах исторические источники анализируются выборочно, в них видели только то, что нужно было видеть. А огромное количество фактов, событий, цифр не подвергались научному анализу, так как они существенно расходились с официальными партийными документами того времени.

В 1960–1980-е гг. вышло значительное количество исследований, специально рассматривающих оборонно-массовую работу[16], защищен ряд кандидатских и докторских диссертаций[17]. Подготовленные на широком фактическом материале, включающем архивные документы, впервые введенные в научный оборот, названные исследования раскрывают важные аспекты оборонно-массовой работы в СССР.

Источниковая база настоящих работ достаточно широка. Ее накоплению способствовала публикация партийных документов, документов государственных и общественных организаций. Среди них особо следует выделить вышедшие в те годы сборники документов: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» (9-е издание), «50 лет ВЛКСМ. Документы и материалы», «Товарищ комсомол. Документы съездов, конференций и пленумов ЦК ВЛКСМ». В них содержатся документы, посвященные деятельности партийных, государственных и общественных органов, рассматривающие, наряду с другими вопросами, и подготовку трудящихся к защите Родины в довоенные годы.

Особенностью диссертаций, посвященных оборонно-массовой работе является то, что в них используется значительное количество документов, взятых из местных партийных и государственных архивов, из центральной, республиканской и областной периодической печати. Эти исследования существенно углубляют наши представления о формах, методах и принципах подготовки населения страны к защите Родины.

Вместе с тем, обилие диссертаций и опубликованных работ создает иллюзию разработанности проблемы. Но это не так. Обстановка, сложившаяся в нашем обществе в те годы, период застоя не могли не сказаться на состоянии исторической науки в целом и на исследовании интересующих нас проблем, в частности. Возобладала тенденция к приукрашиванию действительности. В вопросах оборонно-массовой работы акцент делался на изучение только положительного опыта.

Анализ вышедшей литературы, диссертаций позволяет сделать вывод, что данные работы ограничены территориальными и хронологическими рамками. Оборонно-массовая работа в них освещается на примере нескольких областей или одной союзной республики. Работы, в связи с этим, написаны по единому стереотипу, что не дает возможности сделать оригинальные выводы и обобщения по данной проблеме в целом. Слабым местом ряда исследований является недостаточно аргументированное теоретическое обоснование сущности и содержания оборонно-массовой работы.

Кроме того, абсолютное большинство авторов изучает вопросы оборонно-массовой работы только накануне Великой Отечественной войны, в годы третьей пятилетки, когда были созданы военные отделы партийных комитетов и, следовательно, документальные источники получили известную степень систематизации. А период 1920–1930-е гг. изучен в значительно меньшей степени.

В рассматриваемый период развития российской историографии проблемы, внимание исследователей было привлечено также к вопросам оборонно-массовой работы государственных и общественных организаций в 1930-е гг. Появились работы, посвященные деятельности Советов, комсомола по подготовке массовых оборонных резервов[18]. Однако настоящая проблема нуждается в дальнейшей научной разработке, как в целом по стране, так и по отдельным ее регионам. Рассмотрение оборонно-массовой работы носит в них фрагментарный характер.

В 1970-е–первой половине 1980-х гг. появляются публикации, рассматривающие оборонную работу среди различных категорий населения19. В них с учетом особенностей положения различных классов и социальных групп населения, трудовой деятельности, изучается оборонно-массовая работа среди рабочего класса, крестьянства, женщин, студентов. В полной мере разрешить эту проблему стало возможным в конце 1980-х–начале 1990-х гг.. Благодаря социально-экономическим и политическим переменам в обществе, что и показал в монографии, а затем в докторской диссертации, В.В. Гошуляк[20]. В ходе проведенного исторического анализа проблемы в рамках всего СССР, ученый раскрыл такие аспекты, как влияние административно-командной системы и массовых репрессий на подготовку военно-обученного резерва, нарастание кризиса в обороннно-массовой работе. Кроме того, в отличие от предыдущих исследователей, В.В. Гошуляк рассматривает состояние подготовленности населения к защите Родины не как идеологическое достижение, а в тесной связи с конкретными экономическими, политическими и социальными процессами, происходящими в довоенные годы. На региональном уровне, в последние годы, можно отметить работу В. Воронцова[21], в которой автор рассматривает историю становления и развития Иркутской областной организации ДОСААФ. Ее деятельность по оборонно-массовой работе, военно-патриотическому воспитанию и спорту. Так же уделено много внимания кадровой политике в оборонном обществе, рассматривается становление материально-технической базы. Так как работа посвящена послевоенному периоду, она практически не затрагивает исследуемый нами интервал времени. Так же в диссертационном исследовании не рассматривается деятельность советов, профсоюзов и комсомольских организаций по оборонно-массовой работе.

В последнее время появились также публикации, раскрывающие степень подготовки СССР к войне с фашистскими агрессорами[22]. Однако проблема оборонно-массовой работы еще не стала предметом изучения историков на этом, несомненно новом, этапе развития исторической науки.

Таким образом, историографический анализ оборонно-массовой работы в межвоенный период показывает, что при всей многочисленности литературы, главным образом историко-партийной, данная проблема исследована недостаточно полно и требует своего дальнейшего изучения. Отсутствуют обобщающие работы общеисторического плана по подготовке трудящихся к защите Родины. Новые подходы к изучению этой проблемы позволят осмыслить степень подготовки советского народа к отпору фашистской агрессии, глубже взглянуть на причины временных неудач Советской Армии в первом периоде войны, извлечь определенные уроки из прошлого для сегодняшней работы государственных и общественных организаций по укреплению обороноспособности страны.

Следует отметить, что многие вопросы нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении с позиций современного уровня исторических знаний. В частности, требуют своей разработки проблемы качественного анализа подготовки массовых оборонных кадров, влияния административно-командной системы на их обучение. Предстоит, отказываясь от идеологических стереотипов, практически заново воссоздать многие страницы истории, показать трудности и противоречия в развитии оборонных организаций, преступления по отношению к их кадрам. Другими словами, необходимо создать объективную, научно аргументированную историю подготовки массовых оборонных резервов в 1920–1930-е гг.

Примечания:

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 248; и др.

[2] Краснознаменное оборонное. М., 1971. С. 21.

[3] Рабичев Н.А. Военная пропаганда среди населения. М., 1922; Оборона страны и гражданская школа. М.-Л., 1929; Иванов С. Осоавиахим — боевой резерв обороны. Новосибирск, 1933; Антонов С.Д. Работа первичных организаций Осоавиахим. М., 1934 и др.

[4] Леонтьев Б. Осоавиахим — боевой резерв Красной Армии. М.: Воениздат, 1933; Его же. Вооруженный народ. М.: Изд-во ЦС Осоавиахима СССР, 1936; Подсотский К.И. XVII съезд ВКП(б) и оборона СССР. М.: Воениздат,1934; Марковин Н. Осоавиахим — могучий резерв Красной Армии и Флота. М.: Изд-во ЦС Осоавиахима СССР; Кобелев П.П. XX-лет Осоавиахима. М.: Редиздат ЦС Осоавиахима СССР, 1947 и др.

[5] Ушаков М.И. Большевики Западного Урала в борьбе за подготовку страны к активной обороне //Автореф. дисс... канд. истор, наук. Молотов, 1952; Сюукина Е.А. Борьба КПСС за подготовку страны к активной обороне в довоенные пятилетки // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1954.

[6] Борьба партии за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. Победа социализма в СССР. 1933–1937 гг. // Сборник документов. М.: Политиздат, 1961 и др.

[7] Ферапонтов Н.А. Партийное руководство общественными оборонными Западной Сибири. 1939–1945 гг. // Автореф. канд. дисс. Томск, 1963; Борисов Л.П. Осоавиахим. Страницы истории // Вопросы истории. 1965. № 6.

[8] Всесоюзное Добровольное общество содействия армии. Материалы о работе ДОСАРМ. Сборник статей. М., 1951. Вып. 1. Всесоюзное добровольное общество содействия Армии, Авиации и Флоту. Учебно-методическое пособие по обучению населения противовоздушной, противоатомной, противохимической, противобактериологической, защите в кружках первичных организаций ДОСААФ. В помощь общественному инструктору ПВО. Петрозаводск, 1957 и др.

[9] Защита населения от современных средств поражения. Учебное пособие для организаций ДОСААФ. Под общей редакцией И.С. Варенникова и Л.В. Виноградова. М., 1963; Брысин П.М. Урок начальной военной подготовки. М., 1977; и др.

[10] Багмет М.А. «Традиции живут и крепнут» М, 1985. Байтасов Б.Б. Воспитываем пламенных патриотов». М., 1984. Байтасов Б.Б. Залог успеха. М., 1980; Бухаров С.П., Гольберт А.М. На общественных началах: Из опыта работы московской городской организации ДОСААФ. М., 1978; В небесах, под водой и на суше: Сборник. М., 1978; и др.

[11] Гареев М.Г. Ветераны остаются в строю. Литературная запись. Ю. Даля. М., 1980; и др.

[12] Горбунов И.П., Лундрес Я.Б. Действия группы самозащиты МПВО. Альбом наглядных пособий. М., 1958; и др.

[13] Шагимарданов М.Ш. Боевой резерв армии и флота (История Иркутской областной организации Осоавиахим-ДОСААФ). Иркутск, 1983; Пятаченко Н.В. Иркутская областная организация РОСТО на путях перстройки. Часть вторая (1982–1997). Иркутск, 1999; Хафизов Р.З. Славе — не меркнуть, традициям — жить! Учебное пособие: Главное управление общего и профессионального образования администрации Иркутской области. Иркутск, 2000; и др.

[14] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг. // Т. I. М.: Воениздат,1963.

[15] Андропов С.А. Партия в борьбе за упрочение и развитие социалистического общества. 1937–июнь 1941 гг. М.: Политиздат, 1961; Перехожева А.С. Партия в борьбе за укрепление и развитие социалистического общества, укрепление обороны страны. 1937–июнь 1941 гг. М.: Высшая школа, 1961; Петров С.М. Коммунистическая партия в борьбе за завершение строительства социализма и постепенный переход к коммунизму в предвоенные годы. 1937–июнь 1941 гг. М.: Знание, 1958 и др.

[16] Васютин Ю.С. Забота партии о подготовке трудящихся к защите Родены. М.: Изд-во ДОСААФ СССР, 1976; Пиха Д.Д. Деятельность Коммунистической партии по подготовке трудящихся к защите СССР. 1929–1941 гг. (На материалах Украины). Киев: Вища школа, 1979; Смирнов В.А. Коммунистическая партия — организатор оборонно-массовой работы в предвоенные годы. 1938–июнь 1941 гг. (На материалах партийных организаций Нижнего Поволжья). Саратов: Изд-во СГУ, 1974; и др.

[17] Пиха Д.Д. Деятельность Коммунистической партии Украины по подготовке трудящихся к защите СССР в годы довоенных пятилеток. 1929–1941 гг.

(На материалах Украинской ССР) // Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Киев, 1980; Алешин В.С. Оборонно-массовая работа партийных организаций Карелии, Архангельской и Мурманской областей в предвоенные годы. 1938–июнь 1941 гг. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1973; Пивницкий Н.Д. Партийное руководство оборонно-массовой работой среди трудящихся Украины. 1933–1937 гг. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1978 и др.

[18] Куманев Г., Демин А. Деятельность оборонных комиссий местных Советов по подготовке трудящихся к защите Родины. 1939–июнь 1941 гг. // Военно-исторический журнал. 1974. № 12; Ковалеб И.Я. Комсомол и оборона Родины. 1921–1941 (На материалах Украины). Киев: Вища школа, 1975; Коржихина Т.Н. История государственных учреждений СССР. М.: Высшая школа, 1986; Лошкарев М.Д. Молодежь и защита социалистического Отечества. Киев: Молодь, 1981 и др.

[19] Захарчук Б.И. Участие рабочих Украины в оборонно-масовой работе. 1938–июнь 1941 гг. // Украинский исторический журнал. 1984. № 7; Тыновский Н.П. Военно-патриотическая работа Коммунистической партии в деревне в годы второй пятилетки / На материалах партийных организаций Верхнего Поволжья // Автореф, дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 1977; Шкутько Л.Л. Деятельность КП(б) Белоруссии по развитию и укреплению оборонно-массовой работы в деревне в годы третьей пятилетки // Творчество молодых. Сб. ст. Минск: Беларусь, 1982; Бойная К.И. Коммунистическая партия — организатор патриотического движения женщин за подготовку к защите Родины в 1937–1941 гг. (На материалах Украины). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1974 и др.

[20] Гошуляк В.В. Партийное руководство подготовкой трудящихся к защите Родины в годы довоенных пятилеток (1929–июнь 1941 гг.). М., 1989; Он же. Оборонно-массовая работа СССР в годы довоенных пятилеток (1929–1941 гг.). Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Свердловск, 1991.

[21] Воронцов В.Н. История добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) Иркутской области. 1951–1992 гг. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005.

[22] Савушкин Р.А. Эволюции взглядов на оборону в межвоенные годы // Военно-исторический журнал. 1988. № 1; Перечнев Ю.Т. О некоторых проблемах подготовки страны и вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии // Военно-исторический журнал. 1988. № 4; Волкогонов Д. Накануне войны // Правда. 1988. 20 июня; Народная война // Правда. 1989. 6 окт. и др.

М.Ю. ДАШИНИМАЕВА

К ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОГО ИСТПАРТА

С созданием сети местных Истпартов по всей стране, 24 июля 1921 г. по инициативе руководителя Сибирского архива В.Д. Вегмана было принято решение о создании Сибирского Истпарта. «...Мысль

об организации Сибистпарта возникла уже в октябре 1920 г. У группы омских работников после того, как стало известно, что 25 сентября 1920 г. образована при Наркомпросе Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии», — отмечал Вегман. (Познанский В.С. Изучение истории Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири // Историческая наука в Сибири за 50 лет (Основные проблемы истории Советской Сибири.) Новосибирск, 1972. С. 16).

В связи с реформой высшей школы, проведенной на основе «Положения о высших учебных заведениях РСФСР» от 2 сентября 1921 г. были закрыты историко-филологические факультеты Томского и Иркутского университетов. Практически их ликвидация завершилась к лету 1926 г. Реформа привела к тому, что в Сибири Сибархив и Сибистпарт стали единственными центрами развития исторической науки. Особенно большая нагрузка легла на плечи Сибистпарта, который, кроме непосредственной работы, много сделал для развития критико-библиографического направления в исторической науке. В этот период Сибистпарт активно влиял на развитие исторического краеведения. Это воздействие шло по нескольким направлениям: увеличение историко-революционной тематики в общем объеме исследований; привлечение местными Истпартами ведущих краеведов к составлению историко-революционной библиографии, организации музеев и выставок, написани, трудов по истории революционного движения в крае. Так, с Сибистпартом тесно сотрудничал ведущий сибирский краевед А.Н. Турунов; подготовка совместных изданий истпартов и краеведческих обществ.

В этой работе Сибистпарт и Сибархив были связаны с центральными органами, а также с сибирским землячеством участников революции и Гражданской войны, существовавшим в 1920–1930-е гг. в Москве при Центральном музее Красной Армии, который внес огромный вклад в изучение военной истории Октябрьской революции. Фактически Сибистпарт приступил к своей деятельности после переезда краевых учреждений в Новониколаевск. Причем, были организованы губернские отделы, которые начали собирать воспоминания, документы, а также газеты, листовки, воззвания и другие печатные издания с Февральской революции и до свержения колчаковщины.

Вслед за созданием Сибистпарта в 1921–1924 гг. возникла необходимость в создании и других Истпартов с целью выявления сохранившихся документов периода Октябрьской революции и гражданской войны и сбору воспоминаний, а также газет, листовок и другой печатной продукции на всей территории Сибири. Так, при

Сибистпарте были созданы губернские и окружные отделы Истпартов. В конце 1922 г. на территории Сибири были образованы Якутский, Томский, Енисейский, Алтайский, Иркутский, Читинский и другие Истпарты. Особенно активную публикаторскую работу в начале 20-х гг. осуществило бюро Истпарта Томского губкома партии. Создано оно был в марте 1922 г. и возглавлялось старым революционером А.П. Марцинковским. В 1922 г. собранные материалы стали основой для первых исследовательских работ по истории революции в Сибири. Сбор материалов шел по двум направлениям: комплектование газетных фондов за 1917–1920-е гг., собирание листовок, плакатов, фотографий участников событий; собирание воспоминаний участников революционного движения, организация вечеров воспоминаний, разработка вопросников для участников событий, распространение анкет о погибших участниках движения.

В состав Сибистпарта также вошли В. Косарев и Н. Преображенский. Говоря о первых работниках Сибистпарта, В.Д. Вегман писал, что «истпартовская работа приняла характер общественно-политический». Истпарты формировали ячейки по изучению истории партии и революционного движения, устраивали вечера воспоминаний в годовщины революционных событий, совещания бывших подпольщиков и партизан, выставки по истории революционного движения и продолжали собирать воспоминания, документы, революционные реликвии.

В своем докладе на первом Сибирском краевом совещании истпартотделов 26 сентября 1927 г. Вегман сообщил, что: «До 1924 г. включительно, Сибистпарт существовал только номинально, находился в крайне стесненных условиях, которые не давали ему возможности решать задачи по сбору, разработке и опубликованию материалов. Сибистпарту приходилось развертывать свою работу в Новосибирске, в городе, за которым, правда, числится некоторое революционное прошлое, но который имеет захудалые библиотеки и совершенно не имеет историко-революционных архивов». Он также указывает на ряд причин, тормозящих работу Сибистпарта в первые годы существования. «Это местожительство участников новых событий вне территории Сибири, что затрудняло письменную или личную связь. Те участники событий порою не были достаточно грамотны, поэтому их воспоминания были далеки от совершенства. Трудности были с финансированием и штатами. Руководящие партийные органы недостаточно уделяли внимания развитию архивного дела» (НАРБ, ф.п-69, оп. 1, д. 410, л. 71).

Только в 1925 г. в связи с 20-летним юбилеем первой русской революции появилась возможность развернуть целенаправленную

работу. К этому времени был собран большой материал для сборника по истории революции в Сибири. Тогда же Сиббюро, благодаря поддержке Истпарта ЦК РКП(б), отпустило пятьсот рублей на публикацию сборника и средства на содержание четырех штатных работников. В 1925 г. Сибистпарт состоял из заведующего, трех научных сотрудников и технического секретаря. Архив Сибистпарта располагал 13 фондами. К концу 1927 г. в Сибистпарте было сосредоточено значительное количество материалов, документов и воспоминаний, около восьмисот фотографий, главным образом портреты участников революции и Гражданской войны.

Таким образом, деятельность Сибистпарта по сбору и изучению материалов по истории Октябрьской революции, Гражданской войны и истории РКП(б) за период с 1921 по 1927 гг. оказалась достаточно плодотворной. Вышедший в Омске в 1920 г. сборник «Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920 гг.)» юбилейное издание Сиббюро ЦК РКП(б), первая коллективная научная работа по истории Октября и гражданской войны в Сибири. За ней последовали сборники Сибистпарта, Дальистпарта, губистпартов. В 1923 г. вышел сборник «Центросибирцы», издание Истпарта ЦК ВКП(б).

На основе собранных материалов в период с 1921 по 1924 гг. были также изданы «Сборник Истпарта № 1», сборник «Октябрь в Сибири», брошюры Н. Баранского «В рядах Сибирского социал-демократического союза», «Большевистская организация в колчаковщине» и другие, а также опубликованы 38 статей в журнале «Сибирские огни». В 1925 г. Омский Истпарт выпустил брошюру «Тов. Лобков».

С 1922 г. начинает свою издательскую деятельность журнал «Сибирские огни». Он имел раздел «Из прошлого», основателем которого был Е. Ярославский. Позднее редактором раздела стал В.Д. Вегман. С первых номеров журнала на его страницах публиковались воспоминания старых большевиков, документы, рецензии, обзоры, хроники по истории Октября и Гражданской войны. В журнале «Пролетарская революция» вслед за статьей В. Виленского-Сибирякова «Октябрьские дни в Сибири» были опубликованы статьи В. Вельмана, М.А. Кротова, П.С. Парфенова, И.Я. Строда, Ф.Г. Чучина, А.А. Ширямова, Е. М. Ярославского. В первой половине 20-х гг. Сибистпарт также публикует свои материалы в таких журналах, как: «Просвещение Сибири», «Северная Азия», «Творчество», Фанат творчества». Эти издания оказали большое воздействие на проблематику, идейную направленность и содержание исторической науки в Сибири.

Первые истпартовские издания представляли собой сборники воспоминаний и документов или популярные очерки. Многочислен-

ные воспоминания публиковались в местных газетах. Собранные материалы стали основой для создания первых исследовательских работ по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири (Статьи Вегмана, А. Ансона, М. Кордонской, Ю. Циркунова и др.). Как отмечает Л.В. Курас, Сибирские Истпарты не пошли по пути тех регионов, которые пытались выпускать свои журналы, они издавали сборники, такие как: «Былое Сибири» (Томск), «Путь борьбы» (Томск), «Три года борьбы за диктатуру пролетариата», «Дальистпарт», в которых значительное место занимали воспоминания видных деятелей революции в Сибири. Редакции этих сборников ставили конкретную цель: с помощью публикации архивных документов, воспоминаний «восстановить если не полную, то хотя бы частичную историю» социал-демократических организаций и революционного движения в Сибири. Такая политика была обусловлена общей политикой партии, направленной на сосредоточение тех немногих средств и кадров, имевшихся в стране, в Центральном Истпарте.

Всю работу Сибистпарта можно разбить по направлениям: подготовка хроники революционных событий и статей для печати, работа комиссии по подготовке Октябрьской революции, руководство музеем, массовая работа, научно-исследовательская работа, налаживание связей с местными Истпартами, работа коллегии, партийные архивы.

При Сибистпарте была организована группа содействия из активных участников революции и гражданской войны. Например, в течение августа 1927 г. было проведено несколько собраний. В результате образовалась группа по трем секциям: организационная, литературная, и музейная. Из группы особо выделились «подпольщики» и «красногвардейцы». Они активно собирали материалы и документы. Как отмечал В.Д. Вегман: «Их работа протекала успешно, они были настоящими энтузиастами» (НАРБ, ф.П-69, оп. 1, д. 410. л. 73). 24 октября 1928 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «О сети истпартов и их штатов» на 1928–1929 гг. Было утверждено только 38 истпартотделов вместо бывших 53, среди них Сибистпарт и Якутский Истпарт.

Еще 10 февраля 1928 г. на заседании Бюро крайкома ВКП(б) постановили поручить Сибистпарту в 3-х месячный срок сосредоточить архивные материалы местных партийных органов в краевом архиве, а также предложить окружкомам срочно передать материалы ликвидированных окружных истпартов в распоряжение краевого Истпарта и с этой целью командировать на места двух работников. С этого времени Сибистпарт фактически перестает быть центром развития исторической науки в Сибири вообще и истории Октябрьской рево-

люции в частности. В 1930-е гг. до самой ликвидации Сибистпарт был занят оформлением партийного архива.

Оценивая деятельность Сибистпарта, следует подчеркнуть, что он объединил усилия ученых старой школы, архивистов, молодых историков, участников революционных событий на собирание и разработку документов, подготовку мемуаров и сборников о революции, гражданской войне, об установлении советской власти в регионе. Сибистпарт был самым крупным центром по исследованию истории Октября на всей территории Сибири и способствовал созданию нового направления в отечественной историографии.

О.В. ЗАБРОДИНА

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ СИБИРИ

В данной статье рассматривается и анализируется взаимообусловленность экологического восприятия природной среды Сибирского региона и возникновением и существованием сибирских культурных архетипов.

Экологическое восприятие связано с появлением теории Дж. Гибсона о том, что перенос на психологию восприятия физических представлений о свойствах окружающего мира, а также оптических и физиологических моделей строения зрительной системы не соответствует реальному содержанию процессов восприятия окружающего человека пространства и тех свойств зрительной системы, которые обеспечивают это восприятие в естественных условиях восприятия окружающего мира как среды обитания. Среда обитания как объект восприятия предстает перед живым существом не в виде абстрактных геометрических объектов, а в виде сосуществующих комплексов пространственно-предметных отношений, соответствующих способу жизнедеятельности данного существа, т.е. биологически и функционально значимых или не значимых для данного вида живого существа. С экологической (средовой) позиции Дж. Гибсон меняет понимание времени и движения как объектов непосредственного восприятия: «Мы воспринимаем не время, а процессы и изменения, последовательности в …окружающей среде — совокупности положительных и отрицательных возможностей для осуществления жизнедеятельности данного живого существа. Среда существует только во взаимодополнении к перцептивным и поведенческим возможностям

данного живого существа, т.е. к тем способам действия по преобразованию пространственных отношений, которыми оно обладает и которые имеет возможность совершать благодаря своей собственной природе и свойствам окружающей среды».

Природная среда как объект экологического восприятия характеризуется тем, что: 1) природная среда не имеет определенных, твердо фиксированных во времени и пространстве границ, выделение и структурирование границ непосредственно воспринимаемой человеком природной среды (например, ландшафта) носит относительный, субъективно окрашенный характер; 2) разная степень структурированности ландшафта может оказывать эколого-психогенное воздействие на индивида: структурная перенасыщенность природной среды вызывает психическое переутомление, например, хаос тропического леса; и наоборот — «пустая» среда, это однообразие пространства, не дающее никаких зрительных или иных ориентиров воспринимающему индивиду, вызывает чувство беспричинного беспокойства и даже страха: белое безмолвие тундры, бескрайность пустыни; 3) каждый элемент природной среды обладает социальным значением, поскольку социальная сущность человека проявляется также и социальной константой его восприятия. Особенности восприятия природной среды могут быть обусловлены историческим значением данного ландшафта или рельефа (например, восприятие Большого озера в Хакасии, часовни на Красном Яру в г. Красноярске, озера Байкал как самого чистого озера в мире и т.д.), социокультурными и этническими традициями («японский садик», насыпные курганы, писаницы, стелы, оленьи камни, шаманский чум, священное дерево и т.д.). Здесь важно отметить, что социокультурное значение природной среды как объекта восприятия, с одной стороны, формируется в ходе социализации человека, а с другой — выступает именно как средство его социализации.

Фактор социализации напрямую зависит от наличия в данной культуре присущего только ей культурного архетипа. Не будем отвлекаться на вопрос о первичности влияния архетипа на появление именно таких культур (как «специфически-человеческого способа существования человека», по М.Б. Абсалямову). Архетип, по К.Г. Юнгу, — «образ коллективного бессознательного», и проявлениями в своих особенностях и самобытности обязан, в первую очередь, географическому положению, т.е. культуровмещающей среде (климату, ландшафту, рельефу, гидрографии, типам почв, флоре и фауне).

Культурные архетипы больше всего проявляются в повседневной жизни. Логику и смысл поведения людей можно усмотреть в мента-

литете. М.А. Барг утверждает: «Менталитет как способ выражения знаний о мире и человеке служит в повседневной жизни онтологическим и функциональным объяснением». Менталитет обусловлен общностью социальных условий, в которых формируется сознание (*и экологическое восприятие — добавление мое, О.В.*). Отношение к реальной действительности проявляется в менталитете народа и в его национальном характере (генотип плюс культура). Поэтому национальный характер, кроме неосознанных культурных архетипов, которые человек интериоризирует в процессе социализации, включает в себя наиболее повторяющиеся природные и этно-психологические черты индивидов. Изучать культурные архетипы можно путем реконструкции влияния реальности (географической, геополитической, хозяйственной, социальной, религиозной, правовой) на их формирование. Л.Н. Гумилев определял зависимость происхождения этносов от гелио-космических процессов, предполагая взаимообусловленность восприятия окружающей среды и проявлениями ментальности носителей этнических культур. Дм. Балашов утверждал, что русская культура возникла на стыке водного и лесного пространств.

Западная Сибирь в XVI в. была населена народами, которые можно условно подразделить на три вида носителей культурных архетипов: север — самодийские группы (ненцы, энцы, нганасане, селькупы); таежная полоса — угорские народности (ханты, манси); лесостепь и степь — тюрко-язычные народы (алтайцы, татары, хакасы). Следовательно, возникало и формировалось *этническое экологическое восприятие*, результаты которого находили выражение в языке (вербальных и невербальных формах), этнографических особенностях: верованиях, ритуалах, отношения к государственности, правилах общежития, гастрономических пристрастиях, использовании строительных материалов, одежды и т.д.

Сейчас же можно утверждать, что существует своеобразный культурный архетип под этнонимом «сибирский». С XVI в. начинается процесс формирования устойчивых признаков русско-сибирской культуры: совместное и черезполосное проживание местного и русского населения приводит к взаимообогащению разных культур; русский язык становится языком межнационального общения; новые формы хозяйствования, достижений в материальной сфере и духовной культуре (христианизация населения) проникают в среду многих сибирских народов. Но и местное население оказывает обратное воздействие на русскую культуру. Ассимиляция одних народов другими в истории Сибири (долганские народы — из якутов и эвенков; хакасы — из самодийцев и кетоязычных групп; аборигены Сибири — из

тюрков, китайцев, монголов, скифов) приводит к складыванию современной этнической карты Сибири.

Итак, экологическое восприятие, как и присущий данному этносу культурный архетип, напрямую зависит от географической среды (положения). Экологическое восприятие формирует целостные представления о взаимоотношениях «природа — человек — общество», при рефлексии которых обнаруживаются аксио-семантические (ценностно-смысловые) содержательные компоненты. Нахождение смысловых значений и оценивание — феномены экологического сознания человека и проявлений вовне культурных архетипов.

Н.А. ИЛЬИНА

ОБЪЕДИНЕННЫЙ АРХИВ МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Объединенный междуведомственный архив при Министерстве сельского хозяйства Бурятской АССР образован в соответствии с постановлением Совета Министров Бурятской АССР от 6 декабря 1973 г. № 439 «Об образовании при Министерстве сельского хозяйства Бурятской АССР Объединенного междуведомственного архива». Согласно постановления, архив содержался за счет общей численности работников предприятий, организаций и учреждений, сдающих документы в этот архив и специальных средств, получаемых по договорам министерств и ведомств — источников комплектования.

В 1995 г. во исполнение распоряжения Правительства Российской Федерации от 23 апреля 1992 г. № 781-р «Об обеспечении сохранности документов по личному составу» и на основании решения Коллегии Росархива от 26 июня 1994 г. «О состоянии архивного дела в Республике Бурятия», а также в целях защиты прав и интересов граждан социально-правового характера Правительство Республики Бурятия издает постановление от 13.03.95 № 83 «О переводе Объединенного архива сельского хозяйства на бюджетное финансирование». В результате Объединенный архив Минсельхозпрода РБ с 1995 г. переводится на частичное бюджетное финансирование, которое сохраняется и в настоящее время.

Основные законодательные акты по архивному делу приходятся на период 90-х гг. XX в. Главным действующим законодательным актом 1990-х гг. был «Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах» от 7 июля 1993 г. В нем впервые достаточно четко в архивной сфере была разграничена компетенция Российской Федерации и ее субъектов. Также впервые в архивной сфере были определены две части Архивного фонда Российской Федерации: государственная и негосударственная.

В соответствии с основами законодательства в Республике Бурятии был принят Закон Республики Бурятия «Об Архивном фонде Республики Бурятия и архивах» от 06.09.95 № 182-1.

Настоящий Закон, в соответствии с Конституцией Республики Бурятия и Основами законодательства Российской Федерации и архивах, регулирует правовые отношения в области формирования, организации хранения, учета, использования архивов и архивных фондов и управления ими в целях обеспечения сохранности архивных документов и их всестороннего использования в интересах граждан, общества и органов государственной власти Республики Бурятия.

Также, в 1993 г. было принято постановление Президента Российской Федерации «О порядке ведомственного хранения документов и организации их в делопроизводстве» от 3 марта 1993 г. Это постановление явилось одним из основных законодательных актов, принятых в целях регулирования взаимоотношений между учреждениями Государственной архивной службы (в настоящее время — Федеральная архивная служба) и центральными органами федеральной исполнительной власти, государственными учреждениями, организациями и предприятиями, а также совершенствования ведомственного хранения документов и организации их в делопроизводстве.

Основополагающим нормативным правовым актом, наиболее полно раскрывающим все правовые аспекты архивного дела в Российской Федерации на сегодняшний день, является Федеральный закон от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (далее — Закон № 125-ФЗ). В отличие от прежнего архивного законодательства — Основ законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах от 07.07.1993 г. № 5341-1, данный Федеральный закон регулирует отношения в сфере организации хранения, комплектования, учета и использования документов, не только входящих в состав Архивного фонда Российской Федерации, но и других архивных документов, независимо от их форм собственности (ст.1 Закона № 125-ФЗ). То есть архивное законодательство распространяется на деятельность всех

юридических лиц. Это положение является принципиальным моментом, т.к. обязывает все юридические лица, независимо от формы их собственности и собственности документов, находящихся на хранении в их архивах, исполнять разработанные специально уполномоченным федеральным органом Российской Федерации в области архивного дела нормативные правовые акты по этим вопросам.

Нормативно-правовую базу деятельности Объединенного архива помимо архивного законодательства составляют нормы гражданского, административного, трудового права Российской Федерации, постановления и указы правительства, ведомственные и нормативные акты.

В соответствии со ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации все взаимоотношения между юридическими лицами строятся на основании договора между ними. Это означает, что ни один архив или орган управления архивным делом не имеет права без согласия собственника архивных документов производить с ними какие-либо действия. Также следует иметь в виду, что документы, вошедшие в состав Архивного фонда РФ, остаются в безусловной собственности юридического лица лишь при наличии некоторых ограничений, установленных ст. 11 Закона № 125-ФЗ.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит ст.13.20. Нарушение правил хранения, комплектования, учета или использования архивных документов, в которой говорится о том, что нарушение правил хранения, комплектования, учета или использования архивных документов влечет за собой предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от одного до трех минимальных размеров оплаты труда; на должностных лиц — от трех до пяти минимальных размеров оплаты труда.

Ключевое положение, данное в ст. 5 Федерального закона от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (далее — Закон № 24-ФЗ), рассматривает любой документ, в том числе и архивный, с точки зрения информации и определяет, что документирование информации является обязательным условием ее включения в информационные ресурсы. Следовательно, любой архивный документ является частью информационных ресурсов. Организации обязаны представлять документированную информацию органам и организациям, ответственным за формирование и использование государственных информационных ресурсов (ст. 8 Закона № 24-ФЗ). Это положение напрямую относится к архивам, которые в соответствии со своим статусом формируют, хранят архивным документы и организуют их использование.

Обязанности негосударственных юридических лиц по организации хранения документов, образовавшихся в их деятельности, определяет Федеральный Закон от 26.11.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее Закон № 208-ФЗ). Порядок архивного хранения этих документов, их перечень со сроками хранения, согласованный в установленном порядке с федеральным органом исполнительной власти в области архивного дела, определяет изданное в развитие Закона № 208-ФЗ Положение о порядке и сроках хранения документов акционерных обществ, утв. Постановлением Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг от 16.07.2003 г. № 03-33/пс.

К ведомственным нормативным актам относятся прежде всего Примерные положения, утвержденные приказом Росархива от 19.01.1995 г. № 2 «Об утверждении примерного положения о постоянно действующей экспертной комиссии учреждения, организации, предприятия» и приказом от 17.03.1998 г. № 19 «Об утверждении примерного положения о центральной экспертной комиссии (ЦЭК) министерства (ведомства) Российской Федерации могут распространяться на работу экспертных комиссий (ЭК) учреждений, организаций, предприятий всех форм собственности и центральных экспертных комиссий (ЦЭК) министерств (ведомств). ЭК могут создаваться в учреждениях, не являющихся источниками комплектования Архивного фонда РФ.

В 2002 г. Федеральная архивная служба России подготовила новый нормативный документ — Основные правила работы архивов организаций, устанавливающий нормы и технологию работы архива организации. Этот норматив не меняет кардинальным образом сложившуюся и действующую многие годы технологию хранения документов, т.е. определенная преемственность по сравнению с Правилами 1987 г. сохраняется. Однако пересмотр основных правил был необходим в связи с изменениями, во-первых, правовых основ архивного дела в РФ, во-вторых, практически повсеместным внедрением в делопроизводство информационных технологий, а также с учетом того, что возникла масса организаций различных организационно-правовых форм.

Существенный вклад в нормативно-правовую базу деятельности Объединенного архива внес Примерный договор о передаче негосударственной части Архивного фонда Российской Федерации на хранение в государственный архив, одобренный решением Центральной экспертно-проверочной комиссией при Росархиве (протокол от 15.03.1995 г. № 1). С помощью Примерного договора появились возможности взыскания Объединенным архивом платы за различ-

ные виды работ, создания экспертной комиссии в негосударственных организациях. Появились возможности заключения дополнительных договоров по обработке, использованию документов и т.д.

Самым важным документом, определяющим деятельность Объединенного архива Минсельхозпрода РБ, является его Устав. В соответствии с приказом Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия от 3 мая 2005 г. № 43 в Устав архива были внесены изменения.

Предметом деятельности архива является организация хранения, комплектования, учета и использования принимаемых архивных документов государственных органов, учреждений, организаций, граждан и иных лиц, а также архивных фондов ранее принятых на хранение.

За последнее десятилетие нормативно-правовые основы деятельности архивов существенно обновились. Некоторые архивные отрасли формируются заново, другие претерпевают кардинальные изменения, базирующиеся на учете и анализе современных реалий, отечественном и зарубежном правовом поле.

А.Г. КИСЕЛЕВ

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ СИБИРСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА. РУБЕЖ XIX–XX вв.

Атрибутом исторического исследования является определение территориальных и хронологических рамок. В сущности, это — одна из сторон пространственно-временного континуума прошлого, в котором и существуют исторические явления. В данной работе рассматривается иной аспект континуума. Речь идет о «внутренней» пространственно-временной организации явления, а именно предпринимательского дела в Сибири рубежа XIX–XX вв. Именно этот ракурс наиболее соответствует познавательным потребностям истории фирмы — одного из ведущих направлений изучения истории предпринимательства. При этом под пространством понимается не только «география», но и структура самого предпринимательства; под временем — не только характеристика эпохи, но и жизнедеятельность «во времени», его «деловая» утилизация.

Представления о географии предпринимательства могут быть почерпнуты, прежде всего, из экономической географии Сибири. Являясь по существу российской колонией в экономическом смысле,

Сибирь сама не была неким единым пространством. Наряду с районами с преобладающим русским населением, освоенными в земледельческом и торгово-промышленном отношении, здесь существовали районы национальные (Север, южные степи, горные), где сохраняла свои позиции кочевая скотоводческая и даже присваивающая экономика. Отсюда вытекают три важные обстоятельства.

Во-первых, эти богатые сырьем «колонии вдвойне» долгое время консервировали традиционные, простейшие формы организации предпринимательства. Во-вторых, их высокая доходность сделала добычу, торговлю и транспортировку грузов между районами, между Сибирью и Европейской Россией основной множества крупных фирм. Наконец, в-третьих, экономическая география Сибири предопределила высокую мобильность предпринимателей и их агентов, элементы «пионерства» в укладе их жизни.

Другой, не менее важной для предпринимательства, стороной «обитаемого пространства» была его собственная внутренняя структура. Именно здесь и происходил процесс оборота капитала. К рубежу XIX–XX вв. наряду с сохранением традиционных, архаичных ее институтов складываются и современные, регулируемые не только обычаем, но и законом, пользуясь языком М. Вебера, «рациональные» институты.

Товар, как отражение экономических отношений, переходя из рук в руки, претерпевает несколько эволюций — от простой мены до биржевых сделок на время, в кредит и т.п. Капитал функционирует одновременно в разных сферах, разлагая прежние хозяйственные формы, наполняя их изнутри «рациональным» содержанием (развитие биржевых сделок и банковского кредита на ярмарках). Предприниматель, как воплощенный капитал, оперирует в разных социально-экономических и культурных средах, что определяет известную противоречивость и усиливает «пионерские» черты его облика.

Наконец, еще одним важным аспектом проблемы «пространства» предпринимательства является его влияние на изменение окружающих социокультурных условий. Речь идет и об изменении внешнего облика городов, торговых и фабричных сел, появлении здесь элементов индустриального ландшафта, «деловых центров», архитектурных памятников и ансамблей, созданных купечеством. Речь идет и об участии «делового класса» в общественной, культурной, духовной жизни Сибири, т.е. обо всем том течении общественной жизни, которая так или иначе «осваивается» предпринимателями.

Хронологические рамки исследования позволяют соотнести изучаемое явление с определенными этапами, периодами в истории

страны. Для историка сибирского предпринимательства рубежа веков важными являются такие явления эпохи, как быстрый индустриальный рост, аграрные преобразования, строительство Транссиба и т.п. С точки зрения истории фирмы, не менее, а возможно более значимо то, что в этих условиях резко ускоряется само течение времени, экономию которого И.И. Янжул называл мерилом культуры.

Развитие рынка, с одной стороны, ослабляет зависимость оборотов от природных факторов, подчиняя их факторам рыночным, а с другой, задает нарастающий темп обороту капитала, деятельности деловых людей. Новый «деловой ритм» «красной ниточкой» пронизывает всю экономическую жизнь сибирских городов, материализуясь в виде регулярных рейсов по железной дороге и рекам, распространения краткосрочного кредитования, «приучавшего ценить время», регулярности отчетов, протоколов, бюллетеней коммерческих учреждений и общественных организаций, развития телеграфа и телефонной связи, распространения ежедневных газет и т.п.

Однако наличие иной в экономическом и культурном отношении периферии определяет и здесь известную двойственность, противоречивость жизнедеятельности капитала. Иные, по существу органические, природные (как противостоящие «рациональным») ритмы господствующие, скажем в степи (сезоны кочевого скотоводческого хозяйства, ярмарки), подчиняют себе и режим функционирования фирмы, заставляют предпринимателя считаться к особенностям восприятия времени аборигенами, живущими «вне времени» (последнее хорошо показано И.М. Майским).

Пространственно-временные характеристики, их объективная сторона и их образы помогают историку предпринимательства достичь необходимого соединения экономического и социокультурного подходов к собственной проблематике.

В.Г. КИЧЕЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в. ЛЕНИНСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Одной из важнейших тенденций современного политического развития Российской Федерации является возрастание роли субъек-

тивного фактора и, прежде всего, роли политических партий. В этой связи опыт партийного феномена России начала XX в. имеет не только научное, но и социальное значение. Изучение этого феномена обуславливается и тем, что советская историческая наука создавала превратное представление об идейных противниках большевизма. При этом больше всего доставалось представителям социалистических партий меньшевикам и эсеров.

Важнейшей методологической проблемой на пути политического строительства стала научная классификация политических партий, основные решения которой были заложены В.И. Лениным в работах «Опыт классификации русских политических партий», «Политические партии в России», «Политические партии в России и задачи пролетариата», в его выступлениях на партийных съездах и конференциях. В отличие от политических оппонентов для В.И. Ленина главным критерием классификации политических партий была их классовая сущность, определяемая тем, «кто ею руководит и каково содержание ее действий и ее политической тактики». Именно этот метод игнорировали меньшевики, призывая «критиковать» буржуазные партии, ибо «за голыми фразами… исчезали грани трех основных типов наших буржуазных партий» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 59).

Что же видит В.И. Ленин за тремя типами буржуазных партий? Это октябристы, кадеты, революционные или крестьянские демократы — таковы эти три главных типа. В начале XX в. этот вопрос имел принципиальное значение, так как в годы революции 1905–1907 гг. партии октябристов и кадетов входили в разные партийно-политические лагеря: первая примыкала к правительственному лагерю, вторая — входила в либеральный лагерь, составляя тем самым оппозицию. Эта характеристика важна и в той связи, что в советской историографии была принята классификация по четырем группам партий: помещичьи, буржуазные, мелкобуржуазные и пролетарская. К 1917 г. вся палитра политических партий была действительно сведена к основным четырем типам, присущих любой развитой капиталистической стране начала XX в. Но в годы первой революции в России буржуазные партии в России, действительно, буржуазные партии различались по определению В.И. Ленина по трем главным «цветам», тогда как Г.В. Плеханов изображает «буржуазные партии как одну сплошную реакционную массу». «Именно тут, — подчеркивал В.И. Ленин, кроется одно из коренных различий двух тактик» (Там же. Т. 13. С. 149).

Следует отметить, что типы политических партий в России в начале XX в., предложенных В.И. Лениным, не воспринимались им

как нечто застывшее. В политической структуре общества шло постоянное движение: происходили расколы, создавались временные объединение и блоки, т.е. происходило все то, что в политологии называется политическим компромиссом. В.И. Ленин сам указывает на родство октябристов и кадетов и справедливо считает неизбежным образование «крупной» и «деловой» либерально-буржуазной партии». При этом он не исключал и другие альянсы. Так, кадеты первого призыва, появившиеся на политической арене в 1905 г., отводили себе роль посредника между самодержавием с одной стороны и пролетариатом и крестьянством — с другой, сделали возможным зарождение новой политической организации: появляются элементы политической демократии, «желающие быть левее кадетов и привлекающие к себе меньшевиков и социалистов-революционеров» (Там же. Т. 17. С. 52).

Такого рода альянс привлекает пристальный интерес к трудовикам, куда В.И. Ленин относил трудовую народно-социалистическую партию, эсеров и максималистов. Именно им свойственно стремление соединить пролетариат в одну «трудовую группу» с мелким производителем. При этом В.И. Ленин выделял два крыла трудовиков, где крайне правое крыло «очень мало отличается от кадетов, ибо устраняет из программы и республику и требование всей земли»; а левое крыло «очень немного отличается от анархистов». На эту амплитуду «политических качаний трудовой мелкой буржуазии» В.И. Ленин указывал постоянно. При этом он предвидел возможность такого момента в развитии революции, когда вокруг «чистой демократии» объединится вся реакция. Вместе с тем «в такой стране как Россия, — подчеркивал В.И. Ленин, — исход буржуазной революции всего более зависит от политического поведения мелких производителей» (Там же. Т. 14. С. 24). В этой связи В.И. Ленин видел задачу рабочей демократии в том, чтобы вырвать мелкобуржуазных демократов из-под влияния либералов.

Особенность России проявлялась не только в значительной роли мелких производителей, но и в том, что Россия была абсолютной монархией. Именно поэтому на крайне правом фланге стоял «Союз русского народа» — партия «крепостников-помещиков, Совета объединенного дворянства». По сути старый правящий класс, оставаясь правящим, создал себе собственную партию, которая «повторяет, в сущности, старый лозунг времен крепостного права — православие, самодержавие, народность» (Там же. Т. 21. С. 277). «Союз» имел поддержку не только среди лавочников, ибо поставить в исключительное положение русский народ, разжечь недоверие к инородцам

и особенно к евреям, находило поддержку и в других социальных слоях населения России. Поэтому V съезд РСДРП (1907 г.) признал необходимым разоблачать теснейшую связь черносотенцев с царизмом, разъясняя необходимость непримиримой борьбы за полное уничтожение этих атавизмов варварства.

На левом фланге политических партий России начала X в. находилась РСДРП. При характеристике этого типа политических партий В.И. Ленин анализирует деятельность всей РСДРП. При этом он говорит о «левых» и «правых», о двух течениях, о меньшевиках и большевиках, но в рамках одной партии с единой социальной базой, едиными программными документами, единым руководством. Конечно, можно вспомнить о двух партийных съездах, состоявшихся в 1905 г., что стало демонстрацией тактических разногласий. Можно вспомнить и о решениях VI Пражской партийной конференции (1912 г.), решением которой меньшевики-оборонцы были изгнаны из рядов РСДРП. Но при этом меньшевики-партийцы остались в рядах партии. Конечно, у меньшевиков было собственное видение на перспективы революции в России и перспективы мировой революции, которые во многом перекликались с идеями западноевропейской социал-демократии. И если эти идеи, носившие реформаторский характер, нашли благодатную почву в Западной Европе, то в России они не нашли понимания в силу особенностей развития капитализма. Россия отторгла демократический путь развития революции и решала проблемы силовыми методами. При этом следует особое внимание обратить на ленинскую мысль о том, что РСДРП является партией «общеевропейского типа». Россия и революционные процессы, происходившие в ней, явление не изолированное. И потому перед современной российской историографией стоит задача изучения истории европейской социал-демократии, опыта и практики Социалистического Интернационала, идеи которого успешно претворяются в жизнь в Европе.

Таким образом, ленинская методология классификации политических партий в России в начале XX в. помогает не только избавиться от ряда идеологических штампов, свойственных советской историографии, которые среди прочего, привели к кризису в советском обществе и в конечном итоге к его краху, но и к понимаю современных политических процессов в российском обществе, которое встало на путь цивилизованного партийного строительства.

В.Ц. ЛЫКСОКОВА
И.С. ЦЫРЕМПИЛОВА

К ВОПРОСУ О СОХРАННОСТИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД
(На примере Забайкальской области)

Буржуазные реформы 60–70-х годов XIX в. вызвали оживление в деятельности архивов. В этот период в архивы в огромном количестве передавались материалы упраздненных и преобразованных учреждений. Упорядочение документов и интенсивное комплектование фондов впервые в истории отечественного архивного дела проходило в период, когда было разрешено уничтожать архивные документы дореформенных учреждений в целях «рузгрузки архивов». Сформулированный известным историком-архивистом Н.В. Калачовым тезис: «Пусть лучшее хранится, чем полезное уничтожается» — полностью игнорировался. Историк Д.Я. Самоквасов позднее отмечал, что «все министры стали подписывать смертные приговоры архивам своего ведомства, виновным в том, что они требовали помещения для своего существования» (Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 129).

Для решения проблемы бумажного вала ведомствами были разработаны правила «О порядке разбора и уничтожения решенных дел» и созданы специальные комиссии. Одновременно расширялись права местной администрации в области архивного дела. Так, в 1867 г. губернаторы получили право самостоятельно решать вопрос об уничтожении документов в учреждениях, подведомственных Министерству внутренних дел. Например, предписанием генерал-губернатора Главного управления Восточной Сибири от 7 июля 1873 г. при Забайкальском областном правлении была образована Особая временная комиссия для разбора и приведения в порядок дел и бумаг учреждений. В нем было указано: «Заметив при ревизии ныне Забайкальского областного правления, что многие дела и бумаги остаются неисполненными и даже неподобранными в продолжении нескольких лет, признаю необходимым образовать при правлении Особую временную комиссию. … Комиссии немедленно приступить к открытию своих действий и занимаясь утром и вечером ежедневно, окончить свои занятия не далее 6 месяцев и доставлять мне два раза в месяц сведения об успехах работы по разборке и приведению в порядок

дела...» (Там же. С.128). Согласно постановлению обязанности возлагались на титулярных советников столоначальников.

Инструкции, выработанные ведомствами, предписывали секретные материалы сжигать, а несекретные — продавать с публичных «торгов или другим законным порядком», предварительно разрезав бумаги на мелкие части. Делалось это для того, чтобы нельзя было ознакомиться с содержанием документов. Однако такое правило часто нарушалось, так как неразрезанная бумага стоила гораздо дороже. Вырученные средства (а они часто были очень крупными, так как продавались десятками тысяч пудов бумаги) поступали в казну. Позже Министерство финансов специальным распоряжением выделило часть сумм на улучшение оборудования и материальное поощрение «отличившихся» чиновников. В 1891 г. была установлена точная сумма — 50% от вырученных сумм передавалась на устройство архива и награды чиновникам, что усилило заинтересованность служащих в уничтожении архивных дел. Данные правила и инструкции были внедрены и в архивные учреждения Забайкалья. Так, постановлением и. о. Военного губернатора Забайкальской области генерал-майора Симонова от 19 апреля 1877 г. была учреждена комиссия для разбора старых архивных дел. В нем говорилось: «По указу Его императорского величества в Областном правлении слушали записку о продаже старых архивных дел Забайкальского областного правления. Приказали: имея в виду, что на продажу старых решенных дел назначались торги 19 октября..., торговаться явился крестьянин Томской губернии Д. Александров и объявил цены на пуд 1 р. 50 к., т.к. справочные цены на оберточную бумагу в г. Чите существуют от 1 р. до 1 р. 50 к... продать бумаги Александрову...» (Там же). Комиссия, созданная при Забайкальском областном правлении, из просмотренных в этом учреждении 12 252 дел, уничтожила 75% единиц хранения Главное управление Нерчинского горного округа, переехав из Нерчинского Завода в Читу, оставило на прежнем месте в казенных амбарах несколько тысяч дел за 1700–1850-е гг. Позже об этом уникальном архиве дает пояснение известный краевед И.М. Давидович: «Для разборки этого архива и выделения из него «ненужных дел» Управлением округа был послан туда канцелярский чиновник Вейценбрейер, который, сам, сознаваясь в совершенной неподготовленности к этой работе, произвел массовое уничтожение документов. Только за один-два месяца он, просмотрев 1262 дела, уничтожил из них 1190 дел» (ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1648. Л. 4). Можно полагать, какое огромное количество исторических документов погибло от рук чиновников царской администрации.

Многие видные архивисты выступали против того, чтобы архивы продавали выделенную к уничтожению документацию, справедливо считая, что материальная заинтересованность может привести к продаже ценных источников, но администрация не учитывала это законное требование.

Разработанные ведомствами правила об уничтожении архивных документов имели много отрицательных моментов. В вопросах экспертизы постоянно прослеживался классовый подход. Архивариусы и эксперты, не имевшие должных знаний и навыков архивной работы, относились равнодушно к материалам. Поэтому на гибель обрекались важные исторические источники.

Лишь в конце XIX в. удалось приостановить уничтожение дел, поскольку научная общественность была встревожена состоянием архивного дела, обсуждая вопросы на археологических съездах при непосредственном участии Н.В. Калачова. II Археологический съезд просил правительство создать Особую временную комиссию об устройстве архивов, которая с 3 февраля 1873 г. стала функционировать под председательством Н.В. Калачова. Комиссия была учреждена при Министерстве народного просвещения, основная задача которой состояла в написании положения о Главной архивной комиссии как правительственном учреждении. Помимо этого, предлагалось также учредить для всех ведомств общие архивы в губернских городах, а в общих архивах учредить особые комиссии для разбора местных документов. Эта рекомендация была осуществлена лишь в апреле 1884 г., когда были учреждены губернские ученые архивные комиссии (ГУАК) для разбора материалов местных государственных учреждений. В Иркутском генерал-губернаторстве была создана Иркутская губернская ученая архивная комиссия юрисдикция которой распространялась на территорию Восточной Сибири и Приамурского генерал-губернаторства.

Иркутская ГУАК работала на основе Положения об учреждении ученых архивных комиссий и исторических архивов от 13 апреля 1884 г. и «Инструкции о порядке и способах уничтожения решенных дел по губернским правлениям и учреждениям ведомства МВД». Последняя запрещала уничтожать текущие дела без их предварительного просмотра членами комиссии. На ГУАК возлагались следующие обязанности: «Разбирать дела, предназначенные в различных архивах к уничтожению, и проводить экспертизу материалов для ученых исследований, разыскивать и описывать старинные памятники и принимать меры к сохранению их от уничтожения» (Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Иркутск, 1913. Вып. 1. С. 242).

Иркутская ГУАК, помимо разборки архивных документов в учреждениях, занималась сбором сведений обо всех существующих и погибших архивах, спасала от гибели множество ценных документальных источников. Несмотря на то, что комиссия просуществовала менее пятнадцати лет, она оставила заметный след в архивном деле Восточной Сибири.

Т.А. МАМОНТОВА

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (ИСТОРИОГРАФИЯ)

Российская историческая наука имеет давние традиции всестороннего изучения политической истории России. В последние десятилетия впервые появились публикации, посвященные истории российского парламентаризма, местного самоуправления, роли политической элиты в развитии страны в XX в.

В советский период проблемы местного самоуправления рассматривались в основном в 3-х ракурсах:

Во-первых, изучался дореволюционный опыт земских учреждений, главным образом под критическим углом зрения, как «пятое колесо» в политической системе России, как еще одно доказательство нарастании общественных противоречий и неотвратимости социалистической революции. (См., например: Еранкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960; Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914) // Исторические записки. 1982. Т. 102).

Во-вторых, имела место критика буржуазной теории и практики местного самоуправления. (См., например: Местные и муниципальные органы государственного управления буржуазных стран. М., 1984; Местные органы в политической системе капитализма. М., 1985. и др.).

И, наконец, акцент делался на доказательстве преимущества советской системы, как подлинно демократической системы народовластия на всех уровнях.

Проблемам местного самоуправления в советский период не уделялось должного внимания (Лагуткин А.В. Местное самоуправление

как форма народовластия в Российской Федерации. М., 1995. С. 32). С начала «хрущевской оттепели» и до последних дней существования советской системы власти многочисленными были издания о «коммунистическом общественном самоуправлении», «социалистическом самоуправлении народа». Особый всплеск исследований на эту тему произошел в результате разработки и принятия третьей программы КПСС в 1961 г., определившей задачу перерастания «социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление» (См.: Волков Ю.Е. Перерастание социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление. Свердловск. 1961; Чесноков Д.И. От государственности к общественному самоуправлению. М., 1960; и др.) В работах этого периода имели место попытки обосновать особые социалистические, научно-обоснованные методы социалистического управления обществом и показать роль советского самоуправления в качестве фактора общественного прогресса (Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М., 1973; Белых А.К. Управление и самоуправление. Социалистическое управление: сущность и перспективы развития. Л., 1972; Карапетян Л.М. Научное управление и демократия. М., 1979; Лебедев П.Н. Очерки теории социального управления. Л., 1976 и др.). Но самоуправление не рассматривалось как власть. «В условиях господства в советской теории народного представительства исключалось деление органов власти на государственные и негосударственные, такой подход был невозможен». (Лагуткин А.В. Местное самоуправление как форма народовластия в Российской Федерации. М., 1995. С. 15). Вопросам теории и практики народного самоуправления посвящены работы Ю.И. Скуратова, который определял самоуправление как «качество, свойство народа и других социальных общностей, их способность управлять своими собственными делами» (Скуратов Ю.И. Система социалистического самоуправления народа. Свердловск, 1987). По его мнению, самоуправление представляет собой высшую цель и одновременно особую форму развития и организации демократии.

Анализ исследований показывает, что в конце 1970-х гг. произошло косвенное признание партийными и государственными органами технологического отставания СССР от Запада. Это привело к попыткам преодолеть его, в том числе, за счет более активного вовлечения трудящихся в процессы производственного управления. Содержание работ, посвященных этим проблемам (См.: Богатырев Н.Н. Расширение участия трудящихся в управлении производством. М., 1979; Аникин Л.С., Листвин В.Ф. Осипов В.А. Техническое творчест-

во трудящихся и развитие демократических начал управления производством в условиях развитого социализма. Саратов, 1995 и др.) свидетельствует о том, что авторы, с одной стороны признавали ряд серьезных проблем в состоянии общественного производства в условиях плановой социалистической экономики, а, с другой, вынуждены были руководствоваться строгими рамками марксистско-ленинских догм и не выходить за их пределы в своих оценках, выводах и предложениях по совершенствованию условий хозяйствования.

С началом перестройки официальная направленность исследований в этой области была определена концепцией «обновления социализма» под лозунгом «очищения от сталинизма», «возврата к ленинскому наследию» и т.д. В связи с этой задачей проблема самоуправления становится одной из ключевых теоретических и практических задач. Активизировалось исследование дореволюционного опыта земского самоуправления (См.: Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990; Арнольдов Н.А. Самарское земство в конце XIX–начале XX вв. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Куйбышев, 1990). Появилось большое количество работ, в которых авторы стремились реанимировать различные аспекты самоуправления в наследии марксизма-ленинизма, пытались придать им «новое прочтение» и адаптировать к задачам демократизации советского общества (Бутенко А.П. Власть народа посредством самого народа. М., 1989; Ильинский И.П. Социалистическое самоуправление народа. М., 1987; Агешин Ю., Кулев П. Советы: восхождение к полновластию. М., 1990; Самоуправление: теория и практика: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.А. Безуглов. М., 1991; Социалистическое самоуправление народа: условия и пути развития. Под ред. В.В. Пугачева. М., 1990–1992 и др.). Несмотря на то, что большинство работ этого периода продолжали реализовываться в рамках марксистско-ленинской идеологии и характеризовались определенной подгонкой тех или иных высказываний, положений, выводов и оценок классиков под «новое политическое мышление» и задач идеологов перестройки, следует отметить, что в это время научный поиск и осмысление различных моделей социалистического самоуправления постепенно освобождается от догматического и схоластического толкования.

Новые социальные процессы и явления дали обильную информацию, которая нуждалась в научном осмыслении и оценке. Авторы осуществляли попытки дать научное определение понятию самоуправление, проанализировать практику самоуправленческих начал в СССР, делали прогнозы развития самоуправления в будущем. Основной вывод заключался в том, что модель советской самоорганиза-

ции общества является наиболее перспективной, т.к. социалистическое самоуправление оценивалось как более высокая общественная ступень как по сравнению с развитыми западными странами, так и по сравнению с собственным дореволюционным опытом (Аникин Л.С. Становление местного самоуправления в Р.Ф. Опыт социологического исследования. Под ред. проф. Г.В. Дыльнова. Саратов: изд-во Саратовского университета. 1997. С. 6).

В период с 1990 по 1993 гг. появился массив публикаций по вопросам реформирования местных органов советской власти. Их авторы наибольшее внимание уделили новому законодательству по системе местных Советов. В частности, подробно проанализированы законы «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 6. Ст. 267) и «О местном самоуправлении в РСФСР» (Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010). В соответствии с этими законами исследователи Е.Г. Анилища, В.И. Бутов, В.И. Васильев, В.Г. Игнатов, А.Т. Тернышный и др. рассмотрели проблемы развития самоуправления на базе местных органов советской власти (Анилища Е.Г., Тертышный А.Т. Основы местного самоуправления. М., 2000; Игнатов В.Г., Бутов В.И. Зарубежный опыт местного самоуправления и российская практика. Ростов н/Д., 1999 и др.). Статьи Г.В. Барабышева, Б.Н. Габричидзе, А.В. Игутина, Н.Д. Пивоварова, А.Я. Сливы, В.В. Шанцева, К.Ф. Шеремета посвящены вопросам реорганизации внутренней структуры местных органов советской власти, взаимодействия местных Советов различных уровней (Барабышев Г. Совет и мэр в «упряжке» самоуправления // Народный депутат. 1991. № 11. С. 36–40; Шанцев В. Кто правит на местах // Народный депутат. 1990. № 3. С. 45–49; Шеремет К.Ф., Барабышев В.Г. Связующее звено // Народный депутат. 1991. № 14. С. 37–45 и др.). В работах вышеуказанных исследователей были предложены различные варианты по оптимизации управленческой деятельности Советов в демократических условиях.

Упразднение местных органов советской власти в 1993 г. обусловило снижение интереса ученых в данном направлении. Редкие публикации представляли собой анализ всего периода деятельности Советов в нашем государстве, а также оценку их ликвидации. При этом точки зрения исследователей по данным вопросам носили прямо противоположный характер. В работах В.Г. Игнатова, А.Я. Сливы и других оценка деятельности Советов за 76-летний период истории имела негативный характер, а их ликвидация воспринималась как необходимая реформаторская мера в процессе демократизации

властных структур (Игнатов В.Г. Становление государственного и муниципального управления в современной России. (1990-е гг). Ростов н/Д, 1998; Слива А.Я. Какой будет местная власть // Российская Федерация. 1993. № 1(13) и др.). Несколько иной подход наблюдался в публикациях В.Г. Гельмана и Е.В. Южиной. В.Я. Гельман определил, что политическая платформа, связанная с ликвидацией местных органов советской власти, не имела серьезной концептуальной основы. Исследователь Е.В. Южина сделала заключение, что советская модель вполне успешно осуществляла возложенные на нее функции и в управленческом плане была более чем приемлема (Южина Е.В. Теория местного самоуправления и проблемы реформирования административно-территориального устройства современной России: автореф. дис. … канд. полит. наук. СПб., 1998. С. 18).

Несомненный интерес представляет изданная Российским независимым институтом социальных и национальных проблем книга «Власть и оппозиция. Российский политический процесс двадцатого столетия» (Власть и оппозиция. Российский политический процесс двадцатого столетия / Под ред. В.В. Журавлева. М., 1995). Особого внимания заслуживают публикации, в которых исследуются уроки истории (См.: Советский Союз в 1930-е гг.: «круглый стол» редакции // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 3–30; Урок дает история. М., 1989; Уроки горькие, но необходимые. М., 1988; Уроки российской цивилизации. Воронеж, 1995).

В течение многих лет вопросы местного самоуправления разрабатывались преимущественно юристами. В этом, возможно, был определенный смысл, так как система государственной власти обладает инерцией, привычная практика считается предпочтительней новых законов.

Основательным историческим исследованием местного самоуправления стала монография Н.В. Постового (Постовой Н.В. Местное самоуправление. История, теория, практика. М., 1995. С. 115). Автор анализирует институт местного самоуправлении от его истоков до наших дней с позиции актуальности исторических традиций. В монографии показано, что истоки местного самоуправления уходят в далекое пошлое славянских народов, начиная с VII–VIII вв., ко времени зарождения на Руси общин. Ученый рассматривает экономические основы местного самоуправления, формы его осуществления, компетенции его органов, их соотношение с центральными органами власти. Исследователь делает вывод о том, что в современной России целесообразнее использовать свой собственный отечественный опыт. Заслуживает внимание его замечание о том, что осуществить местное самоуправ-

ление в стране возможно только в том случае, если эта идея овладеет массами, а для этого, прежде всего, необходимо довести до сознания всего общества целесообразность, необходимость, выгодность для человека системы местного самоуправления.

Новой отрасли отечественного законодательства — муниципальному праву посвящены работы В.И. Фадеева, в которых рассмотрены вопросы формирования законодательства и его реализация на практике.

Становление в России местного самоуправления учеными рассматриваются как создание реальных условий для народовластия. Местное самоуправление для России не является новым, но качественно иным стало стремление общества к наиболее полному осуществлению идей самоуправления, хотя на пути реализации этих возможностей возникают и серьезные препятствия. Учитывая реальные условия современной России, реформирование ее политической системы, новые явления в российском федерализме, в литературе обобщается региональный опыт становления местного самоуправления, его модификации (См.: Бородкин Ф.М. новая концепция самоуправления. Новосибирск, 1994; Когут А.Е. Система местного самоуправления. СПб., 1995; Краснов М.А. Введение в муниципальное право. М., 1993; Фадеев В.И. Муниципальное право России. М., 1994; Юдин П.А. Социальные ресурсы местного самоуправления. Дисс. … канд. филос. наук. Белгород, 1991; Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. и др.).

В 1998 г. издана книга, посвященная городскому самоуправлению пореформенной Москвы за более чем 50-летний период его существования, открывшая серию «Московские монографии», в которой многопланово рассматривается развитие общественного управления столицей (Писарьков Л.Ф. Московская городская дума: 1863–1917 гг. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 1998).

Значительный вклад в исследования проблемы местного самоуправления в условиях социалистической системы внесли и иркутские исследователи-обществоведы. (Дулов А.В. Изучение истории Иркутской области в XX в. // Вторые романовские чтения: Материалы научной конференции. 8–9 октября 1988 г. Иркутск, 2000. С. 37–45; Дамешек Л.М. Предпосылки создания системы управления жилищным фондом / Л.М. Дамешек, Н.А. Яковченко // Современные аспекты регионально развития: Сб. ст. Иркутск, 2002. Вып. 3. С. 65–68; Боканов П.П. Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по подъему трудовой активности масс в условиях совершенствования социализма / Иркутский институт. Иркутск, 1988; Степаненко А.С.

Местное самоуправление в Сибири. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001; Корякова Л.Х. Деятельность КПСС по повышению активности рабочих в Советах в условиях совершенствования социализма (на материалах парт. Организации Сибири 1970–1980 гг.): Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Иркутск, 1988. 30 с.; Петрушин Ю.А. Историография общественно-политической жизни Сибири середины 1950 — середины 1990-х гг. (методологический аспект); Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Иркутск, 1997. 43 с.).

Анализ опубликованных работ позволяет сделать вывод о том, что учеными Сибири (юристами, политологами, социологами, историками) проделана значительная работа по изучению проблем формирования и деятельности органов местного самоуправления Иркутской области. Однако эти работы имеют некоторую ограниченность в освещении поставленных вопросов, хронологических рамок, т.к. до 1985 г. вся общественно-политическая жизнь Сибири, как и страны в целом, была пронизана партийно-организационной и массово-политической работой.

После 1985 г. появляются историографические работы, критически оценивающие общественно-политическую жизнь, отметившие кризисные явления в отечественной истории (Петрушин Ю.А). Демократизация общества дала возможность попытаться преодолеть политизацию в изучении темы, повысить научный уровень историографических работ

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня существует потребность в создании целостной картины деятельности органов местного самоуправления в Восточной Сибири и в частности Иркутской области в последние десятилетия существования СССР, в переходный период от командно-административной системы к демократическим началам.

С.И. НОВИКОВ

ПРЕССА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

(к постановке проблемы)

Классическая формула превращения идеи в материальную силу, по мере подчинения масс подчеркивает то обстоятельство что успех любого дела, а уж тем более перестройки всего государственного организма

во многом определялся, тем как к ней относились все слои общественности. В этом смысле период второй половины 80-х–начала 90-х гг. XX в. характеризуется достаточно быстрыми изменениями в умонастроениях народа. Если в начальный период очевидной была безусловная общественная поддержка инициатив центра, то к концу 1980-х гг. преобладало уже недоверие. Отражением этих изменений в умонастроениях являются, прежде всего, материалы прессы. Подобное явление наблюдаемо и в наши дни, когда власть, предпринимая какие-либо шаги, вынуждена учитывать результаты социологических исследований.

Периодическая печать является одним из средств массовой информации и пропаганды, ограниченная определенными временными рамками. По форме — это газеты, журналы, бюллетени и пр. Ее специфическим свойством является многоплановость, включающая в себя самую разнообразную по жанру, происхождению, содержанию информацию: официальные сообщения и документы, законодательные акты, публицистику, письма, хронику, всевозможную информацию (заметки-отчеты, репортажи, интервью и пр.), объявление, беллетристику, некрологи и т.д. (Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / Н.И. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская и др. М.: РГГУ, 1998. 621 с.).

Важна еще одна особенность газет — оперативность обнародования общественно значимой информации. Богатство и разнообразие информации периодической печати делает ее многоплановым историческим источником. Изучая материалы печати, можно составить представление о том или ином государственном строе, социально-экономических отношениях, господствующих идеологемах. Своеобразие прессы как источника заключается не только в особой информационной функции, в сложности структуры, но и в разнообразии ее жанров. Условно их можно разделить на три группы: информативные, аналитические, художественно-публицистические (Там же. С. 622).

Для первой группы при многообразии вариантов общей чертой является стремление наиболее точно передать знание о событии, факте. Однако в этом стремлении к оперативности объективно заложена возможность появления недостаточно проверенной, надежный информации. Основные жанры группы — заметка, отчет, репортаж, интервью.

К аналитическим жанрам относятся корреспонденции, рецензии, статьи, основная цель которых — передача не столько информации о событиях, сколько авторские размышления по их поводу.

В художественно-публицистических жанрах (очерк, фельетон, памфлет) сочетаются документализм и литературный вымысел, дается оценка событиям.

Многое может сказать об эффективности газетных выступлений изучение языка публикаций. Так, по данным исследования, проведенного в рамках проекта «Общественное мнение», до 70% читателей газеты «Таганрогская правда» неправильно интерпретировали содержание материалов о ходе хозяйственной реформы. От 50 до 80% читателей продемонстрировали полное незнание или ошибочное истолкование таких слов, как: «демократ», «монополия», «реванш», «либерал», «эскалации» и др. (Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980. С. 244–250). «Между тем эти понятия наиболее часто встречаются в лексиконе не только внешнеполитических обозревателей центральных газет, радио и телевидения, но и политинформаторов, ведущих беседы с трудящимся непосредственно на предприятиях и в учреждениях» (Как провести социологическое исследование: В помощь идеол. активу / Под ред. М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги. М.: Политиздат, 1990. С. 125).

За годы советской власти сложилась определенная система периодической печати. Это прежде всего партийная пресса, которую возглавлял центральный орган КПСС — газета «Правда». Партийная печать была представлена также широко разветвленной сетью центральных, республиканских и местных газет и журналов.

Во вторую группу изданий входила советская пресса. Ее центральным органом была газета «Известия» Советов депутатов трудящихся СССР.

Печать общественных организаций составляла третью группу. Сюда относились газеты и журналы профсоюзов, комсомола, кооперации и пр. Наиболее влиятельными в этой группе были профсоюзная газета «Труд» и орган ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда». Сюда же можно отнести и средства печати крупных хозяйствовавших субъектов — производственных комбинатов.

К четвертой группе относились научные издания Академии наук СССР, республиканских и отраслевых академий, а также некоторых высших учебных заведений.

Учет периодических изданий осуществляет Книжная палата, куда поступает вся печатная продукция страны.

Пресса никогда не была свободной, а стало быть, объективной, ни на Западе, ни в СССР, ни в постсоветской России. Провозглашение независимой прессы, лозунг «свободная печать» выражают скорее пожелание, тенденцию развития прессы в этом направлении.

Ошибочно и широко бытующее суждение, что пресса есть выражение общественного мнения. Пресса всегда и везде имела хозяина, будь то всесильный капитал или могущественная КПСС. В лучшем

случае пресса может выражать интересы группы людей — издателей газеты, ноне всей совокупностей социальных слоев населения. Другое дело, что пресса стремится представить себя выразителем общественного мнения, борется за формирование позиции, якобы выражающей мнение общества (Прохоров Е.П. Введение в журналистику: Учеб. для студ. вузов. обучающихся по спец. «журналистика». М.: Высш.шк., 1988. С. 100).

Сверхзадача для прессы в первые годы перестройки состояла в реальном воплощении провозглашенного принципа гласности. Гласность и демократизация в первую очередь и более всего коснулись нашей печати. Именно в этой сфере общественно-политической жизни произошли наиболее существенные демократические изменения, что отразилось прежде всего в количественных переменах: газет и журналов стало больше, резко выросли тиражи наиболее популярных изданий. Если раньше местные газеты не знали о чем писать, якобы не было материалы, то в 1990-е гг. появились газеты даже городских районов.

Официальная пресса не всегда являлась достоверным источником по всему комплексу вопросов социально-экономического, политического, культурного развития страны на протяжении всей ее истории. Появившиеся в последние годы исследования аргументировано и на большом количестве примеров доказывают, что в официальной печати имели место значительное искажение фактов, дат, цифр в угоду той или иной идеологической необходимости. Во многих публикациях, особенно касавшихся демократического движения и его представителей или чем-либо не угодивших властям людей, допускались неточное цитирование, изменение смысловых ударений, использование выдернутых из контекста фраз, искажение или прямая подтасовка фактов деятельности и биографии. Все подобные публикации носили преимущественно эмоционально-идеологический, а не историко-аналитический характер.

Комплексом неподцензурных материалов являлись самиздат, а затем и альтернативная печать. Она выступила в качестве важнейшего источника, отличавшегося плюрализм общественных мнений. При этом печать такого рода не только освещала и иллюстрировала позиции разнообразных общественных движений и групп, но и существенно дополняла факты, излагаемые официальной прессой.

Использовать материалы альтернативной печати как источник очень трудно. Можно встретить целый комплекс проблем, связанных с нахождением, отслеживанием и хранением многочисленных и быстро расходившихся изданий, особенно малотиражных. Другой

комплекс проблем связан с информативностью, осведомленностью и достоверностью независимой прессы. Определение этих факторов составляет значительную сложность для исследования. В отличие от официальной прессы альтернативная не проходила цензуру, а публикуемые в ней материалы, как правило, не являлись плодом деятельности коллектива профессиональных журналистов, поэтому вся опубликованная в ней информация оставалась на совести авторов. Альтернативная печать в силу своего положения и недостаточной материальной базы нередко пользовалась слухами, часто переданными из «вторых рук», непроверенными материалами зарубежной и советской, в том числе местной, печати, а также различных радиостанций. Это особенно касалось всего, связанного с промышленностью и сельским хозяйством, работой органов власти, правоохранительных служб и т.п.

Однако, несмотря на указанные сложности, альтернативная пресса остается наиболее информативным и интересным источником по развитию новых социальных движений в СССР, их взаимоотношениям друг с другом и властями, их теоретическим и программным концепциям. Подобно тому как знакомство с самиздатом 60–70-х гг. позволяет заглянуть в лабораторию идей и моделей развития общества, во многом ставших затем основой перестройки, так и анализ теоретических публикаций современной альтернативной прессы позволяет не только обозреть панораму мнений различных общественных слоев и групп, но и зафиксировать развитие идей, которым, возможно, суждено стать главенствующими на дальнейших этапах развития общества.

При источниковедческом исследовании газет, наряду с общими методами источниковедения, необходимо сформировать систему особых методов, поскольку в газете публикуется различный по жанру, происхождению, разновидностям материал. Значит, подход должен быть дифференцированным. Одно дело официальная, так сказать безусловная, информация: законы, постановления властей, правительственная хроника и пр. И другое дело захватывающие своей интригой репортажи, сенсационные разоблачения, фантастические открытия и прочие материалы, в которых возможность искажения фактов очень вероятна. Или, например, такой массовый вид источника, как письма в газеты, сравнительно легко может быть классифицирован по тематике, и тем самым в анализе этого материала можно применять количественные методы (Коробейников В.С. Пресса и общественное мнение, М.: Наука, 1986. С. 57). Вместе с тем публицистика требует преимущественно сугубо индивидуального подхода в каждом отдельном случае.

Подводя итог, добавим, что для изучения политической истории, общественного сознания, истории культуры газеты — важнейший и незаменимый источник. Даже газетная ложь — показатель культурного развития общества, уровня его цивилизации.

П.П. ПЕТУХОВ

ТРАКТОВКА СИБИРИ КАК КОЛОНИИ У КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ОБЛАСТНИКОВ

Идеи сибирского областничества в последнее время приобретают новых сторонников, которые для обоснования своих взглядов ссылаются на труды основоположников классического областничества — Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина и др. Одним из основных пунктов областнической доктрины (если о таковой вообще можно вести речь) является представление о Сибири как колонии России. Но сам термин «колония» может пониматься неоднозначно. Наиболее общеупотребительно в настоящий момент следующее определение: «Колонии при капитализме — страны и территории, находящиеся под властью иностранного государства (метрополии), лишенные политической и экономической самостоятельности, управляемые на основании специального режима» (Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 12. М., 1973. С. 447).

Именно так трактуют «колониальный» статус Сибири современные «неообластники». Например, Ю. Пронин называет Сибирь «внутренней колонией», поскольку «формально… сибирские регионы являются составной и полноправной частью Российской Федерации», на практике же они «давно стали объектом нещадной эксплуатации и получения прибыли в интересах других территорий и групп населения» (Байкальские вести. 2004. 15 апр.). В связи с этим выдвигаются требования «особого статуса» Сибири, ее широкой автономии, а в перспективе — независимости. По мнению М. Зимина, такая перспектива становится возможной в качестве реакции на централизаторскую политику действующей власти. Еще более радикальную трактовку термина «Сибирь как колония» дает Д. Верхотуров. Он уделяет основное внимание тому факту, что Сибирь была завоевана русскими, причем роль народа здесь была незначительна (Верхотуров критикует классических областников за их концепцию крестьянской колонизации). Таким образом, Россия является агрессивным

государством, а Сибирь — оккупированной территорией, имеющей полное право на независимость.

Терминологическая неточность приводит к превратному пониманию ряда исторических концепций, в том числе и концепции сибирских областников. Преодолев модернизированную трактовку термина «Сибирь как колония», мы увидим существенные отличия в идеологии классических областников и их современных «последователей». Для этого нужно в первую очередь обратиться к анализу основополагающего областнического текста — книги Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония».

Для понимания того значения, в котором Ядринцев понимает термин «колония», надо обратить внимание на его слова, что сама Россия «похожа скорее на огромную колонию между Востоком и Западом» (Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 432). Ясно, что слово «колония» здесь употребляется не в значении «зависимая территория», а в том смысле, что данная территория активно осваивается и заселяется. Эпиграфом к книге взяты слова Адама Смита: «Колонии просвещенного общества, утверждающиеся в безлюдной и малонаселенной стране, скорее всякого другого человеческого общества двигаются к богатству и благосостоянию». Именно так понимается и «колониальный» статус Сибири — для Ядринцева проблема не в том, что Сибирь является колонией (это для нее на данный момент естественный статус), а в неумении или нежелании государственной власти решать ее насущные проблемы.

Весьма существенное внимание в книге уделено переселенческому вопросу. Именно «вольно-народная» колонизация, по мнению Ядринцева, сыграла определяющую роль в освоении Сибири. Государство только «утилизировало и регламентировало» ее, создавало «вехи и колья, межи и план для колонизации», а народ осуществлял этот «план», заполняя эту «сетку» «живым материалом» (Там же. С. 154). В целом же правительство только мирилось с вольной колонизацией, которая в значительной степени опережала государственную: крестьяне переселялись к самым границам и даже переходили их, поселяясь в китайских владениях. Таким образом, Ядринцев видел в русской колонизации в первую очередь «натурально-исторический» процесс, а не государственную политику.

Стоит отметить, что еще в воззвании «Патриотам Сибири» (1865 г.) говорилось: «Сибирь более чем прочие части империи прочувствовала всю тяжесть монархического гнета, всю силу притеснений и оскорблений, наносимых народу от ее самовластных правителей. С самого начала наша страна, будучи завоевана нашим народом для создания в ней независимой и свободной жизни, была беззаконно захвачена в

руки жадных к обладаниям московских царей и самовольно присвоена ими вместе с народом». Таким образом, роль народа в колонизации Сибири подчеркивалась уже тогда, а «московские цари» выступали в качестве некоей внешней силы, враждебной народу. Очевидно, что в такой трактовке не было ничего специфически «сибирского», она была вполне в духе революционного народничества.

По мнению Ядринцева, колонизация не только позволяла России закрепить за собой завоеванные территории, но имела и «важное экономическое значение» — подъем благосостояния народа, спасение от аграрного перенаселения и «накопления пролетариата». Распространенную точку зрения, что миграция лишает губернии Центральной России дополнительных рабочих рук, Ядринцев отвергал, подчеркивая, что разговоры о «недостатке рабочих рук» — следствие низкой цены рабочей силы в перенаселенных губерниях, которая выгодна только помещикам. Он отмечал, что колонизация не может рассматриваться с точки зрения интересов той или иной социальной группы, заинтересованной в конкуренции между рабочими, равно как и с точки зрения интересов отдельных регионов, что «она есть дело самих лиц, чувствующих потребность в выселении, и дело государства, которое от этого не проигрывает, а, напротив, выигрывает, получая, вместо разоренных пролетариев, зажиточных производителей» (Ядринцев. Указ. соч. С. 149). Ядринцев, безусловно, не считал колонизацию панацеей от всех социальных зол, считая ее паллиативной мерой. Тем не менее, он активно призывал государство уделять максимум внимания нуждам переселенцев, посвящая этому вопросу огромное количество материалов в газете «Восточное обозрение», где описывалось их тяжелейшее положение, обнищание, долги.

Ядринцев видел в Сибири ряд преимуществ: помимо большого резерва земель, это отсутствие здесь частной собственности на землю, а значит, предварительных условий, которые мог бы поставить перед переселенцами землевладелец, и наличие общинных традиций, которые «новым странам», по его мнению, приходится вырабатывать самостоятельно. В то же время Ядринцев резко критиковал «штрафную колонизацию», то есть ссылку в Сибирь уголовных преступников, которая оказывала деморализующее влияние на местное население и отрицательно сказывалось на хозяйстве. Он подвергал критике и хищническое, нерациональное разграбление природных богатств, в том числе развитие в Сибири такой отрасли, как золотопромышленность. Все это, по его мнению, мешало «правильному» развитию сибирской экономики: от земледелия к созданию местной обрабатывающей промышленности.

Говоря о «процессе сибирских сепаратистов», А.В. Старцев подчеркивает: «Власти и слышать не хотели о каких-то особых интересах Сибири, утверждая, что это всего лишь Азиатская Россия, а сибиряки — те же русские, живущие за Уралом» (Старцев А.В. Homo Sibiricus // Земля Сибирь. 1992. № 5–6. С. 60). Но парадокс в том, что именно центральная власть не рассматривала Сибирь как полноправную часть Российского государства, областники же, при всем своем «сепаратизме», выступали именно за уравнение в правах Сибири с западными губерниями России, включая введение земств и новых судов, создание университета и т.д.

В целом можно утверждать, что основным элементом областнической идеологии был не «сепаратизм», не стремление во что бы то ни стало получить независимость от России, а стремление к развитию экономики Сибири, сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности, к освобождению от эксплуатации крупным капиталом — не только столичным, но и местным. На мой взгляд, следует согласиться с внешне парадоксальным утверждением А. Ильина, что «по мере укрепления сталинского режима начали обретать реальность заветные мечты сибирских областников о собственной индустрии без рыночной экономики» (Экономика и жизнь — Сибирь. 1998. № 15. Июль. С. 16). Действительно, именно в ходе двух этапов индустриализации советского времени (1920–1930-е и 1950–1970-е гг.) был в значительной степени преодолен колониальный статус Сибири — не через отделение, а через максимальную интеграцию Сибири в общесоюзную систему народного хозяйства. В то же время, по мнению А. Ильина, «наследники областников отступили от главных заповедей доктрины… получив мизерные средства от центральных ведомств, неообластникам пришлось терпеть окрики наркоматовских чиновников, мириться с нищетой и бесправием населения, закрыть глаза на рабский труд каторжан и ссыльных» (Там же). Однако через трудный процесс отказа от иллюзий «либертарного» (антиэтатистского) социализма, характерного для народнической интеллигенции, пришлось пройти не только сибирским областникам.

В настоящее время «сибирский сепаратизм» не имеет сколько-нибудь глубоких корней в обществе. В обычных условиях он может использоваться некоторыми группами региональной элиты в качестве «жупела» для федерального центра и отчасти в популистских целях на региональных выборах (примеры — блок «Наши» в Красноярском крае и «За Родное Приангарье» в Иркутской области). Определенные перспективы современное «областничество» может приобрести только в случае серьезных политических катаклизмов на

общероссийском уровне. Но в любом случае его связь с историческим, «классическим» областничеством остается на данный момент скорее декларативной, чем сущностной.

А. СТЕПАНОВ

ТЕМА ВОЙНЫ — ТЕМА ЖИЗНИ
Обзор трудов профессора И.И. Кузнецова в фондах научной библиотеки ИГУ

9 мая 2005 г. наша страна праздновала 60-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В этом же году отмечалось 80-летие со дня рождения Ильи Иннокентьевича Кузнецова — профессора, доктора исторических наук, академика Академии гуманитарных наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, известного сибирского историка, посвятившего всю свою сознательную жизнь изучению истории Великой Отечественной войны.

Началом цикла мероприятий, посвященных 80-летию со дня рождения И.И. Кузнецова было дано на научной конференции исторического факультета Иркутского государственного университета. 4 мая 2005 г. в Иркутском Восточно-Сибирском институте МВД проходила также научная конференция «Силовые структуры России и военные конфликты» в преддверии 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. На ней научное творчество И.Кузнецова представил доктор исторических наук, профессор ИГУ Ю.А. Петрушин в докладе «Илья Иннокентьевич Кузнецов — историограф Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В нем был дан краткий историографический обзор научных исследований профессора И.И. Кузнецова, подводящий предварительные итоги его научного творчества.

Завершающим этапом мероприятий посвященных 80-летию со дня рождения И. Кузнецова стало проведение с 25 октября по 15 ноября 2005 г. в научной библиотеке Иркутского государственного университета выставки «Тема войны — тема жизни». Выставку подготовил Центр научной и деловой информации, оформлением занималась библиограф научной библиотеки С.Ю. Дончева. Во время проведения выставки для студентов исторического факультета были запланированы лекции — обзоры по представленным экспонатам, также проводились беседы со студентами.

Творческая жизнь И.И. Кузнецова как историка-исследователя — это работа над научными исследованиями, монографиями и коллективными трудами. Илья Иннокентьевич за свою творческую жизнь опубликовал огромное число научных работ, которые были известны далеко за пределами нашей страны. Организаторы выставки разместили в трех витринах материал о жизни историка, разделив экспозицию на семь глав: первые публикации; советско-монгольское боевое содружество; основные работы; Герои Советского Союза — сибиряки; статьи, обзоры, рецензии; генеральские судьбы; материалы из личного архива.

В первой главе «первые публикации» были представлены статьи, которые впоследствии стали основой для работы над диссертацией, раскрывающие начало формирования Иркутско-Пинской дивизии, данные о ее первом командире В.К. Блюхере.

Вторая глава «Советско-монгольское боевое содружество» основана на работах освещающих тесную связь советских воинов с монгольским народом, описывающая сражения у реки Халхин-Гол, о героях и их подвигах. На выставке была представлена первая зарубежная работа автора, которая вышла в Монголии, брошюра «Герои Халхин-Гола».

Отдельно были представлена 500 страничная кандидатская диссертация на тему «30-я Иркутская дивизия в годы гражданской войны из истории Советской армии» и главная монография, вышедшая в 1974 г. «Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945», а также книга «Память» состоящая из 9 томов. Это итог кропотливой работы И.И. Кузнецова и его коллег, публиковавшаяся в 1990–1999 гг. Источником для разработки книги «Память» послужили данные райвоенкоматов, похоронные бумаги родственников погибших, их письма, другие материалы. В этих книгах были указаны фамилии и имена десятков тысяч погибших иркутян, места призыва и гибели, а также где они воевали.

Фундаментальные исследования И.И. Кузнецова о жизни и подвиге Героев Советского Союза — сибиряках — были представлены в следующей главе. В основу этой главы легли книги «Золотые Звезды иркутян», «Золотые Звезды Алтая», «Герои Советского Союза Кузбасовцы», «Амурская слава», свидетельствующие о том, что исследования автора выходили далеко за пределы Иркутска и Иркутской области. Большой интерес представляет двухтомный справочник о героях СССР. Как известно И.И. Кузнецов был приглашен Институтом военной истории для работы над этой книгой, для которой он подготовил более 800 биографических справок (одну пятнадцатую

часть всей книги). В справочнике были указаны подробные данные о героях — сибиряках, героях Халхин-Гола и Хасана, Испании и Китая, часть героев советско-финской войны.

В главе «Статьи, обзоры, рецензии» демонстрировались материалы о научно-исследовательской работе, статьи об Иркутской области, коллективный труд сибирских ученых пятитомник «История Сибири», ставший крупным событием в отечественной историографии, получивший Государственную премию СССР. Илья Иннокентьевич подготовил для «Истории Сибири» разделы по истории гражданской и Великой Отечественной войны, вошедшие в пятый том. Также он принимал участие в работе над четвертым томом.

«Генеральские судьбы» так назвали авторы выставки главу, в которую вошли книги о командном составе высшего армейского звена. Благодаря картотеке из более 30 тыс. имен генералов Красной Армии, которую Илья Иннокентьевич вел с 1962 г., им были выпущены книги «Командармы Великой Отечественной войны», «Маршалы, генералы и адмиралы 1940 г.», «Советский генералитет». Для Иркутской общественности большой интерес представляла книга «Генералы земли иркутской», в которой была освещена жизнь и деятельность 33 генералов, а о 27 даны библиографические справки с портретами. Книга получила хорошие отклики общественности.

В главе «Материалы из личного архива» были собраны статьи о самом И.И. Кузнецове. Здесь дана работа Р.З. Хафизова «Учитель и школа Сибири в годы Великой Отечественной войны», «Прибайкалья знатные люди» Р.А. Шерхунаева, А. Богданова «В пламени и славе» рассказывающие о жизни и творчестве историка. К сожалению, объем выставки не смог вместить все материалы, над которыми И.И. Кузнецов работал всю свою творческую жизнь.

Научное творчество профессора И.И. Кузнецова довольно объемное. За годы своей творческой деятельности им были опубликованы свыше 260 научных работ. Наряду с военными темами, он интересовался историей промышленности, сельского хозяйства и транспорта в Сибири. Знакомясь с его творческой и научной деятельностью, поражаешься удивительной трудоспособности исследователя, широте и глубине затронутых проблем. Его труды и научно-педагогическая деятельность — достойный вклад в изучение отечественной истории.

А.И. ТИМОШЕНКО

НАУЧНАЯ РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА: КОНЦЕПЦИИ И РЕШЕНИЯ

В XX столетии в России накоплен значительный опыт в организации научных исследований по различным направлениям приоритетных социально-экономических проблем. Крупнейшая из них — развитие Ангаро-Енисейского региона в Сибири. Эта территория, равная размещению сразу нескольких европейских государств, обладает исключительно высокой степенью концентрации природных ресурсов. Здесь сосредоточена треть всех экономически эффективных для использования гидроэнергетических ресурсов страны, около 25% годового стока всех рек, свыше 30% запасов хвойной древесины, находятся крупные месторождения угля, нефти, слюды, руд железных и цветных металлов, золота, магнезита и других полезных ископаемых.

Интерес к региону проявился примерно 100 лет назад. Первые научные исследования организовывались в начале 1920-х гг. в рамках разработки планов ГОЭЛРО, в которых обосновывалось значение Ангары как крупного источника электроэнергии. В 1930-е гг. комплексные исследования бассейнов Ангары и Енисея вошли в первые пятилетние планы развития народного хозяйства СССР. В 1931 г. по инициативе акад. И.Г. Александрова создано специальное Ангарское бюро под руководством В.М. Малышева. Социально-экономические проблемы проекта разрабатывал Н.Н. Колосовский. В результате в апреле 1931 г. на Первом научно-исследовательском съезде Восточной Сибири в Иркутске широко обсуждалась гипотеза индустриализации Восточно-Сибирского края на базе использования гидроэнергии Ангары. На первом этапе реализации программы намечалось создание Прибайкальского промышленного комплекса в районе Иркутска и Черемхово, затем планировалось интенсивное энергетическое и промышленное строительство в более северных районах. Стратегическая идея поэтапного освоения Ангаро-Енисейского региона заинтересовала не толь-ко ученых и специалистов, но и государственное управление. В 1932 г. в Москве на Первой Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Ангаро-Енисейская проблема обсуждалась в качестве следующей после создания Урало-Кузнец-

кого комбината основной задачи перспективного развития восточных районов страны. Для дальнейшей разработки Ангаро-Енисейской программы эта конференция имела огромное значение, т.к. ее решения стали по существу концепцией долгосрочного социально-экономического развития Ангаро-Енисейского региона, не потерявшей своей актуальности до настоящего времени.

Ангаро-Енисейская проблема в 1930-е гг. обсуждалась с точки зрения трех ее основных составляющих: энергетики, развития химии и цветной металлургии. Причем отмечалось, что ориентация на энергоемкие производства учитывает дефицит трудовых ресурсов в регионе. Расчеты, приводившиеся на конференции 1932 г., показывали, что использование электроэнергии ангаро-енисейских ГЭС для размещения традиционных отраслей с большим количеством занятых потребовало бы в 2,5 раза большей численности работников, чем вариант создания энергоемких производств. К 1940 г. планировалось завершить строительство нескольких крупных предприятий Ангарстроя. Однако по ряду объективных и субъективных обстоятельств планы реализации Ангаро-Енисейской программы отодвинулись. К решению проблемы вернулись во второй половине 1940-х гг. В 1947 г. состоялась в Иркутске конференция о развитии производительных сил области, на которой обсуждался широкий спектр вопросов комплексного развития гигантского Восточно-Сибирского края. В конференции приняло участие 500 представителей центральных, уральских, сибирских научных и проектных организаций, ведомств и учреждений. Обсуждалось развитие не только промышленности, но и транспорта, лесного и сельского хозяйства, вопросы градостроительства, развития социальной сферы. Конференция имела одновременно научное и практическое значение. Вырабатывались стратегические представления социально-экономического преобразования еще малообжитого региона Сибири на базе самой передовой науки и техники, обсуждалась идея создания единой энергетической системы страны, начало формирования которой в восточных районах связывалось с решением Ангаро-Енисейской проблемы.

Реализация намеченных планов началась с сооружения сравнительно маломощной Иркутской ГЭС. Время подтвердило целесообразность такого подхода. Создание первого по программе индустриального комплекса в относительно освоенном районе Сибири стало своеобразным опытом научно-технической, проектной и строительной подготовки для более сложных решений программы, предусматривавшей строительство мощных объектов в северных малообжитых районах с экстремальными климатическими условиями.

В 1956 г. Иркутская ГЭС вступила в эксплуатацию, в июне 1959 г. перекрыто русло Ангары в створе Братской ГЭС. В ноябре 1961 г. пущена первая Братская гидротурбина, начато строительство более мощных Красноярской, Усть-Илимской, Саяно-Шушенской ГЭС. В дальнейшем по мере реализации Ангаро-Енисейской программы разработка проектов социально-экономического развития стала происходить в рамках формирования системы ТПК. Так, после Иркутско-Черемховского комплекса вокруг Иркутской ГЭС в 1955–1980 гг. сформировался самый результативный Братско-Усть-Илимский, затем Центрально-Красноярский, Саяно-Шушенский, проектировались Канско-Ачинский, Нижне-Ангарский.

Социальная практика доказывала целесообразность комплексного подхода. В Сибири это выразилось в значительной экономии времени, средств и ресурсов в деле хозяйственного освоения новых территорий, преимуществах территориальной кооперации между южными и северными районами. На примере формирования системы Ангаро-Енисейских ТПК удалось выявить, что южные районы могут стать опорной базой для создания материально-технического и кадрового потенциала в северных районах. Позднее эти концептуальные решения воплотились в научное обоснование экспедиционно-вахтового метода при освоении экстремальных районов Крайнего Севера Сибири при разработке нефтегазовых месторождений.

Е.Ю. ШАПОВАЛ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕТОДАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

К своему прошлому люди обращаются не от праздного любопытства, а в силу необходимости лучше познать современность, которая является результатом длительного исторического развития, воплощением преемственности общественного процесса. Отсюда вытекает возрастающий во всем мире интерес к гуманитарному знанию, способному прояснить понимание человека и его места в истории, его возможности влиять на социальную действительность и условий, обеспечивающих эффективность и плодотворность этого влияния.

Основные понятия истории, как и любой другой науки, не являются чем-то «застывшим» и «окостеневшим», раз навсегда данным

и навечно определяющим ее существенное содержание и свойственные ей способы познания. В отличие от конкретно-исторических фактов и концепций, подверженных быстрому обновлению, методы исследования отличаются наибольшей «живучестью». При этом до недавнего времени в отечественной литературе отсутствовала сколько-нибудь стройная классификация методов исторического познания. Одни авторы называли среди них: ретроспективный, сравнительный и т.д. другие исследователи, предпочитали говорить в целом об «историческом методе», рассматривая его в качестве конкретизации общего мировоззренческого метода в области исторического познания (Сычева Л.С. Современные процессы формирования наук. Новосибирск, 1984. С. 14).

Ситуация решительно изменилась в 1987 г., когда академик И.Д. Ковальченко опубликовал книгу «Методы исторического исследования». Автор более тридцати лет успешно занимался изучением этой проблемы. Его монография — фундаментальный труд, в котором впервые в отечественной литературе дается систематическое изложение основных методов исторического познания.

К числу основных методов исторического познания Ковальченко И.Д. относит (Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 169–180): *историко-генетический; историко-сравнительный; историко-типологический; историко-системный*.

Историко-генетический метод относится к числу наиболее распространенных в исторических исследованиях. Суть его состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения. Этот метод позволяет в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта исследования. При этом историческое явление отражается в наиболее конкретной форме. Познание идет последовательно от единичного к особенному, а затем — к общему и всеобщему. По природе генетический метод является аналитически-индуктивным, а по форме выражения информации — описательным. Генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи, закономерности исторического развития в их непосредственности, а исторические события и личности охарактеризовать в их индивидуальности и образности.

Примером великолепного воплощения историко-генетического метода может служить монументальный труд В.О. Ключевского (1841–1911) «Курс русской истории» который явился для автора подведением итогов его научной работы и куда он вложил свои огромные теоретические и конкретно-исторические познания. Ключевский дал

периодизацию русской истории, определил факторы, определяющие ход ее развития, дал яркие характеристики представителям царский власти, в которых была и сдержанная усмешка, и острая критика. Труд Ключевского В.О. был неизмеримо выше всех других попыток изложения русской истории как единого целого. И это явилось плодом реализации историко-генетического метода.

Историко-сравнительный метод давно применяется в исторических исследованиях. Он основывается на сравнениях — важном методе научного познания. Объективной основой для сравнения является то, что прошлое представляет собой повторяющийся, внутренне обусловленный процесс. Многие явления тождественны или сходны внутренней сутью и отличаются лишь пространственной или временной вариацией форм. А одни и те же или сходные формы могут выражать разное содержание. Поэтому в процессе сравнения и открывается возможность для объяснения исторических фактов, раскрытия их сущности. Эту особенность сравнительного метода впервые воплотил древнегреческий историк Плутарх в своих «жизнеописаниях». Правда, этот метод Плутарх, использовал не для исторических сообщений, а для моральных выводов. Тем не менее, его сравнение портретов политических и общественных деятелей того времени, их достаточно глубокие и яркие характеристики положили начало использованию сравнительного метода в исторических сочинениях.

Историко-типологический метод, как и все другие методы, имеет свою объективную основу. Она состоит в том, что в общественно-историческом процессе, с одной стороны, различаются, с другой, — тесно взаимосвязаны единичное особенное, общее и всеобщее. Поэтому важной задачей познания исторических явлений, раскрытия их сущности становится выявление того единого, которое было присуще многообразию тех или иных сочетании индивидуального (единичного). Прошлое во всех его проявлениях — непрерывный динамический процесс. Он представляет собой не простое последовательное течение событий, а смену одних качественных состоянии другими, имеет свои существенно отличные стадии, выделение этих стадии также является важной задачей в изучении исторического развития.

Примером типологии исторических явлении может служить марксистская концепция революций. Теория революции преследует цель выявить общее в единичном, с одной стороны, и выделить стадиальное в революционном цикле, с другой. Для типологизации революции, как известно, использовалось выделение таких существенных

признаков, как цели и программы участников движения, формы и методы борьбы, итоги революции. На основе этих признаков строились типология революций, их деление на буржуазные, буржуазно-демократические и социалистические.

Историко-системный метод получает все более широкое распространение в работах историков. Это обусловлено углублением исторических исследовании как с точки зрения целостного охвата изучаемой реальности, так и с точки зрения раскрытия внутренних механизмов функционирования общественных систем. Основой применения данного метода в истории является единство в общественно-историческом развитии единичного, особенного и общего. Реально и конкретно это единство выступает в исторических системах разного уровня. Функционирование и развитие обществ включает и синтезирует те основные составные компоненты, из которых складывается историческая реальность. К этим компонентам принадлежат отдельные неповторимые события (скажем, рождение Наполеона), исторические ситуации (например, великая французская революция) и процессы (влияние идеи и событий Французской революции на Европу). Очевидно, что все названные события и процессы не только казуально обусловлены и имеют причинно-следственные связи, но и взаимосвязаны между собой функционально. Задачей системного анализа, к которому относятся структурный и функциональный методы, состоит в том, чтобы дать цельную комплексную картину прошлого. Изучаемая система (в нашем случае эпоха Великой Французской революции) рассматривается не со стороны ее отдельных аспектов и свойств, а как целостная система.

Как уже упоминалось, в исторических исследованиях все более заметное место занимают методы, заимствованные из других наук, не только общественных, но и естественных. Причем особенно бурно это заимствование идет в настоящее время, проявляясь, прежде всего в широком привлечении новейших математических методов, связанных с современной компьютерной техникой и информационными технологиями. В настоящее время информация превратилась в глобальный неистощимый ресурс человечества, которое вступает в новую эпоху развития цивилизации. Эту эпоху принято сейчас называть информационной. Наука и информационные технологии вторгаются не только в социальную, но и в индивидуальную жизнь человека, существенно преобразуя ее, подчиняя новым, не известным ранее стандартам и структурам. Информационная свобода является сегодня важнейшим условием свободы творчества.

Собственно компьютерные методы и технологии в исторической науке могут использоваться в разных целях и на разных этапах работы. Компьютер может быть незаменимым помощником исследователя, создающего «электронные копии» имеющихся документов (статистических, нарративных, изобразительных) для хранения и поиска необходимой ему информации. Здесь акцент делается на совершенствовании информационного обеспечения исследования, проводимого, возможно, в традиционном русле, с преобладанием описательного подхода. В других ситуациях компьютер может служить аналитическим инструментом, с помощью которого решается та или иная исследовательская задача. Подобные ситуации возникают, как правило, в таких областях научных исследований, где существуют достаточно разработанные теоретические концепции, сформировался развитый категориальный аппарат.

Сегодня с уверенностью можно говорить о том, что процесс математизации истории приобрел необратимый характер, равно как и о том, что в целом этот процесс является научно плодотворным. Использование математических методов привело к расширению горизонтов исторического познания, возрастанию его достоверности и эффективности. С их помощью получены такие результаты, которых было невозможно достичь при помощи традиционной методики. Количественные методы все шире привлекаются в изучении политической и культурной истории, истории идей и т.д. использование ПК и специфического ПО, ресурсов глобальной сети интернет становиться все более привычным атрибутом деятельности историка, а историческая информатика — специальная область знаний, стремительно развивающаяся в нашей стране включена ныне в учебные планы исторических факультетов.

Бурное развитие математики в историю, конечно, не является чем-то случайным. Оно обусловлено закономерностями развития самой исторической науки. Углубляющееся изучение внутреннего механизма исторической жизни общества уже не может довольствоваться общими, приближенными оценками связи тех или иных ее сторон. Усложнение исследовательской задач требует совершенствования методики работы с источниками, более полного извлечения и использования содержащейся в них информации. Использование же новейшего программного обеспечения позволяет создавать свои работы не только профессиональным программистам, как это было на первоначальном этапе, но и обычным историкам исследователям, которые с помощью данных работ могут делать выводы на качественно новом уровне.

В завершения статьи хотелось бы процитировать изречение одного из основоположников отечественной информатики академика В.М. Глушкова «Человек, который в начале XXI в. не будет уметь пользоваться этой информацией, уподобится человеку начала XX в., не умевшему ни читать, ни писать».

Ж. ЦЭЦЭГМА

ПРОБЛЕМЫ БУДДИЗМА В ТРУДАХ ЦЫБЕНА ЖАМЦАРАНО

Один из лидеров бурятского национального движения, видный государственный деятель Монголии 1920-х гг., крупный ученый-востоковед Цыбен Жамцарано придерживался своеобразных взглядов в отношении буддизма, воспринимая его, прежде всего, с научной точки зрения. В то же время он хотел очистить его и возродить, приспособив к революционной эпохе. Эта идея присутствует в его трудах 1920-х — начала 1930-х гг. В этой связи анализ его публикаций рассматриваемого периода представляется актуальным.

В 1925 г. Ц. Жамцарано подготовил статью «Монгольский революционный Союз Молодежи и буддизм», в которой отмечал, что «распространение и утверждение буддизма на территории Монголии сопровождалось такими полезными последствиями как освоение грамотности ранее невежественными монголами, что привело к раскрытию умственных возможностей народа, переходу к оседлости вокруг монастырей, занятости в школах при монастырях, к развитию медицины, а также способствовало приобретению таких черт, как спокойствие и терпимость вместо былой свирепости» (Намын туухийн архив. Ф.3. ХН 36). Ц. Жамцарано высказывает идею о совпадении цели и задач буддизма и МНРП, направленные на обеспечение благополучия народа. Представляется важным тот факт, что Ц. Жамсарано дает рекомендации членам партии и ревсомола «по мере возможности ознакомиться с сущностью и моралью буддизма с тем, чтобы не действовать вслепую при критике религии». В этой же статье он пишет: «С момента начала Народной революции обеспечивалась свобода вероисповедания личности, религия не притеснялась, до сих пор религия обеспечивается соответствующим уважением и защитой» (Жамсрангийн Цэвээн. Монголын Хувысгалт залуучуудын эвлэн ба Буддийн шашин // Жамсрангийн Цэвээн. Туувэр зохиолууд. Улаанбаатар, 1997. С. 32). Таким образом, уже в

середине 1920-х гг. Ц. Жамцарано выдвинул проблему взаимоотношения религии и власти.

В 1934 г. Ц. Жамцарано опубликовал в Улан-Баторе статью «Об издании Рерихом в Улан-Баторе на русском языке двух брошюр — «Основы буддизма» и «Сангха или община» в 1926 и 1927 гг.». Идея Рериха заключалась в том, что учение В.И. Ленина является продолжением учения Будды, а коммунизм есть не что иное как обновленный буддизм. В своей работе Ц. Жамцарано высказал разочарование по поводу рукописей Рериха, указав на их несостоятельность в научном плане и вредность в политическом аспекте. Он глубоко осознал, что у религиозной проповеди и у коммунистической идеи разные цели. Он подчеркивал, что буддизм направлен на упорядочение внутреннего мира личности, а теория коммунизма проповедует классовую борьбу и носит ярко выраженный политический характер. Именно в этой связи в статье поставлена задача поиска точки соприкосновения революционных преобразований с обычаями и традициями монгольского народа. Он подчеркивал, что нужно по мере возможности изучать суть и мораль своей религии и при критике религиозных дел нужно уметь различать правду от неправды. Необходимостью решения этой задачи было обусловлено появлением таких работ Ц. Жамцарано как «Декларация к народным массам» и «Специальные агитационные листы, обращенные к ламам и мирянам». Однако радикальное крыло МНРП и руководство Коминтерна посчитало эти взгляды апологетикой буддизма.

Взгляды Ц. Жамцарано опередили свое время. Особенно своевременны сегодня оценочные суждения ученого о сильных и слабых сторонах буддизма и коммунистических идей, которые он стремился приспособить для осуществления национального возрождения бурят. С одной стороны он подчеркивал, что «каждый человек имеет право на исповедание и распространение любой религии, запрещается только использование особо вредных обрядов» (Будды шашны ундсэн асууддууд. Улаанбаатар, 1927. С. 1). С другой стороны — это критическое отношение к буддизму и постановка вопросов, которые требовали из незамедлительного решения. В статье «МРСМ и буддизм» он пишет, что «религиозные обряды и жизнь многих хувараков — это совершенно разные вещи. Религиозная проповедь и обряды отличаются чистотой, а дела и действия многих хувараков противостоят государству, и являются обременительными для широких народных масс. Задача народной власти, партии и молодежного союза состоит в том, чтобы не сидеть сложа руки, а обязательно очиститься от «окружающей грязи», стремясь

ко всему чистому и светлому. А для этого нужно знать названные законы, постановления судов и рекомендации партийных и ревсомольских органов» (Жамсрангийн Цэвээн. Монголын ХЗЭ ба буддтйн шашин // Жамсрангийн Цэвээн Туувэр зохиолууд… С. 33). В этой же статье дается разъяснение партийно-государственной политики в области религии: «Поскольку у аратов появились равные права и обязанности, нужно лишить лам перерожденцев права командовать и администрировать, посягая на права представителей народа, ограничить поиски перерожденцев после их смерти, помимо этого государство должно использовать всю свою мощь для сохранения свободы, территориальной целостности страны и своей религии, для чего оно устанавливает налоги на монастырскую казну, поголовье скота и другое имущество монастырей в соответствии с общественными правилами, а также утверждает личное имущество лам и хувараков, равно как имущество. Закрепленное за монастырями, обеспечивая их защиту также, как и защиту широких народных масс» (Там же). Одновременно с этим он призывает ограничить численность лам, количество которых «составляет почти половину мужского населения страны». Более того, он призывает «для развития экономики страны и облегчения бремени полезным представляется привлечение некоторых лам к какой-нибудь производственной деятельности в качестве ремесленников и по другим специальностям, а со стороны народного правительства, партии и ревсомола требуется всякого рода помощь тем ламам, которые проявляют усердие в производственной деятельности» (Там же). Тем самым Ц. Жамцарано осуждал воинствующий атеизм радикалов. Он выступал за обновление религии, стремился приспособить ее к новым условиям, вплоть до введения предмета «Наука» в монастырских школах. По сути Ц. Жамцарано выступил с идеей «пропаганды политики партии среди широких народных масс через религию, использовав ее влияние» (Монгол ардын хувьсгалт намын VII их хурал. Улаанбаатар, 1980. С. 123).

О его научном подходе к политической ситуации в Монголии и религиозному вопросу в 1920-е гг., о его толерантности говорит тот факт, что он осуществил перевод на монгольский язык ряда работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. В статье «Монгольский революционный союз молодежи и буддизм» он прямо заявляет, что буддизм «не только не противоречит науке, скорее наоборот» (Жамсрангийн Цэвээн. Монголын ХЗЭ ба … С. 32).

Радикальные элементы, проигнорировав идеологические и научные воззрения Ц. Жамцарано, без учета социально-политическо-

го положения Монголии и ее экономического развития, фактически привели к обострению классовой борьбы, развязали войну против буддизма, встретив при этом сильное противодействие со стороны религиозных иерархов.

Таким образом, даже фрагментарный анализ трудов известного ученого востоковеда Ц. Жамцарано дает представление о его научном и одновременно с этим трепетном подходе к буддизму, стремление через обновление этого учения приобщить монгольский народ к постреволюционной реальности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Чингис Георгиевич — д.и.н., профессор кафедры истории Бурятской государственной сельхозакадемии

Андрианова Елена Александровна — аспирант ИрГУПС

Андриянов Вячеслав Владимирович — аспирант кафедры истории Бурятской государственной сельхозакадемии

Анкудинова Татьяна Валерьевна — аспирант кафедры истории России Горно-алтайского государственного университета

Аншукова Татьяна Борисовна — студентка третьего курса технологического факультета Ангарской государственной технической академии

Афанасов Олег Владимирович — к.и.н., доцент, зав. кафедрой налогов и налогообложения Усть-Илимского филиала БГУЭП

Башелханов Анатолий Юрьевич — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Большаков Александр Иванович — к.э.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ВСИ МВД России

Бушина Наталья Александровна — аспирант кафедры истории России ИГУ

Быкова Нина Николаевна — к.и.н., доцент кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Вахрушев Юрий Петрович — к.филос.н., доцент кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Власов Леонид Геннадьевич — к.и.н.

Власова Ирина Геннадьевна — аспирант кафедры истории и политологии ИГУ

Волкова Наталья Николаевна — ст. преподаватель кафедры философии и социологии Братского государственного университета

Воронцов Владислав Николаевич — к.и.н., преподаватель кафедры общественных и социально-гуманитарных наук ИВВАИУ(ВИ)

Голято Валерий Николаевич — аспирант кафедры истории России ИГУ

Голято Игорь Викторович — аспирант кафедры всемирной истории ИГПУ

Гонина Наталья Владимировна — к.и.н., доцент кафедры Красноярского государственного аграрного университета

Гончарова Ольга Александровна — д.и.н., профессор, проректор по учебной работе Горно-Алтайского государственного университета

Гузенков Сергей Васильевич — к.и.н., сотрудник ИГУ

Гузик Василий Васильевич — к.э.н., доцент кафедры экономики и управления СИПЭУ

Дадонова Наталья Анатольевна — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Дамешек Лев Михайлович — д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России ИГУ, ректор Института повышения квалификации работников народного образования

Дамешек Ирина Львовна — к.и.н., доцент кафедры отечественной истории ИГПУ

Дашинимаева Марина Юрьевна — ВСГАКИ

Делегеоз Елена Геннадьевна — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Долголюк Алексей Алексеевич — к.и.н., ст. научный сотрудник Института истории СО РАН

Донченко Оксана Николаевна — соискатель кафедры отечественной истории и политологии ИГУ

Дружинина Анастасия Васильевна — к.и.н., доцент кафедры философии, социологии и истории ИрГСХА

Дыхта А.В. — аспирант кафедры истории России ИГУ

Жамбалын Цэцэгма — к.и.н., проректор университет «Их засаг» (г. Улан-Батор, Монголия)

Жуков Сергей Михайлович — соискатель кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Забродина Ольга Викторовна — кандидат культурологии, ст. преподаватель кафедры культурологии и философии науки Красноярского государственного аграрного университета

Зуляр Юрий Анатольевич — д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории и политологии ИГУ

Иванов Андрей Константинович — адъюнкт кафедры социально-гуманитарных дисциплин ВСИ МВД России

Ильина Н.А. — главный архивист ГУ Объединенный архив Минсельхозпрода РБ

Истомина Ольга Борисовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общественных наук Ангарской государственной технической академии.

Кайгородова Наталья Васильевна — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Калашникова Светлана Ивановна — аспирант Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств

Качанов Виктор Николаевич — к.и.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук ИрГУПС

Киселев Александр Георгиевич — к.и.н., доцент, зав.кафедрой истории и политологии Югорского государственного университета

Кичеев Владимир Георгиевич — к.и.н., доцент, директор Института истории права Хакасского государственного университета (г. Абакан)

Кудашкин Вячеслав Александрович — аспирант кафедры истории и политологии Братского государственного университета

Кудряшова Альфия Рафхатовна, ст. преподаватель кафедры истории и политологии Братского государственного университета

Кудряшов Василий Васильевич — к.и.н., доцент кафедры истории и политологии Братского государственного университета.

Курас Софья Леонидовна — соискатель ИМБиТ СО РАН

Курас Татьяна Леонидовна — к.и.н., ст. преподаватель кафедры правосудия и прокурорского надзора Юридического института ИГУ

Курас Леонид Владимирович — д.и.н., профессор, консультант заместителя председателя Народного Хурала Республики Бурятия

Курышов Андрей Михайлович — к.и.н., ст. преподаватель кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Курышова Ирина Васильевна — к.и.н., зам. директора МОУ СОШ № 1 г. Шелехова

Кушнарева Маргарита Дмитриевна — к.и.н., ст. преподаватель кафедры сервиса и сервисных технологий ИГУ

Левандовская Ольга Александровна — аспирант кафедры истории России ИГУ

Левченко Ирина Владимировна — доцент кафедры теории и истории государства и права БГУЭП

Лиштованый Евгений Иванович — д.и.н., профессор, декан исторического факультета ИГУ

Лобынева Екатерина Ивановна — аспирант кафедры философии и истории Красноярской государственной архитектурно-строительной академии

Лыксокова В.Ц. — к.и.н., зам. председателя Комитета по делам архивов Республики Бурятия

Лысков Владимир Мефодьевич — к.э.н., профессор, проректор-директор Колледжа бизнеса и права БГУЭП

Майдачевский Дмитрий Ярославович — к.э.н., доцент кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Макеев Алексей Николаевич — аспирант кафедры отечественной истории ИГПУ

Мамонтова Т.А. — ст. преподаватель кафедры налоги и налогообложение филиала БГУЭП в г. Усть-Илимске

Манушкина Елена Геннадьевна — научный сотрудник Иркутского областного краеведческого музея

Миронов Роман Борисович — соискатель кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП, научный сотрудник Иркутского областного краеведческого музея

Михайлова Марина Владимировна — к.и.н., доцент кафедры истории ИрГТУ

Мунханов Владимир Александрович — аспирант кафедры истории России ИГУ

Мясников Дмитрий Александрович — аспирант кафедры отечественной истории и политологии ИГУ

Наумов Игорь Владимирович — д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории Иркутского государственного технического университета

Николаева Альбина Юрьевна — аспирант кафедры философии и истории Красноярской государственной архитектурно-строительной академии

Новиков Станислав Иванович — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Петрушин Юрий Александрович — д.и.н., профессор, зав. кафедрой современной отечественной истории ИГУ

Петухов Павел Петрович — аспирант кафедры истории России ИГУ

Покорский Владимир Ильич — доцент кафедры истории ИГСХА

Пузевич Николай Игнатьевич — к.и.н., доцент Братского государственного университета

Распопина Алена Александровна — к.и.н., ст. преподаватель кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Решетнев Игорь Александрович — преподаватель кафедры общеинженерных наук ВСИ МВД России

Русаков В. Б. — аспирант ИрГУПС

Савчук Наталья Васильевна — к.и.н., доцент кафедры общественных наук Ангарской государственной технической академии

Семина Снежана Александровна — к.и.н., доцент кафедры философии и гуманитарных наук Восточно-Сибирского института экономики и права

Сечейко Ольга Юрьевна — к.и.н., доцент кафедры философии и гуманитарных наук ВСИЭП

Сивер Сергей Викторович — соискатель кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Сивкова Анастасия Викторовна — аспирант кафедры истории России ИГУ

Синиченко Владимир Викторович — д.и.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ВСИ МВД России

Степанов А. — соискатель кафедры современной отечественной истории ИГУ

Ступин Павел Павлович — к.и.н., доцент кафедры отечественной истории ИГПУ

Суш Сергей Петрович — полковник внутренней службы, начальник Управления федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Бурятия.

Таболенко Николай Александрович — аспирант кафедры современной отечественной истории ИГУ

Тимошенко А.И. — аспирант (г. Новосибирск)

Тищенко Ольга Валентиновна — к.и.н., ст. преподаватель кафедры правоведения Братского государственного университета

Третьяков Валерий Валерьевич — к.и.н., доцент, докторант кафедры истории и политологии ИГУ

Третьяков Валерий Григорьевич — д.и.н., профессор кафедры философии и социальных наук ИрГУПС

Трусевич Елена Владимировна — к.э.н., доцент Братского государственного университета.

Фомина Юлия Анатольевна — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Хабарова Татьяна Владимировна — аспирант кафедры гуманитарных и социально-экономических наук ИрГУПС

Худаков Дмитрий Борисович — ген. директор СКК «Поддержка Иркутск», соискатель кафедры отечественной истории и политологии ИГУ

Цыкунов Григорий Александрович — д.и.н., профессор, декан факультета конституционного и международного права БГУЭП

Цыремпилова И.С. — к.и.н., зав. кафедрой историко-культурного наследия ВСГАКИ

Черненко Оксана Олеговна — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Черных Владимир Васильевич — д.и.н., профессор, зав.кафедрой социально-гуманитарной подготовки ВСИ МВД РФ

Чикишева Анна Николаевна — аспирант кафедры истории России ИГУ

Шалак Александр Васильевич — д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории, экономических и политических учений БГУЭП

Шалак Татьяна Васильевна — к.и.н., доцент иркутского филиала Российского государственного торгово-экономического университета

Шапова Любовь Васильевна — к.и.н., доцент кафедры отечественной истории ИГУ

Шаповал Евгений Юрьевич — аспирант ВСГАКИ

Шаркевич Ирина Семеновна — ведущий инспектор ГУ «Центр занятости населения г. Барнаула», аспирант Алтайского государственного университета

Шашкова Татьяна Владимировна — аспирант кафедры истории, экономических и политических учений БГУЭП

Шободоев Владимир — аспирант кафедры конституционного и административного права БГУЭП

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 3

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Дамешек Л.М. Генерал-губернаторский корпус азиатской России ... 4
Зуляр Ю.А. Аграрная политика центральной и региональной власти в трансбайкальской интерпретации: двадцатилетие разочарований и парадоксов 11
Качанов В.Н. Буряты прибайкалья в составе России: эволюция административно-территориального устройства 24
Лысков В.М. Налоговая политика государства в отношении частной золотопромышленности (XVIII–в начале XX вв.) 36
Майдачевский Д.Я. Леонид Семенович Личков (1855–1943) – исследователь сибирской общины 48
Цыкунов Г.А. Реформы в российской истории 64
Шалак А.В. Социальные проблемы спецпереселенцев Восточной Сибири (1940-е–конец 1950-х гг.) 71

ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В XVII–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Андреев Ч.Г. О товарном направлении скотоводства коренных народов Восточной Сибири во второй половине XIX–начале XX вв. 84
Андриянов В.В. Оленеводство у малых коренных народов Забайкалья в XIX–начале XX вв. 87
Большаков А.И., Кушнарева М.Д. Пушной промысел в северо-восточной Сибири в конце XIX–начале XX вв. 90
Быкова Н.Н. «Свободное время» каторжан Александровского централа в начале XX в. 93
Голято В.Н. Забайкальское казачье войско в годы военных реформ во второй половине XIX в. 100
Гузенков С.В. К вопросу о проектах строительства Ангаро-Ленского железнодорожного пути в конце XIX–начале XX вв. 104
Дамешек И.Л., Левандовская О.А. Сибирь в геополитических интересах России: уроки прошлого 110
Дружинина А.В., Шапова Л.В. Деятельность Иркутской таможни в конце XIX–начале XX вв. 114
Дыхта А.В. Законодательно-правовое регулирование экономических отношений в Сибири в 1850–1860 гг. 118
Иванов А.К. История акционерных страховых обществ в Российской империи 121

Калашникова С.И. Генезис уголовно-розыскной функции полиции в России и возникновение в ее составе сыскных частей в первой половине XIX в. 124
Кайгородова Н.В. Кадровый состав санаторно-курортной системы Байкальского региона в 1830–1980-х гг. 127
Кудашкин В.А. Социально-политическое положение малочисленных народов Российской империи в XIX–начале XX вв. 133
Кудряшов В.В. Из истории кооперативного движения в Забайкалье в начале XX в. 137
Курас С.Л. Еврейская ссылка в Восточную Сибирь (конец XIX в.): феномен преступности 141
Курас Т.Л. К вопросу о назначении и перемещении судей Иркутского окружного суда (1897–1917 гг.) 144
Курас Л.В. Эволюция уголовно-розыскной функции полиции в России и возникновение в ее составе сыскных частей в XVI– XVIII вв. 147
Курышов А.М. Реформа землеустройства бурятского населения Прибайкалья в начале XX в. в контексте геополитики 151
Курышова И.В. Образование лесничеств в Байкальском регионе в конце XIX–начале XX вв. и проблемы их функционирования.... 157
Левандовская О.А. Транссибирская магистраль: перспектива экономического развития сибирского региона или «оскудение центра» 162
Левченко И.В. Церковное право в становлении русского государства 166
Манушкина Е.Г. Принципы взаимопомощи у западных бурят в XIX–начале XX вв. 174
Мунханов В.А. Хозяйственная деятельность бурятских Степных дум в XIX в. 177
Мясников Д.А. Реорганизация режима содержания политических заключенных Нерчинской каторги в 1890 г. 181
Решетнев И.А. К вопросу об экономических правонарушениях в Восточной Сибири в дореволюционный период 185
Семина С.А. Развитие кожевенного производства Иркутской губернии в конце XIX в. 187
Сечейко О.Ю. Роль земства в попытке осуществления идей демократической революции на территории Восточной Сибири 191
Сивкова А.В. Законодательное регулирование земледельческой колонизации Сибири в XVIII–второй половине XIX вв. 194
Синиченко В.В. Чукотско-Анадырский и Охотско-Камчатский края в русско-американских торговых отношениях 196
Черных В.В. Финансирование пожарной охраны России в переходный период от империи к советам..... 200

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

Андрианова Е.А. Источники и пути формирования трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК 203
Анкудинова Т.В. Проблемы развития промышленного потенциала Горного Алтая в годы Великой Отечественной войны (на примере Горно-Алтайского кирпично-известкового завода)..... 208
Башелханов А.Ю. Основные направления реформы политической системы в период перестройки 211
Гончарова О.А. Социально-экономические процессы в 1985–1991 гг. в горном Алтае 214
Гонина Н.В. Человеческий фактор в индустриальном развитии Сибири во 2-й половине 1970-х–начале 1980-х гг. 217
Голято И.В. Общественное питание рабочего класса в годы двух первых пятилеток (1928–1937 гг.) на примере Иркутска и Красноярска..... 221
Гузик В.В., Покорский В.И. Вопросы технического обеспечения Российского сельского хозяйства во второй половине XX в. и современность 223
Дадонова Н.А. Иркутянки и их участие в решении продовольственных проблем в начале 1920-х гг. 227
Делегеоз Е.Г. Школа и партийное руководство в воспитании подрастающего поколения (на примере Иркутской области. 1937–1940 гг.) 230
Долголюк А.А., Трусевич Е.В. Тарификация и нормирования труда сибирских строителей в 1956–1970 гг. 232
Донченко О.Н. Процесс формирования производственно-технических кадров сельского хозяйства в 1920–1930-е гг. в Иркутской губернии 235
Жуков С.М. Реализация снабженческой политики в городах Восточной Сибири (1920–1930 гг.)..... 239
Кудряшова А.Р. Новые формы взаимодействия северных городов Восточной Сибири в условиях экономических преобразований второй половины 1980-х гг. 241
Лобынева Е.И. Роль музеев в развитии культуры Красноярского края (1960–1980 гг.) 244
Миронов Р.Б. Состояние кинообслуживания сельского населения Иркутской области в конце 1940-х гг. (на примере Зиминского района)..... 247
Михайлова М.В. Выставочная деятельность художников Восточной Сибири в 1970–1980-е гг. 250
Распопина А.А. Пароходство Байкальского бассейна в 20-е гг. XX в. 253

Русаков В.Б. Органы внутренних дел Иркутской области: структура и организация деятельности (1930–1950 гг.) 258
Савчук Н.В. Финансирование природоохранной сферы в Ангаро-Енисейском регионе в 1960–1990 гг. 261
Сивер С.В. Подготовка авиационных специалистов для ВВС страны в Иркутском военном авиационно-техническом училище (ИВАТУ). 1949–1970 гг. 265
Ступин П.П. Женщины в составе строительных организаций Восточной Сибири (1960–1970-е гг.) 270
Суш С.П. Структура мест лишения свободы в Бурят-Монгольской АССР в 30–40 гг. XX в. 277
Таболенко Н.А. Перестройка хозяйственной жизни городского населения Иркутской области на военный лад (по материалам газеты «Восточно-Сибирская Правда» за 1941 г.) 281
Тищенко О.В. Развитие природоохранной деятельности на предприятиях строительного комплекса Иркутской области в 1950–1980-е гг. 285
Фомина Ю.А. Динамика развития местной промышленности в районах Усть-Ордынского бурятского национального округа в 1939–1945 гг. 288
Худаков Д.Б. Организация системы советского имущественного страхования в Иркутской губернии 293
Черненко О.О. Электрификация сельского хозяйства Иркутской области (1945–1960-е гг.) 297
Шалак Т.В. История становления системы охраны труда на предприятиях алюминиевой промышленности Восточной Сибири 301

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Власов Л.Г. Сибирские приоритеты в экономике России 305
Волкова Н.Н. Федеральный центр и региональная власть: новый вектор взаимоотношений 306
Истомина О.Б., Аншукова Т.Б. Миграционные процессы и структура их причин (на примере Иркутской области) 310
Истомина О.Б. Исторические и социально-демографические условия межэтнических коммуникаций в Предбайкалье 314
Николаева А.Ю. Демографическая ситуация в России в 1990-е гг. 318
Пузевич Н.И. Военно-промышленный комплекс России 320
Третьяков В.Г., Третьяков В.В. К вопросу о предстоящем референдуме 324

Шаркевич И.С. Инвалиды на рынке труда Алтайского края: рост безработицы в 1990-е–начале 2000-х гг. 331
Шободоев В.Е. Перспективы развития автономного округа как субъекта Российской Федерации 333

ИСТОРИЯ СИБИРИ В ЛИЦАХ

Макеев А.Н. Вклад Н.В. Фомина в развитие сибирской кооперации 338
Хабарова Т.В. КВЖД в политической жизни региона. Политические и военные позиции А.В. Колчака и Д.Л. Хорвата 341
Чикишева А.Н. Н.С. Щукин и краеведческое изучение Сибири в первой половине XIX в. 348
Шашкова Т.В. Судьба художника..... 354

ЮБИЛЕЙ УЧЕННОГО И ПЕДАГОГА

Цыкунов Г.А., Шалак А.В. Профессор Леонид Владимирович Курас (к 55-летию со дня рождения) 358
Лиштованный Е.И., Наумов И.В., Петрушин Ю.А. К 50-летию профессора Сергея Ильича Кузнецова 360

МЕТОДОЛОГИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. ИСТОРИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

Афанасов О.В. Советская исправительно-трудовая политика в отечественной историографии 1990-х гг. 364
Бушина Н.А. Золотопромышленный вопрос на страницах газеты «Сибирь» 367
Вахрушев Ю.П. Предупрежден — значит защищен 370
Власова И.Г. Социальное развитие нового района освоения (методологический подход) 379
Воронцов В.Н. Историография проблемы военизации населения страны в межвоенный период 382
Дашинимаева М.Ю. К истории деятельности Сибирского Истпарта 390
Забродина О.В. Экологическое восприятие и культурные архетипы Сибири 395
Ильина Н.А. Объединенный архив министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Бурятия: нормативно-правовые основы деятельности 398
Киселев А.Г. Пространство и время сибирского предпринимательства. Рубеж XIX–XX вв. 402
Кичеев В.Г. Политические партии России в начале XX в. Ленинская классификация 404

Лыксокова В.Ц., Цыремпилова И.С. К вопросу о сохранности архивных документов в пореформенный период (на примере Забайкальской области)..... 408
Мамонтова Т.А. Местные органы самоуправления Иркутской области в последние десятилетия советской власти (историография)..... 411
Новиков С.И. Пресса как исторический источник в изучении общественно-политических процессов (к постановке проблемы)... 417
Петухов П.П. Трактовка Сибири как колонии у классических и современных областников..... 422
Степанов А. Тема войны — тема жизни 426
Тимошенко А.И. Научная разработка проблем социально-экономического развития Ангаро-Енисейского региона: концепции и решения..... 429
Шаповал Е.Ю. Современные представления о методах исторического исследования в отечественной науке 431
Цэцэгма Ж. Проблемы буддизма в трудах Цыбена Жамцарано..... 436

Сведения об авторах 440

Научное издание

ИРКУТСКИЙ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

2006

Издается в авторской редакции

Оригинал-макет подготовлен *Т.А. Лоскутовой*

ИД № 06318 от 26.11.01.
Подписано в печать 06.03.06. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 28,3. Уч.-изд. л. 29,8. Тираж 150 экз. Заказ 3326.

Издательство Байкальского государственного университета экономики и права.
664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.